Кир Булычев

Великий Гусляр

Библиотека приключений и фантастики

Библиотека
приключений
и фантастики

Кир Булычев

Великий Гусляр

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

Минск
«Юнацтва»
1995

ББК 84(2Рос-Рус)6
Б90
УДК 882-93

Серия основана в 1983 году

Для среднего
и старшего школьного возраста

Художник
А. Ю. КОЖАНОВСКИЙ

Печатается по изданиям:
Булычев Кир. Великий Гусляр. Мн.: Юнацтва, 1987;
Булычев Кир. Глубокоуважаемый микроб, или Гусляр в космосе. М.: Юридическая литература, 1989.

Булычев К.

Б90 Великий Гусляр: Повести, рассказы: Для сред. и ст. шк. возраста / Худож. А. Ю. Кожановский.— Мн.: Юнацтва, 1995.— 464 с.: ил.— (Б-ка приключений и фантастики).

ISBN 5-7880-1055-1.

Любопытно заглянуть в будущее, лет этак на сто вперед — не правда ли? Читатель имеет эту возможность. Вместе с героями книги он совершит не одно фантастическое путешествие во времени и пространстве, окунется в мир удивительных приключений.

8820000000—025
Б ——————— Б3 100—93 ББК 84(2Рос-Рус)6
М 307(03)—95

ISBN 5-7880-1055-1

© Оформление.
А. Ю. Кожановский, 1995

Повести

МАРСИАНСКОЕ ЗЕЛЬЕ

1

Корнелий Удалов не решился один идти с жалобой в универмаг. Он спустился вниз, позвал на помощь соседа. Грубин, услыхав просьбу, долго хохотал, но не отказал и даже был польщен. Отодвинул микроскоп, закатал рисовое зернышко в мягкую бумагу, положил в ящик стола. Потом шагнул к трехсотлитровому самодельному аквариуму и взял наброшенный на него черный пиджак с блеском на локтях. Пиджаком Грубин спасал тропических рыбок от говорящего ворона. Ворон их пугал, болтал клювом в воде.

— Ты, Корнелий, не робей,— говорил Грубин, надевая пиджак поверх голубой застиранной майки.— В ракетостроении перекосов быть не должно.

Ворон забил крыльями, запросился на волю, но Грубин его с собой не взял, напротив — сунул в шкаф, запер.

Удалов подхватил большой прозрачный мешок, в котором покоилась оказавшаяся дефектной красная пластиковая ракета на желтой пусковой установке, купленная в подарок сыну Максимке, пониже надвинул соломенную шляпу и первым направился к двери.

Грубин, превосходивший Корнелия ростом на три

головы, шагал размашисто, мотал нечесаной шевелюрой, посмеивался и громко рассуждал.

Удалов шел мелко, потел и боялся, что его увидят знакомые.

Жена Удалова, Ксения, крикнула им вслед со двора:

— Без замены не являйся!

— Ну-ну,— сказал Грубин негромко.

Они пошли по улице.

Двухэтажный, большей частью каменный, некогда купеческий, а теперь районный центр, город Великий Гусляр к концу июня раскалился от затяжной засухи. Редкие грузовики, «газики» и автобусы, проезжавшие по Пушкинской улице, тянули за собой длинные конусы желтой пыли и оттого напоминали приземлившихся парашютистов.

Был второй час дня и самая жара. На улицах показывались только те люди, которым это было крайне необходимо. Потому Корнелий выбрал такое время, а не вечер. Он даже пожертвовал обеденным перерывом: надеялся, универмаг пуст и не стыдно будет поднимать разговор из-за чепуховой игрушки.

Миновали аптеку. Грубин поздоровался с сидевшим у открытого окна провизором Савичем.

— Не жарко? — спросил Савич, поглядев на Грубина поверх очков. Сам Савич был потный и дышал ртом.

— Идем на конфликт! — громко сказал Грубин.— Вменяем иск против государства!

Удалов уже жалел, что позвал Грубина. Он дернул соседа за полу пиджака, чтобы тот не задерживался.

— И вы тоже, товарищ Удалов? — Провизор обрадовался случаю отвлечься.— У вас опять неприятности?

Удалов буркнул невнятное и прибавил ходу. Головой повертел, чтобы поглубже ушла в шляпу, и даже стал прихрамывать: хотел быть неузнаваемым.

Грубин догнал его в два шага и сказал:

— Правильно он тебе намекнул. Я давно задумываюсь, как с помощью материализма объяснить, что половина всех невезений в городе падает на тебя?

— Архив покрасить пора,— уклончиво сказал Корнелий.

Грубин удивился и посмотрел на церковь Параске-

вы-Пятницы, в которой размещался районный архив.

— Твое дело,— сказал Грубин.— Ты у нас начальник.

По другую сторону улицы стоял Спасо-Трофимовский монастырь, отданный после революции речному техникуму. Дюжие мальчики на велосипедах выезжали оттуда и катили на пляж. Монастырь, в отличие от Параскевы-Пятницы, был хорошо покрашен, и купола главного собора сверкали, как стеклянные адские котлы, наполненные лавой.

— Мне твоя жена говорила,— продолжал Грубин,— что тебе в десятом классе на экзамене по истории тринадцатый билет достался и ты медаль не получил. Правда?

— Я бы ее и так не получил,— возразил Удалов.

А сам подумал: «Зря Ксения такие сплетни распространяет. Это дело старое, счеты с Кастельской, тогдашней историчкой. Если бы можно жизнь повторить сначала, выучил бы все про Радищева». Сколько лет прошло, не думал тогда, что станет директором ремстройконторы, а видел перед собой прямую дорогу вдаль.

— Я жизнью удовлетворен,— сказал Удалов твердо, и Грубин хохотнул, глядя сверху. То ли не поверил другу, то ли сам неудовлетворен.

Универмаг находился в бывшем магазине купца Титова. Купец перед самой первой мировой получил потомственное дворянство и герб с тремя кабанами: Смелость, Упорство, Благополучие. Теперь кабаны с герба осыпались, а рыцарская шляпа с перьями над щитом осталась. И купидоны по сторонам.

У входа в универмаг сидели в ряд обалдевшие от жары бабки из пригородного совхоза. Сидели с ночи — поддались слухам, что будут давать трикотажные кофточки по низким ценам.

Удалов отвернулся от бабок и боком постарался вспрыгнуть на три ступеньки. Очень хотел сделать это легко, спортивно, но споткнулся о верхнюю ступеньку и упал животом на прозрачный пакет с пластиковой ракетой.

Грубин только ахнул.

Бабки очнулись и зашептались. Ракета жалобно скрипнула и распалась, как пустой гороховый стру-

чок. Пусковая установка желтого цвета сплющилась в квадратную лепешку.

Корнелий, не смея обернуться, вскочил, взглянул дико на останки ракеты, закинул мешок за спину и, пригнувшись, вбежал в полутьму магазина.

— Ну, что я говорил? — спросил у бабок Грубин.

Те оробели от дикого вида и значительного роста Грубина и затихли.

— Задача осложняется,— сказал им Грубин и поспешил за Корнелием в нутро магазина.

Удалов передвигался по магазину медленно, будто по колено в воде. Свободной рукой растирал ушибленный бок. Так дошел до прилавка с игрушками, остановился и подождал, прислушиваясь, пока не подошел Грубин.

— Плохо дело,— сказал Грубин.— Может, пойдем домой?

— Жена,— прошептал Корнелий.

Шурочка Родионова, продавщица игрушек, ждала обеденного перерыва и читала переводную книгу Зенона Косидовского «Библейские сказания». Шурочка собиралась быть археологом и три года занималась в историческом кружке у Елены Сергеевны Кастельской, которая была тогда директором музея. Школу Шурочка кончила хорошо, но в Вологду в институт поступать не поехала: с деньгами плохо. Пошла на год в продавщицы, хотя от планов не отказалась, читала книги и учила английский язык. К девятнадцати годам стала Шурочка так хороша, что многие мужчины, у которых не было детей, ходили в универмаг покупать игрушки.

Шурочка слышала шум у дверей, но не отвлеклась — читала комментарий про ошибки автора. Только когда Грубин с Удаловым подошли вплотную, она подняла голову, поправила золотую челку и сказала: «Пожалуйста». А мысленно еще оставалась вблизи города Иерихона на Ближнем Востоке и переживала его трагедию.

Обоих посетителей она знала. Один, маленький, толстый — Удалов, директор ремконторы. Второй — длинный, колючий, лохматый — заведовал пунктом вторсырья у рынка и принимал пустые бутылки.

— Здравствуйте,— сказали посетители.

Удалов поморщился и вытащил из-за спины боль

шой прозрачный мешок с жалкими остатками пластиковой ракеты.

— Ой! — сказала Шурочка.— Что же у вас случилось?

— Замените! — сказал Удалов.— Брак!

— Как же так?

Шурочка положила книжку на прилавок и забыла об Иерихоне.

— Не видите, что ли? — все так же сердито спросил Удалов.

Шурочка не знала, что говорит он строго от робости и сознания своей неправоты. Она обиделась и отвечала:

— Я вам, гражданин, такого не продавала. Я сейчас заведующую позову... Ванда Казимировна!

Корнелий совсем оробел и сказал:

— Ну-ка дайте мне жалобную книгу!

Он хотел отодвинуть шляпу на затылок, но не рассчитал, шляпа слетела и шмякнулась об пол. Удалов пошел за шляпой.

— Вы нас поймите правильно,— сказал Грубин.— Брак заключался в ракете раньше, чем случился инцидент.

Пришла заведующая, Ванда Казимировна, женщина масштабная, решительная, и жена провизора Савича.

— Такое добро,— сказала она Грубину с намеком,— надо в утильсырье нести, а не в универмаг.

Бабки от входа пришли на разговор, и одна сказала:

— Чем торгуют! Постыдились бы.

Другая спросила:

— Кофточки сегодня будут давать?

— Спокойствие,— сказал Грубин.— Я вам все покажу.

Он вынул из мешка две половинки ракеты, сложил их в стручок и показал заведующей:

— Трещину видите в хвостовой части? Вот с этой трещиной нам товар и продали.

Трещин в хвостовой части было несколько, и найти нужную было нелегко.

Шурочка совсем обиделась.

— Они издеваются, что ли? — спросила она.

— Алкоголики,— сказала одна из бабок.

— Вот чек,— сказал, подходя, Корнелий. Шляпу он держал под мышкой.— Только вчера покупали. У меня чек сохранился. Пришел домой — вижу, трещина.

— Какая там трещина! — сказала заведующая.— Шурочка, не расстраивайся. Мы им на работу сообщим. Это не ракета, а результат землетрясения.

— Вы не обращайте внимания, что ракета раскололота,— сказал Грубин.— Это потом уже случилось. А землетрясений у нас не бывает. Людям доверять надо.

И в этот момент в Великом Гусляре началось землетрясение.

Глухой шум возник на улице. Земля рванулась из-под ног. Дрогнули полки. Стопки тарелок, будто выпущенные неопытным жонглером, разлетелись по магазину, чашки и чайники, хлопаясь о прилавки, разбивались гранатами-лимонками, целлулоидные куклы и плюшевые медведи поскакали вниз, цветастые платки и наволочки воспарили коврами-самолетами, стойки с костюмами и плащами зашатались — казалось, пожелали выйти на улицу вслед за бабками, убежавшими из универмага с криками и плачем. Разбившиеся пузырьки с духами и одеколоном окутали магазин неповторимым и фантастическим букетом запахов. С потолка хлопьями посыпалась известка...

Грубин одной рукой подхватил прозрачный мешок с остатками ракетной установки, другой поддержал через прилавок Шурочку Родионову. Он единственный не потерял присутствия духа. Крикнул:

— Сохранять спокойствие!

Корнелий вцепился в шляпу, будто она могла помочь в эти жуткие секунды. Быстрое его воображение породило образ разрушенного стихией Великого Гусляра, развалины вдоль засоренных кирпичами улиц, бушующие по городу пожары, стоны жертв и плач бездомных детей и стариков. И он, Корнелий, идет по улице, не зная, с чего начать, чувствуя беспомощность и понимая, что как руководитель ремконторы он — основная надежда засыпанных и бездомных. Но нет техники, нет рабочих рук, царит отчаяние и паника.

И тут над головой рев реактивных самолетов —

белыми лилиями распускаются в небе парашюты. Это другие города прислали помощь. Сборные дома, мосты и заводы спускаются медленно и занимают места, заранее запланированные в Центре, сыплется с неба дождем калорийный зеленый горошек, стукаются о землю, гнутся, но не разбиваются банки со сгущенным молоком и сардинами. Помощь пришла вовремя. Корнелий поднимает голову выше и слушает наступившую мирную тишину...

И в самом деле наступила мирная тишина.

Подземное возмущение окончилось так же неожиданно, как и началось. Тяжелое, катастрофическое безмолвие охватило универмаг и давило на уши, как рев реактивного самолета.

— Покинуть помещение! — оглушительно крикнул Грубин.

Он бросил на пол мешок, взял одну из половинок ракетного стручка, вторую сунул Удалову и повлек всех за собой раскапывать дома и оказывать помощь населению.

Корнелий послушно бежал сзади, хоть ничего перед собой не видел — скатерть опустилась ему на его голову и сделала его похожим на бедуина или английского разведчика Лоуренса.

К счастью, раскапывать никого не пришлось. Стихийное бедствие, поразившее Великий Гусляр, не было землетрясением.

Метрах в двадцати от входа в универмаг мостовая расступилась и в провал ушел задними колесами тяжело груженный лесовоз. Еще не улегшаяся пыль висела вокруг машины и, подсвеченная солнцем, придавала картине загадочный, неземной характер.

— Провал,— сказал обыкновенным голосом Удалов, стаскивая с головы скатерть и аккуратно складывая ее.

Провалы в городе случались нередко, так как он был стар и богат подземными ходами и подвалами царских времен.

— Опять не повезло тебе, Корнелий! — Грубин бросил в досаде на землю половинку ракеты.— Теперь тебе не до замен. Мостовую ремонтировать придется.

— Квартал, кстати, кончается,— ответил Корнелий. Он обернулся к заведующей и добавил: — Я,

Ванда Казимировна, вашим телефончиком воспользуюсь. Надо экскаватор вызвать.

Из пылевой завесы вышел бледный, мелко дрожащий от пережитого шофер лесовоза. Он узнал Удалова и обратился к нему с претензией.

— Товарищ директор,— заявил он,— до каких пор мы должны жизнью рисковать? А если бы я стекло вез? Или взрывчатку?

— Ну уж, взрывчатку! — сказал Грубин.— Кто тебе ее доверит?

— Кому надо, тот и доверит,— сказал шофер. Увидев Шурочку, перестал дрожать, подтянулся.

— Провал как провал,— сказал Удалов.— Не первый и не последний. Сейчас вытащим, дыру засыплем, все будет как в аптеке. Сходили бы до милиции, пусть поставят знак, что проезда нет. А автобус пустят по Красноармейской.

2

Елена Сергеевна прищурилась и отсыпала в кастрюлю ровно полстакана манки из синей квадратной банки с надписью «Сахар». Молоко вздыбилось, будто крупа жестоко обожгла его, но Елена Сергеевна успела взболтнуть кашу серебряной ложкой, которую держала наготове.

Ваня втащил на кухню танк, сделанный из тома «Современника» за 1865 год и спичечных коробков.

— Не нужна мне твоя каша,— сказал он.

— Подай соль,— сказала Елена Сергеевна.

— Посолить забыла, баба? — спросил Ваня.

Елена Сергеевна не стала дожидаться, пока Ваня развернет танк в сторону черного буфета, сама широко шагнула туда, достала солонку и при виде ее вспомнила, что уже сыпала соль в молоко. Елена Сергеевна поставила солонку обратно.

— Баба,— заныл Ваня противным голосом,— не нужна мне твоя каша... Хочу гоголь-моголь...

На самом деле он не хотел ни того, ни другого. Он хотел устроить скандал.

Елена Сергеевна отлично поняла его и потому ничего не ответила. За месяц они с Ваней надоели друг другу, но невестка заберет его только через две недели.

Елена Сергеевна обнаружила, что к шестидесяти годам она охладела к детям. Она утеряла способность быть с ними снисходительной и терпимой. После скандалов с Ваней она успокаивалась медленней, чем внук.

А ведь Елена Сергеевна сама попросила невестку прислать Ваню в Великий Гусляр. Она устала от одиночества долгих сумерек, когда неверный синий свет вливается в комнату, в нем чернеют и разбухают старые шкафы, которые давно следовало бы освободить от старых журналов и разного барахла.

Раньше Елена Сергеевна думала, что на пенсии она не только отдохнет, но и сможет многое сделать из того, что откладывалось за делами и совещаниями. Написать, например, историю Гусляра, съездить к сестре в Ленинград, разобрать на досуге фонды музея и библиотеку,— там все время сменялись бестолковые девчонки, которые через месяц выходили замуж или убегали на другую работу, где платили хотя бы на десятку больше, чем в бедном зарплатой городском музее.

Но ничего не вышло. История Великого Гусляра лежала на столе и почти не продвигалась. У сестры болели дети, и, вместо того чтобы не спеша обойти все ленинградские музеи и театры, Елене Сергеевне пришлось возиться по хозяйству.

В музее появился новый директор, ранее руководитель речного техникума. Директор рассматривал свое пребывание в музее как несправедливое наказание и ждал, пока утихнет гнев высокого районного начальства, чтобы вновь двинуться вверх по служебной лестнице. Директор был Елене Сергеевне враждебен. Ее заботы о кружках и фондах отвлекали от важного начинания: сооружения памятника землепроходцам, уходившим в отдаленные времена на освоение Сибири и Дальнего Востока. Землепроходцы часто уходили из Великого Гусляра — города купеческого, беспокойного, соперника Архангельска и Вологды.

— Баба, а в каше много будет комков? — спросил Ваня.

Елена Сергеевна покачала головой и чуть улыбнулась. Комки, конечно, будут. За шестьдесят с лишним лет она так и не научилась варить манную кашу.

Если бы удалось начать жизнь сначала, Елена Сергеевна обязательно подсмотрела бы, как это делала покойная мама.

Кто-то стукнул в окно.

Ваня забыл о танке и побежал открыть занавеску. Он никого не увидел — в окно стучали знакомые, прежде чем войти в калитку, обогнуть дом и постучать со двора.

Елена Сергеевна убавила огонь и решила, что успеет открыть дверь, прежде чем каша закипит. Она быстро прошла темные сени. От каждого шага, сухого и короткого, взвизгивали половицы.

За дверью стояла Шурочка Родионова, повзрослевшая и похорошевшая за весну и остригшая косу, чтобы казаться старше.

— Вытри ноги,— сказала Елена Сергеевна, любуясь Шурочкой.

Шурочка покраснела; у нее была тонкая, персиковая кожа, Шурочка легко краснела и становилась похожей на кустодиевских барышень.

Шурочка поздоровалась, вытерла ноги, хоть на улице было сухо, и прошла на кухню за Еленой Сергеевной. Девушка была взволнована и говорила быстро, без знаков препинания:

— Такое событие Елена Сергеевна грузовик ехал по Пушкинской и провалился народу видимо-невидимо думали землетрясение и Удалов из ремконторы говорит засыпать будем и там подвал а директора музея нет уехал в область на совещание по землепроходцам и надо остановить это безобразие там могут быть ценности...

— Погоди,— сказала Елена Сергеевна.— Я вот тут Ваню кормить собралась. Садись и повтори все медленнее и логичнее.

Когда Шурочка говорила, она из молодой и красивой женщины превращалась в ученицу-отличницу, в старосту исторического кружка.

Елена Сергеевна положила кашу в тарелку и посыпала ее сахарным песком.

Ваня хотел было потребовать малинового варенья, но забыл. Он был заинтригован неожиданным визитом и быстрой речью гостьи. Он послушно сел к столу, взял ложку и смотрел в рот Шурочке. Как во сне зачерпнул ложкой кашу и замер, беззвучно шевеля

губами, повторяя рассказ Шурочки слово за словом, чтобы стало понятнее.

— Значит ехал грузовик по Пушкинской,— говорила Шурочка чуть медленнее, но все равно без знаков.— И сразу провалился задними колесами думали землетрясение все из магазина выскочили а там подвал...

— Где именно? — спросила Елена Сергеевна.

— Недалеко от угла Толстовской.

— Там когда-то проходил Адов переулок.— Елена Сергеевна прищурилась и представила себе карту города в промежутке между пятнадцатым и восемнадцатым веками.

— Правильно,— обрадовалась Шурочка.— Вы нам еще в кружке рассказывали там Адов переулок был и кузнецы работали ширина два метра и упирался в городскую стену я так и сказала Удалову из ремконторы а он говорит что квартал кончается и он обязан сдать Пушкинскую они ее три месяца асфальтировали а то премии не получат.

— Безобразие! — возмутилась Елена Сергеевна.— Ваня, не дуй в ложку... Мне его не с кем оставить.

— Так я посижу, Елена Сергеевна,— сказала Шурочка.— Без вас они засыплют, а вас даже Белосельский слушается.

— Я власти не имею,— сказала Елена Сергеевна.— Я в отставке.

— Вас весь город знает.

— Я сейчас.

Елена Сергеевна прошла в маленькую комнату и скоро вернулась. Она причесалась, заколола седые волосы в пучок на затылке. На ней было темное учительское платье с отложным, очень белым воротничком, и Шурочка снова почувствовала робость, как пять лет назад, когда она в первый раз пришла в исторический кружок. Елена Сергеевна, в таком же темном платье, повела их наверх, в первый зал музея, где стоял прислоненный к стене потертый бивень мамонта, висела картина, изображающая повседневный быт людей каменного века, а на витрине под стеклом лежали в ряд черепки и наконечники стрел из неолита, найденные у реки Гусляр дореволюционными гимназистами.

— Так ты посидишь немного? — спросила Елена Сергеевна.

— Конечно, я сегодня с обеда свободна.

Елена Сергеевна спустилась с крыльца, молодо процокала каблучками по деревянной дорожке двора, прикрыла калитку и пошла по Слободской к центру, через мост над Грязнухой, что испокон веку делит город на Гусляр и Слободу.

За мостом по правую руку стоит здание детской больницы. Раньше там был дом купцов Синицыных, и в нем сохранились чудесные изразцовые печи второй половины восемнадцатого века. По левую руку — церковь Бориса и Глеба, шестнадцатый век, уникальное строение, требует реставрации. За церковью — одним фасадом на улицу, другим на реку — мужская гимназия, ныне первая средняя школа. За гимназией — широкая и всегда ветреная площадь, наполовину занятая газонами. Здесь до революции стояли гостиные ряды, но в тридцатом, когда ломали церкви, сломали заодно и их, хотя можно бы использовать ряды под колхозный рынок. Теперь здесь стоит, вглядываясь вдаль, бронзовый землепроходец!

По ту сторону площади — двухэтажный музей, памятник городской архитектуры восемнадцатого века, охраняется государством.

Но Елена Сергеевна переходить площадь не стала, а у продовольственного свернула на Толстовскую.

На углу встретился провизор Савич, давнишний знакомый.

— Ты слышала, Лена,— сказал он, отдуваясь и обмахиваясь растрепанной книжкой,— грузовик провалился?

— А куда, ты полагаешь, я иду? — спросила Елена Сергеевна.— Обследовать финифтяную артель?

— Ну уж, Леночка,— сказал мягко Савич,— не надо волноваться. Если мне не изменяет память, это третий провал за последние годы?

— Четвертый, Никита,— сказала Елена Сергеевна.— Четвертый. Я пойду, а то как бы они чего не натворили.

— Разумеется. Если б не такая жара, я бы сам посмотрел. Но обеденный перерыв короток, а мое брюхо требует пищи. Я так и полагал, что тебя встречу. Тебя все в городе касается.

— Касалось. Теперь я на пенсии. Передай привет Ванде Казимировне.

— Спасибо, мы всё к вам в гости собираемся...

Но последних слов Елена Сергеевна уже не слышала. Она быстро шла к Пушкинской.

Савич поправил очки и побрел дальше, размышляя, есть ли в холодильнике бутылка пива. Он представил запотевшую, темно-зеленую бутылку, шипение освобожденного напитка, зажмурился и заспешил.

На Пушкинской, не доходя до универмага, стояла толпа. Толпа казалась неподвижным, неживым телом, и только мальчишки кружились вокруг нее, влетая внутрь и снова выскакивая, как пчелы из роя.

По улице не спеша шел гусеничный экскаватор.

Вблизи толпа распалась на отдельных людей, большей частью знакомых — учеников, друзей, соседей и просто горожан, о которых ничего не знаешь, но здороваешься на улице.

Елена Сергеевна пронзила толпу и оказалась у провала. Асфальт расходился трещинами, прогибался, будто был мягким, как резиновый коврик, и обрывался овальным черным колодцем. По другую сторону колодца стоял лесовоз — его уже вытащили из ямы. Бревна лежали на мостовой, рядком.

У провала спорили два человека. Один из них был низок ростом, агрессивен, и лицо его было скрыто под соломенной шляпой. Второй — баскетбольного роста, с нечесаной шевелюрой, в черном пиджаке, надетом прямо на голубую майку,— отступал под натиском низенького, но сопротивления не прекращал.

— Для меня это скандал и безобразие,— уверял низкий.

Елена Сергеевна сразу поняла, что это и есть директор ремконторы.

— Мы окончили асфальтирование участка, рапортовали и ожидаем заслуженной премии — не лично я, а коллектив,— а ты что мне советуешь?

Низенький сделал шаг вперед, и длинный отступил, рискуя свалиться в пропасть.

— Корнелий, ты забыл о науке, о славе род-

ного города,— протестовал он, балансируя над провалом.

— А люди премии лишатся?.. Эй, Эрик! — Это низенький увидел экскаватор.— Давай сюда, Эрик!

— Подождите,— сказала Елена Сергеевна.

— А вы еще по какому праву? — спросил низенький, не поднимая головы.— Давай, Эрик!

— Вот что, Корнелий,— сказала тогда Елена Сергеевна, которая наконец узнала, кто же скрывается под соломенной шляпой.— Сними шляпу и подними голову.

Кто-то в толпе хихикнул. Экскаваторщик заглушил мотор и подошел поближе.

— Где тут яма,— спросил он,— которая представляет исторический интерес?

Директор ремконторы послушно снял шляпу и поднял вверх чистые голубые глаза неуспевающего ученика. Он уже все понял и сдался.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна,— сказал он.— Я вас сразу не узнал.

— Дело не в этом, Корнелий.

— Правильно, не в этом. Но вы войдите в мое положение.

— А если бы на Красной площади такое случилось? — спросила строго Елена Сергеевна.— Ты думаешь, Удалов, что Центральный Комитет разрешил бы вызвать экскаватор и засыпать провал, не дав возможности ученым его обследовать?

— Так то Красная площадь,— сказал Удалов.

— Так его! — пришел в восторг Грубин.— Я сейчас мигом все осмотрю.

— Кстати, если не исследовать, куда ведет провал,— добавила Елена Сергеевна,— то не исключено, что завтра произойдет катастрофа в десяти метрах отсюда, вот там, например.

Все испуганно посмотрели в направлении, указанном Еленой Сергеевной.

Грубин присел на корточки и постарался разглядеть, что таится в провале. Но ничего не увидел.

— Фонарь нужен,— сказал он.

— Фонарь есть.

Из толпы вышел мальчик с длинным электрическим фонарем.

— Только меня с собой возьмите,— сказал он.

— Здесь мы не шутки шутить собрались.— Грубин отобрал фонарь у мальчика.— Я пойду, а, Елена Сергеевна?

— Подождите. Нужно,чтобы туда спустился представитель музея.

— Так там нет никого. А вы отсюда будете контролировать.

Рядом с Еленой Сергеевной возник человек с фотоаппаратом.

— Я готов,— сказал он.— Я работаю в районной газете, и моя фамилия Стендаль. Миша Стендаль. Я кончал истфак.

— Так будем стоять или будем засыпать? — спросил экскаваторщик.— Простой получается.

— Идите,— согласилась Елена Сергеевна.

— Тогда и я пойду,— сказал вдруг экскаваторщик.— Мне нужно посмотреть, куда землю сыпать. Да и физическая сила может пригодиться.

И на это Елена Сергеевна согласилась.

Удалов хотел было возразить, но потом махнул рукой. Не везет, так никогда не везет.

— Здесь неглубоко,— сказал Грубин, посветив фонариком вглубь.

Он лег на асфальт, свесил ноги в провал и съехал на животе в темноту. Ухнул и пропал.

— Давайте сюда! — прилетел через несколько секунд утробный подземный голос.

Толпа сдвинулась поближе к краям провала, и Елена Сергеевна сказала:

— Отойдите, товарищи. Сами упадете и других покалечите.

— Сказано же,— оживился Удалов,— осадите!

Экскаваторщик спрыгнул вниз и подхватил Мишу Стендаля.

— Ну, как там? — крикнул Удалов. Он опустился на колени, крепко упершись пухлыми ладошками в асфальт, и голос его прозвучал глухо, отраженный невидимыми стенами провала.

— Тут ход есть! — отозвался снизу чей-то голос.

— Там ход,— повторил кто-то в толпе.

— Ход...

И все замерли, замолчали. Даже мальчишки замолчали, охваченные близостью тайны. В людях зашевелились древние инстинкты кладоискателей, ко-

торые дремлют в каждом человеке и только в редких деятельных натурах неожиданно просыпаются и влекут к приключениям и дальним странствиям.

3

Сверху провал представлялся Милице Федоровне Бакшт чернильной кляксой. Она наблюдала за событиями из окна второго этажа. Пододвинула качалку к самому подоконнику и положила на подоконник розовую атласную подушечку, чтобы локтям было мягче. Подушечка уместилась между двумя большими цветочными горшками, украшенными бумажными фестончиками.

Очень старая сиамская кошка с разными глазами взмахнула хвостом и тяжело вспрыгнула на подоконник. Она тоже смотрела на улицу в щель между горшками.

В отличие от остальных, Милица Федоровна хорошо помнила то время, когда улица не была мощеной и звалась Елизаветинской. Тогда напротив дома Бакштов, рядом с лабазом Титовых, стоял богатый дом отца Серафима с резными наличниками и дубовыми колоннами, подкрашенными под мрамор. Дом отца Серафима сгорел в шестидесятом, за год до освобождения крестьян, и отец Серафим, не согласившись в душе с суровостью провидения, горько запил.

Отлично помнила Милица Федоровна и приезд губернатора. Тот был у Бакштов с визитом, ибо обучался со вторым супругом Милицы Федоровны в пажеском корпусе. Хозяйка велела в тот вечер не жалеть свечей, и его высокопревосходительство, презрев условности, весь вечер провел у ее ног, шевеля бакенбардами, а господин Бакшт был польщен и вскоре стал предводителем уездного дворянского собрания.

Память играла в последние годы странные шутки с Милицей Федоровной. Она отказывалась удерживать события последних лет и услужливо подсовывала образы давно усопших родственников и приятелей мужа и даже куда более давние сцены: петербургские, окутанные дымкой романтических увлечений.

В годы революции Милица Федоровна была уже

очень стара, и за ней ходила компаньонка из монашек. С тех лет ей почему-то врезалось в память какое-то шествие. Перед шествием молодые люди несли черный гроб с белой надписью «Керзон». Кто такой Керзон, Милица Федоровна так и не сподобилась узнать.

И еще помнился последний визит Любезного друга. Любезный друг сильно сдал, ходил с клюкой, и борода его поседела. Задерживаться в городе он не смог и вынужден был покинуть гостеприимный дом вдовы Бакшт, не исполнив своих планов.

Появление провала на Пушкинской отвлекло Милицу Федоровну от привычных мыслей. Она даже запамятовала, что ровно в три к ней должны были прийти пионеры. Им Милица Федоровна обещала рассказать о прошлом родного города. Задумала этот визит настойчивая соседка ее, Шурочка, девица интеллигентная, однако носящая короткие юбки. Милица Федоровна обещала показать пионерам альбом, в который ее знакомые еще до революции записывали мысли и стихотворения.

Шурочку Милица Федоровна разглядела среди людей, окруживших провал. На зрение госпожа Бакшт не жаловалась: грех жаловаться в таком возрасте.

Потом Милица Федоровна задремала, но сон был короток и непрочен. Нечто необъяснимое волновало ее. Нечто необъяснимое было связано с провалом. Ей привиделся Любезный друг, грозивший костлявым пальцем и повторявший: «Как на духу, Милица!»

Когда Милица Федоровна вновь открыла глаза, у провала уже командовала известная ей Елена Сергеевна Кастельская, худая дама, работавшая в музее и приходившая лет десять—пятнадцать назад к Бакшт в поисках старых документов. Но Милице Федоровне не понравилась сухость и некоторая резкость в обращении музейной дамы, и той пришлось уйти ни с чем. При этом воспоминании Милица Федоровна дозволила улыбке чуть тронуть уголки ее сухих, поджатых губ. Раньше губы были другими — и цветом, и полнотой. Но улыбка, та же улыбка, когда-то сводила с ума кавалергардов.

Тут Милицу Федоровну вновь сморила дремота.

Она зевнула, смежила веки и отъехала на кресле в угол, в уютную темную полутьму у печки.

Сиамская кошка привычно прыгнула ей на колени.

«В три часа придут... В три часа...» — сквозь дремоту думала Милица Федоровна, но так и не вспомнила, кто же придет в три часа, а вместо этого опять увидела Любезного друга, который был разгневан и суров. Взор его пронзал трепетную душу Милицы Федоровны и наэлектризовывал душный, застойный воздух в гостиной — единственной комнате, оставленной после революции госпоже Бакшт.

4

Подземелье за те полчаса, что было открыто влиянию жаркого воздуха, почти не проветрилось. Вековая прохлада наполняла его, как старое вино. Миша Стендаль оперся на потянутую из тьмы квадратную ладонь экскаваторщика, прижал к груди фотоаппарат и сиганул туда, в неизвестность.

В провале стояла тишина. Тяжелое дыхание людей металось по нему и глохло у невидимых стен.

В голубом овальном окне над головой обрисовывался круглый предмет, превышающий размером человеческую голову. Из предмета донесся голос:

— Ну как там?

Голос принадлежал маленькому директору ремконторы, которого так ловко поставила на место старуха Кастельская из музея. Предмет был соломенной шляпой, скрывавшей лицо Удалова.

— Тут ход есть,— ответил другой голос, в стороне, неподалеку от Миши.

По темноте елозил луч фонарика. Грубин начал исследования.

— Там ход... ход...— шелестом донеслись голоса в толпе наверху. Голоса были далеки и невнятны.

Миша Стендаль сделал шаг в сторону хода, но натолкнулся на спину экскаваторщика. Спина была жесткая. Глаза начали привыкать к темноте. В той стороне, куда двигался Грубин, она была гуще.

— Пошли,— сказал экскаваторщик.

Миша по-слепому протянул вперед руку, и через два шага пальцы уперлись во что-то — испугались, отдернулись, сжались в кулак.

— Тут стена, скользкая,— прошептал Миша. Шепот был приемлемее в темноте.

Толстые, надежные бревна поднимались вверх, под самый асфальт. Комната получалась длинная, потолок к углу провалился. Дальняя стена, у которой стоял Грубин и шарил лучом, была кирпичной. Кирпичи осели, пошли трещинами. Посреди стены — низенькая, перетянутая, как старый сундук, железными ржавыми полосами дверь.

Грубин уже изучил дверь: замка не было, кольцо кованое, но за него тяни не тяни — не поддается.

— Дай-ка мне,— сказал экскаваторщик.

— Нет,— возразил Миша Стендаль.— На это мы не имеем права. У нас нет открытого листа. Надо хотя бы сфотографировать.

Миша Стендаль читал незадолго книгу про то, как была открыта в Египте гробница Тутанхамона. Там тоже была дверь и исследователи перед ней. И момент, вошедший в историю.

— Мы не на раскопках,— сказал Грубин.— Там, может, тоже земля. И конец нашему путешествию.

— Чего уж! — сказал Эрик.— Директорша велела посмотреть, так мы посмотрим. Все равно Удалов своего добьется. Засыплет, и поминай как звали — у него план.

Экскаваторщик присмотрелся к двери:

— Ты фонарь держи покрепче. Не дрожи рукой. Сюда, левее...

Он стал похож на хирурга. Грубин ассистировал ему. Миша Стендаль — студент-практикант, человек без пользы делу.

— Она внутрь открывается,— сказал экскаваторщик. Нашел место, то самое, единственное, в которое надо было упереться плечом, и нажал.

Дверь заскрипела жутко, ушла в темноту, кирпичи зашуршали, оседая, и экскаваторщик — береженого бог бережет — прыгнул назад, чуть не сбив Мишу с ног. Фонарь погас — видно, Грубин отпустил кнопку,— в подвале возникла грозная тишина, и все были оглушены звоном в ушах.

— Что случилось? — спросил голос сверху. Голос был близок до странности. Вроде бы за эти минуты трое исследователей ушли далеко от людей, а тут,

в трех метрах, Удалов задает вопросы голосом тревожным, но обычным.

— Полный порядок,— сказал экскаваторщик. Он бодрился и о прыжке своем уже позабыл.— Свети прямо,— приказал он.

Грубин послушался и посветил.

Экскаваторщик закрыл спиной большую часть двери — всматривался, а Миша Стендаль почувствовал обиду. Он был наиболее исторически образован и морально чувствовал себя вправе руководить поисками. Но экскаваторщик этого не чувствовал, и как-то случилось, что впереди был он. Миша даже сделал шаг, хотел оттеснить экскаваторщика и дать какое-нибудь, пусть зряшное, но указание. Тут экскаваторщик обернулся и посмотрел на Мишу. Глаз его, в который попал луч фонаря, засветился желто и недобро.

Миша ощутил внутреннее стеснение и приостановил дыхание. Там, за дверью, могли таиться сундуки с золотом и жемчужными ожерельями, серебряные кубки, украшенные сценами княжеской охоты на буй-туров, булатные мечи-кладенцы и скелет неудачливого грабителя — глазницы черепа черные, пустые... А экскаваторщик сейчас выхватит острый, чуть зазубренный от частого употребления кинжал и вонзит под сердце Стендалю.

Экскаваторщик отнял у Грубина фонарь: так ему было удобнее.

— Тоже комната, товарищи,— сказал он.

Скорчившись вдвое, он перешагнул высокий порог и пропал во тьме.

Грубин с Мишей стояли и ждали.

Изнутри голос сказал:

— Давайте за мной. Не оступитесь.

Вторая комната оказалась меньше первой. Луч фонаря, не успев достаточно расшириться, уперся желтым блюдцем в противоположную стену, порезав по пути светлым лезвием странные предметы и, что совсем непонятно, осветив пыльные гнутые стекла — бутыли, колбы и крупные сосуды темного стекла. Луч метался и позволял глазам по частям обозреть комнату — кирпичную, сводчатую, длинный стол посреди, а дальний конец обвален и видится мешаниной кирпичей и железа.

— Типография,— сказал Грубин. Помолчал. Подумал.— Может, здесь печаталась «Искра». Или даже «Колокол».

— Печатного станка нету,— резонно сказал экскаваторщик.

— Отойдите,— сказал Миша.— Ничего не трогайте. У меня вспышка. Сделаем кадры.

Послушались. В руках у Миши была техника. Его спутники технику уважали.

Миша долго копался, готовил в темноте аппарат к действию. Эрик помогал, светил начавшим тускнеть фонариком. Потом вспыхнула лампа. Еще раз.

— Все? — спросил экскаваторщик.

— Все,— сказал Стендаль.

— На свет вынуть придется,— сказал Эрик. Он вернул фонарь Грубину, подхватил бутыль покрупнее и понес к выходу.

— Какого времени подвал? — спросил Грубин.

— Трудно сказать,— ответил Миша.— Вернее всего, не очень старый.

— Жаль,— сказал Грубин.— Второе расстройство за день.

— А первое?..

— Первое, когда думал, что землетрясение началось. Так вы уверены, товарищ Стендаль?

— Посуда довольно современная. И книги...

Миша подошел к столу, распахнул книгу в кожаном переплете.

— Ну скоро? — спросил Эрик.— Там уже заждались.

— Наверху посмотрим,— сказал Грубин. Подхватил еще одну бутыль и колбу.

Миша шел сзади с книгами в руках.

Шляпа Удалова отпрянула от провала. Зажмурившись от дневного, неистового сияния, Эрик протянул ему бутыль. Миша стоял в трех шагах сзади. Столб света, спускавшийся в провал, показался ему вещественным и упругим. Экскаваторщик, озаренный светом, был подобен скульптуре человека, стремящегося к звездам. Бутыль надежно покоилась у него на ладонях.

Вместо шляпы в провал спустились сухие руки Елены Сергеевны. Она приняла бутыль. Миша поднял вверх тяжелые фолианты.

— Вот так-то,— сказал некто в толпе осуждающе.— А он засыпать хотел.

Удалов сделал вид, что не слышит. Он взял у Стендаля книги и положил их на асфальт. Рядом уже стояла бутыль, обросшая плесенью. Сквозь разрывы плесени проглядывала черная жидкость. Другие сосуды также встали рядом.

Удалову было холодно. Он даже застегнул верхнюю пуговицу синей шелковой рубашки. Удалова мучила совесть. Когда он вызвал экскаватор для засыпки провала, он действовал в интересах родного города. Его буйное воображение уже подсказывало страшные картины, торопившие к принятию мер и будившие энергию. Одна картина представляла собой автобус с пассажирами, едущий по Пушкинской улице. Автобус ухнул в провал, и только задний мост торчит наружу. А рядом иностранный корреспондент щелкает неустанно своим аппаратом, и потом в обкоме или даже в ЦК смотрят на фото в иностранной газете и говорят: «Ну уж это Удалов! Довел-таки до ручки городское хозяйство в своем древнем городе!» И качают головами.

Была другая причина — куда более трагичная. Малое дитя в школьном передничке бежит с прыгалками по мостовой. И вокруг летают бабочки и певчие птицы. И ребенок смеется. И даже Удалов, наблюдающий за этой картиной, смеется. И вдруг — черной пастью провал. И отдаленный крик ребенка. И только осиротевшие прыгалки на растерзанном трещинами асфальте. И мать, несчастная мать ребенка, которая кричит: «Ничего мне не надо! Дайте мне только Удалова! Дайте его мне, я разорву его на части!..»

Пока не приехал экскаватор, Удалов неустанно боролся со своим воображением и все оглядывался, не бежит ли ребенок с прыгалками, не видел ли иностранный корреспондент, которому здесь делать нечего.

Удалов верил, что в провале ничего не обнаружится. Сколько их было на его памяти, и ничего не обнаруживалось. Он и причуды Кастельской не принял всерьез. Просто не стал воевать с общественностью. Накладно. Все равно засыплем. Все провалы — и тот, у архиерейского дома, и тот, что был на строитель-

стве бани, и тот, у мясокомбината,— все они вызывали оживление в районном музее, даже в области. Но Удалову и городским властям никакой радости — провал не запланируешь. В провале есть что-то постыдное для хозяйственного работника — стихия мелкого порядка, пакостная стихия.

Теперь у ямы стояли бутыли. И книги. И были они не только прошлым — будущим тоже. Будущим, в котором имя Удалова будут склонять работники культуры вплоть до Вологды и корить за узкоглядство. Он даже слово такое знал — «узкоглядство». Так что надо было спасать положение и руководить.

— Много там добра? — спросил Удалов, приподнимая шляпу и показывая щенячий лоб с залысинками.

— Целая лаборатория,— сказал из-под земли экскаваторщик, который уже забыл о своей первоначальной задаче — переметнулся.

— Стоит законсервировать находку,— сказал Миша из-за спины экскаваторщика.— Пригласить специалистов из области.

— Ошибка,— трезво сказал Удалов.— Специалисты у нас не хуже областных. У нас есть, товарищи, Кастельская.

Последнее слово он произнес громко, будто ждал аплодисментов. И удивительное дело — есть такая особенная интонация, которую знают люди, поднаторевшие в речах, и эта интонация заставляет присутствующих сложить ладони одна к другой и бессознательно шлепнуть ими.

При слове «Кастельская» в толпе раздались аплодисменты.

Удалов потаенно улыбнулся. Он овладел толпой. Положение спасено. Подвал будет засыпан.

Елена Сергеевна в любом другом случае на такой ход не поддалась бы. Отшутилась бы, съязвила — она это умела делать. Но тут, пока стояла и ждала, что найдут, пока смотрела на принесенные вещи, поняла — нет смысла начинать войну с Удаловым. Вещи были не бог весть какими древними.

— Сейчас мы, товарищи, под наблюдением Елены Сергеевны, спасем культурные ценности и отправим их в музей. Правильно?

— Правильно,— сказали слушатели.

— Ну, где у нас культурная ценность номер один?

Корнелий посмотрел на большую бутыль и поймал себя на жгучем желании наподдать ногой по ценности номер один. Даже захотелось сказать народу, что все эти штуки — дореволюционная самогонная мастерская. Но Удалов сдержался.

Исследователи подземелья, прослушав речь Удалова, пошли снова в дальнюю комнату выносить остальные вещи. Удалов послал гонцов в универмаг за оберточной бумагой. Елена Сергеевна присела на корточки и подняла одну из книг. Осторожно, поддев ногтем, открыла ржавые застежки переплета и перевернула первый лист.

Зрители склонились над книгой и шевелили в два десятка губ, разбирая ее название.

5

Милица Федоровна проснулась. Ее томило предчувствие. В виске по-молодому тревожила-билась жилка. Что-то произошло за минуты сна. Каретные часы Павла Буре показывали три. Альбом в сафьяновом переплете лежал на столе, был приготовлен для чего-то. Сквозь стекло, с улицы, прилетали обрывки голосов. Надо было вернуться к окну. Тогда мысли проснутся, как проснулось тело, и все станет на места. Потревоженная кошка удивилась резвости движений хозяйки. Портреты знакомых, акварели и желтые фотографии взирали на Милицу Федоровну равнодушно или враждебно. Одни умерли давно, другие не простили госпоже Бакшт завидного долголетия.

Розовая подушечка ждала на подоконнике. Милица Федоровна уперла острый локоток и выглянула между горшками. На улице мало что изменилось. Толпа поредела. Перед Еленой Сергеевной Кастельской стояли на асфальте какие-то предметы и бутыли старинного вида. Сама же музейная дама на корточках, в непристойной возрасту позе, листала трепаную книгу.

Значит, подвал не пуст. В подвале оказались находки. Милица Федоровна заставила себя задуматься. В мозгу вздрогнули склеротические сосуды, живее

побежала кровь, и по дому разнесся тихий треск — будто заводили бронзовым ключиком старые часы.

Куда вел ход из того подвала? Ведь не с улицы заходили в него?.. К отцу Серафиму? Нет, дом его, пока не сгорел, стоял в глубине, за кустами персидской сирени. Может, в дом, соседний с бакштовским, по той же стороне? И того быть не могло — там испокон веку был лабаз. Может, во флигель? Там были зеленые ставни с прорезями в виде сердец. И что-то еще связано с флигелем...

— Милица! — Мужской голос возник от двери, голос знакомый и вечно молодой.— Не пугайтесь. Вы узнаете меня?

— Я не пугаюсь, друг мой,— ответила Милица Федоровна, стараясь обернуться. Ответила степенно и тихо.— Я отвыкла пугаться. Подойдите к свету.

Старик подошел поближе к окну. Он тяжело опирался на суковатую палку из самшита. Борода седая, в желть, недавно подстрижена. Грубый запах одеколона «Шипр», запах дешевой парикмахерской, разнесся по комнате, чужой другим, обжившимся здесь запахам. Те, родные — нафталиновый, ванильный, шерстяной, камфарный,— толкали пришельца, гнали его, но шипровый нагло занял самую середину комнаты.

— Простите, Милица,— сказал старик.— Я сейчас из парикмахерской.

— Давно у нас, Любезный друг? — спросила Милица Федоровна. Она протянула старику тонкую, изящную, хоть и опухшую подагрически в суставах руку.

Старик оперся покрепче о палку, нагнулся и поцеловал пальцы.

— Сдал я,— сказал он, распрямляясь.— Сильно сдал.

— Садись, Любезный друг,— сказала Милица Федоровна.— Там стул есть.

— Спасибо. Я с черного хода пришел. Задами. Не хотел встречать людей.

— Надолго к нам?

— Не скажу, Милица. Сам не знаю. Если то дело, что ранее не совершил, удастся — может, задержусь. А то помирать придется.

— Не говорите о смерти,— сказала Милица.—

Она может услышать. Мы слишком слабо связаны с жизнью. Нить тонка.

— Пустое,— сказал Любезный друг.— Вами, Милица, движет любопытство. Это значит — вы еще живы.

— Там странное,— сказала Милица Федоровна.— Провалилась мостовая. Волнуются, бегают.

— Суета сует,— сказал старик.— Сколько я вас не видел? Лет пятьдесят.

— Вы опять за свое.

— Я прям и неделикатен. И жизнь меня ожесточила. Пятьдесят лет — большой срок.

Милице Федоровне не хотелось расспрашивать гостя о том, что произошло с ним за эти годы. Для нее они протекли однообразно. Одиноко. Иногда голодно. Последнее время — лучше. Соседи выхлопотали старухе пенсию. Нет, лучше не расспрашивать. Пусть будет встреча, хоть и долгожданная, без времени, вне его пут и шагов.

Старик осмотрелся. Портреты узнали его. Он их признал тоже. Кивнул вежливо. Те в ответ закивали, взмахнули бакенбардами, бородами, усами, многократно улыбнулись знаменитой улыбкой Милицы, пожали обнаженными плечами, качнули локонами и кудрями...

Милица смотрела на него, узнавала то, что уже скрылось под сетью морщин. Предчувствия и сны указывали верно — Любезный друг пришел.

— Откройте форточку,— сказала Милица, стесняясь своей немощи.— Мне душно. А встаю редко. Весьма редко.

Старик встал, подошел к окну. Был он высок и до фортки достал, не поднимая вверх руки. Взглянул, открывая фортку, на улицу, вниз, увидел дыру в асфальте и книги рядом. И бутылки с ретортами.

— О боже! — сказал он. Сказал, как человек, к которому смерть пришла за час до свадьбы.

Старик вцепился в раму, и узловатые пальцы заметно побелели. Ноги не держали его.

— Что с вами? — спросила Милица, не поняв причины смятения.— Вам плохо?

Старик не смотрел на нее.

— Ничего,— сказал он.— Это пройдет. Все пройдет.

— Кстати,— спросила успокоенная Милица Федоровна, которой знакомы по себе были приступы слабости и удушья,— куда бы мог вести ход из этого подвала?

— Куда?

— Ну конечно. Я сначала подумала — не в дом ли отца Серафима? Вы помните отца Серафима? Он страшно пил, когда дом у него сгорел. Нет, думаю, не туда. Тот дом в глубине стоял. Еще колонны были покрашены под мрамор. А на нашей стороне лабаз. Зачем лабазу такой подвал?.. Может, в лабаз?

— Не в лабаз,— прохрипел старик.— Не в лабаз. Какой еще лабаз? Подвал к вам шел во флигель. Господи, несчастье-то какое...

«Правильно,— разумно подумала Милица Федоровна.— Конечно, выход из подвала должен был быть под флигелем». Но она такого не помнит. Совсем не помнит. Запамятовала. А может, и не знала о подвале.

А Любезный друг сердился. Глаза его увеличивались, росли и гневались. И он взлетел под потолок и оттуда грозил сухим пальцем и говорил беззвучно...

Это Милице Федоровне уже снилось. Она задремала. Старик не взлетал и не грозил пальцем. Он стоял, прислонившись лбом к стеклу, и тяжко стонал.

6

Елена Сергеевна задерживалась. Шурочка отвечала на Ванины вопросы, и было это подобно клубку — ниточка тянулась, вопрос за вопросом, и смысла в них не заключалось. За беготней Шурочка чуть не забыла — обещала с пионерами прийти на экскурсию к старухе Бакшт.

Кукушка нехотя выползла из деревянных ходиков и два раза скрипнула, не раскрывая клюва. На третий раз ее не хватило. Стрелки стояли на трех без пяти. А Елены Сергеевны все не было.

В магазине Шурочку отпустили после обеда. Там не хватятся. Но пионеры ждут.

— Пошли погуляем, Ванечка,— сказала Шура, подлизываясь. (Ванечка мог и не пожелать.) — Может, бабушку найдем.

Шурочка убедила Ваню надеть курточку и пана му. Ваня потащил за собой танк на спичечных коробках,— согласился гулять на таких условиях.

На мосту через Грязнуху Шурочку с Ваней обогнали знакомые из речного техникума. Дюжие мальчики на велосипедах. Ехали с купания и потому были бодры. Увидев Шурочку, стали делать вид, что Ваня — ее сын, отчего очень развеселились. Шурочка обиделась на грубые шутки, Ваня испугался, захотел вниз к речке — посидеть на берегу. Он бил каблуками по булыжнику и упирался. Речникам надоело шутить на жаре, нажали на педали. Один отстал, обернулся, сказал, что купил два билета в кино, на девять, и будет ждать. Шурочка почти не слушала. Она уговаривала Ваню.

— Ванечка,— говорила она,— пойдем к бабушке. Я тебе конфетку дам «Золотой ключик».

— Нельзя мне конфеты...— канючил Ваня.— Я хочу ананас. У меня коренной зуб болит...

— А мы сейчас посмотрим твой зуб,— сказал добрый голос сзади.— И может, даже вырвем его с корнем.

Провизор Савич поравнялся с ними. Он возвращался с обеда в аптеку.

— Я за Елену Сергеевну посидеть взялась,— сказала Шурочка.— А она не идет.

Савич посмотрел на внука Елены и пожалел, что нет с собой конфеты или другого предмета, которые обычно дарят детям. У него детей не было, а могли бы быть внуки.

— Я хочу золотую рыбку поймать,— сказал Ваня, не испугавшись доктора.

— Золотая рыбка достается трудом, мальчик,— сказал Савич. Он не умел говорить с детьми.

— Я буду с трудом,— согласился Ваня.

Шурочка воспользовалась разговором и сдвинула Ваню с места. Савич шел рядом и старался быть хорошим с ребенком, но отвечал невпопад. Провизор в это время думал о жизни, которая не удалась.

От снесенных торговых рядов осталась башня с часами. Сначала ее использовали как каланчу, а потом пристроили четырехэтажный дом для исполкомовцев и прикрепили электрические часы, что ви-

сят на столбах в больших городах,— круглые и неточные. Часы показывали десять минут четвертого.

— Ой! — испугалась Шурочка.— Нас пионеры ждут. Мы побежали...

Ваня бежать согласился: Савич ему надоел.

Шурочка с Ваней побежали к школе, и за ними по пустой, горячей мостовой запрыгал танк, сделанный из тома «Современника» и спичечных коробков. Один из коробков вскоре оторвался и остался лежать на мостовой. Провизор поднял его. Повертел рассеянно в пальцах. На коробке было изображено дерево без листьев и написано: «Себялюбивый человек засыхает, словно одинокое бесплодное дерево. Тургенев».

Шурочка увлекла Ваню в переулок. У новой кирпичной школы стоял дуб. Дуб был очень стар. Завуч школы любил повторять древнее предание о том, как землепроходец Бархатов, перед тем как уйти открывать левые притоки Амура, посадил дуб в родном городе. Завуч сам это предание и выдумал. Новому директору музея оно нравилось. Он надеялся найти ему документальное подтверждение.

В тени дуба маялись шесть пионеров из исторического кружка. Летом кружок не занимался, но Шурочка разыскала его активных членов, оставшихся в городе, и уговорила пойти к старухе Бакшт.

Стояла жара, и пионеры беспокоились. Они любили историю, но им хотелось купаться.

Золотая челка Шурочки Родионовой прилипла ко лбу. Рядом семенил дошкольник.

Пионеры зашевелились и достали записные книжки.

— Пошли, ребята,— сказала Шурочка,— а то опоздаем.

Пионеры нехотя выползли на солнцепек.

Путь их лежал мимо провала, и потому начало экскурсии пришлось отложить еще на несколько минут. Пионеры влились в толпу у ямы, через минуту были уже в курсе всех событий, и Шурочка даже если захотела бы увести их в дом к Бакшт, не смогла бы этого сделать.

Удалов под наблюдением Елены Сергеевны заворачивал в оберточную бумагу принесенные вещи. Эрик с Грубиным вынимали из подземелья последние

предметы, Миша Стендаль принимал их, складывал на асфальт.

Пахло тройным одеколоном. Запах испускал высокий костлявый старик с желтоватой, недавно подстриженной бородой. Старик нервничал, ломал корявые пальцы.

Провизор Никита Савич, обогнавший Шурочку, увидел Ваню и вернул ему спичечную коробку.

— Баба,— сказал Ваня,— пошли домой.

— Ты что тут делаешь? — удивилась Елена Сергеевна.— Где Шурочка?

— Я здесь,— сказала Шурочка.— Я беспокоиться начала куда вы пропали но потом пошла с Ваней и вспомнила у меня экскурсия и пионеры ждут и мы пошли в школу и зашли к вам.

Ваня тем временем заинтересовался дыркой в земле, подошел поближе, нагнулся и свалился в провал.

Толпа ахнула.

Но с Ваней ничего страшного не случилось. В этот момент кверху поднимался стул. Ваня встретился с ним на полпути, упал на него и через несколько секунд уже вернулся на поверхность.

Однако его падение послужило завязкой других событий.

К провалу бросились провизор Савич, старик, пахнущий тройным одеколоном, Миша Стендаль и Удалов, который понял, что его видение оказалось вещим. Четверо столкнулись над провалом и помешали друг другу подхватить ребенка. Удалов, самый несчастливый, натолкнулся на старика, потерял равновесие и кулем свалился вниз.

В замешательстве, вызванном возвращением Вани и исчезновением Удалова, старик с палкой неожиданно подхватил одну из бутылей, отбросил самшитовую палку и, взметывая колени, побежал по улице.

Елена Сергеевна прижимала к груди ничуть не испуганного Ваню. Она этого не видела.

Провизор Савич хотел было крикнуть «Стой!», но счел неудобным. Только Миша Стендаль, быстро сообразивший, что к чему, бросился вслед. Старик нырнул за угол.

За углом был двор. Во дворе стояла бутыль. Старик прислонился к стене. Он дышал редко, втягивая воздух, как чай,— с хлюпаньем.

— Возьмите,— сказал он.— Я пошутил. Только не разбейте.

Стендаль все-таки сделал шаг к нему, не к бутылке. Бутыль сама не уйдет.

— Не трогайте меня,— сказал старик строго.— Возьмите бутыль и идите обратно.

В глазах старика вспыхнули яростные огни, и Стендаль не посмел ослушаться.

Он обнял бутыль, тяжелую и согревшуюся под солнцем. Повернулся и шагнул за угол. И встретил остальных преследователей. Он шел быстро, решительно, и никто не подумал, что преступник не задержан. Люди послушно последовали за бутылью. Так и вернулись к провалу.

Тем временем Грубин с экскаваторщиком вытащили Удалова, у которого была повреждена рука. Первую помощь ему оказали в аптеке.

Добычу понесли в музей. Идти недалеко, и помощников достаточно. Впереди шла Елена Сергеевна, вела за руку Ваню и несла одну из книг, потоньше прочих, порастрепанней. За ней Миша Стендаль с двумя бутылями. Темная жидкость полоскалась в них и раскачивала Мишу. Фотоаппарат бился между бутылями и стучал в грудь.

Потом шли пионеры с Шурочкой во главе. Каждому досталось по находке. Последним шел экскаваторщик Эрик и нес стул.

Музей был заперт по случаю выходного дня. Но сторожиха вышла с ключами — она хранила верность старому директору, хотя и дотошной, но образованной.

Елена Сергеевна прошла прямо в кабинет директора. Там все и сложили частично на пол, частично на кожаный диван для посетителей из области.

Когда все ушли, Елена Сергеевна уложила Ваню на диван, подвинув находки, а сама провела еще час, проглядывая книги и разбирая надписи на бумажках, приклеенных к бутылям костяным клеем. Потом две малые бутылки заперла в сейф, а с собой взяла потрепанную тетрадку.

Ваня все время хныкал, требовал мороженого. Елена Сергеевна была задумчива, вспоминала прочитанное, недоуменно покачивала головой.

...Удалову Савич наложил шины и спросил, дойдет

ли он сам до больницы сделать рентген. Но Удалову стало совсем худо. Он лежал в комнате, где делают лекарства. Обе молоденькие помощницы Савича ему сочувствовали, и одна принесла воды, другая приготовила шприц — сделать обезболивающий укол. Но Удалова это внимание не трогало. Его мутило от аптекарского запаха, который ни провизор, ни девушки не замечали — привыкли. Грубин рассматривал химикалии, запоминая на будущее, что есть в наличии: может, когда-нибудь пригодится.

Савич позвонил по телефону, и приехала «скорая помощь». Приехала с опозданием — пришлось объезжать по переулкам: провал мешал движению.

Удалов все порывался отдать распоряжения, но голос ему отказывал. Ему казалось, что он говорит, но окружающие слышали только невнятные стоны и послушно кивали, чтобы успокоить больного. Корнелию, отуманенному уколом и дурнотой, чудилось, как незасыпанный вовремя провал начинает осыпаться с краев и поглощать дома. Вот уполз внутрь универмаг, и через черный ход выскакивают продавщицы во главе с Вандой Казимировной. И пытаются спасти некоторые товары из ювелирного отдела. За универмагом — Корнелий увидел это явственно — уползает в глубь земли церковь Параскевы-Пятницы (слава богу, что хоть покрасить не успел), архивные материалы, смятенные катаклизмом, вырываются из узких окон и взлетают белыми лебедями в гуслярское небо. А навстречу архиву в пропасть едет речной техникум. Толстостенные монастырские здания сопротивляются земному тяготению, гнутся на краю. Дюжие мальчики, взявшись за канаты, стараются помочь своим общежитиям и классным комнатам, но все без толку — как нитки, рвутся канаты, бегут врассыпную мальчики, и монастырь, вплоть до золотых куполов, проваливается в бездну...

Тут Корнелий Удалов потерял сознание.

Грубин проводил носилки с Удаловым до «скорой помощи», попрощался с провизором и его помощницами, велел врачам активнее бороться за жизнь и здоровье больного, потом пошел домой.

Первое дело было самым тяжелым — рассказать жене соседа о беде.

Грубин постучал к ней в дверь.

— Ну как? — спросила Ксения Удалова, не оборачиваясь. Она была занята у плиты, готовила обед.— Обменяли?

— Корнелий в больницу попал,— без подготовки сказал Грубин.

— Ах!

Жена Корнелия уронила кусок мяса мимо кастрюли, прямо в помойное ведро.

— Что с ним? Я не переживу...— прошептала она.

— Ничего страшного,— смягчил удар Грубин,— руку вывихнул. Максимум — трещина в кости.

Жена Корнелия смотрела на Грубина круглыми злыми глазами — не верила.

— А почему домой не пришел? — спросила она.

— Ему в больницу пришлось идти. Может срастись неправильно. Но врачи обещают — все обойдется.

Жена Корнелия все не верила. Она сняла фартук, бросила на пол, и фартук мягко опустился вниз, храня форму ее объемистого живота. Она наступала на Грубина, как пума, у которой хотят отнять котенка, будто Грубин во всем виноват. Мысли ее были сложными. С одной стороны, она не верила Грубину, думала, тот хочет успокоить, а в самом деле Удалову плохо, очень плохо. Но тут же, зная мужа, она предполагала заговор: пребывание Удалова в пивной или, того хуже, в вытрезвителе. Такого с Удаловым не случалось, но случиться должно было обязательно в силу его невезучести.

— Где он? — требовала она. И Грубин не верил глазам своим. Еще вчера вечером была она добра к нему, стучалась в холостяцкую комнату, звала пить чай.

— В городской больнице,— сказал Грубин быстро, мотнул шевелюрой, шмыгнул к себе, дверь захлопнул и прислушивался — не рвется ли?

Не рвалась. Выскочила во двор и побежала к больнице.

Грубин снял черный пиджак, постоял немного, держа его на вытянутой руке. От пиджака веяло жаром, исходил пар. В шкафу скреблись.

— Погоди.— Грубин положил проветренный пиджак на аквариум. Достал ключик, отворил шкаф.

Ворон вышел на пол, застучал когтями, размина-

ясь, расправил крылья, поглядел зло на аквариум и по-куриному протрусил к старому кожаному креслу с вылезающими пружинами.

Кресло, как и многое в комнате Грубина, досталось ему почти задаром, через лавку вторсырья, которой он заведовал. Любая вещь, кроме микроскопа, стоявшая, лежавшая, либо валявшаяся в углу, была добыта им по случаю и могла похвастаться длительной историей.

Взять, к примеру, кресло. Пружины его были сломаны от излишнего пользования, торчали опасно. Один подлокотник был начисто лишен кожи, второй — цел. Очевидно, владелец любил опираться о локоть. Еще были два пореза на сиденьи, будто кто-то вспарывал кресло саблей, да сквозные отверстия в спинке. Может быть, стреляли в спину сидевшему. Картину дополняли всевозможные пятна, от чернильных до яичных, разбросанные в различных местах.

Ворон метко вспрыгнул на кресло, чтобы не напороться на обломок пружины, нахохлился.

Ворон был обижен недоверием.

— Хочешь погулять? — спросил Грубин.

Он подошел к окошку и открыл его.

Ворон еще с минуту крепился, обижался. Потом прыгнул на подоконник. И улетел.

— Ну ладно.— Грубин заткнул за пояс голубую майку. Идти на рынок, открывать лавку, принимать от населения бутылки и вторичное сырье не хотелось. День вышел увлекательный.

Грубин поднял ногу, повозил ею о другую, стаскивая ботинок. Повторил операцию со вторым ботинком.

Со двора в комнату плыла истома и медовый запах лип.

Грубин улегся на кровать с никелированными шарами на спинке, но спать не стал — смотрел, как на захламленном верстаке крутится, поскрипывает вечный двигатель. Маленький, опытная модель. Двигатель крутился второй месяц, только в плохую погоду отсыревал, и его приходилось тогда подталкивать рукой.

Грубин был доволен жизнью. Она ничего не требовала от него, но оставляла время для невинных удовольствий и рукоделий.

7

Шурочка подвела пионеров к комнате Милицы Федоровны Бакшт. С ними увязался Миша Стендаль. Пришлось и его взять. Постучала осторожно. Знала, что у старухи слух хороший. Если не спит, откроет. Прислушалась. Ей показалось: за дверью голоса, шепот, шаги. Потом стихло.

— Сейчас,— сказала за дверью Бакшт.— Входите.

Все в комнате как прежде: та же застойность замкнутого воздуха, те же акварели и гравюра на выцветших обоях, банки с дремучими цветами на подоконнике, в углу фикус в расползшейся кадке, Милица Федоровна сидит за круглым столом. На скатерти, темно-зеленой, чуть тронутой молью, альбом в красном сафьяновом переплете с золотыми застежками в виде львиных голов.

Милица Федоровна выглядела странно. Она будто утеряла долю своей царственности, обмякла, сломалась. Редкие белоснежные волосы, сквозь которые просвечивала розовая сухая кожа, чуть растрепались на висках, чего никогда ранее не было. Пергаментные щеки были в пятнах, темных, почти красных.

— Извините,— сказала Шурочка.— Мы к вам пришли, как договаривались. Вы нам рассказать обещали.

— Помню.— Бакшт кивнула.— Пусть дети войдут.

Дети вошли, поздоровались. Старуху Бакшт они раньше не видели и удивились, что бывают такие старые люди. Голова Милицы Федоровны совсем ушла в плечи, руки распухли и лежали на столе будто чужие, неживые. Нос спустился к верхней губе, и даже на нем были глубокие морщины. Только глаза, большие, серые, в темных ресницах, разнились от остального.

— Садитесь,— сказала Милица Федоровна.— Ведите себя тихо и не курите.

— Не курю,— сказал Стендаль, потому что Шурочка посмотрела на него строго.

— Я не могу уделить вам время, коего вы бы желали,— продолжала старуха.— Посмотрите мой альбом. Подойдите к столу, не робейте.

В комнате произошло движение, воздух качнулся, запахи шафрана, камфары, ванили перемешались между собой, и к ним прибавился выскочивший из-за ширмы запах тройного одеколона.

Стендаль потянул носом, посмотрел на ширму. Из-под нее видны были носки мужских сапог. Знакомые носки. Сапоги принадлежали старику похитителю. Но Миша ничего резкого предпринимать не стал. Пока дети склонялись над альбомом, начал незаметно передвигаться к ширме.

— На этой фотографии,— говорила размеренно старуха,— изображена я в форме сестры милосердия.

— До революции? — спросил рыженький пионер.

— Да, в Севастополе.

Значение этих слов ускользнуло от пионеров. Шурочка удивилась. Она этот альбом раньше не видела. Средних лет женщина в длинном белом платье и наколке на голове стояла на фоне мешков с песком, окружавших старинную пушку. По обе стороны ее — офицеры в высоких фуражках. Лицо одного было чем-то знакомо...

— Кто это? — спросила Шурочка.

— Один знакомый. Не помню уж сейчас, как его звали,— сказала Бакшт.— Кажется, Левочкой.

Стендаль продолжал движение к ширме. Он на ступал на носки и только потом опускал пятки. Пока его движение не было замечено.

— А тут стихи поэта Полонского. Вы, очевидно, не знаете такого. Это был отличный поэт. Сам государь император высоко о нем отзывался.

Стихи были посвящены хозяйке дома.

Милица Федоровна начала читать их на память, и пионеры следили за ней по тексту. Читала она правильно.

До ширмы оставалось метра полтора. Носки за шевелились и отступили вглубь. Облезлая серая кошка выскочила из-за ширмы и бросилась на грудь Стендалю. Миша от неожиданности отскочил. Чуть не свалил фикус.

— Господи! Что происходит? — закричала молодым голосом Милица Федоровна.

— Кошка,— объяснил Стендаль.

— Вернитесь немедленно сюда,— сказала Мили

ца Федоровна.— В ином случае я буду вынуждена указать всем на дверь.

— Я ничего...— смутился Стендаль.— Мне показалось...

— Миша! — строго сказала Шурочка.

В комнате наступил мир. Стендаль вернулся к столу. Он тоже стал смотреть альбом, но глазом косил на ширму. Кошка улеглась старухе на колени и тоже косила глаза — на Мишу. Как бы угрожала.

— А теперь обратимся к моей молодости,— сказала Бакшт. Она торопилась, волновалась. Говорила громко.

На следующей странице была нарисована акварелью девушка в платье с глубоким вырезом на груди.

— Это я,— сказала Милица Федоровна.— В бытность мою в Санкт-Петербурге. А эти стихи написал мне в альбом Александр Сергеевич Пушкин. Он танцевал со мной на балу у Вяземских.

Пионеры, Шурочка и Стендаль замерли как пораженные громом. Старуха сказала эти слова так просто, что не оставалось места для недоверия. Страница была испещрена быстрыми летучими буквами. И внизу была подпись: «Пушкинъ».

В этот момент из-за ширмы быстро вышел старик с желтоватой бородой и, в два шага достигнув двери, исчез за нею, унеся с собой настойчивый одеколонный запах. Никто не заметил его. Даже Стендаль. Только сиамская кошка проводила его разными глазами: один — красный, другой — голубой.

8

Вечер, пожалев измученный жарой и происшествиями город, выполз из-за синего леса, отогнал солнце к горизонту и принялся играть красками заката. Пыль отсвечивала розовым, дома порозовели, зазолотились стекла. Лишь провал остался черным на сизом асфальте. Вокруг уже было надежное ограждение: веревки на столбиках. Все смягчилось — и воздух и люди. Кто шел в кино или просто погулять, останавливались у провала, распространяли различные слухи о сказочных находках, сделанных в нем. Рассказывали об одном экскаваторщике, унесшем

втихомолку золотую цепь в два пуда весом, и хвалились знакомством с ним. Указывали на следователя, что гулял с женой по Пушкинской, уверяли, что не гуляет, а выслеживает. Экскаваторщику сильно завидовали, но надеялись, что его поймают и дадут по заслугам.

Удалов лежал у окна в небольшой палате. Боль в руке утихла. Грубин угадал — оказалась трещина. Хоть в этом повезло. Обещали завтра отпустить домой. Прибегала жена. Сначала беспокоилась, сердилась, потом оттаяла, принесла из дома пирог с капустой. Перед уходом постояла у окна, подержала мужа за здоровую руку.

Прибегал сын Максимка, приводил друзей из школы, хвастался отцом в больничном окошке.

Проходившие люди кивали, здоровались. Удалову внимание надоело, он отодвинулся от окна, подогнув ноги и переложив подушку на середину кровати. Он не знал, что его имя также склоняют в связи с сокровищем. Одни говорили, что Удалов пострадал, задерживая человека с золотой цепью. Другие — старался убежать вместе с преступником для дележа добычи, но оступился.

Пришел к провалу и провизор Савич. Посмотрел в непроглядную глубину и решил все-таки зайти в гости к Елене. Давно не был. Домой ему идти не хотелось.

Пока Савич добрался до Кастельской, наступили сумерки. Первые фонари зажелтели по улицам. В окне Елены горел свет. Она читала. Савич вдруг оробел.

Напротив, у автобусной остановки, стояла скамейка — чугунные ножки в виде лап. Савич сел, сделал вид, что поджидает автобус, а сам повторял мысленно речь, которую произнес бы, если бы набрался храбрости и вошел к Елене.

Он сказал бы: «Елена, сорок лет назад мы не закончили разговора. Я понимаю, дело прошлое, время необратимо. Где-то на перекрестке мы избрали не ту дорогу. Но если, Елена, ошибку нельзя исправить, в ней стоит хотя бы признаться».

Темнело медленно, и небо на западе было зеленым. Дюжий мальчик из речного техникума не дождался Шурочку на девятичасовой сеанс, продал лишний билет и пошел один. И пил с горя лимонад в буфете.

Удалов поужинал без аппетита и задремал, обдумывая один план.

Старухе Милице Федоровне Бакшт не спалось. Она достала трость, с которой выходила в собес или на рынок, накинула кашемировую шаль с розами темно-красного цвета и пошла погулять. По пути раздумывала, не совершила ли ошибки, показав автограф Пушкина пионерам. Но дело шло о ее женской чести — Любезному другу надо было уйти незамеченным.

Грубин проснулся, покормил рыбок, потушил свет и отправился проведать соседа, Корнелия Удалова.

Ванда Казимировна, директор универмага и супруга Савича, поела в одиночестве остывший ужин, взгрустнула и стала мучиться ревностью.

Совсем стемнело. Над лесами собралась гроза, и зарницы вырывались из-за гребенки деревьев, будто злоумышленник сигналил фонарем.

Удалов шептался с Грубиным, стоявшим под окном больницы. Удалов решил убежать и ждал удобного момента. Назавтра ему вновь собирались делать рентген и процедуры,— он их боялся. Было и другое соображение. Кончался квартал — надо срочно покончить с провалом и другими недостатками. Удалов сильно рассчитывал на премию.

Сторожиха музея проверила, заперты ли все двери-окна. Посидела на лавочке под отцветшим кустом сирени, но комары скоро прогнали ее в дом. Она вздохнула, перекрестилась на здание городского архива и ушла.

На реке было тихо, и ее лента с черными полосками заснувших барж была чуть светлее синего неба.

Во двор музея вошел старик с тяжелой палкой. Запах одеколона отпугивал комаров, те кружили, кричали комариными, тонкими голосами, сердились на старика, но сесть не осмеливались. Старик медленно поднялся по лестнице на крыльцо; не спешил, утихомиривал скрип ступенек. Прислушался у двери, рассеянно водя пальцем по стеклянной вывеске «Городской музей».

Из парка долетало буханье барабана — играли вальс «На сопках Маньчжурии». Никого.

Старик вынул из кармана отмычку и принялся елозить ею в солидном музейном замке. Замок долго

сопротивлялся — старый был, надежный,— но поддался, оглушительно щелкнул. От замочного звука заахали, замельтешили окрестные собаки. Старик поглядел на дверь сторожки — нет, сторожиха не обеспокоилась... Старик снял замок, положил осторожно на перила и потянул на себя дверь, обшитую коленкором. Тянул и ждал скрипа. При скрипе замирал, потом снова на полвершка оттягивал дверь на себя. Наконец образовалась щель. Старик просунул вперед палку, потом сам проскользнул внутрь с ловкостью, неожиданной для своего возраста. Прикрыл за собой дверь. Прислонился к ней широкой сгорбленной спиной и долго хрипел — отдыхал от волнения.

Сначала старик сделал ошибку — отправился в музейные фонды. Он знал расположение комнат. В темноте спустился вниз, в полуподвал, поработал отмычкой над фондовой металлической дверью,— торопился и потратил на открывание минуты три. Анфилада фондовых комнат тонула во тьме. Старик вынул из кармана тонкий, с авторучку, фонарик, и, прикрывая его ладонью от окон, медленно прошел по комнатам.

Портреты уездных помещиков в золотых багетах глядели со стен, разрозненные гарнитуры, впритык друг к другу, заполняли комнаты. В шкафах таились выцветшие сарафаны, купеческие платья и мундиры городовых. Керосиновые лампы с бронзовыми и фарфоровыми подставками тянули к потолкам пыльные фитили, и давно остановившиеся позолоченные часы — пастух и пастушка — поблескивали под случайно упавшим лучом фонарика.

В фондах не было того, что искал старик. Он вышел, закрыл за собой дверь — запирать не стал: времени нет — и остановился в задумчивости. Куда они могли всё спрятать? Потом крякнул: как же раньше не догадался? И поспешил, постукивая палкой, в кабинет директора на втором этаже.

На этот раз он не ошибся. Три бутыли и колба стояли на столе, рядом с макетом памятника землепроходцам. И две книги. Еще книги и пустые реторты лежали на черном кожаном диване.

Движения старика приобрели силу и уверенность. Он ощупывал бутыли, светил им фонариком в бока,

угадывал жидкость по цвету. Одну бутыль раскупорил и понюхал. Сморщился, как от доброго табаку, чихнул и заткнул снова резиновой пробкой. Перебрал книги на диване. Одну реторту, с порошком на дне, положил осторожно за пазуху. Еще раз пересмотрел бутыли и книги.

Никак не мог найти чего-то крайне нужного, ценного, ради чего пришел сюда в такой час.

Старик тяжело вздохнул и остановился в задумчивости у сейфа. Сейф вызывал в нем подозрения. Двух бутылок не хватало. Старик с минуту постоял, раздумывая: почему пропали именно те две бутыли? Ему вдруг захотелось, чтобы их в сейфе не оказалось, ибо если они отделены от остальных, значит, кто-то разгадал, хотя бы частично, его секрет.

Сейф сдался через двадцать минут. На верхней полке его лежали музейные важные дела, ведомости членских взносов, печать и менее нужные бумаги. На нижней полке — две небольшие бутыли. Старик угадал, и правильность догадки его не обрадовала. Тем более что отсутствовала одна вещь, наличие которой было необходимо для успеха предприятия. И он начал догадываться, куда она могла деться.

Старик медленно и грустно спустился по лестнице, утопив бутыли в обширных карманах. Забыл, что находится в музее нелегально, широко распахнул входную дверь. Дверь взвизгнула петлями. Старик не слышал визга. Он думал. Дверь гулко захлопнулась. Внизу под лестницей поджидала перепуганная сторожиха, прижав к губам милицейский свисток.

Старик не сразу заметил сторожиху. Из задумчивости его вывел свист, короткий, захлебнувшийся,— сторожиха оробела и не смогла толком дунуть. Рука дрожала, свисток молотил по зубам.

— Ты что здесь делаешь? — спросил старик, все еще думая о другом.— Ты зачем здесь? — повторил он с пристрастием.

— Батюшки! — Сторожиха отступила назад, топча музейную клумбу.— Туда же нельзя. Музей закрыт.

— А я в музей и не собираюсь,— сказал старик. Он пришел в себя, вспомнил, где он и почему здесь.

— Батюшки...— повторила сторожиха.— Неужто

это вы? По голосу узнала. Дитем была, а по голосу узнала.

— Обозналась,— сказал старик.— Я приезжий. Хотел с достопримечательностями ознакомиться. Хожу. Смотрю.

— Да чего же от меня скрываться,— обиделась сторожиха.— Я хоть и дитем была, но помню, как сейчас помню.

— Ладно,— сказал старик. Он уже спустился по лестнице и стоял на дорожке, высясь над сторожихой. Карманы оттопыривались, и жидкость явственно булькала в бутылях.

Сторожиха, смущенная встречей, растерянная, уже не злилась. С горечью решила, что старик пьет и спиртное носит в карманах.

— Может, переночевать негде? — спросила она.

Старик помягчел.

— Не беспокойся, старая,— сказал он.— Лето сейчас. Комар меня не берет. Добро всякое кто сегодня приносил в музей?

— Старая директорша, Елена Сергеевна. Они потом еще долго здесь просидели.

— Чего с собой унесла?

— С внуком она была, с Ваней. На пенсии она теперь.

— Книжка была у нее? Старая.

— Она зачастую с книжками ходит.

— Она уходила — книжка была у нее?

— Была, была. Конечно, была, как не быть книжке.

— Давно ушла?

— Еще светло было...

— Куда пошла?

— Домой к себе, на Слободскую...

9

Удалов уже совсем собрался бежать из больницы, но тут кончился девятичасовой сеанс в кино, по улице пошли люди, с разговорами и смехом. Зажигали спички, прикуривали. Луны не было — из-за леса натянуло грозовые тучи. Грубин прижался к стене. Удалов присел за подоконником. В палате уже было темно, свет выключен, больные спят.

— Миновали,— прошептал наконец Грубин, давая сигнал.

Последним прошел киномеханик, звеня ключами от кинобудки.

Можно было начинать бегство. Удалову очень хотелось, чтобы прошло оно незаметно и благополучно. Если его поймают сейчас и вернут, будет немало смеха и издевательских разговоров. Но утра ждать нельзя. Утром в больнице наберется много врачей и персонала. Не отпустят. Удалов оперся на здоровую руку и сел на подоконник.

Сзади скрипнула дверь... Сестра. Удалов зажмурился и прыгнул вниз, в руки Грубину. Больную руку держал кверху, чтобы не повредить. Так и замерли под окном скульптурной группой.

Перед носом Корнелия шевелились грубинские пышные волосы. Удалов зажмурился, ожидая сестринского крика. И ему уже чудилось, как зажигаются во всех больничных окнах огни, как начинают суетиться по коридорам нянечки и медсестры и все кричат: «Убежал! Убежал! Обманул доверие!»

— Ай! — простонал Корнелий.

Грубин толкнул его головой в рот, чтобы хранил молчание.

В палате было тихо. Может, сестра не заметила, что одного пациента не хватает. А может, и не сестра это была, а кто-нибудь из ходячих больных пошел в коридор. Корнелий тяжело вздохнул, обмяк и попросил:

— Подожди минутку, передохну. Я все-таки больной человек.

И тут они услышали тяжелые неровные шаги. Шаги приближались неумолимо и сурово, будто передвигался не человек, а памятник. По самой середине улицы, не скрываясь, прошел высокий старик с палкой. Прошел, неровно и скупо освещенный редкими фонарями, и только тень его еще некоторое время удлинялась и покачивала головой у ног Удалова. Остался запах одеколона, странное бульканье, исходившее от старика, да постук палки.

— Подозрительный старик,— сказал Удалов шепотом. Старика он испугался и потому теперь хотел его унизить.— У провала вертелся, помнишь? Меня в пропасть толкнул.

— Ты сам толкнулся. Нечего уж...— сказал справедливый Грубин.

— И не извинился,— сказал Удалов.— Человека довел до больницы, до травмы, а не извинился. Травма моя — бытовая, и по бюллетеню платить не будут. Надо с него взыскать.

— Кончай, Корнелий,— увещевал Грубин.— Чего возьмешь со старика.

— Я ему иск вменю,— сказал Удалов. Теперь он понял, кто во всем виноват.

Удалов вскочил и, неся впереди больную руку, как ручной пулемет, мелко побежал по улице вслед за стариком. Бежал негромко: ему хотелось узнать, где живет старик, но говорить с ним сейчас, на темной улице, не стоило. У старика палка. А Удалов вне закона. Беглец.

Грубин вздохнул и догнал Корнелия. Он шел рядом и отговаривал. Намекал, что такая погоня может отразиться на здоровье. Удалов отмахивался. От друга и от злых комаров...

Шурочка уже три раза сказала Стендалю, что ей пора домой, но не уходила. Ей и в самом деле пора было домой. Стендаль отвечал: «Нет, посидим еще». Он неоднократно ходил на угол, где стояла мороженщица, и приносил Шурочке эскимо. И снова разговаривал о поэзии, чудесных совпадениях, планах на будущее, преимуществах журналистской жизни, маме, оставшейся в Ленинграде, любви к животным, долголетии и все прерывал себя вопросом: «Посидим еще?»

Шурочке было чуть зябко от предчувствий, но когда стало совсем поздно, она встала и сказала:

— Я пошла. Мама будет ругаться.

— Завтра вы свободны? — спросил Стендаль.

— Не знаю,— сказала Шурочка.— Вы меня не провожайте.

Она боялась, что дюжие мальчики из техникума увидят Стендаля с ней и побьют Мишу.

И тут раздались шаги. Шаги были тяжелые, с палочным пристуком. По улице, направляясь к мосту через Грязнуху, шел старик с палкой. Знакомый запах одеколона сопровождал его.

Стендаль почувствовал, как все внутри его напружинилось. Старик был тайной. В нем было нечто зловещее.

— Идем,— сказал Стендаль.— Этого человека упускать нельзя.

...Милица Федоровна Бакшт в задумчивости гуляла куда дольше, чем положено в ее возрасте. Попала даже на Слободу, чего не случалось уже лет тридцать. Она брела домой в ночи, пора бы спать, слабые ноги онемели, и проносившиеся с ревом автобусы пугали, заставляли прижиматься к стенам домов. Может, уже и не дойти до дома, до фикуса и шафранной полутьмы. Кошка послушно семенила сзади, стараясь не отставать, и глаза ее горели тускло, как в тумане.

Крупная женщина обогнала Милицу Федоровну, но не посмотрела в ее сторону. Женщину Милица Федоровна знала плохо — видела раза два из окна, когда та выходила из универмага.

Савич узнал жену по походке. Когда-то этот перезвон каблуков его пленял, казался легким, элегантным. Потом прошло — осталось умение угадать издали, среагировать. И сейчас среагировал. Понял, что жена мучается ревностью, разыскивает его. В два прыжка перемахнул через улицу и спрятался за калиткой во дворе Кастельской. Ванда Казимировна задержалась перед окном, заглянула, увидела, что Кастельская одна. Сидит за столом, читает. Савича там нет. Успокоилась и пошла дальше, к мосту, медленнее, как бы прогуливаясь.

Савич собрался было вернуться на улицу, но только сделал движение, как снова послышались шаги. С двух сторон. Одни — тихие, шаркающие, будто человек не двигается с места, а устало вытирает ноги о шершавый половик. Другие — тяжелые, уверенные. Савич остался в тени. Калитка дернулась под ударом, распахнулась. Задрожал заборчик. Высокий старик с палкой ворвался во двор, чуть не задел Савича плечом, обогнул дом и — раз-два-три! — взгромоздился по ступенькам к двери. Постучал.

Савич выпрямился. Старика он где-то видел. Старик ему не понравился. Было в нем нечто агрессивное, угрожающее Елене. Савич хотел подойти к старику, задать вопрос, но удержался, боялся попасть в неудобное положение: сам-то он что здесь делает?

Пока Савич колебался, произошли другие собы-

тия. Во-первых, дверь к Елене открылась, и старик, не спрашивая разрешения, шагнул внутрь. Во-вторых, в калитку вбежал молодой человек в очках. Он тащил за руку очаровательную Шурочку Родионову, подчиненную Ванды. Молодые люди остановились, не зная, куда идти дальше. Тут же перед калиткой обозначились еще две фигуры: одна держала перед собой вытянутую вперед белую толстую руку; вторая была высока, и лохматая ее голова под светом уличного фонаря казалась головой Медузы Горгоны. Удалов заметался перед калиткой, а Грубин вытянул жилистую шею, заглянул в окно Кастельской и сказал:

— Он там.

Удалов тут же устремился во двор, обогнал, не видя ничего перед собой, Шурочку с ее спутником и принялся барабанить в дверь.

— Что-нибудь случилось? — спросил Савич, выйдя из темноты.

— Не знаю,— искренне ответил Грубин.— Может быть.

— Я ж тебе говорил,— сказал Миша Стендаль Шурочке и тоже подошел к крыльцу.

Первым вбежал в комнату Удалов. Хотел даже поздороваться, но слова застряли в горле. Старик прижал Елену Сергеевну в углу и старался отнять у нее растрепанную тетрадь в кожаной обложке. Елена Сергеевна прижимала тетрадь к груди обеими руками, молчала, смотрела на старика пронзительным взором.

— Ах ты!..— сказал Удалов. Он выставил вперед загипсованную руку и с размаху ткнул ею старика в спину.

Старик сопротивлялся.

На помощь Удалову подоспел Савич: им двигал страх за судьбу некогда любимой женщины.

Старик охал, рычал, но не сдавался.

Уже и Грубин, и Удалов, и Стендаль, даже Шурочка отрывали его, тянули, а он все сопротивлялся, поддаваясь, правда, понемногу совместным усилиям противников.

Бой шел в пыхтении, вздохах, кряканье, но без слов.

А слова прозвучали от двери.

— Прекратите! — сказал старческий голос.— Немедленно прекратите.

В дверях, опираясь на трость, стояла вконец утомленная Милица Федоровна Бакшт. У ног ее, сжавшись пантерой, присела старая сиамская кошка.

Старик отпустил тетрадь и отступил под тяжестью насевших на него врагов. Повел плечами, стряхнул всех и как ни в чем не бывало сел на стул.

— Как дети,— сказала Милица Федоровна.— Дайте стул и мне. Я устала.

10

— Любезный друг,— сказала Милица Федоровна,— вы вели себя недостойно. Вы позволили себе поднять руку на даму. Извинитесь.

— Прошу прощения,— сказал старик смущенно.

Елена Сергеевна еще не пришла в себя. Прижимала к груди тетрадь, не садилась.

— Мой друг не имел в мыслях дурного,— продолжала Милица Федоровна.— Однако он взволнован возможной потерей.

— Мне он с самого начала не понравился,— сказал Удалов.— Милицию надо вызвать.

— Справимся,— сказал Стендаль.

— Так разговора не получится, Елена Сергеевна,— сказал старик.

— Ну-ну,— возразил Удалов. Он был смел: с ним была общественность.— Я руку из-за вас сломал.

— Сам прыгнул,— сказал старик без уважения.

— Любезный друг,— сказала старуха Бакшт,— боюсь, что теперь поздно ставить условия.

Затем она обернулась к Удалову и Стендалю и сказала:

— Мой друг не повторит прискорбных поступков. Я ручаюсь.— В голосе ее звучала нестарушечья твердость.

Удалову стало неловко. Он потупился. Стендаль хотел возразить, но Шурочка дернула его за рукав.

— Я полагаю,— продолжала Бакшт,— что наступило время обо всем рассказать.

— Да, стоит объясниться,— сказала Елена Сергеевна.

Она положила злополучную тетрадь на стол, на видное место.

— Что вы знаете? — спросил старик у Елены Сергеевны.

— То, что написано здесь.

Старик кивнул. Оперся широкими ладонями о набалдашник палки. Был он очень стар. Неправдоподобно стар.

— Ладно,— сказал он.— Суть дела в том, что я родился в тысяча шестьсот третьем году.

Удалов хихикнул. Засмеялся негромко, поглаживая курчавые ростки вокруг лысины, Савич. Заразился смехом, прыснул Стендаль. Широко улыбался Грубин. Шурочка тоже улыбнулась, но осеклась, согнала улыбку, вспомнила альбом старухи Бакшт.

Сама Бакшт не смеялась.

...Ванда Казимировна заглянула в окно, увидела мужа веселым, в компании. Это переполнило чашу ее терпения. Она вошла в дом. Она была в гневе. Топнула мускулистой ногой, прерывая веселье, и спросила, обращаясь большей частью к мужу:

— Смеетесь? Веселитесь?

Савич опал с лица. Хотел встать, извиниться, хотя и не был виноват. Но и тут порядок навела старуха Бакшт. Она сказала громко и строго:

— Кто хочет смеяться, идите в синематограф. А вы, мадам, садитесь и не мешайте разговору.

Удивительно, но всем расхотелось смеяться. И Ванда Казимировна села на свободный стул рядом с Шурочкой, и притихла.

Старик будто ждал этой паузы. Он сказал размеренно:

— Я родился в тысяча шестьсот третьем году.

На этот раз никто его не перебил, никто не улыбнулся. Стало ясно, что старик не врет. Что он в самом деле родился так давно, что он — чудо природы, уникум, судьба которого таинственным и чудесным образом связана с провалом на Пушкинской улице.

— Отец мой был беден. Мать умерла от родов. Жили мы здесь, в городе Великий Гусляр, на Вологодской улице. Отец был сапожником, крестили меня в Никольской церкви, что и поныне возвышается на углу улицы Красногвардейской и Мира. Окрестили Алмазом. Ныне имя редкое и неизвестное.

Старик закашлялся. Кашлял долго, сотрясал большое, видно совсем уже пустое внутри, тело.

— Испить не найдется, Елена Сергеевна? — спросил старик.

Шурочка сбегала на кухню, принесла стакан холодного молока. Старик выпил молоко, вытер не спеша усы синим платком.

— Мальчиком отдали меня в услужение купцу Томиле Перфирьеву, человеку скаредному, нечистому на руку. Бил он меня нещадно. Но рос я ребенком сильным, хотя мясо видал лишь по большим церковным праздникам. Помню, были слухи о поляках, которые взяли Москву. До нас поляки, правда, не добрались, но было великое смятение.

Старик говорил медленно, стараясь вобрать в современные, понятные слушателям слова события семнадцатого века. Будто сам уже не очень верил в то, что были они. И сам себе казался лживым,— что за дело этим людям до бестолкового шума базарной площади, до заикающегося дьяка с грамотой в руках, до затоптанной нищенки и тройного солнца — зловещего знамения!

Было ли такое или подсмотрено в кино через триста лет?

— Кому скучно, может уйти, не настаиваю,— сказал вдруг зло старик. Ему почудились насмешки на лицах.

Никто не ответил. Провизор Савич понимал, что надо требовать доказательств, потому что иначе получался кошмар. Нереальность подчеркивалась тем, что в одной комнате, впервые за много лет, оказались Ванда и Елена.

Старик молчал, смотрел пронзительно, и утихал скрип стульев, шевеление, перегляды.

— Уличил я как-то хозяина в обмере, и это случилось на людях... Шрамы эти до сего дня не совсем сгладились — избил он меня. Ничего, отдышался, но кличку приобрел «Битый». Так звали. Получается — Алмаз Битый. Правда, я имя неоднократно менял, и в советском паспорте написано Битов. Но это не так важно. Подрос я, убежал из Великого Гусляра, и начались мои многолетние странствия. Сначала пристал я к торговым людям, что шли в Сибирь. Молодой я еще был и многое принял на себя. Если рас-

сказывать, получится длительный роман со многими приключениями.

Дошел я с казаками до земли Камчатской, бывал и в Индии, а когда вернулся в Россию, было мне уже под пятьдесят, обладал я некоторой известностью как отважный и склонный к правде человек, и если кто из вас имеет доступ к архивам, то сможет найти там, коли уцелело после многих пожаров, столбцы, в которых упомянуто о моих делах и походах. Было вокруг угнетение и чванство, обиды и скорбь. И тогда я подался на юг, в Запорожскую Сечь. Стал я полковником запорожского войска и думал, что завершу жизнь в походах и боях, но случилось однажды такое событие...

Старец Алмаз прервал речь, помолчал с полминуты.

Слушатели заинтересовались, поддались гипнозу сухих фраз, за которыми вставали события, правдивые потому, что говорилось о них так кратко и сдержанно.

— Вам такого имени, как Брюховецкий, Ивашка Брюховецкий, слыхать не приходилось? И вам, Елена Сергеевна? Это понятно. Человек этот канул в Лету и известен только историкам-специалистам. А ведь в мое время имя его на Сечи, да во всей Руси, было весьма знаменитым. Для людей он был гетманом запорожским, для меня — прямым начальником...

Вызывает этот Брюховецкий меня к себе и говорит: «Есть к тебе, Алмаз Федотович, тайное и срочное дело. Порадовал меня царь грамотой, велел охрану выслать, старца Мелетия встретить и до безопасных мест проводить. Я-то людей послал, да они пощипали того старца, все, что при нем было — шесть возов да грамоты заморские,— себе взяли. Теперь царь гневается. Где, спрашивает, награбленное? Второй день у меня подъячий тайного приказа Порфирий Оловенников сидит, списки награбленного показывает, требует вернуть. Грозит... Выручай, Алмаз. Что делать?» Я сразу понял: юлит Ивашка Брюховецкий, потому как не иначе грабители с ним щедро поделились. А расставаться с добром кому захочется. Я и спрашиваю: «Грамотки где? Вряд ли царь стал Оловенникова, хитрого человека, к тебе посылать

из-за шести возов. Грамотки покажи». Брюховецкий поотнекивался — вроде не знает, где грамоты, слыхом не слыхивал. Потом вспомнил вроде, принес. Я попросил разобраться. Брюховецкий спорить не стал. Сказал только — с утра призовет, чтобы все было ясно. И вернулся я к себе домой...

«По-моему, я встречала эту фамилию — Брюховецкий»,— думала Елена Сергеевна. Разогнала воздух перед лицом — надымили курильщики.

Стендалю стало скучно. Он вертелся на стуле, шуметь не осмеливался, кидал взгляды на Шурочку. Удалов баюкал руку — видно, ныла. Грубин слушал внимательно — представлял спесивого гетмана, у которого под дверью сидит московский подьячий из приказа тайных дел.

— Я позвал одного писаря, грека, не помню, как звали. С ним мы грамотки разобрали. И были они любопытные — в них восточные патриархи признавали власть Алексея Михайловича беспредельной. А Никона, русского патриарха, ставили ниже царя. Грамоты были куда как важны — подьячий не зря тратил время. Царь хотел с Никоном покончить, да не смел своей властью патриаршего сана лишить. Послов в Иерусалим, в Антиохию слал, тамошних патриархов задабривал, помощи просил. Был среди бумаг один список — очень меня заинтересовал. Список был с грамоты самого Никона. Честил в ней Никон царя и бояр, звал к правде, жаловался на произвол царский, грозил войной. Очень эта грамота соответствовала моему душевному состоянию,— я много лет справедливости искал, и вот она, писцами переписанная, справедливость, великим человеком высказанная, который против царя и бояр идет. Я тогда в патриаршей политике не разбирался, решил — буду жив, увижу старца, попрошу, чтобы направил меня на путь истинный.

Утром пришел к Ивашке Брюховецкому и советую ему: «Ты, говорю, отдай чего-то из взятого, пустяк отдай. Но вот эти четыре грамоты, патриархами написанные, обязательно возврати. И от тебя царь отступится. Скажи, все у казаков забрал, в церковь сложил, а церковь возьми и сгори». Ивашка меня пытает: «А обойдется ли?» — «Обойдется»,— говорю.

Так Брюховецкий и сделал. Подьячий, как увидел

патриаршие грамотки, в лице цветом восстановил ся,— за этим и ехал...

Старик разговорился, голос окреп; он взмахивал палкой, словно булавой либо саблей, забыл о слушателях — не до них было. События обрастали плотью, пыльные имена превращались в людей.

— Я стремился в Москву. Но попал туда только года через два-три, когда уже к Москве подъезжали через Грузию, по Волге, царем созванные восточные патриархи, чтобы судить Никона. Брюховецкий тогда в Москву поехал, к царю на поклон. И удалось мне через подставных людей с Никоном связь установить.

В то время грозила ему же ссылка простым монахом-чернецом в северный монастырь, но старик не сдавался, борьбу конченной не считал. По-современному говоря, были у него еще большие связи в верхах. За них держался. А с другой стороны, обратил свое внимание к народу. Может, и не от большой любви,— а что делать? Бой-то проигран. Меня Никон пригрел в одном монастыре, старцем Сергием называли. Но саблю я еще в руках держать мог. Сидение в монастыре томило меня, хотя Никон обнадеживал: надвигаются, говорил, времена. Послужишь ты еще, Алмаз, правому делу...

— Вы уж потерпите,— сказал вдруг старик миролюбиво Стендалю, который вынул записную книжку и что-то свое стал писать в ней.— Мне недолго оста лось. Сейчас к делу перейду. Без этого, что рассказал, вам моя позиция и судьба останется неясной.

— Я ничего, я конспектирую,— смутился Стен даль и закрыл книжечку.

— С юга, с Волги, пришли вести: поднялся Стень ка Разин. Он Долгорукому смерть брата своего Ивана простить не мог. Смелый был человек. И хоть Прозоровский, астраханский воевода, ему прощение за старые дела от царского имени высказал, он все равно по Волге пошел, царя решил скинуть. Как на подворье у нас об этом заговорили, понял я — не сегодня-завтра меня к Никону призовут. Был тогда Никон простым монахом, опозоренный, в Ферапонтовом монастыре, в наших вологодских местах, заточен. Но в монастыре его знали, опасались, что он мог еще властью пользоваться. Призвал меня, сказал: «Ты, казак Алмаз, иди к Степану Тимофеевичу на Волгу.

Без меня, говорит, Степану с царем не совладать. Он сам это знает. Слыхал я, есть среди его стругов один, черным бархатом обит, и пустил Степан слух, что в этом струге я плыву. Так поезжай туда, посмотри, вроде как мой посол будешь». Благословил меня Никон, и ушел я на Волгу. Я и в Астрахани был, когда Прозоровского с раската кинули, и Царицын брал, и под Симбирском с войском стоял. Все было. Только, конечно, рясу-то скинул, и хоть звали меня по-прежнему старцем Сергием, дрался я по-казачьи. Тогда-то с Милицей я и познакомился.

Алмаз указал узловатым пальцем на старушку, дремавшую в углу с кошкой на коленях.

Все послушно обернулись к ней.

— Была она тогда и сейчас есть — персидская княжна, про которую известную песню сложили. Будто ее Степан Тимофеевич за борт в Волгу кидал.

— Ой! — удивилась Шурочка Родионова.— Я думала, что это — сказка.

— Не будите ее,— сказал Алмаз. Да никто и не собирался будить Милицу Федоровну.— В песне говорится, что Степан Тимофеевич ее за борт кинул, так неправда это. Грозился, клялся даже, чтобы ревнивых казаков успокоить. Но ведь не бандитом он был. Был он к тому времени государственным деятелем, армию вел за собой. Инцидент, правда, был, признаю. Я тогда на том же струге, что и Степан, находился. Мы спорили с ним сильно. Расхождения у нас были. А тут пришли некоторые руководители. Сказали: Симбирск скоро, там законная супруга ожидает; нехорошо, коли с княжной там появитесь, для морального состояния войск. И Степан Тимофеевич согласился. Девка по-русски ни слова не знала. Только глазищами вертела, с ума казаков сводила. Степан выругался, велел ее мне, как человеку надежному, взять ночью, перевезти на черный никоновский струг. Там она и была. А в Симбирске мы ее в доме одном поселили. И ты, кудрявый, не скалься. Если все будет как надо, завтра вы ее не узнаете. Первая красавица в Персии она была. Первой красавицей и здесь будет.

Старик уморился, перевел дыхание. Воздух проходил в легкие тяжело, громко. Старик вынул пачку «Беломора», закурил.

Вокруг заговорили, но слова были будничные, никто о рассказанном не упоминал, не знал еще, как и что надо будет сказать.

Шурочка принесла напиться Ванде Казимировне.

Елена накинула шаль на плечи Милице Федоровне, чтобы та не замерзла.

За окном была тишь, темень, прохлада. Собака вдали брехала лениво, сонно. Будто комар ее укусил, вот и отругивала его.

— Дальше рассказывать — одна печаль,— сказал старик.— Восстание, как вы знаете, было подавлено. В Арзамасе князь Долгорукий двести виселиц поставил. На каждой по полсотне людей погибло. Вот и считайте... Но меня при том не было. Я с двумя сотнями казаков на север прошел, к Ферапонтову монастырю. Узнал меня Никон, обрадовался, да поосторожничал. Мы его уговаривали: возьмем Кириллов монастырь — там казна большая, пушки — и на Волгу, на помощь Степану спешить надо. Да не осмелился Никон. Остался... А нам возвращаться поздно было. К тому времени Степана с Фролом уже в Москву везли. Казаков я отпустил — пусть каждый, как может, счастья ищет. А сам хотел в лес уйти. Да был один, князь Самойла Шайсупов, приставленный к Никону царем... У Шайсупова соглядатаи, всюду свои люди. Донесли. Поймали меня неподалеку от монастыря, заковали — и в Москву, как самого опасного государева преступника. Я царю — как подарок. Если сознаюсь — конец Никону, что на наш приход да на зазывные речи не донес. Никона и так уже в крепость, в Кириллов монастырь, в строгость перевели. А мои показания были бы ему могильным камнем. Привезли меня в Москву, и тут случилось непредвиденное происшествие, которое к сегодняшнему дню имеет отношение.

11

Руки Сергию завязывали подле кистей веревками, обшитыми войлоком, ноги стягивали ремнями, и поднимали тело на воздух. Палач наступал ногой на конец ремня, тянул, разрывал тело, суставы выворачивались из рук, и потом палач бил по спине кнутом изредка, в час ударов тридцать, и от каждого удара

будто ножом вырезана полоса. Разжигали железные клещи накрасно, хватали за ребра...

Старец Сергий от наветов отказывался. Фрола Разина, его признавшего, встретил глазами пустыми, а чернецам, которые его у бывшего патриарха Никона видели входящим и выходящим, противные слова говорил. Старик Сергий был силен еще, но после пыток сдал, голова болталась, язык распух, и говорить он не мог.

Алексей Михайлович, мучаясь одышкой и страхами, перешел ночью из дворца в подвал Тайного приказа. Нес с собой бумажку, на которой собственной рукой записал вопросы для старца.

«За что вселенских Стенька побить хотел? Они по правде ли извергли Никона и что он им приказывал?» — повторял про себя государь слова записки. «О Кореле. Грамоту от него за Никоновой печатью к царскому величеству шлют из-за рубежа». Это о шведах. Шведы ненадежны, вредны, Котошихина, беглого бунтовщика, спрятали, печатные дворы держат, в курантах про вора Стеньку печатают и

ложные известия о Никоне сообщают. Старец знать про это должен.

Дьяк Данило Полянский шел сзади, на полшага, держал свечу, чтобы государю не удариться головой о притолоку. В переходе было смрадно, вонюче, стрелец у дверей в пыточную засуетился, открывал, пятился, и оттого государю было еще тошней. Полянский сказывал, что старец Сергий молчит. Худо. А если людишки, верные вроде, твердят, что Сергий — не Сергий вовсе, не старец, а казачий полковник.

Ступеньки в подвал склизкие, грязные, могли бы и помыть, все-таки государь ходит, да не стал государь говорить Полянскому, твердил слова вопросов, и слова улетали, запутывались в разных тревожных мыслях, и горело внутри, пекло, видно, напустили порчу немчины, лекари. Горько было царю на людскую неблагодарность, на вражду, местничество, злобу, наветы.

— Лестницы бы вымыли,— сказал вдруг государь Полянскому, хотя говорить уже раздумал.

Мимо камор шли в пыточную. За решетками шевелились тени, бледные руки лезли из тряпья, и цепи звенели, будто отбивали зубную дробь.

Старец Сергий висел на дыбе безжизненно. Седые волосы, в грязи и крови, колтуном торчали вбок, будто боярский сын набекрень надел шапку. Подьячий, что вел допрос, вскочил из-за стола, но царь в его сторону не посмотрел. Подошел к Сергию, заглянул в лицо. Палач, чтобы удобнее государю было, шустро отбежал, отпустил веревку, и Сергий ногами стал на пол, только ноги пошли в сторону — не держали.

— Что сказал? — спросил царь, глядя на старца, столь нужного для спокойствия и торжества власти.

— Молчит,— сказал подьячий тихо. Боялся царского гнева.

Язык, распухший, черный, вылезал изо рта, не помещался. Глаза закатились — не закрывались.

— Мне он живой нужен,— сказал вдруг царь обыкновенно, будто без гнева, а с тоской.

И даже Полянский дрожь почувствовал. Тишайший государь был весьма озабочен, и это многим могло стоить жизни.

— Пусть поутру его дохтур осмотрит, зелье даст. И не пытать, пока сам не кончу.

Алмаза окатили водой, втащили, бесчувственного, в камору, кинули на пол. До утра дохтура звать не стали. Старик крепкий.

Алмазу казалось, что он в пустыне. Жарко и больно ногам, ободранным о камни. И озера лишь манят, а оказываются вихрями, бьющими по обожженной коже. Потом ласковая прохлада коснулась лба. Вода холодная — зубы ломило — сама влилась в рот. Стало легко и блаженно.

— Вам лучше? — спросил тихий, нежный голос, будто прохлада в пустыне.

— Да,— сказал Алмаз. Открыл глаза. В теле была боль, ломота, но была она не так важна, и голова стала ясной. Голос звучал где-то внутри, будто кто-то пальчиком гладил по темени. Рядом, на куче прелой соломы, лежал маленький человек ниц распростершись и касался исхудалыми руками Алмаза; во тьме зрачки светились по-кошачьи.

— Нечистая сила,— сказал Алмаз.— Изыди...

— Тише,— произнес голос в голову у Алмаза. И рот у маленького человека не открывался, сжат был, губы в струночку. Только глаза зеленью светятся.— Тише,— голос покоил, нежил,— услышат — придут. Снова казнить примутся. Я добра желаю. Немощен я, измучен, ноги переломаны.

Темь в каморе стояла, но Алмаз увидал: ноги соседа на соломе распластались, неживы. Кровь изо рта запеклась на щеке. У Алмаза страх миновал. Язык тяжел, но ворочается.

— Пей,— беззвучно сказал сосед, протянул ладошку, а в ней вода, как на листе роса. Не было зла и порчи в малом человеке.

Алмаз наклонил голову, слизал росу.

— На дыбе был? — спросил сосед.

— Не жить мне,— сказал Алмаз.— Сам государь поутру примется.

— Бунтовщик ты? — спросил сосед.— Со Стенькой разбойничал?

— Не важно,— сказал Алмаз. Было в нем подозрение, не дьяками ли тайными человек подставлен.

— Не опасайся,— сказал человек.— Я твои мысли знаю. Считай, что дохтур я. Из фрязинской

земли. В колдовстве меня обвинили. Огнем пытали, ноги ломали. Я секрет знаю, как уйти отсюда, да ног нет.

Алмаз долгую жизнь прожил, многого нагляделся. Дохтур так дохтур. На фрязинских землях, на немецких чудес много. И сам Алмаз до Индии ходил, Турцию видел, но в чудеса само собой верил.

— Ты мне о себе расскажи,— молил сосед.— Хоть не словами. Думай — я пойму.

Зеленоватые глаза заглядывали в душу, высматривали, что скрыл; а скрыл Алмаз в рассказе немногое — лишь то, что касалось патриарха Никона. Это пускай сосед читает сам — нечистой ли силой, просто колдовством.

Порой сосед просил повторить, подробности выспрашивал, интересовался, будто не обречен, как и Алмаз, на неминуемую смерть. Доволен оказался. Говорил, что надежда в нем явилась, повезло ему, что сосед — Алмаз. Не надеялся уже, веру потерял. Смерть близка.

Бежать из Тайного приказа некуда, это Алмаз понимал. Никто отсюда не скрылся еще. Может, малый человек ума лишился? А может, слово знает?

— Нет,— сказал сосед.— Слова не знаю. Но вижу сквозь стены. Как ни пытай, не отвечу, не понять тебе.

Алмаз не спорил. Секретные и странные вещи признавал, но сам колдунов и тайных людей бежал. Может, и сквозь стены зрит человек. Дано ему.

— Здесь стена в одном месте тонка,— сказал человек.— В один кирпич. Дверь заложена. В старые времена ход был в другое подземелье, но, видно, после пожара забыли, замуровали. Под Кремлем в разных местах ходы и подвалы вырыты, многие и не найдешь. Давно здесь государи живут, а государям надо тайны иметь, тайники и пыточные места.

За решеткой прошел стрелец. Заглянул в темноту, ничего не увидел. Окликнул:

— Старец Сергий, а старец Сергий, живой ты?

Алмаз промычал нераздельно, простонал.

— Живой,— сказал стрелец.— С утра дохтура приведут. Ровно как к боярину.— Стрелец рассмеялся.— Как к боярину,— повторил. Пошел дальше.

— Как же мы кирпичи разберем? — спросил Алмаз.

— Тише, не говори языком,— сказал как бы внутри головы сосед.— Ты думай, я все угадаю.

— Тяжко, привычки нет.

— Я кирпичи еще со вчера расшатал. Ты меня вытащишь, понесешь. Кирпичи на место положишь. Может, не сразу спохватятся.

— Согласен я,— сказал Алмаз, потому что был человеком трезвым и понимал: не убежишь ночью — новые пытки, а там и смерть, покажется она благостной, долгожданной, как невеста.

— Жди,— услышал он голос внутри.

Человек, опираясь о локти, поволочил безжизненное тело к дальней стене, и от боли его, что передавалась нечаянно Алмазу, мутило, ибо ложилась она на боль Алмаза.

— Сюда ползи, только не шуми,— был приказ оттуда.

И Алмаз подобрался, рукой ощупал тело рядом. Тот подхватил руку, поднес к стене. Один кирпич уже вынут был. Второй шатался.

— Ты сильнее,— слышал Алмаз мысли.— Вынимай их. Раствор старый, крошится. Я перекладывать буду.

Снова прошел стрелец, топотал сапогами: озяб в подвале.

— Караула ждет,— сказал ему сосед.— Думает о том, как бы согреться. Думает, что ты за ночь отойдешь, дохтура не надо будет. И тебе легче. Добрый человек.

Алмаз кивнул, согласился.

Алмаз кирпичи вынимал из стены, сосед перекладывал их в сторону. Ощупал дыру — узка, но пробраться можно. Сосед подтолкнул в спину: «Давай, мол»,— угадал, о чем Алмаз подумал. Алмаз пролез в дыру. Оттуда шел холод и мрак, пыточные камеры Тайного приказа рядом с ним теплым раем казались. Руки уперлись в ледяную жижу. Плечи схватило болью, сил не было тело протащить. Человек сзади подталкивал, да был немощен, без пользы помогал. Свое дыхание Алмаз слышал,— как отдается хрипом по длинному невидимому ходу, шумит, словно домовой в печи.

— Давай, давай еще, поднатужься, немного оста лось. Там воля!..

Слова человека, уговоры в голосе стучали, как кровь, и Алмаз елозил руками по жиже, тянул непослушное тело свое, и оно перевесило, голова упала в вонь и лед, и от того прибавилось силы — от отвращения и жути. Отдохнул самую малость, выпростал из дыры ноги и приподнялся, чтобы лицо отвратить от жижи.

— Меня возьми, не забудь...— умолял человек.

Но Алмаз и не помышлял оставить в беде товарища, тот ему дорогу к воле показал, а Алмаз никогда людей не предавал. И видно, человек угадал его мысли, затих и ждал покорно, пока Алмаз, отдохнувши, протянет к нему в дыру руки и вытянет, немощ ного, бессильного, невесомого, в черный ход.

Алмаз поднялся во весь рост, морщился от боли и злобы на свои непослушные члены. Свод был низок, пришлось пригнуться, и холодные капли падали ожогами на израненную спину. Человека Алмаз взял на руки, словно младенца; на закорках нести не мог, хоть и сподручней — поротая спина саднила. Через несколько шагов переложил под мышку, чтобы рукой одной впереди шарить. Да это и не нужно было — человек подсказывал, куда идти, где поворачивать, словно кошка, во тьме дорогу различал, и Алмаз уже не удивлялся — сил не было на думы: слушался, шел, спотыкался, скользил в грязи.

Прошли подземную палату, потолок вверх ушел, распрямиться можно. Рукой сбоку ощупал — ящики, ларцы, сундуки. Видно, богатства затерянные.

— Нет,— сказал человек,— это книги, столбцы, грамоты. Старые. От царя Ивана Васильевича остались.

— Не слыхал, чтобы царь книгами баловался,— сказал Алмаз.

— Интересовался,— сказал человек.— Тут боль шие богатства спрятаны. Государственные тайны. Их многие уже ищут, да не найти. Ходы с земли не видны.

Далеко сзади, усиленный ходами, будто боевыми трубами, пришел шум, сбивался в кучу, разделялся на голоса.

— Нас хватились,— сказал человек.— Теперь не

найдут. Пока решатся в ходы сунуться да пока по ним проплутают, мы далеко будем.

...Вышли они полузаваленным мусором, населенным летучими мышами и крысами подземным ходом, что кончался на том берегу Москвы-реки, у Кадашевской слободы. Куча бревен да камни — все, что осталось от часовенки,— скрывали древний ход. Рассветало. Мальчишка гнал из ночного коней, а навстречу, чуть видная в тумане, шла баба с ведрами к озерку у Болота. Слева были сады, и там перекликались сторожа — берегли царское добро. Из тумана вылезали, словно копья, колокольни кадашевских церквей. Было мирно, и даже собаки не лаяли, не беспокоили людей в такую обычную ночь.

— Пойдем берегом,— сказал человек.— Знаю, где лодка.

Тут только Алмаз увидел толком спутника. Боль в нем, избитом и истерзанном, была великая. Сквозь рубища смотрели кровоподтеки и синяки, руки были исцарапаны, словно кто-то с них кожу сдергивал, да и на лике целы были одни глаза. Глаза под утренней синевой потеряли кошачий блеск и нутряной свет — были синими, словно воздух, и бездонными, и была в них мысль и мука.

— Ты уж потерпи,— сказал человек.— Донеси меня.

— Неужто,— сказал Алмаз и даже улыбнулся: подумал, что и сам, видно, страшен и непотребен.

— Что правда, то правда,— сказал человек.

Алмаз уже привычно взял его под мышку,— перебитые ноги болтались почти до земли, рассекали высокую прибрежную траву.

Лодка была в положенном месте. Человек снова прав. И весла, забытые либо нарочно оставленные, лежали в уключинах.

Через час добрались до леса, а там пролежали весь день, упрятав в камышах лодку.

Алмаз набрал ягод, сыроежек — поел; спутник от всего отказался, только пил воду, но не из реки, как Алмаз, а из своих ладоней, как в Тайном приказе, когда поил этой водой-росой своего соседа.

Потом снова они шли, обходили деревни, шли и ночью и лишь ко второму утру, чуть живые, добрались до яра, в котором стояло, прикрытое пожелтев-

шими ветками, нечто невиданное, схожее со стругом либо ковчегом, и Алмаз тогда оробел и лишился чувств от бессилия и конца пути.

Очнулся Алмаз внутри ковчега, на мягкой постели, при солнечном свете, хоть и был ковчег без окон. Был Алмаз гол и намазан снадобьями и зельями. Спутник его, в иное переодетый, ковылял вокруг на самодельных костылях, посмеивался тонкими губами, бормотал по-своему, был рад, уговаривал Алмаза, что он — не нечистая сила, а странник. Но Алмаз слушал плохо, тяжко — его тело отказывалось жить и переносить такие муки, била его горячка, и разум мутился.

— Что ж,— услыхал он в последний раз,— придется прибегнуть к особым мерам.

Может, и так сказал странник,— снова было забытье, словно глубокий сон, и во сне надо было удержаться за борт ладьи, а не удержишься — унесет волжская волна, ударит о крутой утес. Но Алмаз удержался, и когда очнулся вновь, все в том же ковчеге, человек сказал ему:

— Опасался я, что сердце твое не выдержит. Но ты — сильный человек, выдержало сердце.

Был человек уже без костылей, бегал резво. Видно, немало времени прошло.

— Нет,— сказал он, опять мысль Алмаза угадал,— один день всего прошел. Погляди на себя.

Человек протянул Алмазу круглое зеркало, и на Алмаза глянуло молодое лицо, чем-то знакомое, чем-то чужое, и подумал сначала Алмаз, что это портрет, писаный лик, но человек все смеялся и велел в зеркало смотреть.

И тогда Алмаз понял, что стал молодым...

— ...Ну вот и все,— сказал старик и снова потянулся к пачке за папиросой.— Он улетел к своим. Я тогда понятия не имел, кто он такой, что такое, откуда. Объяснение воспринял для себя самое простое — дух, вернее всего, божий посланник. Оставил он мне все снадобья, которыми мне молодость вернул, взял с меня клятву, что тайну сохраню, ибо рано еще людям о таком знать. И улетел. Еще велел пользоваться зельем, ждать его, обещал через сто лет вернуться и меня обязательно найти. Я больше ста лет ждал. Не вернулся он. Может, что случилось.

Может, прилетит еще. Один раз я нарушил его завет. Был в Симбирске, разыскал подругу свою Милицу и вернул ей молодость. А с тех пор как себя молодил, так и к ней приезжал, где бы она ни была. И все. Хотите — казните меня за скрытность, хотите — хвалите. Но скоро триста лет будет, а ведь даже Милица по сей день не знала, почему с ней волшебство происходит. Думала, моя заслуга. А уж какая там...

Старик замолчал. Устал. Возвращались в двадцатый век слушатели, переглядывались, качали головами, и не было недоверия. Уж очень странная история. Да и зачем старику ночью рассказывать сказки людям, которые в сказки давно не верят.

Милица все дремала на кресле, кошка — на коленях. Голова склонилась к морщинистым рукам.

— Если так, то пришельцы — не миф,— сказал Стендаль.

Он первый нарушил тишину, что наступает после окончания длинного доклада, прежде чем слушатели соберутся с мыслями, начнут посылать на трибуну записки с вопросами.

— Ну что же теперь? Дадите мне выпить мою долю? — спросит старик.— Я все как на духу рассказал. Мне молодость не для шуток, для дела нужна. И за Милицу прошу. Она мне верит.

— Я и не спала,— сказала вдруг Милица Федоровна.— И все, что Любезный друг здесь говорил, могу клятвенно подтвердить. Мы с Любезным другом монополию на напиток не желаем. Правда?

Старик кивнул головой.

— Может, кто-нибудь из присутствующих здесь дам и кавалеров захочет присоединиться к нам?

12

Человеку свойственно совершать ошибки.

И раскаиваться в них.

И чем дольше он живет, тем больше накапливается этих ошибок и тем горше сознание того, что далеко не все из них можно исправить.

Как только человек осознает, что есть связь между причиной и следствием, он догадывается, что не надо было пожирать разом коробку шоколадных конфет,

растянул бы удовольствие на два дня и живот бы не болел. Это ошибка еще дошкольная. А помните, как вы засиделись у телевизора, глядя уже известный мультфильм, не выучили стихотворение Некрасова, получили двойку и лишились похода в зоопарк. Казалось бы пустяк, а помнишь об этом всю жизнь.

Дальше — хуже. Накапливается неисправимость глупых слов, легкомысленных поступков, упущенных возможностей и несостоявшихся свиданий. И в какой-то момент все эти ошибки складываются в жизнь, которая пошла по неверному пути.

А где тот перекресток, где тот поворот на жизненной дороге, после которого неправильное течение жизни стало необратимым? Где тот проклятый момент, после которого уже ничего нельзя исправить?

Некоторые даже и не догадываются, что совершили роковую ошибку, другие — догадываются, но смиряются и стараются отыскать утешение в том, что еще осталось. Но есть люди, которые всю жизнь маются, вновь и вновь возвращаясь к роковому моменту и втуне изыскивая возможность исправить неисправимое. Нелюбимая жена уже родила тебе троих сорванцов, а любимая, но покинутая Таня живет с ненавистным ей Васей, и вы лишь раскланиваетесь на улице, так и не простив друг друга. Друг Иванов, решившийся плюнуть на теплое и спокойное место и шагнувший в новое, ненадежное дело, уже стал министром или академиком, а ты так и сидишь на этом теплом месте. По радио рассказывают о боксере Н., который только что с триумфом вернулся из дальней зарубежной поездки, ввергнув там в нокаут известного всем Билли Джонса, а ты вспоминаешь, как бросил боксерскую секцию, где подавал куда больше надежд, чем Н., потому что поленился ездить через весь город на двух трамваях.

И вот из всех жизненных разочарований и ошибок вырастает великое и пустое слово: «Если бы».

Вот если бы я женился на любимой, но не имевшей жилплощади Тане!

Вот если бы я вместе с другом Ивановым пожертвовал зарплатой и премиальными ради интересной работы!

Вот если бы я не бросил секцию бокса!

Вот если бы...

Миллион лет назад первый питекантроп превратился в человека. Прожил свою относительно короткую жизнь и перед смертью сказал:

— Вот если бы начать жизнь сначала...

С этого и пошло.

Короли и рыцари, епископы и землепашцы, писатели и художники — неустанно и безрезультатно твердили волшебные слова: «Если бы...».

По мере роста культурного уровня человечества оно изобрело буквы и начало писать книги. И если приглядеться к истории мировой литературы, окажется, что значительная ее часть посвящена той же проклятой проблеме: «Если бы...»

Некий доктор Фауст даже продал свою бессмертную душу ради молодости. А Дориан Грей возложил старение на собственный портрет. Если заглянуть поглубже, то окажется, что даже древний мифологический персонаж Гильгамеш занимался поисками эликсира молодости. И лишь чешский писатель Чапек эту проблему разрешил положительно, описав биографию дамы, которая, пользуясь средством Макрополуса, прожила не старея лет шестьсот. Но ведь это все художественная литература, фантастика, вымысел. А вот если бы...

И представьте себе ситуацию. В небольшом городке, поздним вечером нескольким самым обыкновенным людям, прожившим большую часть жизни и не удовлетворенным тем, как они ее прожили, предлагают воспользоваться случаем и начать все сначала.

Разумеется, никто, кроме наивного Грубина, всерьез слова старика не принял. Не было в этом никаких оснований. И отвергнув нелепую возможность, улыбнувшись и глубоко вздохнув, наши герои готовы были уже разойтись по домам. Но никто не разошелся.

Это чепуха, подумал каждый. Это совершенно невероятная чепуха.

И именно крайняя нелепость чепухи сводила с ума.

Если бы старик предложил, допустим, разгладить морщины на челе или излечить от гастрита, все бы поняли — простой знахарь, мошенник. Но ни один знахарь не посмеет предложить молодость. Даром. За компанию с ним. Никакого псевдонаучного объ-

яснения, кроме дикой истории о космическом пришельце и царе Алексее Михайловиче, старик не предложил. И ни на чем не настаивал. Сам спешил принять.

И пока тикали минуты, пока люди старались переварить и как-то увязать со своим жизненным опытом происходящие события, в каждом просыпался и начинал стучаться, просясь на волю, проклятый вопрос: «А что, если...»

И была долгая пауза.

Ее прервал старик Алмаз. Неожиданно и даже громко он сказал:

— Итак, средство состоит из трех частей. Порошок у меня в кармане. Растворитель в бутылках, что я взял в музее. Добавки составляются из разных снадобий, и рецепт на это заключен в тетради.

Старик Алмаз взял тетрадь со стола и помахал ею, как веером: становилось душно от многолюдного взволнованного дыхания.

Елена Сергеевна постукивала по столу ногтями, старалась разогнать внутреннее смятение, звон в ушах. Сквозь тугой, вязкий воздух пробился к ней внимательный взгляд. Подняла голову, встретилась глазами с Савичем и поняла, что он ее не видит, а видит сейчас Леночку Кастельскую, которую любил так неудачно. И Елена Сергеевна поняла, что Савич скажет «да». В нем это «если бы» ворошилось долгие годы, спать не давало.

Елена Сергеевна чуть перевела взгляд, посмотрела на Ванду Казимировну. Но странно, та смотрела не на мужа, а в синь за окном. Улыбалась своим потаенным мыслям. И Елена Сергеевна вспомнила, какой яркой, крепкой была Ванда, пока не расползлась от малоподвижной жизни и обильной пищи.

— Формально вы не имеете права на пользование находкой. Она — собственность музея,— сказал Миша Стендаль.— Тем более что вы совершили кражу. У государства.

— И это карается,— вмешался Удалов.

— Уже говорили,— сказала старуха Бакшт.— Не ведите себя как российские либералы. Они всегда много говорили в земстве и в дворянском собрании. Ничего из этого не получилось.

Елена Сергеевна пыталась угадать в старухе

черты прекрасной персиянки, но, конечно, не угадала — старческая маска была надежна, крепка и непрозрачна.

— Нет, так не пойдет,— сказал Стендаль.— Необходимо подключить власти и общественные организации.

— Правильно,— согласился Удалов, недовольный тем, что его сравнили с царским либералом.— Что скажут в райкоме? В Академии наук? Потом уж в централизованном порядке будет распределение...

— Сколько времени это займет? — невежливо перебил его старик.

— Сколько надо.

— Год?

— Может, и год. Может, и два.

— Нельзя. У меня дела. Милице тоже ждать негоже. Помрет.

Милица прискорбно склонила голову, кивнула согласно.

— Чепуху говорите, товарищ Удалов,— вмешался Савич, которому хотелось верить в эликсир.— Вы что думаете, придете в райком или даже в Академию наук и скажете: в этой банке лежит эликсир молодости, полученный одним вашим знакомым в семнадцатом веке от марсианского путешественника. А знаете, что вам скажут?

— Температуру, скажут, измерить! — хихикнула Шурочка Родионова. Вообще-то она молчала, робела, но тут представила себе Удалова с градусником и осмелилась.

— Если бы ко мне пришел такой человек,— сказал Савич,— я бы его постарался немедленно изолировать.

Удалов услышал слово «изолировать» и замолчал. Лучше промолчать. В любом случае он свое возражение высказал. Надо будет — вспомнят.

Грубин не удержался, вскочил, принялся шагать по комнате, перешагивая через ноги и стулья.

— Русские врачи,— сказал он,— прививали себе чуму. Умирали. В плохих условиях. Нам же никто умирать не предлагает. Зато перед наукой и человечеством можем оказаться героями.

Голос Грубина возвысился и оборвался. Он пальцами, рыжими от частого курения, старался застег-

нуть верхнюю пуговицу пиджака, скрыть голубую майку — ощущал разнобой между высокими словами и своим обликом.

— Это не смешно,— сказал Савич хмыкнувшему Удалову.

— К научным организациям мы обратиться не можем,— продолжал, собравшись с духом, Грубин.— Над нами начнут смеяться, если не хуже. Отказаться от опыта мы не имеем права. По крайней мере я не имею права. Откажемся — бутылки либо затеряются в музее, либо товарищ Алмаз Битый поставит опыт сам по себе, и мы ничего не узнаем.

— Если получится,— сказал Савич, которому хотелось верить,— то мы придем к ученым не с пустыми руками.

— С метриками и паспортами,— сказал Грубин,— в которых наш возраст не соответствует действительному.

— Кошмар какой-то! — сказала Ванда Казимировна.— А если это яд?

— Первым буду я,— ответил старик Алмаз.

— И я,— сказала Милица Федоровна.— Для меня это не первый раз.

— Мы никого не заставляем,— сказал Грубин.— Только желающие. Остальные будут контрольными.

— Разрешите мне,— поднял руку Миша Стендаль.— А что будет, если я буду участвовать?

— Младенцем станешь,— сказала Шурочка Родионова.— И я тоже. Увезут нас в колясках.

— А действует сразу? — спросил Удалов. Он не хотел выделяться, но думал о возвращении домой, к супруге.

— Нет, действует не сразу,— сказал Алмаз.— Действует по-разному, но пока организмом не впитается, несколько часов пройдет. К утру ясно станет. Каждый вернется к расцвету физической сущности. Потому молодым пользы нет. Только добро переводить.

Алмаз почувствовал, что общее мнение склоняется в его пользу. Человеческое любопытство, страсть к новому, проклятое «если бы», нежелание оказаться трусливее других — все эти причины способствовали стариковским идеям. И он поспешил поставить на

середину стола бутыль и велел Елене принести стаканы, другую посуду и ложку столовую и еще спросил соли, обычной, мелкого помола, и мелу или извести, а сам листал тетрадь, вспоминал — спешил, пока кто-нибудь из людей не спохватился, не высказал насмешки, так как насмешка в таких случаях страшнее хулы и сомнения. Стоит кому-то решить, что сказочность затеи никак не вяжется с тихой комнатой и временем, в котором живут эти люди, и тогда отберут бутылки, отнесут их в музей, положат в сейф. А если так, погибнет дело, ради которого проделал Любезный друг столь долгий путь, да и жизнь его, от которой мало осталось, вскоре завершится. Этого допускать было нельзя, потому что старик, проживя на свете свои первые триста лет, только-только начал входить во вкус человеческого существования.

Пока шли приготовления, и были они обыденны, как приготовления к чаю, начались тихие разговоры — по двое, по трое.

Иногда раздавался смешок, но он был без издевки, нервный, подавленный.

Алмаз Федотович отсыпал в миску весь порошок — чтобы на всех хватило. Потом откупорил бутылки с растворителем, слил содержимое в одну, примерился и плеснул в миску темной жидкости. Начал столовой ложкой размешивать порошок, тщательно, деловито и умело, доставая рукой из кармана штанов пакетики и свертки.

— Это все добавки,— пояснил он,— купил в аптеке. Ничего сложного, даже аспирин есть — для усиления эффекта.

— Потом надо будет все зафиксировать для передачи ученым,— сказал Грубин.

— Не забудем,— согласился старик, для которого общения с учеными оставалось далеким и не очень реальным. Одна мысль занимала его — только бы успеть приготовить все, выпить, а дальше как судьбе угодно.

— Лист бумаги попрошу,— сказал Грубин Елене Сергеевне.— Начнем запись опыта. Никто не возражает?

— Зачем это? — спросил Удалов.

— Передадим в компетентные органы.

— А если кто не желает? — спросил Удалов.

— Тогда оставайтесь как есть. Нам наблюдатели тоже нужны.

Удалов хотел еще что-то сказать, но Грубин не дал ему слова — остановил поднятой ладонью, взял лист, шариковую ручку и написал крупными буквами:

«12 июля 1979 года. Г. Великий Гусляр, Вологодской области.

Участники эксперимента по омоложению организма».

Написал себя первым:

«1) Грубин Александр Евдокимович, 1935 года рождения».

Затем следовал старик Алмаз:

«2) Битый Алмаз Федотович, 1603 года рождения».

«3) Бакшт Милица Федоровна».

— Вы когда родились?

— Пишите приблизительно,— сказала Милица Федоровна.— В паспорте написан 1872 год, но это неправда. Пишите — середина XVII века.

Грубин написал: «Середина XVII в.».

В действиях Грубина была уверенность, деловитость, и потому все без шуток, а как положено, ответили на вопросы. И таблица выглядела так: «4) Кастельская Елена Сергеевна, 1918 г. рожд., 5) Удалов Корнелий Иванович, 1933, 6) Савич Никита Николаевич, 1919, 7) Савич Ванда Казимировна, 1923, 8) Родионова Александра Николаевна, 1960, 9) Стендаль Михаил Артурович, 1956».

— Итого девять человек,— сказал Грубин.— Делю условно на две группы. Первая — те, кто участвует в эксперименте. Номера с первого по седьмой. Вторая — контрольная. Для сравнения.

— Простите,— сказал Миша.— Я тоже хочу попробовать.

— Количество эликсира ограничено,— отрезал Грубин.— Я категорически возражаю.

В глазах Грубина зажегся священный свет подвижника, свет Галилея и Бруно. Он руководил экспериментом, и Удалову очень хотелось оказаться в контрольной группе. Изменения в старом друге были непонятны и пугали.

— Вы готовы? — спросил Грубина Алмаз, пово-

рачиваясь к нему всем телом и взмахивая листком, как знаменем.— Можно разливать? — Старик сильно притомился от волнения и физических напряжений. Его заметно шатало.

— Помочь? — спросила Елена Сергеевна и, не дожидаясь ответа, разлила жидкость из миски по стаканам и чашкам. Девять сосудов стояли тесно посреди стола, и кто-то должен был первым протянуть руку.

Старик размашисто перекрестился, что противоречило научному эксперименту, но возражений не вызвало, провел рукой над скоплением чашек и выбрал себе голубую с золотым ободком.

— Ну,— сказал он, внимательно оглядев остальных,— с богом.

Зажмурился, вылил содержимое чашки в себя, и кадык от глотков заходил под дряблой кожей, а жидкость булькала. Потом поставил пустую чашку на стол, перевел дух, сказал хрипло:

— Хорошее зелье. Елена, воды дай — запить.

И сразу тишина в комнате, возникшая, когда старик взял чашку со стола, окончилась, все зашевелились и потянулись к столу, к стаканам, будто в них было налито шампанское...

13

Первым поднял чашку Грубин. Понюхал, шевельнул ноздрями, покосился на часы. Старик поднес чашку Милице Федоровне и та, кивнув, словно получила стакан обычной воды, стала пить маленькими осторожными глотками.

Грубин выпил быстро, почти залпом.

— Ну и как? — спросил Удалов. Он держал чашку здоровой рукой, на весу.

— Ничего особенного,— сказал Грубин. Поставил чашку на стол и тут же стал записывать, повторяя вслух: — Опыт начат в 23 часа 54 минуты. Порядок приема средства следующий. Номер один — Битый Алмаз, номер два — Бакшт Милица, номер три — Грубин Александр...— Он поднял голову и строго приказал другу: — Ну!

Удалов все не решался. Странное видение посетило его. Ему казалось, что он находится на большой площади, края которой теряются в тумане. Перед

ним стоят бесконечным рядом старики и старухи — ветераны труда и войны, абхазские долгожители, пенсионеры из разных республик. И все эти люди глядят на Удалова с надеждой и настойчивостью. Тут же и Грубин, который медленно катит громадную бочку, стоящую на тележке. А Шурочка Родионова держит в руках поднос с небольшими рюмками. Серебряным черпаком Грубин разливает из бочки зелье по рюмочкам. Удалов берет рюмочки с подноса и медленно шествует вдоль строя стариков. Каждый пенсионер, получив рюмочку, говорит:

— Спасибо, товарищ Удалов.

И выпивает зелье.

Мгновенная трансформация происходит с выпившим. Разглаживаются морщины, выпрямляется стан, густеют волосы и неистовым сверканием наполняются глаза. И вот уже молод пенсионер, и готов к новым трудам и подвигам. Но еще много желающих впереди — тысячи и тысячи ждут приближения Корнелия. Рука немеет от усталости. А надо всех обеспечить зельем, потому что все достойны.

— Корнелий,— донесся словно сквозь туман голос Грубина.— Расплескаешь.

Корнелий пришел в себя. Рука с чашкой дрогнула и рискованно наклонилась. Удалов смущенно улыбнулся.

— Я задумался,— сказал он.

— О чем? Время идет.

— Надо Ксении отнести,— сказал Удалов.— А то как же получится — я молодой, а она в годах останется?

— Разберемся,— ответил Грубин.— Я тебя уже отметил. Как принявшего.

— Закусить бы,— попытался оттянуть пугающий момент Удалов, но понял — невозможно. И быстро выпил то, что было в чашке. Зелье было горьковатым, невкусным, правда на спиртовой основе.

Савич пил, не думая о вкусе зелья. Он пил и мысленно уговаривал Елену тоже выпить, не раздумать. И, не смея сказать о том вслух, не спускал с Елены взгляда.

Этот взгляд, разумеется, перехватила Ванда Казимировна, которая умела угадывать взгляды мужа. До того момента она сомневалась, участвовать ли в

этом дурацком распитии, так как долгая хозяйственная деятельность научила ее не верить в чудеса. Но взгляд Савича выдал его с головой и родил сомнения. Скорее это были сомнения в собственном здравом смысле, который питался упорядоченностью вселенной. Но если вселенная допускает глупости в виде космических пришельцев, здравый смысл начинает шататься. История с зельем была невероятна, но в принципе не более невероятна, чем привоз в универмаг тысячи пар мексиканских сапог со шпорами. Поэтому проблема, стоявшая перед Вандой Казимировной, была лишь проблемой выбора; что опаснее — испортить себе желудок неизвестным пойлом или отдать в руки разлучницы Елены горячо любимого Савича, собственность не менее ценную, чем финляндский спальный гарнитур «Нельсон».

И Ванда Казимировна, морщась, выпила это пойло до дна, обогнав и Савича и, уж конечно, Елену, которую она всегда обгоняла, а потом, уже победив и не глядя на них, пошла на кухню смыть водой неприятный привкус во рту.

— Ну, Лена,— сказал Савич негромко, потому что неловко было на виду у всех подгонять к молодости Елену Сергеевну, но на помощь неожиданно пришел старик Алмаз.

— Директорша,— сказал он добродушно,— неужели тебе не хочется снова по лужам пробежать, на траве поваляться? Молодая была, наверно, не сомневалась?

— Зачем все это? — спросила Елена Сергеевна, словно просыпаясь.

И тут все чуть не испортила простодушная Шурочка, которая воскликнула:

— Вы же мне подружкой будете, то есть ровесницей. Это так интересно.

И Елена Сергеевна отставила поднесенную было ко рту чашку.

— Я не так сказала? — испугалась Шурочка.

— Ты все правильно сказала.

— Елена Сергеевна, вы нас задерживаете,— сказал Грубин.

— Уж полночь,— добавил Удалов.— Пустой бутылочки не найдется? Я бы Ксюше отлил.

Он поднялся и сам пошел на кухню, в дверях

столкнулся с Вандой Казимировной. Та увидела, что и Савич и Елена Сергеевна так и не выпили зелья.

— Никитушка,— сказала Ванда Казимировна.— Ты что же, решил меня одну оставить? Ведь я тебя брошу. На что мне старик?

И засмеялась.

И когда Савич отхлебнул, стараясь ни на кого не смотреть, словно совершал какое-то предательство. Профессионально отметил возможные компоненты снадобья и потому еще более разуверился в его действенности. И, может, не стал бы допивать, но тут увидел, что Алмаз крупными шагами подошел к Елене, сам взял ее чашку, поднес ей к губам, как маленькому ребенку. Вот-вот скажет: «За маму, за папу...» Вместо этого Алмаз сказал, улыбаясь почти лукаво:

— Выполни мою личную просьбу. Я ведь тоже хочу с тобой завтра на равных увидеться. Сделай милость, не откажи.

И был старик убедителен настолько, что Елена улыбнулась в ответ. В ее улыбке Савич увидел то, чего не заметил никто — то, давнее прошлое, ту легкость милого доброжелательства, умения согласиться на неприятное, чтобы другому было приятно. И Савич, видя, как Елена пьет зелье, с облегчением, камень с плеч, одним глотком допил, что было в чашке.

Вошел Удалов с пыльной бутылкой из-под фруктовой воды «Буратино», отлил туда зелья из кастрюли — сколько оставалось. Начал затыкать бумажкой.

— Все,— сказал Грубин.— Эксперимент закончен.

И тут заскрипели, зажужжали, готовясь к бою, старые, настенные, темного дерева часы.

— Три ноль-ноль,— сказал Грубин с последним ударом и занес свои слова на бумагу.

— Ура! — вдруг провозгласил Савич, ощутивший подъем сил. Он покосился на Ванду.

Та только улыбнулась.

— Ура!!! — опять крикнул Савич так громко, что Елена Сергеевна невольно шикнула на него:

— Потише, Ваню разбудишь.

От крика очнулась Бакштина кошка. Она дремала у ног хозяйки, старчески шмыгая носом. Кошка открыла глаза, один — голубой, другой — красный, метнулась между ног собравшихся и, чтобы вырвать-

ся, спастись, прыгнула вверх, плюхнулась на стол, заметалась по скатерти, опрокидывая пустые стаканы и чашки, толкнула бутыль с оставшейся жидкостью.

Бутыль рухнула на пол, сверкнула и разлетелась в зеленые осколки...

— Обормоты! — только и смог сказать старик.

Кошка спрыгнула со стола, села рядом с лужей, поводя кончиком хвоста, а затем начала лакать черную жидкость.

— Все,— сказал Грубин и утерся рукавом пиджака.

— Как же теперь? — спросила Шурочка.— А нельзя восстановить?

— Если бы можно, все молодыми ходили бы,— сказал старик.— У нас такой техники еще нет.

— А по чему будете восстанавливать? — спросил Грубин Шурочку, будто она была во всем виновата.— По пробке?

— Тем более возрастет наша ценность для науки,— сказал Миша Стендаль, защищая Шурочку.— Нас будут изучать в Москве.

Миша совсем разуверился в событиях. Даже кошка показалась ему частью большого розыгрыша.

— У вас порошок остался,— сказал Грубин старику, без особой, правда, надежды.

— Порошок — дело второе,— ответил тот.— Одним порошком молод не будешь. Пошли, что ли? Утро уже скоро.

...Ночь завершалась. На востоке, в промежутках между колокольнями и домами, небо уже принялось светлеть, наливаться живой, прозрачной синевой, и звезды помельче таяли в этой синеве. По дворам звучно и гулко перекликались петухи, и уж совсем из фантастического далека, из-за реки, принесся звон колокольчика — выгоняли коров.

Предутренний сон города был крепок и безмятежен. Скрип калитки, тихие голоса не мешали сну, не прерывали его, а лишь подчеркивали его глубину.

Елена Сергеевна стояла у окна и слушала, как исчезали, удаляясь, звуки. Четкие каблучки Шурочки; неровный, будто рваный, шаг Грубина; звучное, долгое, как стариковский кашель, шарканье подошв Алмаза; деликатный, мягкий шаг Удалова; переплетение шагов Савича и его жены.

Шаги расходились в разные стороны, удалялись, глохли. Еще несколько минут, как отдаленный барабан, доносился постук стариковской палки. И — тихо.

Предутренний сон города крепок и безмятежен.

14

Удалов поднял руку к звонку, но замешкался. Появилось опасение. Он покопался в карманах пижамы, раздобыл черный бумажник. В нем, в отделении, лежало круглое зеркальце. Удалов подышал на зеркальце, потер его о штанину и долго себя разглядывал. Свет на лестнице был слабый, в пятнадцать свечей. Удалову казалось, что он заметно помолодел.

Удалов думал, дышал и возился у своей двери.

Жена Удалова, спавшая чутко и одиноко, пробудилась от шорохов и заподозрила злоумышленников. Она подошла босиком к двери, прислушалась и спросила в замочную скважину:

— Кто там?

Удалов от неожиданности уронил зеркальце.

— Я,— сказал он. Хотя сознаваться не хотелось.

— Кто «я»? — спросила жена. Она голос мужа не узнала, полагая, что он надежно прикован к больничной койке.

— Корнелий,— сказал Удалов и смутился, будто ночью позволил себе побеспокоить чужих людей. В нем зародилась отчужденность от старого мира.

Жена охнула и раскрыла дверь. Тут же увидела на полу осколки зеркальца. Осколки блестели, как рассыпанное бриллиантовое ожерелье.

— Кто тебя провожал? — спросила она строго. Она мужу не доверяла.

— Я сам,— сказал Корнелий.— Плохая примета. Зеркало разбилось.

— Ты, значит, под утро стоишь себе на лестнице и смотришься в зеркало? Любуешься? Хорош гусь. А я тебе должна верить?

— Не кричи, пожалуйста,— сказал Удалов.— Максимку разбудишь.

— Максимка спит, наплакавшись без отца. Одна я...

Жена правдиво всхлипнула.

— Важное задание,— сказал Удалов.— Меня даже из больницы выпустили. Опыт проводили.

— Опыт? Ночью? Предупреждала меня мама — за Корнелия не выходи! Намаешься! Не послушалась я, дура.

— Ксюша, дай в дом войти.

— Зачем тебе в дом? Нечего тебе дома делать.

— Опыт мы проводили. Уникальный опыт. Омолаживались.

— Значит, омолаживался?

— Я принял и тебе принес. Видишь? — Удалов здоровой рукой вытащил из кармана пижамы заткнутую бумажкой бутылку из-под фруктовой воды «Буратино».

— Издеваешься? — чуткий нос Ксении уловил легкий запах спиртного, доносившийся то ли от Удалова, то ли от бутылки, в которой вздрагивала темная жидкость.— Я тебе ужин грею, в больницу бегу, переживаю, а он, видите ли, омолаживаться навострился. С кем омолаживался, мерзавец?

— Там целая группа была,— сказал Удалов громким шепотом.— Коллектив. Ты не всех знаешь. У Грубина спроси.

— И Грубин твой туда же! Ему что, его дело холостяцкое. А у тебя семья.— Ксения сделала паузу, которая вселила было в Удалова надежды на прощение, но надежды оказались ложными: — Была семья, да нет!

И с этими словами Ксения хотела закрыть дверь.

Удалов еще успел вставить ногу в шлепанце, чтобы осталась щель. Ноге было больно.

— Ксюша,— зашептал он быстро.— Ты тоже молодой станешь. Гарантирую. Марсианское средство. Мы в Москву поедем, на испытания.

Ксения ловко ударила носком по ноге Удалова, выбила преграду и захлопнула дверь. Дверь была нетолстая, и Удалов слышал сквозь нее, как громко дышит жена.

— Ксюша,— сказал он.— Если ты возражаешь, я без тебя в Москву поеду. Мне только переодеться.

Ксения всхлипнула.

— Пойми же, неудобно в пижаме в Академию наук.

— Академия наук! — в эти слова Ксения вложи-

ла все свое возмущение моральным падением Корнелия.— Туда только в пижаме и ходят!

— Еще не поздно,— сказал Удалов.— Мы будем бегать по лужам и плести венки, ты слышишь?

— Уйди! — загремел из-за двери голос Ксении. В нем было столько гнева, что Удалов понял — прощения не будет.— Уезжай с ней в Академию наук, на Черноморское побережье. Уходи, а то я так закричу, что весь дом проснется!

И Удалов, сжимая в руке бутылку с Ксюшиной долей зелья, быстро, на цыпочках, сбежал с лестницы. Он знал, что Ксения, скажи он еще слово, выполнит свою угрозу.

А Ксения, стоявшая прижав к двери ухо, услышала, как удаляются шаги Корнелия. Кляня мужа, Ксения полагала, что он будет покорно стоять у двери. А он ушел. Значит, все ее подозрения были оправданы. И задыхаясь от боли и обиды, она кинулась в комнату, растворила шкаф и стала выхватывать оттуда носильные вещи Корнелия. Потом отворила окно.

Удалов был в нерешительности.

Будь ситуация иной, он бы вел себя по правилам. Вымаливал прощение. Но жизнь изменилась, и в ней появились перспективы. Ксения этих перспектив не поняла и оказалась, по большому счету, недостойна молодости. Ну и пожалуйста, думал Удалов, стану молодым, разведусь с Ксенией, сына отберу, будет он мне как младший брат. Снимем комнату, будем жить дружно, женимся. К примеру, на Шурочке Родионовой. Характер у нее хороший, мирный.

И в этот момент из окна второго этажа на него начали сыпаться вещи.

Удалову попало ботинком по голове. Белыми птицами летели рубашки, черным орлом спускался сверху пиджак, тускло сверкающим снарядом пролетел возле уха портфель и, не взорвавшись, ударился о траву. Копьем пронзила темноту любимая удочка...

Последним аккордом прозвучало рыдание Ксении. Хлопнуло, закрываясь, окно. Удалов был изгнан из дома. Навсегда.

Что-то надо было предпринять.

Удалов хотел было собрать с земли вещи, но мешала бутылка, зажатая в руке.

Выкидывать ее было неразумно. В ней находилось ценное лекарство. На спиртовой основе. Удалов подумал, что когда раздавали чашки, ему вроде бы досталась самая маленькая. Он вытащил бумажную затычку и выпил зелье. Так надежнее.

Удалов выкинул бутылку в крапиву и негромко сказал:

— Тебе предлагали, ты отказалась,— имея в виду Ксению.

Затем собрал в охапку вещи, пиджак и брюки повесил на загипсованую руку и побрел со двора.

Рубикон был перейден. Но что за местность лежит за ним, было неизвестно.

Хотелось уйти подальше от дома, туда, где его поймут.

К Грубину нельзя. Грубин будет смеяться. В больницу тоже нельзя, там Ксения подняла панику и будут неприятные разговоры. Оставалась Елена Сергеевна, бывшая учительница. Она все знает, она должна понять.

По голубой рассветной улице брел Корнелий Удалов, в полосатой больничной пижаме. Он искал убежища.

15

Елена Сергеевна устроила Удалова в маленькой комнатке, где выросли ее дети, где сейчас спал Ваня. Она поставила ему раскладушку, и Удалов непрестанно благодарил ее, конфузился и не знал, куда деть развешанные на гипсовой руке носильные вещи.

За время бега по городу Удалов как-то забыл о надвигающемся омоложении. Он находился в состоянии восторженном и нервном, но причиной тому был, скорее всего, уход от жены и бессонная ночь.

— Я ничего,— говорил он.— Вы не беспокойтесь, мне одеяла не надо, и простыни не надо, я по-салдатски, как Суворов. Вы сами идите спать, уже утро скоро. Я-то на бюллетене... Мне и подушки не надо.

А сам думал, что следовало бы захватить из дома простыни. Бог знает, сколько еще придется ночевать по чужим углам. Но и эта, казалось бы, пе-

чальная мысль наполняла его грудь щекотным чувством мужской свободы.

Елена Сергеевна не послушалась Удалова. Постелила простыню и дала одеяло, подушку с наволочкой. И ушла.

Удалов, лишь голова его коснулась подушки, заснул праведным сном и заливисто всхрапывал, отчего Елена Сергеевна заснуть никак не могла.

Елена Сергеевна понимала, что в ее жизни появилась возможность помолодеть. Физически помолодеть. Как умная и образованная женщина, она даже представляла себе, как это произойдет, что с ней случится. Очевидно, состав старика стимулирует работу желез внутренней секреции. Значит, в оптимальном варианте, разгладятся морщины, усилится кровообращение и так далее. Елена Сергеевна старалась остаться на сугубо научной почве, обойтись без чудес и сомнительных марсиан. Но было страшно. Хотя бы потому, что диалектически каждому действию соответствует противодействие. За омоложение организму придется расплачиваться. Но чем? Не сократят ли любители экспериментов себе жизнь, вместо того чтобы продлить ее. Все-таки правильно, что медики сначала все опыты ставят на мышах.

Удалов разнообразно похрапывал и бормотал во сне. Кстати, когда произойдет омоложение? Старик сказал: проснетесь другими людьми. Мучителен ли этот процесс?

Елене Сергеевне захотелось убедиться в том, что еще ничего не произошло. Она босиком подошла к шкафу, зажгла лампу на столе рядом и присмотрелась. Никаких изменений. Правда, покраснели веки, но это потому, что день был долог и утомителен...

Елена Сергеевна потушила свет, вернулась на кровать. И постаралась заснуть. За окном уже почти рассвело, и часа через три проснется Ваня.

Ей показалось, что она так и не спала. На мгновение проваливалась в темноту, а уже Ваня трясет ее за плечо:

— Баба, вставай!

Елена Сергеевна не открывала глаз. Знала, что Ваня сейчас протопает в сени, где стоит горшок, и засядет там минут на десять. За эти минуты надо окончательно проснуться, встать, накинуть халат и вымыться. И еще зажечь плиту.

Елена Сергеевна мысленно проделала все утренние дела, и тут же, по мере того как просыпался мозг, очнулись другие мысли, вылезли на поверхность.

Существовала необходимость посмотреть в зеркало. Подойти к шкафу и посмотреть в зеркало. Почему?

Ах да, старик, сказочные истории, разбитая бутылка...

Елена Сергеевна сбросила одеяло, села. Шкаф с зеркалом стоял неудобно, боком, зеркало казалось узкой щелью, голубой от неба, отраженного в нем.

Надо было встать и сделать два шага. И оказалось, что это трудно. Даже страшно. И, глядя не отрываясь на голубую щель, Елена Сергеевна сделала эти два шага...

В том невероятном, даже ужасном, что произошло с Еленой Сергеевной, пока она спала, не было никакой науки, никакого ровным счетом гормонального воздействия. И не разглаживались морщины, и не усиливалось кровообращение. А было чудо, антинаучное, необъяснимое, от которого никуда не денешься и которое влечет за собой множество осложнений, неприятностей и тяжелых объяснений. Первой неприятностью, думала Елена Сергеевна, глядя в зеркало, узнавая себя, знакомясь с собой заново, станет встреча с Ваней, который в любой момент может выйти из сеней. Ребенок остался без бабушки. Кто она теперь ему? Мать? Нет, она слишком молода для матери. Сестра? Елена Сергеевна провела рукой по лицу, дивясь забытому ощущению свежести и нежности своей кожи.

Ваня вошел в комнату и подбежал к Елене Сергеевне. Остановился, положил медленно и задумчиво в рот палец и замер. Замерла и Елена Сергеевна. Она ощущала глубокий стыд перед внуком. Она мечтала о том, чтобы чудо кончилось и она проснулась. Это был тот сон, прерывать который очень жалко, но прервать необходимо для блага других. Елена Сергеевна больно ущипнула себя за ухо.

Ваня заметил ее движение и сказал, не вынимая пальца изо рта:

— Какая ты сегодня красивая, бабушка! Даже молодая. А чего щиплешься?

— Милый! — сказала Елена Сергеевна.— Узнал меня!

— Конечно узнал,— басом сказал Ваня,— ты же в бабушкином халате.

Она схватила Ваню, прижала к себе,— каким легким он стал за ночь! Подняла к потолку и закружилась с ним по комнате.

Ваня хохотал, радовался и, чтобы использовать бабушкино хорошее настроение, кричал сверху:

— Ты мне купи велосипед!.. Ты мне купишь велосипед?

Развевался в кружении старенький халат. Елена Сергеевна крепко и легко переступала сухими стройными ногами, пушистые молодые волосы закрывали глаза, взвихряясь от движения.

Опустив Ваню на пол, Елена Сергеевна вспомнила вдруг, что у нее в доме гость — Удалов. Спит еще, наверно, подумала она. Каков он? Елена осторожно приоткрыла дверь в маленькую комнату.

Кровать была смята. Одеяло свесилось на пол. Пиджак висел на спинке стула. Сброшенным коконом лежал на полу белый гипсовый цилиндр — оболочка сломанной руки.

Удалова не было.

16

Старуха Бакшт задремала, не раздеваясь, в кресле. Это было вредно в ее возрасте, но она не хотела упустить возвращение молодости. Она совсем запамятовала прошлое омоложение, а будет ли еще одно, не знала.

Дремота была нервной, с провалами, разрозненными снами и возвращением к полутьме комнаты, тусклой лампе под абажуром с кистями.

Беспокоилась кошка, царапала ширму...

Случилось все назаметно. Казалось, на минутку прикрыла глаза и в быстролетном кошмаре полетела вниз, к далекой земле, домикам с острыми крышами, открыла глаза, чтобы прервать страшный полет, и встретила в зеркале взгляд двадцатилетней красавицы Милицы. И было неудобно в тесном старушечьем платье. Жало в груди и в бедрах, и было стыдно за это платье и за собственную недавнюю старость.

— Господи,— сказала Милица Бакшт,— как я хороша!

И она одним прыжком — тело повиновалось, летело — достала дверь, накинула крючок, чтобы кто не вошел, и, торопясь, смеясь и плача, сдернула, разорвала старушечьи обноски, зашвырнула высокие, раздутые суставами ботинки за ширму, сорвала с волос нелепый чепец. И встала перед зеркалом, нагая, прекрасная.

Помолодевшая, неузнаваемая кошка вскочила на стол и тоже любовалась и собой, и хозяйкой.

Милица Федоровна Бакшт сказала ей тягучим, страстным шепотом:

— Вот такой любил меня Александр Сергеевич. Саша Пушкин.

Стало душно, и мешали устоявшиеся запахи. На цыпочках подбежала Милица к окну и растворила его. Взлетела пыль, и клочья желтой, ломкой бумаги, налепленной бог весть когда на рамы, бабочками-капустницами расселись по комнате. Скрип окна был слышен далеко по рассветному городу, но никто не проснулся, и никто не увидел голубую от рассветного воздуха обнаженную красавицу в окне на втором этаже старого дома.

— «Я помню чудное мгновенье...» — пропела тихо Милица.

И замерла, ибо заглушенный чувствами и острыми ощущениями, но живучий голос старухи Бакшт проснулся в ней и обеспокоился, не простудится ли она с непривычки. Надо беречь себя. Еще столько лет впереди. Но беззаботная молодость взяла верх.

— Ничего,— сказала Милица самой себе.— Ничего со мной не случится. Мне же не сто лет.— Накинула халатик, засмеялась в голос и добавила: — Куда больше.

Захотелось есть. Где-то были коржики. Сухие уже.

Милица распахнула буфет. Взвизгнула, возмутившись, дверь, привыкшая к деликатному обхождению.

С коржиком в кулаке красавица заснула, свернувшись клубком в мягком кресле. И не видела снов, потому что спала крепко и даже весело.

В ночь, описываемую в повести, все герои ее, как никогда прежде, ощутили власть зеркал. Верили они

в то, что станут моложе, или относились к этому скептически, все равно старались от зеркал не отдаляться.

Грубин также извлек из-за шкафа зеркало, пыльное, сколотое на углу. Он зеркала презирал и никогда в них не смотрелся, даже при бритье и причесывании. Но все-таки Грубин был прежде всего исследователем, участником эксперимента и потому счел своим долгом этот эксперимент пронаблюдать.

До утра оставалось часа три, и следовало провести их на ногах, чтобы меньше клонило ко сну. Грубин подключил вечный двигатель к патефону — крутить ручку — и поставил пластинку. И патефон и пластинки были старыми, добытыми на работе среди старья и утиля. Если бы не вечный двигатель, Грубин бы музыку и не слушал — уж очень утомительно прокручивать тугую патефонную ручку. Подбор пластинок также был случаен. Одна была старой и надтреснутой. На ней некогда популярные комики Бим и Бом рассказывали анекдоты. Про что, Грубин так и не узнал за шипением и треском. Была также песня «Из-за острова на стрежень» в исполнении Шаляпина, но без начала.

Под могучий бас певца Грубин принялся вырезать на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». Он занимался этим натужным делом второй год и дошел лишь до третьей строфы. Он уже понял, что последним строкам места не хватит, но работу не прекращал, потому что был самолюбив и полагал себя способным превзойти любого умельца.

Работа шла медленно, под микроскопом. Грубин устал, но увлекся. Зеркало стояло прямо перед ним, чтобы можно было время от времени бросать на него взгляд в ожидании изменений.

В комнате было не шумно, но и не тихо. Приглушенно гремела пластинка. Грубин мурлыкал под нее различные песни, жужжала микродрель, ворон терся о скрипучую ножку стола, возились под кроватью мыши, сонно всплескивали золотые рыбки.

Надвигался рассвет.

Грубин кончил изображать букву «х» в слове «волхвы», и тут что-то кольнуло в сердце, произошло мгновенное затуманивание сознания, дурнота. Почувствовав неладное, Грубин взглянул в зеркало. Он опоздал.

Он был уже молод. Худ по-прежнему, по-прежнему растрепан и дик глазами, но молод так, как не был уже лет двадцать пять.

— Дела...— сказал Грубин.— Волхвы проклятые...

Он был недоволен. Подготовленный эксперимент не удался.

Потом Грубин успокоился, пригляделся поближе и даже сам себе приглянулся.

— Так,— сказал он и уселся размышлять.

Грубин чувствовал себя сродни тому человеку, что выиграл по облигации десять тысяч рублей. Вот они, деньги, лежат, принесенные из сберкассы, толстая пачка красных десятирублевок. Их слишком много, чтобы купить новый костюм или погасить задолженность по квартирной плате. Их так много, что вряд ли можно истратить сразу на какую-нибудь одну крайне ценную вещь. Правда, дома немало расходов, срочных и неотложных, на которые можно пустить часть выигрыша. Но в том-то и заключается психологическая каверза круглой суммы, что дробить ее на мелкие части унизительно и непристойно. Купить дом? Поехать в круиз вокруг Европы? А зачем новый дом? Зачем ему Европа? А что потом? И начинает охватывать безысходная жуть. Деньги давят, гнетут и порабощают свободного человека.

Двадцать пять лет жизни получил Грубин. Молодость получил Грубин. На что истратить эти свалившиеся с неба годы? Написать на рисовом зерне «Слово о полку Игореве»? И о том сообщат в журнале «Огонек»? Да, три года, пять лет можно истратить на такое занятие. И только подумав об этом, Грубин ощутил всю его бессмысленность, да так явственно, что выхватил из-под микроскопа исписанное зернышко и метко запустил им в открытую форточку. И нет зернышка. Склюют его куры, не прочтя написанного стихотворения. Что делать!

Еще два часа назад Грубин, не обладая молодостью, мог рассуждать спокойно и мудро: если он получит эти годы, то потратит их на творческую изобретательскую деятельность. Не будет ничего менять в образе жизни, лишь удлинит ее.

А сейчас, поглядывая в зеркало на двадцатилетнего косматого молодого человека, Грубин осознавал,

что преступно предоставить жизни течь по старому руслу. Если жизнь дается человеку дважды, надо начать ее сызнова. И начать красиво, гордо, с учетом всех совершенных когда-то ошибок. И подняться до высот. Правда, как он это сделает, Грубин не придумал, но томление, терзавшее его сердце, не позволяло дольше сидеть в пыльной комнате перед пыльным зеркалом. Надо действовать.

И Грубин начал свои действия с того, что открыл шкаф и вытащил оттуда чистую праздничную рубашку, запасную майку и полосатые носки. Одежда, употребляемая им ранее, казалась уже неприятной, а главное, нечистой. Удивительно, как Грубин мог не замечать этого раньше.

17

Савич проснулся не сразу.

Сон отступил, играя воображением. Чудилось, что он молод, крепок и строен и преследует по кустам кудрявую нимфу. Вот-вот он настигнет ее, пальцы уже дотронулись до атласной кожи. Нимфа оборачивается, совсем не страшась преследователя, даже улыбается и неожиданно для себя спотыкается о розовый куст, что позволяет Савичу дотянуться до ее плеч и схватить надежно, повелительно. Нимфа задыхается от беззвучного смеха, готова уже сдаться, и губы ее раскрываются для нежного поцелуя. Савич запутывает пальцы в густых кудрях нимфы и думает, на кого же похожа эта хозяйка сказочного леса? Ладно, потом разберемся, решает он и прижимает к себе трепещущее тело.

— Ай! — кричит нимфа пронзительно.— На помощь! Милиция!

И Савич немедленно проснулся.

Глаза его, открывшись, не сразу привыкли к рассветному полумраку в комнате и потому ему показалось, что сон продолжается, потому что в его сильных руках билась, как золотая рыбка, прекрасная нимфа. Только дело происходило не в лесу, а в его собственной постели, что было еще удивительней.

— Оставьте меня! — кричала прекрасная нимфа знакомым голосом.

Разумеется, Савич, будучи человеком воспитан-

ным и мягким, прекратил обнимать нимфу и постарался сообразить, что же происходит.

— Хулиган! — кричала нимфа, путаясь в одеяле и стараясь соскочить с широкой постели.

И Савич понял — кричит и волнуется его собственная жена Ванда Казимировна, директор универмага, помолодевшая лет на сорок.

Его рука совершила короткое путешествие к собственной голове и обнаружила, что голова покрыта густыми встрепанными волосами. И другая рука метнулась к животу и обнаружила, что толстого, мягкого живота нет, а есть на том месте впадина.

И Савич сразу все вспомнил и осознал.

— Ванда,— сказал он, схватив нимфу за локоть и стараясь не допустить, чтобы она в одной ночной рубашке бежала за милицией.— Вандочка, это я, Никита. Мы с тобой стали молодыми.

Нимфа еще продолжала вырываться, сопротивляться, но сопротивление на глазах теряло силу, потому что Ванда Казимировна была женщиной быстрого решительного ума — иначе не удержишься на посту директора универмага.

Она оглянулась и присмотрелась к Никите.

Она узнала его.

Она протянула руку к зеркалу с ручкой, что лежало на тумбочке у кровати, и посмотрелась в него.

— Так,— сказала она медленно.— Значит, не врал старик.

Савич любовался ее гибким упругим плотным телом.

Именно эта девушка, уверенная в себе, яркая и властная, заставила его забыть скромную Елену...

— Так,— повторила Ванда Казимировна и изящным движением рыси, выходящей на охоту, она соскочила с кровати, пробежала, стуча босыми пятками, к окну и опустила плотную штору, что забыли опустить вчера, после волнений сумасшедшей ночи.

Стало почти совсем темно.

— Ты что? — спросил Савич.— Зачем?

— Никитушка,— послышался совсем близко страстный шепот,— мальчик мой.

Горячие руки нимфы обвили шею Савича, пылающее девичье тело прижалось к нему.

— Ну что ты...— сказал Савич, понимая, что схо-

дит с ума от вспыхнувшей страсти.— Разве можно, так сразу...

18

Тщательно умытый холодной водой, с чищенными белыми зубами, в полосатых носках и свежей белой рубашке, шел Грубин по рассветным улицам Великого Гусляра и радовался прохладному воздуху, прозрачным облакам над рекой, гомону ранних птиц, скрипу телег, съезжавшихся на базар, и далекому гудку парохода.

Он не знал, куда и зачем идет. Он нес в себе секрет и радость, хотел поделиться ими с другими людьми, сделать нечто хорошее, что достойно отметило бы начало новой жизни.

Остановился у провала. Заглянул через загородку вглубь, в темноту, из которой возникла столь недавно его новая жизнь, и даже присвистнул, дивясь собственному везению. Не пошел бы Удалов в универмаг, не испугался бы одиночества, сидел бы Грубин сейчас дома и, ни о чем не подозревая, пилил себе «Песнь о вещем Олеге». Грубину даже гадко стало от мысли, что существуют люди, грабящие себя и человечество столь бездарным способом. И он пожалел на мгновение, что не выкинул заодно и микроскоп, но потом сообразил: микроскоп еще может пригодиться для дела. Для настоящего дела.

Окно во втором этаже было распахнуто, и на подоконнике среди горшков с цветами сидела элегантная сиамская кошка и умывалась.

— Милая,— сказал ей Грубин,— уж не Бакштин ли ты зверь?

Тут Грубина посетила мысль о том, что чудесное превращение произошло не только с ним одним. Ведь этой же ночью помолодели и его друг Удалов (а как же с его женой?), и Елена Сергеевна, и старуха Бакшт, которой он помог доплестись ночью до дома. И сзади, вспомнил он, семенила старая сиамская кошка. Теперь на подоконнике сидит молодая сиамская кошка, и также с разными глазами. Маловероятно, что в Великом Гусляре есть две сиамские кошки с разными глазами, тем более в одном доме.

— Кис-кис...— сказал Грубин.— А где твоя хозяюшка?

Кошка ничего не ответила.

Грубин поискал, чем бы привлечь внимание старухи. Уж очень его терзало любопытство: что с нею произошло за ночь, сколько лет ей удалось скинуть? А вдруг на нее и не подействовало? Грубину стало искренне жаль бабушку, находящуюся на пороге смерти.

Грубин подошел к стенду со вчерашней газетой, оторвал пол-листа, свернул в тугой комок и сильно запустил в открытое окно.

Кошка сиганула в ужасе с подоконника, задев горшок с настурциями, горшок свалился внутрь и произвел значительный шум.

— Ах! — вскрикнул кто-то в комнате.

Грубину стало неловко и захотелось убежать, и он сделал бы это, если бы в окне не показалась прелестная, сказочной красоты девушка. Длинные волосы цвета воронова крыла спадали волнами ей на плечи, глаза были огромны и лучезарны, нос прям и короток, губы полны и смешливы.

— Ах! — сказала девушка, увидев, что с улицы на нее восторженно глазеет косматый молодой человек в белой рубашке. Она смущенно запахнула старенький халатик и вдруг захохотала звонко, не боясь разбудить всю улицу.— Глупец...— смеялась она.— Этот горшок простоял сто лет. Но мне его не жалко. Вы же Грубин. Поспешите ко мне в гости, и мы будем пить чай.

— Бегу,— сказал Грубин, сделал стойку на руках и на руках же пошел через улицу к двери, потому что у него были сильные руки и когда-то он имел первый разряд по гимнастике.

Милица угощала гостя соленьями, коржиками, повидлами — кушаньями вкусными, домашними, старушечьими. Забывала, где что лежит, и смеялась над собой. Многолетние запахи комнаты умчались в открытое окно, будто только того и ждали.

В комнате было солнечно и прохладно.

— Сначала выкину всю эту рухлядь,— говорила Милица.— Вы мне поможете, Александр Евдокимович? Я давно собиралась, но, когда так стара и немощна, приходится мириться с вещами. Они с тобой

старились и с тобой умрут. Теперь все иначе. Я неблагодарная, да?

— Почему же? — удивился Грубин.— У меня вообще никогда вещей не было. А это правда, что Степан Разин вас чуть не кинул в реку?

— Не помню. Только по рассказам Любезного друга. Я думаю, что не стал бы.

— Наверно, не хотел,— сказал Грубин, стесняясь в присутствии такой красавицы своей неприглядности и лохматого вида.— Его казаки заставили.

— Ревновали,— поддержала его Милица. Она, проходя по комнате, не забывала поглядеть в зеркало. Очень себе нравилась.

Грубин очистил ногтем застарелое пятно на брюках, отхлебнул крепкого кофе из старинной чашечки и заел коржиком. Есть он тоже стеснялся, но очень хотелось. Милица, как ящерка, за столом усидеть не могла. Она вскакивала, поправляла что-то в комнате, составляла на пол горшки с цветами, потом распахнула комод и вывалила на пол платья, салопы, пальто, платки. На минуту комнату окутал нафталиновый чад, но его быстро вытянуло на улицу.

— Это выкинуть и это выкинуть, из этого еще что-то можно сделать. А когда откроются газетные киоски, вы мне купите модный журнал?

— Конечно, хоть сейчас пойду,— сказал Грубин.

Грубина удивляло, что в Милице начисто нет прошлого. Будто она никогда не ходила в старухах. Сам он груз лет ощущал. Не сильно, но ощущал в душе. А Милица словно вчера родилась на свет.

— Я вам нравлюсь? — спросила она.

— Как? — Грубину давно никто не задавал таких вопросов.

— Я красивая? Я привлекательная женщина?

— Очень.

— Вы пейте кофе, я еще налью... Я за ширму пойду и примерю платье. Вы не возражаете?

Грубин не возражал. Он был в трансе, в загадочном сладком сне, в котором поят горячим кофе с коржиками.

Из-за ширмы Милица, роняя вещи и шурша материей, продолжала задавать вопросы:

— Александр Евдокимович, вы бывали в Москве?

— Вы меня Сашей зовите,— сказал Грубин.— А то неудобно.

— Очень мило, мне нравится этот современный стиль. А знаете, несмотря на то что мы с Александром Сергеевичем Пушкиным, поэтом, были очень близки, он всегда обращался ко мне по имени-отчеству. Интересно, правда? И вас тоже Сашей зовут.

Грубин мысленно проклял себя за невоспитанность. Даже не так поразился знакомству Милицы Федоровны, ибо знакомство было давним, и ничего удивительного при ее возрасте и красоте в этом не было.

— Надо будет, Милица Федоровна,— сказал он официальным, несколько обиженным голосом,— пойти к Елене Сергеевне. Посоветоваться.

— Правильно, Сашенька,— засмеялась серебряным голосом из-за ширмы Милица.— А вы меня будете называть Милой? Мне так больше нравится. Ведь мы живем в двадцатом веке.

— Конечно,— сказал Грубин. Он продолжал еще обижаться, и это было приятно — обижаться на столь красивую женщину.

— Я только кое-что подгоню по себе. Ничего не годится, ну ровным счетом ничего. Потом поедем.

— Чего уж ехать,— сказал Грубин.— Десять минут пешком.

— А вы, Сашенька, инженер?

— Почему вы так решили? У меня образования не хватает. Я в конторе работаю.

Грубин говорил неправду, но эта неправда относилась к прошлому. Он знал, что с сегодняшнего дня он уже не руководит точкой по сбору вторичного сырья. Он скорее инженер, чем старьевщик. Прошлое было его личным делом. Ведь Мила тоже была старухой-домохозяйкой. А это ушло.

Милица вышла из-за ширмы, неся на руках платье. Она разложила его на столе, оттеснив Грубина на самый край, достала ножницы и задумалась. Потом сказала:

— От моды я отстала. Придется будить Шурочку.

— Да, Шурочка,— вспомнил Грубин.— Она за вас обрадуется.

19

Грубин остановился за дверью Родионовых, позади Милицы. Та позвонила.

— Они рано встают. Я знаю,— сказала Милица.

— Вам кого? — спросила, открыв, женщина средних лет, чертами лица и голосом весьма схожая с Шурочкой, из тех женщин, что сохраняют стать и крепость тела на долгие годы и умеют рожать таких же крепких детей. Более того, отлично умеют с ними обращаться, не создавая лишнего шума, волнений и не опасаясь сквозняков.

За ней стояли двое парнишек, также схожих с Шурочкой чертами лица.

— Вы к Шурочке? — спросила женщина.— Из магазина?

— Здравствуйте,— сказала весело Милица.— Вы меня не узнаете?

— Может, видела,— согласилась Шурочкина мать.— Заходите, чего в коридоре стоять. Шурка вчера под утро прибежала. Я на нее сердитая.

— Спасибо. Мы на минутку,— сказала Милица. Ей было радостно, что ее не узнали.

— Ваша дочь здорова? — спросил из полутьмы коридора Грубин.

— А чего с ней станется? Шура! К тебе пришли!

Женщина уплыла по коридору, и за ней, как утята, зашлепали Шурочкины братья.

— Она меня не узнала! — сказала торжественно Милица Федоровна. А я только позавчера у нее соль занимала.

Шурочка, заспанная, сердитая после домашнего выговора, выглянула в коридор, приняла при плохом освещении Милицу за одну из подруг и спросила:

— Ты чего ни свет ни заря? Я еще не проснулась.

— Не узнала,— сказала Милица.— И мама твоя не узнала. А его узнаешь? Пойдите сюда, Сашенька.

Грубин неловко ухмыльнулся и переступил раза два длинными ногами.

— Мамочки мои родные! — ахнула Шурочка.— Товарищ Грубин! Неужели в самом деле подействовало?

— Как видите,— сказал Грубин и повернулся, медленно и нескладно, как у портного.

— А как остальные?

Шурочка говорила с Грубиным, а на Милицу даже не смотрела.

— Остальные? — Грубин хихикнул и подмигнул Милице. Про всех не скажу, а вот одна твоя знакомая рядом стоит.

— Какая знакомая?

Шурочка наморщила лоб, поправила челку, приглядывалась пристально к Милице. Но все равно угадать не смогла.

— То ли меня разыгрываете, то ли я совсем дурой стала,— сказала она.

— Я твоя соседка, Бакшт,— прошептала Милица.— И ты мне нужна. Как сверстница.

— Ой, мамочки! — сказала Шурочка.— Этого быть не может, я сейчас умру, если вы меня не разыгрываете.

— Полно, душечка,— сказала Милица.— У меня на стенке висят акварели. Я там очень похожа. Пошли, время не ждет. Надо уходить, а я без платья. Не в салопе же мне ходить по улицам. Мне придется сообразить что-нибудь из обносков.

— Чудеса, да и только,— говорила Шурочка.— Пойдемте на свет.

Тут она от волнения совсем перестала выговаривать знаки препинания.

— Мы сейчас у меня какое-нибудь платье возьмем,— сказала она, входя в комнату к Бакшт и подводя ее к окну, чтобы разглядеть получше.— Конечно это вы и я отсюда вижу что на акварели это тоже вы но с товарищем Грубиным меньше изменений теперь наука сделает громадный шаг вперед и стариков вообще не будет а с платьем мы что-нибудь придумаем мое возьмете вы тут подождите а я утащу одно наверно подойдет чего возиться только чтобы мама не увидала...

И Шурочка испарилась, исчезла, только слова еще витали несколько секунд в комнате.

— Ну вот,— сказала Милица.— Разве она не прелесть?

— Вы обе прелесть,— сказал Грубин, смутился и подошел к окну.

Он вдруг вспомнил, что Мила как-никак персидская княжна и была знакома с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Савич сидел за столом, слушая, как щебечет Ванда.

Он уже все осознал и готов был себя убить. И Ванду, разумеется, тоже.

Не прожив и часа молодым, он уже изменил Елене вновь. И снова с Вандой. Как же это могло случиться? Он же специально пил зелье для того, чтобы жизнь пошла по иному пути.

— Никитушка,— Ванда подкралась сзади и поцеловала его в затылок,— я так соскучилась по твоим кудрям, лет тридцать их не видала. Тебе кофе со сливками?

— Все равно,— сказал Савич.

— Сейчас гренки будут готовы. Ах ты мой донжуанчик! А я просыпаюсь — в кровати насильник. С ума можно сойти. А никому не расскажешь. Вот бы покойная мама смеялась!

Ванда носилась по комнате легко, как настоящая нимфа. Правда, теперь Савич уже понимал, что для нимфы она слишком крепка телом и широка в бедрах. Впрочем, кто их видел, этих нимф?

— Пей, мой мальчик,— чашка кофе исходила ароматным паром, гренки были золотыми и на них еще пузырилось масло.— Колбаски порезать?

«Какой нежной она может быть,— подумал Савич.— А я уж и забыл. Надо отдать Ванде должное, она меня любит. А какой стала Елена? Может, еще не поздно? Я ничего ей не скажу. В конце концов ничего не произошло. Мы с Вандой официально расписаны, и она имеет право на супружеские отношения».

Оправдание было неубедительным.

Ванда уселась напротив, в халатике, волосы чернокрылой сумятицей над белым лбом, глаза сверкают, щеки розовые, словно намазаны румянами. И такая в ней была сила здоровья, такая бездна энергии... глаза ее вдруг затуманились, грудь высоко поднялась и голос стал низким и страстным.

— Мальчик мой,— произнесла она.— Иди ко мне...

«Съест,— подумал Савич,— ей только дай волю, она съест. А в моем возрасте это опасно для сердца. В каком возрасте? Что я несу?»

— Пора идти,— сказал Савич, стараясь не глядеть в глаза жены.

— Куда идти?

— К Елене Сергеевне,— сказал Савич.— Ведь мы не одни были. С другими тоже произошло.

— А какое нам дело до других? — Ванда обежала стол, наклонилась над Савичем, губами щекотала ухо.

— Ванда, не сходи с ума,— сказал Савич. Так бы он сорок лет назад не сказал. Не имел жизненного опыта.— Мы с тобой в коллективе. В любую минуту они могут прийти сюда, чтобы проверить.

Ванда выпрямилась.

— Ой, Никитушка,— сказала она.— Ты что имеешь в виду?

— Ты же понимаешь — надо осознать.

— Осознаю. К Елене спешишь?

— При чем тут Елена?

— А при том. Что я не видела, как ты на нее вчера вечером глядел? Думал, я старой останусь, а вы с ней молоденькими — и сразу любовь закрутите. Что, разве не так? Я ваши шашни сразу раскусила.

— У меня таких мыслей и в помине не было.

Но слова эти прозвучали неубедительно. Савич был как школьник, отрицающий перед мамой очевидное прегрешение.

Ванда криво усмехнулась. Полные розовые губки сложились в презрительную гримасу.

— А я уж решила... я уж думала, что ты меня увидел и понял.

— Понял?

— Понял, что тебе от меня никуда не деться. Тогда я тебя почти не знала — девчонкой была. А сейчас я тебя как облупленного знаю. Не решишься ты ни на что. Даже если она красивее, чем раньше, стала.

— А чего я испугаюсь?

— Всего. Общественности. Моих когтей. Ответственности — всего испугаешься, мой зайчик.

— Ванда, ты забываешься,— Савич тоже поднялся — ему неудобно было спорить сидя.— Ты позволяешь себе инсинуации. Мы с тобой скоро сорок лет женаты, и я ни разу не давал тебе повода...

— Помолчи. Это я не давала тебе дать повод. И контроль над тобой стоил мне нервов и усилий.

Каждую девочку в аптеке под контролем держала!

— Я и не подозревал, что ты так низко пала.

— Почему же низко? Я семью берегла. Я ведь тоже могла бы другого найти, получше тебя. Но я — человек твердый. Нашла — держу. Мужья, мой милый, на дороге не валяются. Их надо хранить и беречь. Даже таких паршивеньких, как ты...

— Ванда!

Слова жены были обидны. Но Савич со всем своим многолетним опытом общения с Вандой вдруг понял, что дальнейшая перепалка не в его пользу. Он может услышать о себе совсем неприятные слова — а кому это хочется слышать?

— В сущности мы ничего с тобой не знаем,— сказал он.— Возможно, средство подействовало только на нас. А остальные остались...

— Вряд ли,— сказала Ванда, но такая версия ей понравилась.

Она тут же направилась к шкафу, одеваться.

— Это было бы смешно,— сказала Ванда, доставая платье.

— Да, это было бы смешно,— невесело повторил Савич, глядя, как жена надевает платье.

Платье было безнадежно, невероятно велико. Но Ванда не сразу заметила это, а, подойдя к трюмо, стала примерять рыжий парик, который обычно носила, чтобы прикрыть поредевшие и поседевшие волосы. Парик никак не влезал на пышные молодые волосы, и Савич спросил:

— Ванда, зачем ты это делаешь?

— Что делаю?

— Тебе парик не нужен. У тебя теперь свои волосы лучше.

— Ага,— сказала Ванда рассеянно, продолжая натягивать парик.

— Чепуха какая-то,— сказал Савич.— Свою красоту прятать.

— Не красоту,— ответила Ванда.— Красота при мне останется.

Савич тоже достал свой костюм и стал думать, как его подогнать — он ведь на человека вдвое более толстого.

Ванда кинула на мужа взгляд и расхохоталась.

— Мы тебе, Никитушка, джинсы купим,— сказала она.

— А пока?

— Пока? — Но Ванда уже смотрела в зеркало, рассуждая, что делать с ее платьем. Потом сказала: — Может, тебе подушку подложить?

21

Уже собирались уходить, как Милица ахнула:

— Самое главное забыла!

Она вытащила из комода шкатулку, вытрясла из нее на стол всякую старую дребедень, среди дребедени отыскался толстый медный ключ.

— Сейчас будет сюрприз,— сказала она.— Господа, прошу следовать за мной.

Они пересекли двор и остановились перед вросшим в землю покосившимся сараем, почти скрытым за кустами сирени.

— Сашенька,— сказала Милица.— Откройте дверь. Я думаю, вам это будет очень интересно.

Грубин потрогал тяжелый ржавый замок. Замок лениво качнулся.

— Его давно не открывали? — спросил он.

— Как-то я сюда заглядывала,— сказала Милица.— После революции. Не помню уж зачем.

Ключ с трудом влез в скважину. Грубин нажал посильнее. Ключ повернулся.

— Не ожидал,— сказал Саша, вынимая дужку.

— Но он же был смазан,— сказала Милица.

— А что там? — не выдержала Шурочка.

— Идите,— сказала Милица.— Я надеюсь, что все в порядке.

Саша Грубин шагнул внутрь. Поднялась пыль, закружилась в солнечных лучах. Темные углы сарая были завалены мешками и ящиками. Середину занимало нечто большое, как автомобильный контейнер, покрытое серым брезентом.

— Смелее, Саша,— сказала Милица.— Я себя чувствую дедом-морозом.

Брезент оказался легким, сухим. Он послушно сполз с невероятного сооружения — белого, с красными кожаными сидениями автомобиля. Большие на спицах колеса, схожие с велосипедными, несли грациозное, созданное с полным презрением к аэродинамике, но с оглядкой на карету тело машины. Мно-

жество чуть потускневших бронзовых и позолоченных деталей придавали машине совсем уж неправдоподобное ощущение старинного канделябра.

— Ой! — Шурочка прижала к груди руки.— Что это такое?

— Мой последний супруг,— сообщила Милица,— присяжный поверенный Бакшт выписал это мне из Парижа. А полицейский исправник страшно возражал, потому что все свиньи и обыватели боялись. Даже у губернатора такого не было.

— Она бензиновая? — спросил Грубин, не в силах оторвать взора от совершенства нелепых линий этого мастодонта автомобильной истории.

— Нет,— сказала Милица.— Вы видите этот котел? Он паровой. А сюда нужно класть дрова. У меня они есть, вон в том углу.

— Паровоз? — спросила Шурочка.

— И вы думаете, что она поедет? — спросил Грубин.— Она не поедет.

Ему очень хотелось, чтобы машина поехала.

— Сашенька, я пригласила вас сюда,— сказала Милица,— именно потому, что вы единственный талант из моих знакомых. Я не ошибаюсь в людях.

— Да, Саша,— поддержала Милицу Шурочка,— у Милицы Федоровны большой жизненный опыт.

— Глупенькая,— сказала прекрасная персидская княжна,— при чем здесь жизненный опыт? Разве хоть одну женщину любили за жизненный опыт?

— Но ведь любовь это не главное?

— Милая моя девочка, вы еще слишком мало прожили, чтобы так говорить. Сначала столкнитесь с любовью по-настоящему, а потом делайте выводы. Я убеждена, что лет через сто вы меня поймете.— И Милица рассмеялась, словно зазвенели колокольчики.

Грубин даже задохнулся от этого серебряного смеха.

— Трудитесь, Саша,— сказала, отсмеявшись, Милица.

И Грубин продолжал трудиться. Он выяснил, как работает машина, загрузил котел, положил под него хорошо просохшие за сто лет поленца, разжег их, залил котел водой. Вскоре из высокой медной позолоченной трубы пыхнуло дымом, и еще через несколько

минут старая, но совсем не состарившаяся паровая машина господина Бакшта медленно выехала из сарая. Девушки принялись протирать тряпками ее металлические части.

В багажном отделении Милица обнаружила черный цилиндр, который водрузила на голову Грубину, и деревянный ящик с дуэльными пистолетами, хищными и красивыми, как пантеры.

— Спрячьте их,— испугалась Шурочка.— А то они выстрелят.

— Они слишком стары, чтобы стрелять,— сказала Милица.— К тому же мой муж их никогда не заряжал.

— Вы не знаете,— сказала Шурочка.— Если в первом действии на стене висит ружье, то в четвертом оно обязательно выстрелит.

— Ах, помню,— улыбнулась Милица.— Мне об этом говорил Чехов.

И Шурочка совсем не удивилась.

22

Елена Сергеевна убрала за ухо светлую прядь, прищурилась и отсыпала в кастрюлю ровно полстакана манки из синей квадратной банки с надписью «Сахар». Молоко вздыбилось, будто крупа жестоко обожгла его. Но Елена Сергеевна успела взболтнуть кашу серебряной ложкой, которую держала наготове.

Движения были вчерашними, привычными, и любопытно было глядеть на собственные руки. Они были знакомыми и чужими.

— Ну нужна мне твоя каша,— сказал по привычке Ваня.— Ты посолить забыла, баба.

— А я и в самом деле забыла посолить,— засмеялась Елена Сергеевна.

В дверь постучали. Вошел незнакомый молодой человек большого роста. Он наполнял пиджак так туго, что в рукавах прорисовывались бицепсы и пуговицы с трудом удерживались в петлях.

— Простите,— сказал он знакомым глуховатым голосом.— Извините великодушно. У вас незаперто, и я себе позволил вторгнуться. Утро доброе.

Он по-хозяйски присел за стол, отодвинул масленку и сказал:

— Чайку бы, Елена.

Елене Сергеевне пришлось несколько минут вглядываться в лицо гостя, прежде чем она догадалась, что это Алмаз Битый.

— Угадала? — спросил Алмаз. (Он где-то раздобыл новые полуботинки и джинсы.)— Как сказал, так и вышло. Проснулась и себя не узнала. И хороша, ей-богу, хороша. Не так хороша, как моя Милица, но пригожа. Теперь замуж тебя отдадим.

— Не шутите,— сказала Елена Сергеевна, указывая на замершего в изумлении Ваню.— В моем возрасте...

Алмаз засмеялся.

На улице послышался странный рокот. Заскрипели тормоза, закрякал клаксон.

— Есть кто живой? — спросила, заглядывая в окно, чернокудрая красавица.— Ой, да вас не узнать! Мы к вам в гости. И на автомобиле.

23

— Вот и Милица! — сказал Алмаз, легко поднимаясь из-за стола.— Я же говорил, что хороша. Правда, Елена?

Елена не ответила. Среди вошедших увидала молодого Савича, и было это еще невероятнее собственной молодости. Будто уходил Никитка всего на неделю, не больше, была пустая размолвка и кончилась.

Вокруг, как на школьном балу, мелькали и дергались смеющиеся лица. Ванда хохотала громче других, притопывала, будто хотела пойти в пляс.

Грубин схватил Елену за руку, показывал другим как свою невесту, уговаривал Шурочку познакомиться с бывшей учительницей, а Шурочка конфузилась, потому что знала — прочие, куда старше ее и солиднее, просто сейчас притворяются равными ее возрасту.

Савич замер в углу, пялил глаза и шевелил губами, словно повторял: «Средь шумного бала, случайно...» И когда Алмаз, подойдя к Елене, положил ей руку на плечо, Никита сморщился, как от зубной боли.

Елена заметила и улыбнулась.

— Я тебя, Лена, такой отлично помню,— сказала Ванда.

— И я тебя,— согласилась Елена. И подумала, что у Ванды склонность к полноте.

«Пройдет несколько лет — растолстеет, расплывется, станет сварливой... Ну и чепуха в голову лезет,— оборвала себя Елена.— Она же теперь все знает, будет следить за собой».

— Я тебе чай помогу поставить. Буду за мужика в доме,— сказал Алмаз.

— Хорошо,— согласилась Елена. Мелькнуло желание, чтобы вызвался помочь ей Савич.

Никита и вправду сделал движение к ней, но тут же кинул взгляд на Ванду, остался. Привычки, приобретенные за тридцать лет, были сильнее воспоминаний.

«Ну и бог с тобой,— подумала Елена, выходя в сени.— Всегда ты был тряпкой и, сколько ни дай тебе жизней, тряпкой и останешься. И не нужен ты мне. Просто удивилась в первую минуту, как увидела».

Ваня помогал Елене с Алмазом разжечь самовар, задавал вопросы, почему все сегодня такие молодые и веселые.

Алмаз удивлялся, как ребенок всех узнал. Даже в прекрасной персидской княжне — старуху Милицу. Алмаз нравился Ване своими сказочными размерами и серьезным к нему, Ване, отношением.

Вежливо постучался и вошел в дом Миша Стендаль. Он был приглажен, респектабелен и немного похож на молодого Грибоедова, пришедшего просить руку княжны Чавчавадзе.

— Елена Сергеевна дома? — спросил он Елену Сергеевну.

Ваня восхитился невежеством гостя, ткнул пальцем бабушку в бедро и сказал:

— Дурак, бабу не узнал.

— Сенсация,— сказал тихо Стендаль.— Сенсация века.

Он схватился за переносицу, будто хотел снять грибоедовское пенсне.

— Ох-хо! — рявкнул Алмаз.— Это разве сенсация? Вот в той комнате сенсация!

Стендаль поглядел на Алмаза, как на отца Нины Чавчавадзе, давшего согласие на брак дочери с русским драматургом.

— И вы тоже? — спросил он.

— И я тоже. Иди-иди. И Шурочка там.

— А я камеру не взял,— сказал Стендаль.— Вам уже сколько лет?

— Шура! — гаркнул Алмаз.— К тебе молодой человек!

Миша отступил к двери и приоткрыл ее. И сразу в кухню ворвался разноцветный водопад звуков. Мишу встретили, как запоздавшего дорогого гостя на вечере встречи однокашников.

— Молодой человек! Молодой человек! — хохотала Милица.— Маска, я тебя знаю, теперь угадай, кто я.

— Покормить нас надо,— сказал Алмаз, прикрывая дверь за Мишей.— Такая орава... Картошка у тебя, Елена, есть?

— Сейчас принесу,— сказала Елена.

— Я сам,— сказал Алмаз.— Во мне сила играет.

Он достал из чулана мешок и выжал его раза три, как гирю, отчего Ваня зашелся в восторге.

Алмаз заглянул в большую комнату, прервал на минутку веселье, сказав:

— Михаил, возьми вот десятку и сходи, будь ласков, в магазин. Купишь колбасы и так далее к чаю. Остальным вроде бы не стоит излишне по улицам бродить. Чтобы без этой, без сенсации.

— Я с тобой пойду,— сказала Шурочка.— Ты чего-нибудь не того купишь. Мужчины всегда не то покупают.

Грубин протянул Мише еще одну десятку.

— Щедрее покупай,— сказал он.— Белую головку, может, возьмешь. Все-таки праздник.

— Ни в коем случае,— сказала Шурочка.— Я уж прослежу, чтобы без этого.

В голосе ее прозвучали сухие, наверно подслушанные неоднократно материнские интонации.

— Возьмите шампанского,— сказала Елена Сергеевна.

— У меня есть деньги,— сказал Миша Грубину.— Не надо.

Шурочка с Мишей ушли, забрав все хозяйственные сумки, что нашлись в доме. Алмаз очистил картошку споро и привычно.

— Где вы так научились? — спросила Елена Сергеевна.— В армии?

— У меня была трудная жизнь,— сказал Алмаз.— Как-нибудь расскажу. Где только я картошку не чистил.

Елене Сергеевне показалось, что за дверью засмеялся Савич.

Дверь на улицу была полуоткрыта. Шурочка с Милицей, убегая, не захлопнули. В щель проникали солнечные лучи, косым прямоугольником ложились на пол, и Елена отчетливо видела каждую щербинку на половицах.

Залетевшая с улицы оса кружилась, поблескивая крыльями, у самой двери, будто решала, углубиться ли ей в полутьму кухни или не стоит.

Вдруг оса взмыла вверх и пропала. Ее испугало движение за дверью. Освещенный прямоугольник на полу расширился, и солнце добралось до ног Елены.

В двери обозначился маленький силуэт. Против солнца никак не разглядишь, кто это пришел. Елена Сергеевна решила было, что кто-то из соседских детей, хотела подойти и не пустить в дом — ведь не было еще договорено, как вести себя.

Маленькая фигурка решительно шагнула от двери внутрь, солнце зазолотило на миг светлый мальчишеский хохолок на затылке. Ребенок сделал еще шаг и, вдруг размахнувшись, по-футбольному наподдал ногой в большом башмаке ведро с чищеной картошкой. Ведро опрокинулось. Наводнением хлынула по полу вода, утекая в щели. Картофелины покатились по углам.

— Как я тебе сейчас! — сказал угрожающе Ваня.

Но вошедший мальчик его не слушал. Он бегал по кухне и давил башмаками картофелины. Те с хрустом и скрипом лопались, превращались в белую кашу. Мальчик при этом озлобленно плакал, и, когда он попадал под солнечный луч, уши его малиновели.

— Кто отвечать будет? — вскрикивал мальчик, пытаясь говорить басом.— Кто отвечать будет?

Алмаз медленно поднялся во весь свой двухметровый рост, не спеша, точно и ловко протянул руку, взял ребенка за шиворот, поднял повыше и поднес к свету. Ребенок сучил башмаками и монотонно визжал.

— Поди-ка сюда, Елена,— сказал Алмаз, поворачивая пальцем свободной руки личико мальчика к солнцу.— Присмотрись.

Мальчик зашелся от плача, из широко открытого рта выскакивали отдельные невнятные, скорбные звуки, и розовый язык мелко бился о зубы.

— Узнаешь? — спросил Алмаз. И когда Елена отрицательно покачала головой, сказал: — Прямо скандал получается. То ли я дозу не рассчитал, то ли организм у него особенный.

— Это Удалов? — спросила Елена, начиная угадывать в белобрысой головке тугое, щекастое мужское лицо.

— А кто отвечать будет? — спросил мальчик, вертясь в руке Алмаза.

— Вы — Корнелий? — спросила Елена, и вдруг ей стало смешно. Чтобы не рассмеяться некстати над человеческим горем, она закашлялась, прикрыла рукой лицо.

— Не узнаете? — плакал мальчик.— Меня теперь мать родная не узнает. Отпусти на пол, а то получишь! Кто отвечать будет? Я в милицию пойду!

Гнев мальчика был не страшен — уж очень тонка шея и велики полупрозрачные под солнцем уши.

— Грубин! — крикнул Алмаз.— Где твой гроссбух? Записать надо.

— Это жестоко, Алмаз Федотович,— сказала Елена.

Грубин уже вошел. Стоял сзади. Вслед за ним, не согнав еще улыбок с лиц, вбежали остальные. И Удалов взрыдал, увидев, насколько молоды и здоровы все они.

— Не повезло Корнелию,— сказал Грубин.

Когда Корнелий говорил, что пойдет в милицию, угроза его не была пустой. В милицию он уже ходил.

24

Удалов проснулся оттого, что в глаз попал солнечный луч, проник сквозь сомкнутое веко, вселил тревогу и беспокойство.

Он открыл глаза и некоторое время лежал недвижно, глядел в требующий побелки потолок, пытался сообразить, где он, что с ним. Потом, будто кинолента

прокрутилась назад, вспомнил прошлое — от прихода к Елене Сергеевне, к ссоре с женой, рассказу старика и злосчастному провалу.

Он повернулся на бок, раскладушка скрипнула, зашаталась.

В углу, у кафельной печи, на маленькой кровати посапывал мальчик Ваня...

Удалов приподнял загипсованную руку, и, к его удивлению, гипс легко слетел с нее и упал на пол.

Рука была маленькой. Тонкой! Детской! Немощной!

Сначала это показалось сном. Удалов зажмурился и приоткрыл глаза снова, медленно, уговаривая себя не верить снам. Рука была на месте, такая же маленькая.

Удалов спрыгнул на пол, еле удержался на ногах. Со стороны могло показаться — он исполняет дикий танец: подносит к глазам и бросает в стороны руки и ноги, ощупывает конечности и тело и притом беззвучно завывает.

На самом деле Удалову было не до танцев,— таким странным и нервным способом он осознавал трагедию, происшедшую с ним за ночь по вине старика и прочей компании.

Ваня забормотал во сне, и Корнелий в ужасе замер на одной ноге. Удаловым внезапно завладел страх, желание вырваться из замкнутого пространства, где его могут увидеть, удивиться, обнаружить вместо солидного мужчины белобрысого мальчика лет восьми. Разобраться можно будет после...

Детскому, неразвитому тельцу было зябко в спадающей с плеч майке и пижамных штанах, которые приходилось придерживать рукой, чтобы не потерять.

Удалов выгреб из-под кровати ботинки и утопил в них ноги. Ботинки были не в подъем тяжелы, и пришлось обмотать концы шнурков под коленками. Хуже всего с полосатыми штанами. Подгибай их не подгибай — они слишком обширны и смешны...

Чувство полного одиночества в этом мире овладело Корнелием.

Вновь зашебаршился в постельке Ваня. За стеной вздохнула во сне Кастельская.

Удалов подставил стул к окну, переполз на животе подоконник и ухнул в бурьян под окном...

Удалов долго и бесцельно брел по пустым, прохладным рассветным улицам Гусляра. Когда его обгоняли грузовики или автобусы, прижимался к заборам, нырял в подъезды, калитки. Особо избегал пешеходов. Мысли были туманными, злыми и неконкретными. Надо было кого-то привлечь, чтобы кто-то ответил и прекратил издевательство.

Наконец Удалов укрылся в сквере у церкви Параскевы-Пятницы, в которой помещался районный архив. Он отдышался. Он сидел под кустами, не видный с улицы, и старался продумать образ действий. Проснувшиеся с солнцем трудолюбивые насекомые жужжали над ним и доверчиво садились на плечи и голову. Которых мог, Удалов давил. И думал.

Низко пролетел рейсовый «АН-2» на Вологду. Проехала с базара плохо смазанная телега — в мешках шевелились, повизгивали поросята.

Удалов думал. Можно было вернуться к Елене Сергеевне и пригрозить разоблачением. А вдруг они откажутся его признать? Было ли все подстроено? А если так, то зачем? Значит, был подстроен и провал? С далеко идущими целями? А может, все это — часть громадного заговора с участием марсиан? Началось с Удалова, а там начнут превращать в детей районных и даже областных работников, может, доберутся и до центральных органов? Если пригрозить разоблачением, они отрекутся или даже уничтожат нежелательного свидетеля. Кто будет разыскивать мальчика, у которого нет родителей и прописки? Ведь жена Ксения откажется угадать в нем супруга. Может, все же побежать в милицию? В таком виде?.. Вопросов было много, а ответов на них пока не было.

Удалов прихлопнул подлетевшую близко пчелу, и та перед смертью успела вогнать в ладонь жало. Ладонь распухла. Боль, передвигаясь по нервным волоконцам, достигла мозга и превратилась на пути в слепой гнев. Гнев лишил возможности рассуждать и привел к решению неразумному: срочно сообщить куда следует, ударить в набат. Тогда они попляшут! У Удалова отняли самое дорогое — тело, которое придется нагуливать много лет, проходя унизительные и тоскливые ступеньки отрочества и юности.

Удалов резко поднялся, и пижамные штаны спали на землю. Он наклонился, чтобы подобрать их, и

увидел, что по дорожке, совсем рядом, идет мальчик его же возраста, с оттопыренными ушами и кнопочным носом. На мальчике были синие штанишки до колен на синих помочах, в руках сачок для ловли насекомых. Мальчик был удивительно знаком.

Мальчик был Максимкой, родным сыном Корнелия Удалова.

— Максим! — сказал Удалов властно.— Поди-ка сюда.

Голос предал Удалова — он не был властным. Он был тонким.

Максимка удивился и остановился.

— Поди сюда,— повторил Удалов-старший.

Мальчик не видел отца за кустами, но в зовущем голосе звучали взрослые интонации, которых он не посмел ослушаться. Оробев, Максимка сделал шаг к кустам.

Удалов вытянул руку навстречу сыну, ухватился за торчащий конец сачка и, перебирая руками по древку (ладонь болела и саднила), приблизился к мальчику, будто взобрался по канату.

— Ты чего здесь в такую рань делаешь? — спросил он, лишив сына возможности убежать.

— Бабочек ловить пошел,— сказал Максимка.

Если бы при этой сцене присутствовал сторонний наблюдатель, могущий при этом воспарить в воздухе, он увидел бы, как схожи дети, держащиеся за концы сачка. Но наблюдателей не было.

— А мать где?

В душе Удалова проснулись семейные чувства. В воздухе ему чудился аромат утреннего кофе и шипение яичницы.

— Мать плачет,— сказал просто Максимка.— У нас отец сбежал.

— Да,— сказал Удалов. И тут только осознал, что сын его не принимает за отца, беседует как с однолеткой. И вообще нет больше прежнего Удалова. Есть ничей ребенок. И вновь вскипел гнев. И ради удовлетворения его приходилось жертвовать сыном.— Снимай штаны,— сказал он мальчику.

Не поддерживаемые более пижамные штаны Удалова опять упали, и он стоял перед пойманным сыном в длинной майке, подобной сарафану или ночной рубашке.

— Уйди,— сказал мальчик нерешительно своему двойнику. Его еще никогда не грабили, и он не знал, что полагается говорить в таких случаях.

Удалов-старший вздохнул и ударил сына по носу остреньким жестким кулачком. Нос сразу покраснел, увеличился в размере, и капля крови упала на белую рубашку.

— А я как же? — спросил мальчик, который понял, что штанишки придется отдать.

— Мои возьмешь,— сказал Удалов, показывая себе под ноги.— Они большие. И трусы снимай.

— Без трусов нельзя,— сказал мальчик.

— Еще захотел? Забыл, как тебе от меня позавчера попало?

Максимка удивился. Позавчера ему ни от кого, кроме отца, не попадало.

Белая рубашка доставала Максимке только до пупа, и он прикрылся поднятыми с земли, свернутыми в узел пижамными брюками.

— Из этих брюк мы тебе три пары сделаем,— сказал подобревший Удалов, натягивая синие штанишки.— А теперь беги. И скажи Ксении, чтобы не беспокоились. Я вернусь. Ясно?

— Ясно,— сказал Максим, который ничего не понял.

Прикрываясь спереди пижамными штанами, он побежал по улице, и его беленькие ягодицы жалобно вздрагивали на бегу, вызывая в отце горькое, сиротливое чувство.

25

Дежурный лейтенант посмотрел на женщину. Она робко облокотилась о деревянный шаткий барьер. Слезы оставили на щеках искрящиеся под солнечным светом соляные дорожки.

— Сына у меня ограбили,— сказала она.— Только что. И муж скрылся. Удалов. Из ремконторы. Среди бела дня, в сквере.

— Разберемся,— сказал лейтенант.— Только попрошу по порядку.

— У него рука сломанная, в гипсе,— сказала женщина.

Она смотрела на лейтенанта требовательно. По

соляным руслам струились ручейки слез.

— У кого? — спросил лейтенант.

— У Корнелия. Вот фотокарточка. Я принесла.

Женщина протянула лейтенанту фотографию — любительскую, серую. Там угадывалась она сама, в центре. Потом был полный невыразительный мужчина и мальчик, похожий на него.

— Среди бела дня,— продолжала женщина.— Я как раз к вам собралась, соседи посоветовали. А тут прибегает Максимка, без штанов. Синие такие были, на штрипках...

Женщина широким движением сеятеля выбросила на барьер светлые в полоску пижамные штаны.

Лейтенант посмотрел на нее как обреченный...

— Может, напишете? — спросил он.— Все по порядку. Где, кто, что, у кого отнял, кто куда сбежал,— только по порядку и не волнуйтесь.

Говоря так, лейтенант подошел к графину с кипяченой водой, налил воды в граненый стакан, дал ей напиться.

Женщина пила, изливая выпитое слезами, писать отказывалась и все норовила рассказать лейтенанту яркие детали, упуская целое, ибо целое ей было уже известно.

Минут через десять лейтенант наконец понял, что два трагических события в жизни семьи Удаловых между собой не связаны. Муж пропал вечером, вернее, ночью; пришел из больницы, сослался на командировку и исчез в пижаме. Сына ограбили утром, только что, в скверике у Параскевы-Пятницы, и ограбление было совершено малолетним преступником.

Разобравшись, лейтенант позвонил в больницу.

— Больной Удалов на излечении находится? — спросил он.

Подождал ответа, поблагодарил. Потом подумал и задал еще вопрос:

— А вы его выписывать не собирались?.. Ах так. Ночью? В двадцать три? Ясно.

Потом обратился к Удаловой.

— Правильно говорите, гражданка,— сказал он ей.— Ушел ваш супруг из больницы. В неизвестном направлении. Медперсонал предполагал, что домой. А вы думаете, что нет?

— Так и думаю,— сказала Удалова.— И еще сы-

на ограбили. Оставили пижаму.

Лейтенант разложил пижамные штаны на столе.

— От взрослого человека,— сказал он.— А вы говорите — ребенок.

— Я и сама не понимаю,— согласилась Удалова.— И мальчик такой правдивый. Тихий. Смирный. И штаны со штрипками были. Синие. Вот как на этом.

Гражданка Удалова показала на мальчика в синих штанишках, вошедшего тем временем в помещение милиции и робко отпрянувшего к двери при виде Удаловой.

Ксения не узнала своего мужа. Не узнала она и штанов, принадлежавших ранее Максиму, ибо они пришлись Корнелию в самый раз.

— Так вы свою жалобу напишете? — спросил лейтенант.

— Напишу. Все как есть напишу,— сказала Ксения.— Только домой сбегаю и там напишу. Кормить сына надо.

При таком свидетельстве заботы жены о доме Корнелию захотелось плакать слезами раскаяния, но он удержался — не смел обратить на себя внимание.

— Тебе чего, мальчик? — спросил лейтенант, когда Удалова ушла писать заявление и кормить сына.

Удалов, почесывая ладонь, подошел к барьеру. Голова его белым курганчиком возвышалась над деревянными перилами, и ему пришлось стать на цыпочки, чтобы начать разговор с дежурным.

— Не тебе, а вам,— поправил Удалов. Когда себя не видел, как-то забывал о своих истинных размерах.

— Ну, вам,— не стал спорить лейтенант.— Говори, пацан.

— Дело государственной важности,— сказал Удалов и оробел.

— Молодец,— сказал лейтенант.— Хорошо, когда дети о большом думают. Погляди, старшина, мы в его возрасте только футболом интересовались.

Старшина, сидевший в другом углу, согласился.

— Я поближе хочу,— сказал Удалов.— За барьер.

— Заходи, садись,— сказал лейтенант.— И на-

чинай, а то у меня дежурство кончается. Домой пора. Жена ждет, понимаешь?

Удалов это понимал. И кивнул головой сокрушенно.

Мальчик в слишком больших башмаках, завязанных, чтобы не упали, под коленками шнурками, вскарабкался на стул.

Лейтенант смотрел на мальчика с сочувствием. У него детей не было, но он их любил. И хоть дело мальчика касалось какой-нибудь малой несправедливости, обижать его лейтенант не хотел и слушал, как взрослого.

— Существует заговор! — сказал Удалов.— Я еще не знаю, кто его финансирует. Но может оказаться, что и не марсиане.

— Во дает! — Старшина поднялся со стула и подошел поближе.

— Шпиона видел? — ласково спросил лейтенант.

— Да вы послушайте! — воскликнул мальчик, и глаза его увлажнились.— Говорю, заговор. Я сам тому доказательство.

Лейтенант незаметно подмигнул старшине, но мальчик заметил это и сказал строго:

— Попрошу без подмигиваний, товарищ лейтенант. Они сейчас обсуждают дальнейшие планы. Со мной разделались, а что дальше, страшно подумать. Возможно, на очереди руководящие работники в районе и области.

— Во дает! — сказал старшина совсем тихо. Он подумал, что жизнь ускоряет темпы и, если следить за прессой, то увидишь, что в западных странах психические заболевания приняли тревожный размах. Теперь подбираются к нам. А мальчика жалко.

— Ну, а как тебя зовут, мальчик? — спросил лейтенант.

— Удалов,— сказал мальчик.— Корнелий Удалов. Мне сорок лет.

— Та-ак,— сказал лейтенант.

— Я женат,— сказал Удалов, и лопоухое личико порозовело.— У меня сын, Максимка, в школу ходит.

Тут Удалова посетили воспоминания о преступлении против собственного ребенка, и он еще ярче зарделся.

— Та-ак,— сказал лейтенант.— Тоже, значит, Удалов.

Неожиданно во взоре его появилась пронзительность. И он спросил отрывисто:

— А штаны с тебя в парке сняли?

— Какие штаны?

— А мамаша твоя с жалобой приходила?

— Так она же меня не узнала! — возмолился Удалов.— Потому что я не сын, а муж. Только меня превратили в ребенка, в мальчика. Я про это и говорю. А вы не верите. Если бы я был сын, то меня бы она узнала. А я муж, и она меня не узнала. Понятно?

— Во дает! — сказал старшина и начал продвижение к двери, чтобы из другой комнаты позвонить в «скорую помощь».

— Ты лучше к его мамаше сходи. Она адрес оставила,— сказал лейтенант, понявший замысел старшины.— Погоди, мальчика сначала в детскую комнату определим.

— Нет! — закричал Удалов.— Я этого не перенесу! У меня паспорт есть, только не с собой. Я вам такие детали из своей жизни расскажу! Я ремконторой руковожу!

Лейтенант печально потупился, чтобы не встречаться взглядом с заболевшим мальчиком. Ну что он мог сказать, кроме общих слов сочувствия? Да и эти слова могли еще более разволновать ребенка, считающего себя руководителем ремконторы Удаловым.

Старшина сделал шаг по направлению к мальчику, но тот с криками и плачем, с туманными угрозами дойти до Вологды и даже до Москвы соскочил со стула, затопал тяжелыми ботинками, вильнул между рук старшины, увернулся от броска лейтенанта и выскользнул за дверь, а затем скрылся от преследователей среди куч строительного мусора, накопленного во дворе реставрационных мастерских.

Научный склад мышления — явление редкое и не обязательно свойственное ученым. Он предусматривает внутреннюю объективность и желание добиться истины. Удалов не обладал этим складом, потому что стать мальчиком, когда внутренне подготовился к превращению в полного сил юношу, слишком обидно и стыдно. Поэтому воображение Удалова, богатое, но

неорганизованное, подменило эксперимент заговором, и заговор этот рос по мере того, как запыхавшийся Корнелий передвигался по городу, распугивая кур и гусей. И чудилось Корнелию, что заговорщики, в черных масках, подкрадываются к системе водоснабжения и отрава проникает в воду, пиво, водку и даже в капли от насморка.

Просыпается утром страна, и обнаруживается — нет в ней больше взрослых людей. Лишь дети, путаясь в штанах и башмаках, выходят с плачем на улицы. Остановился транспорт — детские ножки не могут достать до тормозных педалей. Остановились станки — детские ручки не могут удержать тяжелую деталь. Плачет на углу мальчик — собирался сегодня выходить на пенсию, а что теперь? Плачет девочка — собралась сегодня выйти замуж, а что теперь? Плачет другая девочка — завтра ее очередь лететь в космос. Плачет второй мальчик — вчера только толкнул штангу весом в двести килограммов, а сегодня не поднять и двадцати.

Мальчик-милиционер двумя ручками силится поднять палочку-регулировочку. Девочка-балерина не может приподняться на носки. Мальчик-бас, оперный певец, пищит-пищит: «Сатана там правит бал!»

А враги хохочут, шепчутся: «Теперь вам не взобраться в танки и не защитить своей страны от врагов...»

И тут, по мере того как блекла и расплывалась страшная картина всеобщего помоложения, Удалова посетила новая мысль: «А вдруг уже началось? Вдруг он не единственная жертва старика? А что, если все — и Кастельская, и Шурочка Родионова, и друг Грубин, и даже подозрительная старуха Бакшт,— все они стали детьми и с плачем стучатся в дверь Кастельской?

Новая мысль поразила Удалова своей простотой и очевидностью, подсказала путь дальнейших действий, столь нужный.

К дому Кастельской Удалов подкрадывался со всей осторожностью и к играющим на тротуаре детям приглядывался с опаской и надеждой — любой ребенок мог оказаться Еленой Сергеевной или Сашей Грубиным. Да и вообще детей в городе было очень

много — более, чем вчера. Это свое наблюдение Удалов также был склонен отнести за счет сговора старика с марсианами, а не за счет хорошей погоды, как это было на самом деле.

Но стоило Удалову войти в сени, как все иллюзии разлетелись.

Пострадал лишь он.

26

Перед Удаловым стояла чашка с какао, батон, порезанный толсто и намазанный вологодским маслом. На тарелке посреди стола горкой возвышался колотый сахар. В кастрюле дымилась крупная картошка.

О Корнелии заботились, его жалели очаровательные женщины, угощали шампанским (из наперстка), мужчины легонько постукивали по плечику, шутили, сочувствовали. Здесь, по крайней мере, никто не ставил под сомнение действительную сущность Удалова. Он весь сжался и чувствовал себя подобно одинокому разведчику в логове коварного врага. Каждый шаг грозил разоблачением. Удалов улыбался напряженно и сухо.

— И неужели никакого противоядия? — шептала Милица Грубину, тот глядел на Алмаза, Алмаз разводил над столом ладонями-лопатами.

Может, где-то, на отдаленной звезде, это противоядие давно испытано и продается в аптеках, а на Земле пока в нем необходимости нет. Алмаз Удалова особо не жалел — получил человек дополнительно десять лет жизни. Потом поймет, успокоится. Другому бы — это счастье, спасение.

— В дозе ошибки не было? — спросил Грубин.

— Не было,— сказал Алмаз.

Грубин листал тетрадь, шевелил губами, снова спросил:

— А ошибиться вы не могли?

— Сколько всем, столько и ему,— сказал Алмаз.

— А если он сам? — спросила Шурочка.

— Я только свою чашку выпил,— сказал быстро Удалов.

— А косточку я выкинула в окошко,— сказала Шурочка. Она быстро свыклась с тем, что Удалов —

мальчик, и только. И общалась с ним, как с мальчиком.

— Я ж говорю, что не пил.— Удалов внезапно заплакал. Убежал из-за стола, размазывая кулачками слезы.

Елена Сергеевна укоризненно поглядела на Шурочку, покачала головой.

Алмаз заметил движение, ухмыльнулся: укоризна Елены Сергеевны была от прошлого, с нынешним девичьим обликом вязалась плохо.

— Я только Ксюшину бутылочку выпил. Маленькую. Она меня из дома выгнала,— крикнул Удалов от двери.

Грубин продолжал листать тетрадь старика. Его интересовал состав зелья, хотя из тетради, записанной множество лет назад, узнать что-либо было трудно.

Савич искоса поглядывал на Елену, порой приглаживал волосы так, будто гладил лысину. Савич был растерян, так как еще недавно, вчера ночью, дал овладеть собой иллюзии, что, как только он помолодеет, начнет жизнь снова, откажется от Ванды, придет к Елене и скажет ей: «Перед нами новая жизнь, Леночка. Давай забудем обо всем, ведь мы нужны друг другу». Или что-то похожее.

Теперь же вновь наступили трудности. Сказать Елене? А Ванда? Ну кто мог подумать, что так произойдет? И кроме того, они ведь связаны законным браком.

И Савич чувствовал раздражение против старика Алмаза, поставившего его в столь неловкое, двусмысленное положение.

А Елена тоже посматривала на Савича. Думала о другом. Думала о том, что превращение, происшедшее с ними,— обман. Не очевидный, но все-таки самый настоящий обман. Ведь в самом деле никто из них, за исключением, может быть, старухи Милицы, почти впавшей в детство и потерявшей память, не стал в самом деле молодым. Осталась память о прошлом, остались привычки, накопленные за много лет, остались разочарования, горести и радости — и никуда от них не деться, даже если тебе на вид лет восемь, как Удалову.

Вот сидит Савич. В глазах у него обида и расте-

рянность. Но обида эта и растерянность не свойственны были Савичу-юноше. И возникли они давно, постепенно, от постоянного ощущения неудовлетворенности собой, своей работой, своей квартирой, характером своей жены. И даже жест, которым Савич поглаживает волосы, пришел с лысиной, с горестным недоверием к слишком быстрому и жестокому бегу времени.

Если сорок лет назад можно было сидеть вдвоем на лавочке, целоваться, глядеть в звездное небо, удивляться необыкновенности и новизне мира и своих чувств, то теперь этого сделать будет нельзя. Как ни обманывай себя, не избавишься от спрятанного под личиной юноши тучного, тяжело дышащего лысого провизора.

Омоложение было иллюзией, но вот насколько она нужна и зачем нужна, Елена еще не разобралась. Пока будущее пугало. И не столько необходимостью жить еще несколько десятков лет, сколько вытекающими из омоложения осложнениями житейскими.

— Семь человек приняли эликсир,— сказал деловито Грубин, захлопывая тетрадь.— Все здорово помолодели. Один даже слишком.

Удалов громко всхлипывал в маленькой комнате. Даже Ваня пожалел его, взял мяч и пошел туда, к грустному мальчику.

— Все-таки процент большой,— сказал Савич.

— Но главное — эксперимент удачен. И это раскрывает перед человечеством большие перспективы. А на нас накладывает обязательства. Ведь бутыль-то разбилась.

— Нам вряд ли поверят,— сказал Савич.— Уж очень все невероятно.

— Обязательно поверят,— возразил Грубин.— Нас девять человек. У нас, в конце концов, есть документы, воспоминания, люди, которых мы можем представить в качестве свидетелей. Ведь мы-то, наше прошлое, куда-то делись. Нет, придется признать.

— Не признают,— сказал Удалов, вошедший тем временем в комнату, чтобы избавиться от общества Вани с мячиком.— Я правду скажу: я уже ходил в милицию. Не поверили. Чуть было маме не отдали, то есть моей жене. Пришлось бежать.

Удалов виновато поведал историю своих похождений. Он уже понял, что стал жертвой ошибки, жертвой своего исключительного злокачественного невезения.

— Эх, Удалов, Удалов! — сказал наконец Грубин.— И когда ты станешь взрослым человеком?

— Лет через десять,— хихикнула Шурочка.

— Шурочка! — остановила ее Елена.

— Вам только бы издеваться,— сказал Удалов.— А я без работы остался и без семьи. Как мне исполнять свои обязанности, семью кормить, отчитываться перед руководящими органами?

— Да,— сказал Грубин.— Дело нелегкое. И в милицию теперь не пойдешь за помощью. Им Удаловы так голову закрутили, что чуть что — сразу вызовут «скорую помощь» и санитаров со смирительной рубашкой. Да и другие органы, верно, предупреждены. Надо в Москву ехать. Прямо в Академию наук. Всем вместе.

— Уже? — спросила Милица.— Я хотела пожить в свое удовольствие.

— В Москве для этого возможностей больше,— сказал Алмаз.— Только уж обойдитесь без меня. Я потом подъеду. Вернуться надо к своим делам.

— Да как же так? Без вас научного объяснения не будет.

— А мое объяснение меньше всего на научное похоже.

— Что за дела, если не секрет? — спросила вдруг Елена.

— Спрашиваешь, будто я по крайней мере до министра за триста лет дослужился. Разочарую, милая. В Сибири я осел, в рыбной инспекции. Завод там один реку портит, химию спускает. Скоро уж и рыбы не останется. Когда-нибудь будет времени побольше, расскажу, какую я борьбу веду с ними четвертый год, до ЦК доходил. Но возраст меня подводил, немощь старческая. Теперь же я их замотаю. Попляшут. Главный инженер или фильтры поставит, или вместо меня на тот свет. Я человек крутой, жизнью обученный. Вот так.

Алмаз положил руку на плечо Елены, и та не возражала. Рука была тяжелая, горячая, уверенная. Савич отвернулся. Ему этот жест был неприятен.

— Учиться вам надо, Алмаз Федотович,— сказала Милица.— Тогда, может, и министром станете.

— Не исключено,— согласился Алмаз.— Но сначала я главного инженера допеку. И всех вас приглашу на уху. Добро?

Грубин опустился тем временем на колени и заглянул под стол. Он увидел, что в том месте, где на пол пролился эликсир, из досок за ночь поднялись ветки с зелеными листочками. Пол тоже помолодел.

— А в Москву ехать на какие деньги? — спросил Грубин из-под стола.

27

Никто уже не сомневался, что в Москву ехать надо. Слово такое появилось и овладело всеми: «Надо». Жили люди, старели, занимались своими делами и никак не связывали свою судьбу с судьбами человечества. И даже когда соглашались на необычный эксперимент, делали это по самым различным причинам, опять же не связывая себя с человечеством.

Но когда обнаружилось, что таинственный эликсир и в самом деле действует, возвращает молодость, оказалось, что на людей свалилась ответственность, хотели они того или нет. Да и в самом деле, что будешь делать, если в руки тебе попадется подобный секрет? Уедешь в другой город, чтобы тихо прожить жизнь еще раз?

Раньше Алмаз так и делал. Хоть и проживал очередную жизнь не тихо, а в смятении и бодрствовании, но к людям пойти, поделиться с ними тайной не мог, не смел,— погубили бы его, отняли тайну, передрались бы за нее. Так предупреждал пришелец. Но то был один Алмаз. Теперь семь человек.

Слово «надо», коли оно не пришло извне, а родилось самостоятельно, складывается из весьма различных слов и мыслей, и нелегко порой определить его истоки. Грубин, например, с первого же момента рассматривал все как чисто научный эксперимент, так к нему и относился. Когда же помолодел и осознал тщету предыдущей жизни, то в нем проснулся настоящий ученый, для которого сущность открытия лежит в возможности его использования.

Удалов внес свою лепту в рождение необходимости, потому что был уверен, что в Москве хорошие врачи. Если придется к ним попасть, вылечат от младенчества, вернут в очевидный облик. Его «надо» было чисто эгоистическим.

Савич готов был ехать куда угодно — его ничто не удерживало в Гусляре. В аптеку путь закрыт — кому нужен юный провизор, который вчера был солидным мужчиной предпенсионного возраста? О том, чем он будет заниматься, Савич не думал — его главные проблемы были личными. Что делать с двумя девушками, на одной из которых за последние сорок лет он дважды женился, а другую дважды бросил? Увидев молодую Елену, Савич испытал раздражение против себя и понял, что вчера был совершенно прав, надеясь связать свою новую жизнь именно с Еленой. Когда тебе двадцать — в самом деле двадцать — ты можешь не разглядеть за соблазнительной девичьей оболочкой вульгарности, грубости и даже — Савич не боялся этого слова — пошлости. Но с сорокалетним опытом совместной жизни пришло и полное понимание прежней ошибки. Теперь оставалось сделать лишь один шаг — честно рассказать обо всем Елене, прекрасной, тонкой, понимающей и добиться ее взаимности. Ведь была же эта взаимность сорок лет назад? Ведь страдала Лена, когда он оставил ее! Теперь должно наступить искупление и затем — счастье.

Но размышляя так, Савич сам себе не верил. Он всей шкурой ощущал, что у него неожиданно появился соперник, который не даст возможности не спеша осмотреться, все обсудить и принять нужные меры. Этот бывший старик был нахален и видно привык забирать от жизни все, что ему приглянулось. А у Елены совершенно нет опыта обращения с подобными субъектами. И осмотрительность Савича, которую Елена может ложно истолковать, также работает против него —с каждой минутой шансы Савича тают.

Елена Сергеевна также была в растерянности, но Савич не занимал в ее мыслях главного места. Она поняла, что возврата к прошлой жизни нет, надо искать выход, но ведь вся старая жизнь с ее требованиями и обязанностями оставалась. Оставалась дочь, которая вернется из отпуска за Ваней, оставались

должности в общественных организациях и незавершенные дела, оставались друзья и знакомые, от которых придется отказаться. И отъезд в Москву, хоть и был бегством, оказывался наиболее разумным выходом из тупика. А что касается Никиты — конечно же, шок от его появления, молодого, курчавого, милого и доброго Никитушки, был велик. И был бы больше, если бы рядом не оказалось Ванды Казимировны с ее хозяйскими повадками и взглядом женщины, которая Никитушкой владеет. Да и неудивительно — она же была первой, кто увидел Савича помолодевшим, и наверное уж успела принять меры, чтобы оставить его за собой. Да и взгляд Никиты, виноватый и растерянный, выдавал его с головой. Ясно было, что вчера он решился принять участие в опыте, потому что мечтал изменить жизнь. Сегодня же он вновь колеблется. И хорошо,— все было решено сорок лет назад — зачем же начинать снова эту волынку?

Так Елена Сергеевна утешала себя, потому что нуждалась в утешении. Оказывается, ее чувство к Савичу не совсем испарилось за эти годы — да и много ли сорок лет в жизни человека? Кажется, только вчера она выслушивала клятвы в вечной верности и только вчера они с Никитой обсуждали свои совместные планы на жизнь.

И неудивительно, что Елена тянулась к Алмазу. Бывают мужчины, которых надо утешать. Значительно реже встречаются такие, которые сами могут тебя защитить и утешить. Алмаз не просил жалости да и нелепо было бы его жалеть. Вот он, думала Елена, незаметно глядя на Алмаза, может взять тебя на руки и унести, куда пожелает, потому что знает, как хочется иногда женщине не принимать решений.

Алмаз перехватил этот несмелый взгляд и широко улыбнулся.

— Нашел тебя,— сказал он, поднимая бокал шампанского.— Теперь не упущу.

Ванда Казимировна, не спускавшая глаз с мужа и Елены, настороженная как кошка перед мышиной норой, с радостью отметила эти слова. Плохо твое дело, мой зайчик, подумала она о муже.

А если так, то можно поехать и в Москву. Взять

отпуск в магазине за свой счет и прокатиться. Тысячу лет там не была. Заодно надо будет и приодеться. Ведь когда ты солидная пожилая дама, то подчиняешься одной моде — чтобы все было из дорогого материала и с драгоценностями. Когда тебе двадцать, надо менять стиль. В Москве театры, концерты, может быть придется сверкать. Правда, для этого требуются средства. И значительные. Доехать, устроиться и там пожить. А почему и не пожить? Сорок лет накапливала. Можно позволить, накопления есть. Надо будет взять сберкнижку, которая хранится в сейфе, в универмаге.

— У меня совершенно нет сбережений,— сказала Милица.— Знаете, я как-то все свои жизни прожила без сбережений. Это так неинтересно — сберегать.

— И в поклонниках отказа не было,— сказал Алмаз.

— Не только в поклонниках — в мужьях,— поправила его с улыбкой Милица.

И поглядела, расширив глазищи, на Сашу. Тому показалось, что острые черные ресницы вонзаются ему в сердце. И ему стало стыдно, что у него тоже нет никаких сбережений. Последние он истратил на детали для вечного двигателя.

— Но в Москву попасть мечтаю,— сказала Милица.— Меня всегда тянуло в столицу.

Миша Стендаль поправил очки и приобрел сходство с Грибоедовым, прибывшим на первую аудиенцию к персидскому шаху. Он сказал:

— Деньги достать можно.

— Откуда? — сокрушенно произнес Грубин.— Нам даже занять не у кого. Если я к своей двоюродной сестре приду, она меня с порога спустит. Решит, что я авантюрист.

— А ты ей паспорт покажи,— пискнул от двери Удалов, но никто не обратил внимания на его слова.

— Может, у тебя, Ванда Казимировна? — спросил Грубин.— Ты же директор.

— Нет,— сказала Ванда, не задумываясь,— мы только что гарнитур купили. Савич, подтверди.

— Купили,— сказал Савич и расстроился, потому что жене не поверил, но не посмел оспорить ее слова. Сам он свободных денег не имел, да и не нуждался в них. Зарплату сдавал домой, получал

рубль на обед и когда нужно — на книгу.

Так мы и не стали молодыми, подумала Елена. Ванда когда-то была мотовкой, хохотушкой, цены деньгам не знала и знать не желала. А привыкла к деньгам постепенно. И сидит сейчас в юной Ванде пожилая директорша, которая не любит расставаться с копейкой. Так что молодость наша — только видимость.

— У меня есть шестьдесят рублей,— сказала Елена.

— Не тот масштаб,— сказал Грубин.

— Может, отложим отъезд? — спросил Савич.

— Нельзя,— ответил Грубин.— Вы же знаете.

Он вылез из-под стола с букетиком зеленых листьев, что выросли за ночь в том месте пола, куда пролилось зелье. Листья он намеревался исследовать, попытаться определить состав жидкости.

— Вы же знаете,— сказал Грубин.— С каждой минутой следы эликсира в нашей крови рассасываются. День-два — и ничего не останется. На основе чего будут работать московские ученые? Любая минута на учете. Или мы выезжаем ночным поездом, либо можно вообще не ехать.

— Вот я и говорю,— сказал Стендаль.— Деньги достать можно, и вполне официально. Я начну с того, что наши события произошли именно в городе Великий Гусляр. А кто знает о нашем городе? Историки? Статистики? Географы? А почему? Да потому, что Москва всегда перехватывает славу других городов. Я сам из Ленинграда, хотя уже считаю себя гуслярцем. И что получается? В Кировском театре почти балерин не осталось — Москва переманила. Команда «Зенит» успехов добиться не может — футболистов Москва перетягивает. А почему метро у нас позже, чем в Москве построили? Все средства Москва забрала. А о Гусляре и говорить нечего, даже и соперничать не приходится. А почему бы не посоперничать? Обратимся в нашу газету!

— Правильно, Миша,— сказала Шурочка.— А раньше Гусляр, в шестнадцатом веке, Москве почти не уступал. Иван Грозный сюда чуть столицу не перенес.

— Красиво говоришь,— сказал Алмаз.— Город добрый, да больно мелок. Даже если здесь совершен-

ное бессмертие изобретут, все равно с Москвой не тягаться.

— Газета добудет нам денег,— продолжал Стендаль,— опубликует срочно материал. И завтра утром мы отбываем в Москву. И нас уже встречают там. Разве не ясно? И Гусляр прославлен в анналах истории.

— Ну-ну,— сказал Алмаз.— Попробуй.

Стендаль блеснул очками, обводя взглядом аудиторию. Остановил взгляд на Милице и сказал:

— Милица Федоровна, вы со мной не пойдете?

— Ой, с удовольствием,— сказала Милица.— А редактор молодой?

— Средних лет,— сдержанно сказал Стендаль.

— Тогда я возьму мой альбом. Там есть стихи Пушкина.

28

Пленка, которую принес с птицефермы фотограф, никуда не годилась. Ее стоило выкинуть в корзину — пусть мыши разбираются, где там несушки, а где красный уголок. Так Малюжкин фотографу и сказал. Фотограф обиделся. Машинистка сделала восемь непростительных опечаток в сводке, которая пойдет на стол к Белосельскому. Малюжкин поговорил с ней, машинистка обиделась, ее всхлипывания за тонкой перегородкой мешали сосредоточиться.

Степан Степанов из сельхозотдела, консультант по культуре, проверял статью о художниках-земляках. Пропустил «ляп»: в очерке сообщено, что Рерих — баталист. Малюжкин поговорил со Степановым, и тот обиделся.

К обеду половина редакции была обижена на главного, и оттого Малюжкин испытывал горечь. Положение человека, имеющего право справедливо обидеть подчиненных, возносит его над ними и лишает человеческих слабостей. Малюжкину хотелось самому на кого-нибудь обидеться, чтобы поняли, как ему нелегко.

День разыгрался жаркий. Сломался вентилятор; недавно побеленный подоконник слепил глаза; вода в графине согрелась и не утоляла жажды.

Малюжкин был патриотом газеты. Всю сознатель-

ную жизнь он был патриотом газеты. В школе он получал плохие отметки, потому что вечерами переписывал от руки письма в редакцию и призывал хорошо учиться. В институте он пропускал свидания и лекции и подкармливал пирожками с повидлом нерадивых художников. Каждый номер вывешивал сам, ломал, волнуясь, кнопки и долго стоял в углу — глядел, чем и как интересуются товарищи. Новое полотнище, висящее в коридоре, было для Малюжкина лучшей, желанной наградой, правда, наградой странного свойства — со временем она переставала радовать, теряла ценность, требовала замены.

Иногда вечерами, когда институт таинственно замолкал и лишь в коридорах горели тусклые лампочки, Малюжкин забирался в комнату профкома, где за сейфом старились пыльные рулоны прошлогодних стенгазет, вытаскивал их, сдувал пыль, разворачивал на длинном столе, придавливал углы тяжелыми предметами, приклеивал отставшие края заметок и похож был на донжуана, перебирающего коллекцию дареных фотографий с надписями «Любимому» и «Единственному».

И теперь, дослужившись к вершине жизни до поста редактора городской газеты, Малюжкин уходил из редакции последним, перед уходом перелистывая подшивки газеты за последние годы.

Перед Малюжкиным стоял литсотрудник Миша Стендаль. Вид его был неряшлив, очки запылились.

— Что у тебя? — спросил Малюжкин.

— Важное дело,— сказал Стендаль.

— Важное дело здесь,— сказал Малюжкин и показал на недописанную передовицу о подготовке школ к учебному году.— К сожалению, не все понимают.

Малюжкин прижал палец к губам, затем провел им по воздуху и упер в стенку. Из-за стены шло всхлипывание. Стендаль понял, что машинистка снова допустила опечатки.

— Итак? — спросил Малюжкин, склонный к красивым словам.

— Итак, поверить мне трудно, но я принес настоящую сенсацию.

— Сенсация сенсации рознь,— сказал Малюжкин. Само слово «сенсация» имело неприятный

оттенок, связывалось в уме с унизительными эпитетами.— Только без дешевых сенсаций,— сказал Малюжкин.— В одной центральной газете напечатали про снежного человека — и что? — Малюжкин резко провел ребром ладони по горлу, показывая судьбу редактора.— Ну, ты говори, не обижайся.

— У нас есть возможность стать первой, самой знаменитой газетой в мире. Интересует?

— Посмотрим,— сказал Малюжкин.

Машинистка за стеной перестала всхлипывать — прислушивалась.

— Но в любом случае,— продолжал Малюжкин,— передовую заканчивать придется. Ты же за меня ее дописать не сможешь?

Малюжкин прикрыл на несколько секунд глаза и чуть склонил седеющую голову благородного отца. Ждал лестного ответа.

— Передовицу — в корзину,— сказал невежливо Стендаль.— На первую полосу другое.

Малюжкин терпеливо улыбнулся. Он умел угадывать нужное, своевременное. По виду Стендаля понял — блажь. И мысли переключил на завершение передовой.

— Вчера,— сказал Стендаль,— в нашем городе произошло величайшее событие, сенсация века. Впервые удачно произведен эксперимент по коренному омоложению человеческого организма.

Торжественные слова, как и рассчитывал Стендаль, легче проникали в мозг Малюжкина, но тот, слыша их, не вникал в смысл, а старался приспособить к делу, к передовой. «Впервые в стране удачно произведен эксперимент,— повторял мысленно Малюжкин,— по полному охвату подрастающего поколения сетью восьмилетнего обучения». Внешне Малюжкин продолжал поддерживать беседу со Стендалем.

— В больнице, говоришь, эксперимент? — спросил он.— Там у нас способная молодежь.

Из собственной фразы в передовицу пошли слова «способная молодежь». Надо было подыскать им нужное обрамление.

— Нет, не в больнице. На частной квартире.

— Не бегай по кабинету, садись,— сказал Малюжкин.

Бегающий в волнении Стендаль, махающий руками Стендаль, протирающий на ходу очки Стендаль мешал Малюжкину сосредоточиться.

— Несколько человек,— сказал Стендаль, присаживаясь на кончик стула и продолжая двигать ногами,— получили возможность овладеть секретом вечной молодости.

Обрамление для «способной молодежи» нашлось: «Способная молодежь получила возможность овладеть секретами науки». Малюжкин мысленно записал фразу.

— Да-да,— сказал он вслух.— Как же, читал.

— Где? — Стендаль даже перестал двигать ногами.— И ничего не сказали?

— Где? — Удивился Малюжкин:— «Наука и жизнь» писала.— Редактор был уверен, что во лжи его не уличить. «Наука и жизнь» уже писала обо всем.— В Штатах опыты производились. У нас тоже. На собаках.

— Ясно,— сказал Стендаль. Понял, что редактор невнимателен.— И вы могли бы! — неожиданно крикнул он.

Малюжкин забыл все фразы для передовой. Испугался.

Машинистки за стеной ахнули.

— И вы могли бы стать молодым! — кричал Стендаль.— Каждый может стать молодым! Вчера — старик, сегодня — юноша. Понимаете?

— Спо-койно,— сказал Малюжкин.— Ты нервничаешь, Цезарь, значит, ты неправ.— Малюжкин указал пальцем на перегородку и продолжал шепотом: — За стеной люди, понял? Пойдут сплетни. А ты не проверил, а кричишь. Свидетели есть? Проверка была?

— Я сам свидетель,— сказал Стендаль, также переходя на шепот, наклоняясь через стол.

Они сидели как заговорщики, обсуждающие план ограбления банка.

— И еще свидетель есть,— пролепетал Стендаль.— Позвать?

— Ну-ну,— согласился Малюжкин.— Передо - цу все равно придется придумывать снова.

Стендаль высунулся в окно, крикнул:

— Мила, будьте любезны, поднимитесь! Комната пять, я вас встречу.

Стоило Стендалю отойти, как Малюжкин вернулся к передовой. Стендалю это не понравилось. Схватил лист, разорвал, бросил в корзинку.

— Ты с ума сошел,— зашипел Малюжкин. Обида завладела им.

— Сейчас придет женщина,— сказал Стендаль,— Ей минимум двести лет. Она была знакома с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Стендаль убежал.

«Женщины...— думал Малюжкин, склоняясь над мусорной корзиной,— везде женщины, все знакомы или с Пушкиным, или с Евтушенко, а верить никому нельзя».

За дверью возник голос Стендаля:

— Сюда, Милица. Главный ждет вас.

— Спасибо,— засмеялся серебряный голос в ответ.

«Театр,— подумал Малюжкин.— Показуха».

Дверь распахнулась, и возникло чудо. Вошла шемаханская царица, прекрасная девушка в сарафане с альбомом в руках. Этой девушки раньше не было и быть не могло. Эту девушку можно было увидеть однажды и всю жизнь питаться воспоминаниями.

— Здравствуйте,— сказала девушка, протянула Малюжкину руку. Она держала ее выше, чем принято, и потому рука оказалась в близости от губ редактора. Малюжкин неожиданно для себя поцеловал тонкую атласную кисть и сел, заливаясь краской.

— Я тоже сяду? — спросила девушка.

— Очень приятно,— ответил Малюжкин.— Познакомиться очень приятно. Садитесь, ради всего святого...— Редактору хотелось говорить очень красиво, хотя бы как говорили герои Льва Толстого.— Крайне польщен,— закончил он.

— Мишенька, наверно, про меня рассказал,— улыбнулась девушка, и из ее глаз вылетели острые сладкие стрелы.— Меня зовут Милицей Бакшт, я живу в этом городе более ста лет.

— Не может быть,— сказал Малюжкин, приглаживая волосы на висках,— я бы запомнил ваше чудесное лицо...

По редакции уже прошел слух о появлении неизвестной красавицы. Думали, что из киногруппы,

снимающей в городе историко-революционный фильм. Все мужчины пошли в коридор покурить. Курили рядом с дверью главного.

— А вы меня узнать и не можете,— сказала Милица.— Я еще вчера была древней старухой с клюкой. Ужасное зрелище, вспоминать не хочется. Вы меня понимаете?

— О да,— сказал Малюжкин.

Милица гибко вскочила со стула, повернулась кругом, сарафан взметнулся и обнажил стройные ноги, и тут же она согнулась, оперлась на воображаемую палку, скривила спину, зашаркала, еле переставляя ноги, и руками двигала с трудом.

Смешно и радостно стало Малюжкину, и он сказал:

— Вы актриса, вы талантливая актриса, вам надо сниматься.

Машинистки, услышавшие эти слова через стенку, вынесли в коридор подтверждение новости: незнакомка была киноактрисой, главный ее хвалит.

Степанов вспомнил две картины, в которой он эту киноактрису видел. И многие согласились.

— Очень похоже,— сказал Стендаль.— Примерно так это и выглядело. Я сам помню.

— Вы верите мне? — спросила Милица, садясь снова на стул, и глаза ее настолько приблизились к лицу редактора, что тот ощутил головокружение и сказал:

— Вам верю во всем, в большом и в малом.

— Вы ему паспорт покажите, Мила,— сказал Стендаль.

— Не надо,— возразил Малюжкин.— Не надо никакого паспорта. Сейчас Миша подготовит материал, и вы не уходите, ради бога, не уходите. Вы расскажете мне все, как было, что, как, когда. Сейчас же в номер.

— Вместо передовой,— сказал Стендаль, который был еще молод и легко верил в добро.

— Вместо передовой,— подтвердил Малюжкин.

— Мишенька,— сказала Милица,— он, по-моему, в меня влюбился. Он рассудок теряет. Что же теперь делать? Вы в меня влюблены?

— Кажется, да,— сказал тихо редактор, не смея отрицать, но и не желая, чтобы сотрудники услышали об этом.

— Ну, я готовлю материал и в номер? — спросил Миша.

— Конечно. А вы...— и в голосе Малюжкина проявилась жалкая просьба,— а вы посидите здесь со мной? А?

— Посижу, конечно, посижу. Ведь ты ненадолго, Миша?

— Да я здесь же, на подоконнике, напишу. У меня вчерне все готово.

— Ну вот,— сказала Милица.— Мы с вами знакомы и теперь будем разговаривать. Разве не чудесно, что я вчера была старухой, а сегодня молода?

— Чудесно,— сказал Малюжкин.— У вас чудесные зубы.

— Фу, это говорят только некрасивым девушкам, чтобы их не обидеть,— сказала Милица и засмеялась так звонко, что машинистки нахмурились.

— Нет, что вы, у вас красивые руки, и волосы, и нос,— сказал Малюжкин. Он хотел было продолжить перечисление, но тут зазвонил телефон, и редактор, не желавший ни с кем разговаривать, все-таки поднял трубку и сказал резко, чтобы отвязаться: — У меня совещание.

Трубка забулькала отдаленным человеческим голосом, и Малюжкин, не положивший ее вовремя, стал слушать. Миша подмигнул Милице, считая, что дело сделано, а та подмигнула в ответ, ибо была довольна своей красотой.

— Да,— сказал вежливым голосом Малюжкин.— Конечно. В завтрашнем номере, товарищ Белосельский. Я сам этим займусь, лично... Я отлично понимаю. Наше упущение, товарищ Белосельский.

Голос в трубке все урчал, и понемногу лицо Малюжкина собиралось в обычные деловые морщины, а волосы, завернувшиеся было в тугие цыганские завитки, на глазах распрямлялись и ложились организованно по обе стороны пробора.

— Отразим, разумеется, будет сделано,— сказал он наконец и повесил трубку.— Вот,— сказал он, глядя на Милицу, и потрогал пальцем кончик носа.— Такие дела. Передовица идет о прополке. Ясно, Стендаль? О прополке, а не о подготовке школ. Со школами еще не горит. Наше упущение. Самим следовало догадаться. Позовите ко мне Степанова.

Одна нога здесь, другая — там. Пусть захватит график прополки.

— Как же? — спросил Стендаль.— А статья?

— Да-да,— сказал Малюжкин.— Очень приятно было познакомиться. Всегда рад. Иди же, Стендаль! Время не ждет. В газете главное — сохранять спокойствие. Ясно?

В голосе Малюжкина была настойчивость. Стендаль не смог ослушаться. Вышел в коридор и нашел Степанова. Степанов задавал вопросы, касающиеся девушки, но Стендаль не отвечал.

— Пошли,— сказал он.— Передовую будете писать. Зайдите в отдел, возьмите данные по прополке. Одна нога здесь, другая — там. Так сказал шеф.

— Я же в самом деле омолодилась,— говорила Милица редактору, когда Стендаль вернулся в кабинет.

Малюжкин поднял на Стендаля обиженные глаза — его отвлекали от дела.

— Завтра чтобы быть на работе вовремя,— сказал он Мише.

— Но мне же Александр Сергеевич Пушкин стихи в альбом писал! — повторяла Милица.— Личные стихи. Только мне. И нигде их не печатали.

— Очень любопытно,— сказал Малюжкин.— Оставьте альбом, посмотрим. Поместим в рубрике «Из истории нашего края». Хорошо? Значит, по рукам. Молодцы, что стихи разыскали!

И Малюжкину, переключившемуся на прополку, казалось, что он хорошо обошелся с посетителями.

— Вы не волнуйтесь, мы стихов не затеряем, понимаем ценность, девушка.

— Вы звали? — спросил Степанов, глядя на Милицу Бакшт.

Малюжкин проследил за взглядом вошедшего сотрудника, что-то забытое шевельнулось в сердце, и он сказал:

— Сюда, Степанов, садись. Данные по прополке захватил? Звонили, надо срочно. Так что понимаешь...

— Ну, мы пошли,— сказал печально Стендаль.

— Конечно, конечно...— сказал Малюжкин, вожделенно глядя на графики в руке Степанова. Малюжкин любил газету и любил газетную работу. Обида

прошла.— Не задерживайся! — крикнул он вслед Стендалю и забыл о нем.

Хлопнула дверь за посетителями. Колыхнулись тюлевые занавески на окне.

Степанов пожалел, что девушка ушла, в такую жару писать о прополке не хотелось. Хотелось на пляж. Он подвинул к себе раскрытый альбом в сафьяновом переплете. Почерк на желтоватой странице был знаком. Рядом той же рукой был нарисован профиль только что заходившей девушки.

— Это ее альбом? — спросил Степанов.

Малюжкин удивился, но ответил:

— Ее. Говорит, Пушкин писал.— И он хихикнул.— В «Красном знамени» все агрегаты простаивают, а в сводке завышают. А? Каковы гуси?..

Конечно, это был почерк Пушкина. Или изумительная, совершенная подделка, которой место в музее Пушкина в Москве.

«Оставь меня, персидская княжна...» — прочел Степанов.

— «Оставь меня, персидская княжна...» — прочел он еще раз, вслух.

— Потише,— предупредил Малюжкин.— Не отвлекайтесь стихами.

Степанов не слышал: он шевелил губами, разбирал строки дальше. Этого стихотворения он не знал. И никто не знал. Степанов был первым в мире пушкинистом, читающим стихотворение, которое начиналось словами: «Оставь меня, персидская княжна...»

— Это же открытие! — сказал он.— Мировой важности, надо писать в Москву. Завтра прилетит Андроников.

— Что вы, сговорились, что ли? — возмутился Малюжкин.— Давай по-товарищески, Степан. Кончим передовицу — звоним Андроникову, Льву Толстому, Пушкину, выпиваем по кружке пива — что угодно! Послушай начало: «Полным ходом идет прополка на полях колхозов нашего района». Не банально?

Но Степанов не слышал, так же как за несколько минут до этого Малюжкин перестал слышать и видеть Милицу Бакшт.

Степан Степанович Степанов был одержим Пушкиным. Он был одержим упорной надеждой узнать

о великом поэте все и, изучая каждое слово, сказанное им, распорядок каждого дня его жизни, терпеливо ждал, когда судьба смилостивится и подарит ему открытие в пушкинистике, открытие случайное, находку, ибо закономерные открытия там уже все сделаны.

Прошло тридцать лет, с тех пор как Степан Степанов, отыскав на чердаке старого дома первое издание «Евгения Онегина», стал солдатом маленькой интернациональной армии пушкинистов. Степан Степанович постарел, обрюзг, страдал печенью, одышкой, похоронил жену, вырастил дочь Любу, и та вот уже выходит замуж, но открытие не давалось. Ни сам Пушкин, ни его родственники, ни друзья-декабристы не бывали в Великом Гусляре и не оставили там дневников, записных книжек и устных воспоминаний. Но Степанов искал, посещал забытые пыльные чердаки, за бешеные деньги покупал редкие издания, поддерживал переписку с Ираклием Андрониковым и пастором Грюнвальдом в Швейцарии, изучил два европейских языка, не продвинулся по службе, а открытие все медлило, не приходило.

И вот неизвестные строки Пушкина, сами, без всяких усилий со стороны Степанова, оказавшиеся перед ним.

Степанов грузно поднялся со стула, держа на вытянутой руке альбом в сафьяновом переплете, и подошел к окну, к свету, чтобы под солнцем убедиться в том, что счастье в самом деле посетило его, что одно из решающих открытий в пушкинистике второй половины двадцатого века сделано именно им.

— Сядь,— догнал его голос Малюжкина.— Послушай: «Однако в отдельных хозяйствах темпы прополки недостаточно высоки». Или, может, написать просто — «невысоки»? Или «низки»?

— Кто та девушка? — спросил Степанов.

— Какая девушка?

— Девушка, которая к тебе приходила. С Мишей Стендалем.

— Так ты у нее и спроси. Почему у меня? Не знаю я никакой девушки.

Малюжкин тоже был одержимым человеком. Он был одержим желанием сделать газету самой лучшей в области.

— Так,— сказал Степанов, стряхнул пепел с мятых брюк, с трудом стянул на обширном животе расстегнувшуюся пуговицу и, громко запев: «Оставь меня, персидская княжна...» — ушел из кабинета главного редактора, убыстряя шаги, протопал по коридору и выскочил на улицу.

Малюжкин посмотрел ему вслед и обиделся до слез.

29

Милица со Стендалем доплелись до пивного ларька, у которого под разноцветными пляжными зонтиками стояли шаткие столики с голубым пластиковым верхом.

Миша отстоял в очереди, поставил на столик две кружки с шапками теплой пены. Он был разочарован в жизни и в идеалах.

— Что же, не оценили нас? — спросила Милица.

— Я совершил тактическую ошибку,— сказал Стендаль, не зная еще, в чем она заключалась.

— Сначала я ему понравилась,— сказала Милица.

Стендаль пил пиво, морщился.

— Придется прямо в Москву,— сказал он.— И Великий Гусляр останется никому не известным, заштатным городком. И они будут кусать себе локти. Пускай кусают.

— Немного он все-таки прославится,— сказала Милица.— Я же здесь жила.— Она улыбалась. Она шутила, хотела развеселить Стендаля.— Все уладится,— сказала она.

— И никто не верит,— сказал Стендаль.— Даже в милиции Удалову не поверили. А мне в газете. Что мы, проходимцы, что ли? Вот Грубин побежал опыты ставить, чтобы ничего не упустить. И вы тоже не только о себе думаете. Ведь правда?

— Ага,— сказала прекрасная Милица.— Смотрите, тот смешной дядька бежит.

По площади бежал, вертел головой мягкий, колышущийся мужчина, голый череп которого выглядывал из войлочного венца серых волос, как орлиное яйцо из гнезда. У мужчины были толстые — актерские губы и нос римского императора времен упадка.

Под мышкой он держал большой альбом. Весь он, от нечищенных ботинок, за что его журил Малюжкин, до обсыпанного пеплом пиджака, являл собой сочетание неуверенности, робости и фантастической целеустремленности.

— Мой альбом несет,— сказала Милица.

— Это Степан Степанов,— сказал Миша Стендаль.— Они спохватились. Они поняли и разыскивают нас. Сюда! — махал рукой Стендаль, призывая Степанова.— Сюда, Степан Степаныч!

Степанов протопал к столику. Очень обрадовался.

— А я вас ищу,— сказал он, придавливая к земле стул,— вернее, вашу спутницу. Я уж боялся, что не найду, что мне все почудилось.

— Вас Малюжкин все-таки прислал? — спросил утвердительным тоном Стендаль.

— Какой Малюжкин? Ни в коем случае. Он, знаете, резко возражал. Он не осознает. Девушка, откуда у вас этот альбом?

— Это мой альбом,— сказала Милица.

Степанов подвинул к себе кружку Стендаля, отхлебнул в волнении.

— А вы знаете, что в нем находится? — спросил Степанов, сощурив и без того маленькие глазки.

— Знаю, мне писали мои друзья и знакомые: Тютчев, Фет, Державин, Сикоморский, Пушкин и еще один из земской управы.

— Пушкин, говорите? — Степанов был строг и настойчив.— А вы его читали?

— Конечно. У вас, Мишенька, все в редакции такие чудаки?

— Если Степаныч не убедит главного, никто этого не сделает,— сказал Миша, в котором проснулась надежда.

— И не буду,— сказал Степанов.— А вы знаете, девушка, что это стихотворение нигде не публиковалось?

— А как же? — удивилась Милица.— Он же мне сам его написал. Сидел, кусал перо, лохматый такой, я даже смеялась. Я только друзьям показывала.

— Так,— сказал Степанов, задыхаясь, допивая стендалевское пиво.— А если серьезно? Откуда у вас, девушка, этот альбом?

— Объясни ему,— сказала Милица.— Я больше не могу.

— Альбом — это только малая часть того, что мы пытались втолковать Малюжкину,— сказал Стендаль, подвигая к себе кружку Милицы.— Дело не в альбоме.

— Не сходите с ума,— сказал Степанов,— дело именно в альбоме. Ничего не может быть важнее.

— Степан Степаныч,— сказал Стендаль,— вы же знаете, как я вас уважаю. Никогда не шутил над вами. Послушайте и не перебивайте. Вы только, пожалуйста, дослушайте, а потом можете звонить, если не поверите, в сумасшедший дом и вызывать «скорую помощь»...

Когда Стендаль закончил рассказ о чудесных превращениях, перед ним и Степановым стояла уже целая батарея пустых кружек. Их покупала и приносила Милица, которой скучно было слушать, которая жалела мужчин, была добра и не спесива. Продавщица уже привыкла к ней, отпускала пиво без очереди, и никто из мужчин, стоявших под солнцем, не возражал. И странно было бы, если бы возразил,— ведь раньше никто из них не видел такой красивой девушки.

— А альбом? — спросил Степанов, когда Миша замолчал.

— Альбом заберем в Москву. Как вещественное доказательство,— сказал Миша.— Как только соберем денег на билеты.

— К Андроникову?

— Там придумаем, может, и к Андроникову.

— Он его получит от меня,— сказал Степанов.— Я еду с вами.

— Как можно? — удивился Стендаль.— Неужели вы нам не верите?

— Я буду предельно откровенен,— сказал Степанов, поглаживая сафьяновый переплет.— Мне хотелось бы встретиться, чтобы развеять последние сомнения, с Еленой Кастельской. Имею честь быть с ней знакомым в течение трех десятилетий. Если она ваш рассказ подтвердит, сомнения отпадут.

— Вы ее можете не узнать,— сказал Стендаль,— ей сейчас двадцать лет. Как и мне.

— А я ей задам два-три наводящих вопроса. К примеру, кто, кроме нее, голосовал в прошлом году на депутатской комиссии за ассигнование на рестав-

рацию церкви Серафима. Я тоже не лыком шит.

— Вы голосовали,— сказала Милица.— Пива еще хотите?

— Я,— сознался Степанов и очень удивился.— Спасибо. Пойдем?

— А не кажется ли вам,— спросил осмелевший и преисполнившийся оптимизмом Стендаль,— что все это сказочно, невероятно, таинственно и даже подозрительно?

— Послушайте, молодой человек,— ответил с достоинством Степанов,— на моих глазах родились телефон и радио. Я собственными глазами видел фотокопию пушкинского письма, обнаруженного недавно в небольшом городе на Амазонке. Почему я не должен доверять уважаемым людям только потому, что чувства мои и глаза отказываются верить реальности? Человеческие чувства ненадежны. Ими не постигнешь даже элементарную теорию относительности. Разум же всесилен. Обопремся на него, и все станет на свои места. В таком случае стихотворение получает хоть и необычное, но объяснение, а это лучше, чем ничего.

30

— Елена Сергеевна,— сказал от двери Стендаль, пропуская Милицу и Степанова вперед,— скажите, кто, кроме вас, голосовал в прошлом году на депутатской комиссии за срочные ассигнования на реставрацию церкви Серафима?

— Степанов,— ответила Елена Сергеевна.

— Узнал,— сказал Степанов.— Я бы и без этого узнал. Вы вообще мало изменились. Здравствуйте, Елена Сергеевна. Поздравляю с перевоплощением.

— Степан Степанович, как я рада! — сказала Елена.— Хоть живая душа. А то мы очутились в каком-то ложном положении.

— По ту сторону добра и зла,— сказал Алмаз Битый с полу. Он строил вместе с Ваней подвесную дорогу из ниток, спичечных коробок и различных мелких вещей. Ноги Алмаза упирались в стену, ему было неудобно лежать, но иначе не управишься.

Степанов заполнил комнату объемистым телом, положил на стол альбом.

— Весьма сочувствую,— сказал он.— Только что

был свидетелем очередной неудачи наших юных друзей в редакции. Одно дело мечтать о синице в небе, лежа на диване, другое — догадаться, что это именно она опустилась к тебе на подоконник, и протянуть руку.

— Битый,— сказал Алмаз,— поднимаясь с пола, как молодой дог: медленно подбирая под себя и распрямляя могучие члены.— Один из виновников происшедшего. Но не раскаиваюсь.

— Как же, как же,— согласился Степанов.— С вашей стороны благородно было поделиться таким интересным секретом.

— Не хотел я сначала,— сказал Алмаз.— Думал, произойдут от этого только неприятности.

— А сейчас? — спросила Елена.

— Сейчас поздно раскаиваться. Но кто мне ответит, нужна ли людям вечная молодость? К ней тоже привыкнуть надо.

— А вы привыкли?

— Не сразу,— сказал Алмаз.— Настоящая молодость бывает только один раз. Пока ты не знаешь, что последует за ней.

— Это правильно,— согласилась Елена.— Но ты не расстраивайся,— сказал Алмаз.— Я тебя увезу в Сибирь. Дело найдется. Вот вы,— обратился он к Степанову,— вы уже все о наших приключениях знаете, согласились бы сейчас, если бы зелье сохранилось, присоединиться к нам?

— Не знаю,— сказал медленно Степанов.— Нет, наверно. Меня вполне устраивает мой возраст. Может, только, чтобы похудеть немного. Лишний вес мешает.

— Ну это ничего,— сказал Стендаль.— В Москве устроим вас в институт питания. Станете Аполлоном. У нас будут большие связи в медицинском мире. И вообще все великие открытия сначала вызывали возражения, столкновения, споры и так далее. Может быть, в Москве, когда мы явимся с рецептом вечной молодости, хотя и с неполным рецептом, нам не все поверят. И даже те, кто поверит, поверят не сразу.

— Но я же поверил,— сказал Степанов.— Больше того, зная о ваших временных финансовых затруднениях, согласен пойти навстречу. Человек я одинокий,

и есть у меня кое-какие сбережения. Потом, будете при деньгах, отдадите.

— Вот это правильно,— сказал Алмаз.

— Степан Степаныч — пушкиновед,— сказал Стендаль.— Он нас признал, когда с альбомом ознакомился.

— Да, я интересуюсь творчеством Александра Сергеевича.

— Милица с ним была знакома,— сказал Алмаз.

— Знаете, как-то трудно поверить,— сознался Степанов.— Хоть я и поверил.

— А мне лично с Пушкиным сталкиваться не приходилось,— сказал Алмаз.— Хотя был в то время в Петербурге. Я в январе тридцать седьмого возвращался в Россию из Парижа и должен был в Санкт-Петербурге встретить одного человека, передать ему письма и деньги. А человека я того знал еще с совместного пребывания на Дворцовой площади в двадцать пятом...

— Вы имеете в виду Декабрьское восстание? — спросил Степанов.

— Конечно,— сказал Алмаз.

— С ума сойти,— сказал Степанов.

31

Пока взрослые разговаривали со Степановым, Удалов страдал. Он страдал по утерянной зрелости, страдал от того, что стал сиротой, что никто не принимает его всерьез, даже те, кто знает о его действительном возрасте и положении. Играть с Ванечкой в мячик и кубики было унизительно и глупо, а когда Алмаз, не желая дурного, походя сунул ему книжку «Серебряные коньки» и сказал: «Почитал бы, Корнелий, чего маешься бездельем», Удалов понял, что единственное место на свете, где он может рассчитывать на человеческое участие, это собственный дом. Но и дома мало шансов на прощение.

С книжкой в руке Удалов вышел на двор. Там стоял самовар, то есть машина господина Бакшт, и из-под нее торчали длинные ноги Саши Грубина, который проверял подвеску. Удалов подошел к ногам и подумал, что ботинки у Грубина старые, он их видел тысячу раз, а ноги новые. Как будто новый Грубин у старого отобрал ботинки.

— Саша,— позвал Удалов.— Поговорить надо.

Голос его был тонкий, не слушался, и Грубин из-под машины не сразу сообразил, кто его зовет. Но потом сообразил.

— Сейчас,— сказал он.— Погоди, Корнелий.

Корнелий встал на цыпочки и заглянул внутрь машины. На красном кожаном сидении лежал открытый ящик с двумя старинными пистолетами. В Удалове вдруг проснулось желание бабахнуть из пистолета по всем врагам. Он потянулся к пистолету, размышляя, кто у него главный враг, но тут рука Грубина перехватила его пальцы.

— Нельзя тебе,— сказал старый друг Саша.— Мал еще.

— И ты, Брут? — сказал Удалов.

— Шучу,— спохватился Грубин, хотя, в общем, и не шутил.

— Все ясно,— сказал Удалов и пошел прочь.

— Корнелий, ты куда? — крикнул Грубин.— Не делай глупостей!

— Я уже сделал главную глупость,— сказал Удалов.— Не бойся.

Его маленькая фигурка скрылась за воротами. Грубин хотел было побежать следом, остановить, может быть утешить, но вспомнил, что машина еще не приведена в порядок, и остался.

А Удалов брел по улице, как старый человек, остановился перед небольшой лужей. Детское тело готово было перепрыгнуть через лужу, но умудренный долгой жизнью мозг отказал ему в этом. И Удалов осторожно обошел лужу. Грустные видения вставали перед его мысленным взором. Ему казалось, что он сидит за одной партой с сыном Максимкой и пытается списать из его тетрадки решение задачи, потому что сам давно забыл все правила грамматики, а сын закрывает тетрадку ладошкой и зло шепчет: «Надо было в свое время учиться». А учительница, в образе Елены Сергеевны, говорит: «Удалов-младший, выйди из класса и без отца не возвращайся».— «Нет у меня отца,— отвечает Корнелий! — Есть только супруга». И весь класс хохочет.

Нечто знакомое привлекло внимание Удалова. Оказывается, он проходил мимо здания бани, которое возводилось силами его конторы. На возведении бани

трудилась бригада Курзанова и работала с большим отставанием от графика. Удалов поднял голову, рассчитывая увидеть каменщиков, кладущих кирпичи второго этажа, но каменщиков не увидел. Это его встревожило. Обеденный перерыв еще не наступил. Следовало разобраться.

Удалов обогнул стройку и вошел во двор, засыпанный стройматериалами.

Он увидел, что вся бригада собралась вокруг большого ящика, на котором разложена газета. Бригадир Курзанов держит в руке карандаш, уткнув его в газету, и руководит разгадыванием кроссворда. Все остальные строители помогают советами.

Эта картина возмутила Удалова. Прижимая ручонками к груди книгу «Серебряные коньки», мальчик подошел к строителям и строго спросил:

— В чем дело, Курзанов? Почему бригада простаивает?

— А ведь перерыв,— не поднимая головы, ответил бригадир.

— Какой перерыв в десять тридцать? — рассердился Удалов.

Удивленный командирскими интонациями в детском голосе, бригадир поднял голову и увидел мальчика.

— Пошел отсюда,— сказал он добродушно.— Не мешай.

Удалов не сдавался. Он поднял руку вверх, как бы призывая ко вниманию, и сказал так:

— Товарищи, неужели вы забыли, что мы с вами принимали повышенные обязательства? Вот ты, Курзанов, бригадир. Как ты посмотришь в глаза общественности, которая доверила тебе возведение очень нужного объекта? А ты, Тюрин? Сколько раз ты клялся на собраниях исправиться и прекратить прогулы? А ты, Вяткин,— неужели приятно, что тебя склоняют ввиду твоей лени?

Реакция строителей была острой. Они даже отступили на несколько шагов перед мальчиком, который отчитывал их, размахивая детской книжкой. Особенно смущала информированность ребенка.

— Мальчик, ты чего? — спросил Курзанов.

— Что, не узнаешь своего начальника? — Удалов продолжал наступать на строителей.— Думаешь,

если я сегодня плохо выгляжу, то, значит, можно лясы точить? Вы учтите, мое терпение лопнуло. Я принимаю меры!

Вот этих, последних слов, пожалуй, Удалову не следовало произносить. Уж очень они не соответствовали его внешнему виду. Кто-то из строителей засмеялся. За ним — другие. И дальнейшая речь Удалова утонула в хохоте. Хохот был добродушный, не злой.

— Иди, мальчик,— сказал, наконец, Курзанов.— Тебе в школу надо. А ты прогуливаешь.

И только тогда Удалов как бы взглянул на себя со стороны и понял, что никогда ему не доказать этим лентяям, что он их начальник. Но отступать было нельзя — стройка находилась под угрозой срыва. И когда строители, все еще посмеиваясь, вернулись к разгадыванию кроссворда, Удалов понял, что надо делать. Он решительно поднялся по лесам на второй этаж, нашел там ведро с раствором, мастерок и принялся сам класть кирпичи в стену.

Руки ему не повиновались, кирпичи казались тяжелыми, как будто были отлиты из свинца, трудно было набрать и донести до стены сколько нужно густого раствора. Но кирпич за кирпичом ложились на место — недаром в молодости Удалов поработал каменщиком.

Строители все это видели. Но сначала они лишь улыбались, хотя сноровка мальчика их удивляла.

Но прошло пять минут, десять. Пошатываясь от усталости, обливаясь слезами, мальчик продолжал класть кирпичи.

— Психованный какой-то,— сказал, наконец, Тюрин.

— Что-то он мне знакомый,— сказал бригадир.

— А может, это удаловский сын? — спросил Вяткин.— Максимка?

— Похож,— сказал Тюрин.— Вот и про нас все знает.

— Может, пойдем поработаем? — спросил Вяткин.

— И вообще-то, сколько можно прохлаждаться? — разгневался бригадир Курзанов.— Мы же обязательства давали, как-никак

И он первым поднялся на леса, подхватил под

локотки безнадежно уморившегося Удалова и отставил в сторону.

И через минуту уже кипела работа.

Все забыли о настырном мальчике.

Удалов подобрал книжку и потихоньку ушел.

Конечно, плохо быть мальчиком, но все же он победил целую бригаду и личным примером показал им путь. Главное — решительность. Она должна помочь и в разговоре с Ксенией.

32

Подобное же испытание в эти минуты выпало на долю Ванды Казимировны.

Она подошла к универмагу в тот момент, когда перед ним разгружали машину.

— Что привезли? — спросила она у шофера.

— Детскую обувь,— ответил шофер, любуясь крепконогой красивой девушкой в очень свободном платье.— А ты здесь работаешь, что ли?

— Работаю,— ответила девушка и направилась к главному входу.

Этого шофера Ванда знала, он приезжал в универмаг лет пять. И вот, не узнал.

С каждым шагом настроение ее портилось. Магазин, такой родной и знакомый, куда более важный, чем дом, магазин, с которым связаны многие годы жизни, трагедии и достижения, опасности и праздники, именно ее трудом ставший лучшим универмагом в области — этот магазин Ванду не замечал.

Она шла торговым залом, огибая очереди и останавливаясь у прилавков. Она знала каждого из продавцов, кто замужем, а кто одинок, кто честен, а кто требует надзора, кто работящ, а кто уклоняется от труда, у кого язва, а у кого ребенок на пятидневке. И все эти люди, что вчера еще радостно или боязливо раскланивались с Вандой, теперь скользили по ней равнодушными взглядами как по обыкновенной покупательнице. Магазин ее предал!

Уходя из дома, когда там шел разговор со Степановым, Ванда сказала мужу, что пойдет домой, соберется в дорогу. Савича она с собой звать не стала, а он и не напрашивался. Ему сладко и горько было

оставаться рядом с Еленой. Ему казалось, что еще не все кончено, надо найти нужное слово и сказать его в нужный момент. Ванда же, стремясь скорее в универмаг, была убеждена, что ни нужного момента, ни нужного слова не будет. Так что уходила почти спокойно. Цель ее была проста — зайти к себе в кабинет, взять сберкнижку из сейфа, снять с нее деньги, чтобы в Москве не было недостатка. И если будет возможность, оформить отпуск за свой счет.

Сложность и даже безнадежность ее положения стали очевидными только в самом магазине. Когда оказалось, что ее не узнала ни одна живая душа. Это было более чем обидно. Именно в этот момент в голове Ванды Казимировны впервые прозвучала мысль, которая будет мучить ее в следующие часы: «И зачем мне нужна эта молодость? Жили без нее».

Вопрос об отпуске за свой счет уже не стоял. Оставалось одно: проникнуть в собственный кабинет и изъять сберегательную книжку.

Пришлось хитрить. Ванда смело зашла за прилавок галантерейного отдела, и когда ее остановила Вера Пушкина, она сказала ей: «Я к Ванде Казимировне». Мимо склада и женского туалета Ванда поднялась в коридорчик, где были бухгалтерия и ее кабинет. К счастью, кабинет был пуст. И открыт.

Ванда быстро прошла в угол, за стол, вынула из сумочки ключи и в волнении — ведь не каждый день приходится тайком вскрывать свой собственный сейф — не сразу нашла нужный. И в тот момент, когда ключ послушно повернулся в замке, Ванда услышала рядом голос:

— Ты что здесь делаешь?

Испуганно обернувшись, Ванда увидела, что над ней нависает громоздкое тело Риммы Сарафановой — ее заместительницы.

— Сейф открыла,— глупо ответила Ванда.

— Вижу, что открыла,— сказала Римма, перекрывая телом пути отступления.— Давай сюда ключи.

— Ты что, не узнала? — спросила Ванда, беря себя в руки.

— Кого же я должна узнать?

— Так я же Ванда, Ванда Казимировна. Твоя директорша.

— Ты Иван Грозный,— сказала Римма.— И еще Бриджит Бордо.

— Ну как же! — в отчаянии сопротивлялась Ванда.— Платье мое?

— Твое,— сказала Римма.

— И туфли мои?

Римма посмотре́ла вниз.

— Вроде твои.

— Кольцо мое? — она сунула под нос Римме руку. Кольцо еле держалось на пальце.

— Кольцо ее,— сказала Римма.— Тебе велико.

— Я и есть Ванда. Глаза мои?

— Не скажу,— ответила Римма.— Я сейчас милицию вызову. Она и разберется, чьи глаза.

— Римма, девочка, я же все про тебя знаю. И про Васю. И где ты дачу строишь. Хочешь скажу, какие у тебя шторы в большой комнате?

— Ключи,— сказала железным голосом Римма.

Ванда была вынуждена сдать ключи. Но сама еще не сдалась.

— Омолаживалась я,— сказала она, чуть не плача.— Опыт такой был. И Никитушка мой омолодился. Со временем и тебе устроим.

Римма была в сомнении — уж очень ситуация была необычной. В самом деле платье Вандино, и глаза вроде бы Вандины, а в остальном авантюристка. Римма привыкла верить своим глазам, они ее еще никогда не обманывали. И хоть эта девушка напоминала Ванду, Вандой она не была.

Ванда, в отчаянии подыскивая аргументы, хотела было показать паспорт, но сообразила, что паспорт будет козырем против нее. Там есть год рождения и фотокарточка, которая ничего общего с ней не имеет.

Тут ее осенила светлая мысль.

— Простите, Римма Ивановна,— сказала она.— Я вас обманула.

— И без тебя знаю,— сказала Римма.

— Я племянница Ванды Казимировны. Я из Вологды приехала.

— А Ванда где?

— А Ванда болеет. Грипп у нее.

— Дома лежит? — спросила Римма и потянулась к телефонной трубке.

— Нет,— быстро сказала Ванда.— Тетя в поликлинику пошла.

— В какую?
— В третью.
— К какому доктору?
— Семичастной.
— В какой кабинет?
— В шестой.
— А ты откуда знаешь кабинет, если из Вологды приехала?

Ванда поняла, что терпение Риммы истощилось. Никакой надежды получить обратно ключи и сберкнижку нет. Оставалось одно — бежать.

— А вот и тетя! — закричала она, глядя поверх плеча Риммы.

Та непроизвольно оглянулась.

Ванда нырнула ей под руку и кинулась наружу.

Кубарем слетела по служебной лестнице во двор. Выбежала двором в садик и спряталась за церковью Параскевы-Пятницы. Только там отдышалась.

Все погибло. Даже домой опасно возвращаться. Римма может и милицию вызвать, сказав, что какая-то авантюристка обокрала Ванду Казимировну, сняла с нее кольцо и старалась вскрыть сейф. С Риммы станется. Хотя за что Римму винить? Она же Вандины интересы охраняет.

Ванда Казимировна стояла в кустах, где недавно Удалов напал на своего сына Максимку, и горько рыдала. Много лет так не рыдала.

— Господи,— повторяла она.— Зачем мне эта молодость? В свой кабинет зайти нельзя! Подчиненные не узнают...

Она еще долго стояла там, тщетно придумывая, как ей перехитрить Римму. Но ничего не придумала. И пошла дворами и переулками к Елене, потому что вспомнила — Савич оставлен там без присмотра.

33

Солнце клонилось к закату, тени стали длиннее, под кустом сирени собрались, как всегда, любители поиграть в домино.

Во двор вошел мальчик с книжкой «Серебряные коньки» в руке. Мальчик был печален и даже испуган. Он нерешительно остановился посреди двора и

стал глядеть наверх, где были окна квартиры Удаловых.

В этот самый момент кто-то из играющих в домино спросил громко:

— Как там, Ксения? Не нашелся еще твой?

Из открытого окна на втором этаже женский голос произнес сурово и холодно:

— Пусть только попробует явиться! За все ответит. Его ко мне с милицией приведут. Лейтенант такой симпатичный, лично обещал.

— Ксения! Ксюша! — позвал Удалов, остановившись посреди двора.

Доминошники прервали стук. Из окна напротив женский голос помог Удалову:

— Ксения, тебя мальчонка спрашивает. Может, новости какие?

— Ксения! — рявкнул один из игроков.— Выгляни в окошко.

— Ксюша,— мягко сказал Удалов, увидев в окне родное лицо.— Я вернулся.

— Чего тебе? — спросила Ксения взволнованно.

— Я вернулся, Ксения,— повторил Удалов — Я к тебе совсем вернулся. Ты меня пустишь?

Доминошники засмеялись.

— Ты от Корнелия? — спросила Ксения.

— Я от Корнелия,— сказал мальчик.— Я и есть Корнелий. Ты меня не узнаешь?

— Он! — закричал другой мальчишеский голос. Это высунувшийся в окошко Максимка, сын Удалова, узнал утреннего грабителя.— Он меня раздел! Мама, зови милицию!

— Хулиганье! — сказала Ксения.— Сейчас я спущусь.

— Я не виноват,— сказал Корнелий и не смог удержать слез.— Меня помимо моей воли... Я свидетелей приведу...

— Смотри-ка, как на Максимку твоего похож,— сказал один из доминошников.— Как две капли воды.

— И правда,— сказала женщина с того конца двора.

— Я же муж твой, Корнелий! — плакал мальчик.— Я только в таком виде не по своей воле...

Корнелий двинулся было к дому, чтобы подняться по лестнице и принять наказание у своих дверей, но

непочтительные возгласы сзади, смех из раскрытых окон — все это заставило задержаться. Мальчик взмолился:

— Вы не смейтесь... У меня драма. У меня сын старше меня самого. Это ничего, что я внешне изменился. Я с тобой, Ложкин, позавчера «козла» забивал. Ты еще три рыбы подряд сделал. Так ведь?

— Сделал,— сказал сосед.— А ты откуда знаешь?

— Как же мне не знать? — сказал Удалов.— Я же с тобой в паре играл. Против Васи и Каца. Его нет сегодня. Это все медицина... Надо мной опыт произвели, с моего, правда, согласия, и может, даже очень нужный для науки, а у меня семья...

Ксения тем временем спустилась во двор. В руке она держала плетеную выбивалку для белья. Максимка шел сзади с сачком.

— А ну-ка,— сказала она,— подойди поближе.

Корнелий опустил голову, приподнял повыше узкие плечики. Подошел. Ксения схватила мальчишку за ворот рубашки, быстрым, привычным движением расстегнула лямки, спустила штанишки и, приподняв ребенка в воздух, звучно шлепнула его выбивалкой.

— Ой! — сказал Корнелий.

— Погодила бы,— сказал Ложкин.— Может, и в самом деле наука.

— Он самый! — радовался Максимка.— Так его!..

Неожиданно рука Ксении, занесенная для следующего удара, замерла на полпути. Изумление ее было столь очевидно, что двор замер. На спине мальчика находилась большая, в форме человеческого сердца, коричневая родинка.

— Что это? — спросила Ксения тихо.

Корнелий попытался в висячем положении повернуть голову таким образом, чтобы увидеть собственную спину.

— Люди добрые,— сказала Ксения,— клянусь здоровьем моих деточек, у Корнелия на этом самом месте эта самая родинка находилась.

— Я и говорю,— раздался в мертвой тишине голос Ложкина,— прежде чем бить, надо проверить.

— Ксения, присмотрись,— сказала женщина с

другой стороны двора.— Человек переживает. Он ведь у тебя невезучий.

Корнелий, переживший и позор и боль, обмяк на руках у Ксении, заплакал горько и безутешно. Ксения подхватила его другой рукой, прижала к груди — почувствовала родное — и быстро пошла к дому.

34

Савич истомился. Он то выходил во двор, к Грубину, который возился с автомобилем, то возвращался в дом, где было много шумных людей, все разговаривали, и никому не было дела до Савича. Он вдруг понял, что двигается по дому и двору не случайно — старается оказаться там, где Елена может уединиться с Алмазом. Ее очевидная расположенность к Битому, и его откровенные ухаживания все более наполняли Савича справедливым негодованием. Он видел, что Елена, ради которой он пошел на такую жертву, в самом деле не обращает на него никакого внимания, а старается общаться с бывшим стариком. И это когда он, Савич, почти готов ради нее разрушить свою семью.

Поэтому, когда Савич в своем круговращении в очередной раз подошел к комнате, где Елена собиралась в дорогу, он застал там Алмаза, обогнавшего его на две минуты. И, остановившись за приоткрытой дверью, услышал, как Алмаз говорит:

— Хочу сообщить тебе, Елена Сергеевна, важную новость. Не помешаю?

— Нет,— сказала Елена.— Я же не спешу.

— Триста лет я прожил на свете,— сказал бывший старик,— и все триста лет искал одну женщину, ту самую, которую полюблю с первого взгляда и навсегда.

— И нашли Милицу,— сказала Елена. И хоть Савич не видел ее, он уловил в голосе след улыбки.

— Милица — моя старая приятельница,— сказал Алмаз.— Она не в счет. Я о тебе говорю.

— Вы меня знаете несколько часов.

— Больше. Я уже вчера вечером все понял. Помнишь, как уговаривал тебя выпить зелья. Если бы дальше отказывалась, силком бы влил.

— Вы хотите сказать, что в пожилой женщине...

— Это и хотел сказать. И второе. Я тебя в Сибирь увезу. Если хочешь, и Ванечку возьмем.

— А что я там буду делать?

— Что хочешь. Детей учить. В музей пойдешь, в клуб — мало ли работы для молодой культурной девицы?

— Это шутка? — вдруг голос Елены дрогнул. Савич весь подобрался, как тигр перед прыжком.

— Это правда, Елена,— сказал Алмаз.

В комнате произошло какое-то движение, шорох...

И Савич влетел в комнату.

Он увидел, что Елена стоит, прижавшись к Алмазу, почти пропав в его громадных руках. И даже не вырывается.

— Прекратите! — закричал Савич. И голос его сорвался. Он закашлялся.

Елена сняла с плеч руки Алмаза, тот обернулся удивленно.

— Никита,— сказала Елена.— Что с тобой?

— Ты изменила! — сказал Никита.— Ты изменила нашим словам и клятвам. Тебе нет прощения.

— Клятвам сорокалетней давности? От которых ты сам отказался?

— Я ради тебя пошел на все! Буквально на все! Я не позволю этому случиться. Приезжает неизвестный авантюрист и тут же толкает тебя к сожительству.

— Ну зачем ты так, аптека,— сказал Алмаз.— Я замуж зову, а не к сожительству.

— Будьте вы прокляты! — с этим криком Савич выбежал из комнаты и кинулся на двор.

Он должен был что-то немедленно сделать. Убить этого негодяя, взорвать дом, может, даже покончить с собой. Весь стыд, вся растерянность прошедших часов слились в этой вспышке гнева.

— Ты что, Никита? — спросил Грубин, разводивший в машине пары.— Какая муха тебя укусила?

— Они! — Савич наконец-то отыскал человека, который его выслушает.— Они за моей спиной вступили в сговор!

— Кто вступил?

— Елена мне изменяет с Алмазом. Он зовет ее в Сибирь! Это выше моих сил.

— А ты, что, с Еленой хотел в Сибирь ехать? — не понял Грубин.

— Я ради нее пошел на все! Чтобы исправить прошлое! Ты понимаешь?

— Ничего не понимаю,— сказал Грубин.— А как же Ванда Казимировна?

— Кто?

— Жена твоя, Ванда.

— А она тут при чем? — возмутился Савич.

Взгляд его упал на открытый ящик с пистолетами. И его осенила мысль.

— Только кровью,— сказал он тихо.

— Савич, успокойся,— сказал Грубин.— Ты не волнуйся.

Но Савич уже достал из машины ящик и прижал его к груди.

— Нас рассудит пуля,— сказал он.

— Положи на место! — крикнул Грубин.

В этот момент из дома вышел Алмаз. За ним Елена. Неожиданное бегство Савича их встревожило. Никита увидел Алмаза и быстро пошел к нему, держа ящик с пистолетами на вытянутых руках.

— Один из нас должен погибнуть,— сообщил он Алмазу.

— Стреляться, что ли, вздумал? — спросил Алмаз.

— Вот именно,— сказал Савич.

— Не сходи с ума, Никита,— сказала Елена учительским голосом.

— Ой, как интересно! — как назло, во двор выбежала Милица с Шурочкой.— Настоящая дуэль. Господа, я буду вашим секундантом.

Она подбежала к Савичу, вынула один из пистолетов и протянула его Алмазу.

— Они же убьют друг друга! — испугалась Шурочка.

— Не бойся,— засмеялась Милица,— пистолетам по сто лет. Они не заряжены.

— Ну что, трепещешь? — спросил Савич.

— Чего трепетать.— Алмаз взял пистолет.— Если хочешь в игрушки играть, я не возражаю. Давненько я на дуэли не дрался.

— Вы дрались на дуэли? — спросила Елена.

— Из-за женщины — в первый раз.

Милица развела дуэлянтов в концы двора и вынула белый платочек.

— Когда я махну, стреляйте,— сказала она.

— Это глупо,— сказала Елена Алмазу.— Это мальчишество.

— Он не отвяжется,— ответил Алмаз тихо.

Савич сжимал округлую, хищную рукоять пистолета. Все было кончено. Черная речка, снег, секунданты в черных плащах...

— Ну господа, господа, не отвлекайтесь,— сказала Милица и махнула платком.

Алмаз поднял руку и нажал курок, держа пистолет дулом к небу — не хотел рисковать. Курок сухо щелкнул.

— Ну вот, что я говорила! — воскликнула Милица.— Никто не пострадал.

— Мой выстрел,— напряженно произнес Савич. Он целился, и рука его мелко дрожала. Нажать на курок было трудно, курок не поддавался.

Наконец Савич справился с упрямым курком. Тот поддался под пальцем, и раздался оглушительный выстрел. Пистолет дернулся в руке так, словно хотел вырваться. И серый дым на мгновение закрыл от Савича его врага.

И Савичу стало плохо. Весь мир закружился перед его глазами.

Поехал в сторону дом, трава медленно двинулась навстречу... Савич упал во весь рост. Пистолет отлетел на несколько шагов в сторону.

Алмаз стоял, как прежде, не скрывая удивления.

— Надо же так,— сказал он.— Сто лет пуля пролежала...

Елена кинулась к нему.

— Антон Павлович Чехов говорил мне,— сказала Милица, вытирая лоб белым платочком,— что если в первом действии на стене висит ружье...

Но договорить она не успела, потому что во двор вбежала Ванда и увидев, что Савич лежит на земле, быстрее всех успела к нему, подняла его голову, положила себе на колени и принялась баюкать мужа, как маленького, повторяя:

— Что же они с тобой сделали? Мы их накажем, мы на них управу найдем...

Савич открыл глаза. Ему было стыдно. Он сказал:

— Я не хотел, Вандочка.

— Я знаю, лежи...

И тут появилась еще одна пара.

Ксения тяжело вошла в ворота, неся на руках Корнелия Удалова.

— Что же это получается? — спросила она.— Где это видано?

Удалов тихо хныкал.

— Помирились? — спросил Грубин.

— По детям стреляют. Куда это годится? — сказала Ксения.— Глядите. Отсюда пуля прилетела. Штаны разорваны. На теле ранение.

Все сбежались к Удалову. Штаны в самом деле были разорваны и на теле был небольшой синяк.

Ксения поставила Удалова на траву и принялась всем показывать круглую пулю, которая ударилась в Удалова на излете.

— Ну и невезучий ты у нас,— сказал Грубин.

Удалов отошел в сторону, а Ксения, отбросив пулю, вспомнила, зачем пришла.

— Кто у вас главный? — спросила она.

— Можно меня считать главным,— сказал Алмаз.

— Так вот, гражданин,— сказала Ксения.— Берите нас в Москву. Чтобы от молодости вылечили. Была я замужней женщиной, а вы меня сделали матерью-одиночкой с двумя детьми. С этим надо кончать.

35

Шурочка и Стендаль проводили машину до ворот. Они бы поехали и дальше, но машина была так перегружена, что Грубин боялся, она не доедет до станции. И без того помимо помолодевших в ней поместились два новичка — Ксения и Степан Степанович, люди крупные, грузные.

Грубин вел автомобиль осторожно, медленно, так что мальчишки, которые бежали рядом, смогли сопровождать его до самой окраины. Люди на улицах смотрели на машину с улыбками, считали, что снимается кино, и даже узнавали в своих бывших горожанах известных киноартистов. Машину увидел из своего окна и редактор Малюжкин. Он узнал среди

пассажиров Милицу и Степанова, открыл окно и крикнул Степанову, чтобы тот возвращался на работу.

— Считайте меня в командировке,— ответил Степанов.

Малюжкин обиделся на сотрудника и захлопнул окно. Его никто не понимал.

Уже начало темнеть, когда машина въехала в лес. Разговаривали мало, все устали и не выспались. Удалов задремал на коленях у жены.

Легкий туман поднялся с земли и светлыми полосами переползал дорогу. Фары в машине оказались слабыми, они не могли пронзить туман и лишь высвечивали на нем золотистые пятна. Уютно пыхтел паровой котел и дым из трубы тянулся за машиной, смешиваясь с туманом.

Лес был тих и загадочен. Даже птицы молчали.

И вдруг сверху, из-за вершин елей, на землю опустился зеленый луч. Он был ярок и тревожен. В том месте, где он ушел в туман, возникло зеленое сияние.

— Стой,— сказал Алмаз.

Грубин затормозил.

— Чего встали? — спросила Ванда.— Уже сломалась?

Но тут и она увидела зеленое сияние и осеклась.

В центре сияния материализовалось нечто темное, продолговатое, словно веретено. Веретено крутилось, замедляя вращение, пока не превратилось в существо, схожее с человеком, хрупкое, тонкое, одетое в неземную одежду.

Существо подняло руку, как бы призывая к молчанию, и начало говорить, причем не видно было, чтобы у существа двигались губы. Тем не менее каждое его слово явственно доносилось до всех пассажиров автомобиля.

— Алмаз, ты узнаешь меня? — спросило существо.

— Здравствуй, пришелец,— сказал Алмаз.— Вот мы и встретились.

— Я бы не хотел с тобой встречаться,— сказал пришелец.

Ксения привстала на сидении и, не выпуская из рук Удалова, обратилась к пришельцу:

— Мужчина,— сказала она,— отойдите с дороги. Мы спешим, нам вот в Москву надо, от молодости лечиться.

— Знаю,— сказал пришелец.— Молчи, женщина.

И в голосе его была такая власть, что даже Ксения, которая мало кому подчинялась, замолчала.

— Ты нарушил соглашение,— сказал пришелец, обращаясь к Алмазу.— Ты помнишь условие?

— Помню,— сказал Алмаз.— Я хотел жить. И пожалел этих людей. Они были немолоды, и им грозила смерть.

— Когда ты поделился средством с Милицей,— сказал пришелец,— я не стал принимать мер. Но сегодня ты открыл тайну многим. И вынудил меня отнять у тебя дар.

— Я понимаю,— сказал Алмаз.— Но прошу тебя о милости. Погляди на Милицу, она молода и прекрасна. И если ты лишишь ее молодости, она завтра умрет. Погляди на Елену — мы с ней хотели счастья. Погляди на Грубина, он же может стать ученым...

— Хватит,— сказал пришелец.— Ты зря стараешься вызвать во мне жалость. Я справедлив. Я дал тебе дар, чтобы ты пользовался им один. Земле еще рано знать о бессмертии. Земля еще не готова к этому. Люди сами должны дойти до такого открытия.

— Не о себе прошу...— начал было Алмаз, вылезая из машины и делая шаг к пришельцу.

Но тот не слушал. Он развел в стороны руки, в которых заблестели какие-то шарики, и от них во все стороны побежали молниевые дорожки. В воздухе запахло грозой, и зеленый туман, заклубившись, поднявшись до вершин деревьев, окутал машину и Алмаза, замеревшего перед ней.

Грубин, уже догадавшись, что произошло, успел лишь поднять глаза к Милице, что стояла за его спиной, и встретить ее ясный взгляд, полный смертельной тоски. И протянул к ней руку. А Алмаз, который хотел в этот последний момент быть рядом с Еленой, сделать этого не успел, потому что странная слабость овладела им и заставила опуститься на землю.

Было очень тихо.

Зеленый туман смешался с белым и уполз в лес.

Постепенно в сумерках голубым саркофагом вновь образовался автомобиль, и в нем, склонившись друг к другу, сидели и лежали бесчувственные люди.

— Как грустно быть справедливым,— произнес пришелец на своем языке, подходя к машине.

Он увидел толстую пожилую женщину, Ксению Удалову, которая держала на коленях курносого полного мужчину ее лет. Он вгляделся во властное и резкое лицо другой немолодой женщины, Ванды Казимировны, которая даже в беспамятстве крепко обнимала лысого рыхлого Савича... Степан Степаныч, разумеется, не изменился. Он сидел на заднем сиденье, закрыв глаза и прижимая к груди бесценный альбом с автографом Пушкина.

И вдруг пришелец ахнул.

Он протер глаза. Он им не поверил.

За рулем машины сидел, положив на него голову, курчавый юноша Саша Грубин. И протянув к нему тонкую руку, легко дышала прекрасная персидская княжна.

Взгляд пришельца метнулся дальше.

Елена Сергеевна была так же молода, как десять минут назад.

— Этого не может быть,— произнес пришелец.— Это невозможно.

— Возможно,— ответил Алмаз, который первым пришел в себя и подошел сзади. Он тоже был молод и уже весел.— Есть, видно, вещи, которые не поддаются твоей инопланетной науке.

— Но почему? Как?

— Могу предположить,— сказал Алмаз.— Бывают люди, которым молодость не нужна. Ни к чему она им, они уже с юных лет внутри состарились. И нечего им со второй молодостью делать. А другие... другие всегда молоды, сколько бы лет ни прожили.

Люди в машине приходили в себя, открывали глаза.

Первым опомнился Удалов. Он сразу увидел, что его детский костюмчик разорвался на животе в момент возвращения в прежний облик. Он провел рукой по толстым щекам, лысинке и затем громко поцеловал в щеку свою жену.

— Вставай, Ксюша! — воскликнул он.— Обошлось!

Эти слова разбудили Савичей.

Ванда принялась радостно гладить Никиту, а тот глядел на жену и думал: «Как дурной сон, буквально дурной сон».

— Ничего, Саша,— сказал Удалов, протягивая руку, чтобы утешить Грубина.— Обойдемся и без этих инопланетных штучек.

Очнувшийся Грубин, смертельно подавленный разочарованием, обернулся к Удалову, и тот, увидев перед собой юное лицо старого друга, вдруг закричал:

— Ты что, Грубин, с ума сошел?

Но Грубин на него не смотрел, он искал глазами Милицу, боясь ее найти. И нашел...

А Милица, встретив восторженный взгляд Грубина, поглядела на свои руки и когда поняла, что они молоды и нежны, закрыла ими лицо и зарыдала от счастья.

— Вылезай, Елена,— сказал Алмаз, помогая Елене выйти из машины.— Хочу тебя познакомить со старым другом. Помнишь, я тебе рассказывал, как мы из тюрьмы бежали?

— Очень приятно,— сказал пришелец, который все еще не мог пережить своего поражения.— Я думаю, что вы собираетесь создать семью?

— Не знаю,— Елена посмотрела на Алмаза, а тот сказал уверенно:

— В ближайшие дни.

И тут они услышали возмущенный крик Савича:

— Что же получается? Все остались молодыми, а я должен стать старым. Это несправедливо! Я всю жизнь хотел стать молодым! Я имею такое же право на молодость, как и остальные.

— Пойдем, мой зайчик, пойдем,— повторяла Ванда, стараясь увести его прочь.— Это у тебя нервное, это пройдет.

— Пошли, соседи,— сказал Удалов.— А то дотемна в город не успеем вернуться.

— Елена,— рыдал Савич,— все эти годы я тебя безответно любил!

— Ты мне только попробуй при живой жене! — Ванда сильно дернула его за руку, и Савич был вынужден отойти от машины.

— Извините,— сказал пришелец.— Я полетел.

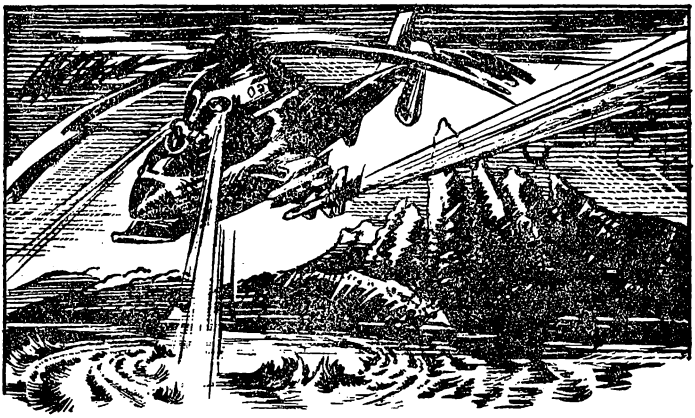
— До встречи,— сказал Алмаз.

Пришелец превратился в зеленое сияние, потом в луч. И исчез.

Елена посмотрела вслед уходящим к городу.

Савич все оглядывался, норовил вернуться. Удаловы шли спокойно, обнявшись.

— Ну что ж,— сказал Алмаз,— по местам! А то к поезду не успеем.

НУЖНА СВОБОДНАЯ ПЛАНЕТА

ПРИСКОРБНЫЙ СКИТАЛЕЦ

Корнелий Иванович Удалов собирался в отпуск на Дон, к родственникам жены. Ехать должны были всей семьей, с детьми, и обстоятельства благоприятствовали до самого последнего момента.

Но за два дня до отъезда, когда уже ничего нельзя было изменить, сын Максимка заболел свинкой.

В тот же вечер Удалов в полном расстройстве покинул дом, чтобы немного развеяться. Он пошел на берег реки Гусь.

Большинство людей вокруг были веселы и загорелы после отпуска и, честно говоря, своим удовлетворенным видом удручали Корнелия Ивановича.

Удалов присел на лавочку в тихом месте. Сзади, в ожидании грозы, шелестел листьями городской парк. Вдали лирично играл духовой оркестр.

Невысокий моложавый брюнет подошел к лавочке и попросил разрешения присесть рядом. Удалов не возражал. Моложавый брюнет глядел на реку и был грустен настолько, что от него исходили волны грусти, даже рыбы перестали играть в теплой воде, стрекозы попрятались в траву и птицы прервали свои вечерние песни.

Удалов еле сдерживал слезы, потому что чужая грусть совместилась с его собственной печалью. Но еще сильнее было сочувствие к незнакомцу и естественное стремление ему помочь.

— Гляжу на вас — как будто у вас беда.

— Вот именно! — ответил со вздохом незнакомец.

Был он одет не по сезону — в плащ-болонью и зимние сапоги.

Незнакомец в свою очередь разглядывал Удалова.

Его глазам предстал невысокий человек средних лет, склонный к полноте. Точно посреди круглого лица располагался вздернутый носик, а круглая лысинка была окружена венчиком вьющихся пшеничных волос. Вид Удалова внушал доверие и располагал к задушевной беседе.

— У вас, кстати, тоже неприятности,— заявил, закончив рассматривание Удалова, печальный незнакомец.

— Наблюдаются,— ответил Удалов. И вдруг, помимо своей воли, слегка улыбнулся. Ибо понял, что его неприятности — пустяк, дуновение ветерка, по сравнению с искренним горем незнакомца.

Они замолчали. Тем временем зашло солнце. Жужжали комары. Оркестр исполнял популярный танец «террикон», с помощью которого дирекция городского парка одолевала влияние западных ритмов.

Наконец Удалов развеял затянувшееся молчание.

— Закаты у нас красивые,— сказал он.

— Каждый закат красив по-своему,— сказал незнакомец.

Нос и глаза у него были покрасневшими, словно он страдал простудой.

— Издалека к нам? — спросил Удалов.

— Издалека,— сказал незнакомец.

— Может, с гостиницей трудности? Переночевать негде? Если что, устроим.

— Не нужна мне гостиница — ответил незнакомец. Его голос заметно дрогнул.— У меня в лесу, на том берегу, космический корабль со всеми удобствами. Я, простите за нескромность, космический скиталец.

— Нелегкий труд,— сказал Удалов.— Не зави-

дую. И чего скитаетесь? По доброй воле или по принуждению?

— По чувству долга,— сказал незнакомец.

— Давайте тогда рассказывайте о своих трудностях, постараюсь помочь. В разумных пределах. Зовут меня Удаловым. Корнелием Ивановичем.

— Очень приятно. Мое имя — Гнец-18. Чтобы отличать меня от прочих Гнецев в нашем городе. Так как я здесь в единственном числе, зовите меня просто Гнец.

— А меня можете называть Корнелием,— сказал Удалов.— Перейдем к делу. Давайте перекладывайте часть ваших забот на мои широкие плечи.

Гнец окинул взглядом умеренные плечи Удалова, но, видно, сильно нуждался в помощи и поддержке, поэтому сказал следующее:

— Мне, Корнелий, нужна свободная планета. Летаю, разыскиваю. В одном месте сказали, что на Земле, то есть у вас, свободного места хоть отбавляй. Только, видно, информация была устарелой. Ввели меня в заблуждение.

— Может, тысячу лет назад и были свободные места,— согласился Удалов.— Но в последние годы нам самим тесновато. Да вы не расстраивайтесь. По моим сведениям, в беспредельном космосе свободных планет множество. Разве не так?

Мимо проходили влюбленные парочки, косились на скамейку и даже выражали недовольство, что двое мужчин средних лет заняли такой укромный уголок, как бы специально предназначенный для романтических вздохов. Да, не так уж свободно на Земле, если ты далеко не сразу и не всегда можешь найти укромное место для произнесения нежных слов.

— Планет много,— сказал Гнец-18.— Но нужна такая, чтобы имела растительность, воздух для дыхания и природные ресурсы. Мы проверили весь наш сектор Галактики, и, кроме Земли, нет ничего подходящего. Придется мне возвращаться домой, брать другой корабль и искать свободную планету в дальних краях. А вы же знаете, насколько ненадежны звездные карты.

Удалов кивнул, хотя звездных карт никогда не видел.

— И как я один за месяц справлюсь, не пред-

ставляю,— сказал пришелец.— Сколько дел, столько трудностей...

— Вы кого-нибудь возьмите себе в помощники,— подсказал Удалов,— вдвоем будет легче.

— Ах, Корнелий! — сказал горько Гнец-18.— Вы не представляете себе, насколько у нас на планете все заняты. По нескольку лет без отпуска. Руки опускаются. Нет, вряд ли я смогу подобрать себе спутника. Да если и подобрал бы, пользы мало.

— Почему же?

— Мои земляки очень плохо переносят невесомость,— сказал Гнец-18.— И еще хуже перегрузки. Меня с детства специально тренировали для космических полетов. И все равно после каждого старта я два часа лежу без сил. Нет, придется мне лететь одному...

Горе пришельца было искренним и глубоким. Вдруг что-то дрогнуло в сердце Удалова, и он с некоторым удивлением услышал собственный голос:

— У меня как раз отпуск начинается, а мой сын Максим заболел свинкой. Так что я совершенно свободен до восемнадцатого июля.

— Не может быть! — воскликнул Гнец.— Вы слишком добры к нашей цивилизации. Нет, нет! Мы никогда не сможем достойно отблагодарить вас.

— Вот уж чепуха,— сказал Удалов.— Если бы не встреча с вами, мне, может, пришлось бы ждать космического путешествия несколько лет или десятилетий. А тут вдруг представляется возможность облететь некоторые малоизвестные уголки нашей Галактики. Это я вас должен благодарить.

— Вы, очевидно, не представляете себе трудностей и опасностей космического путешествия,— настаивал Гнец-18.— Вы можете погибнуть, дематериализоваться, провалиться в прошлое, попасть в шестое измерение, превратиться в женщину. Наконец, вы можете стать жертвой космических драконов или подцепить галактическую сухотку.

— Но вы-то летаете, другие летают! — не сдавался Удалов.— Значит, практически Галактика не очень опасна... И, знаете, в конце концов, почетнее погибнуть в зубах космического дракона, чем дожить до пенсии без приключений.

— Я с вами не согласен,— возразил пришелец.— Мечтаю дожить до пенсии.

— Ваше право,— сказал Удалов.— Я — романтик дальних дорог.

Последние слова окончательно убедили Гнеца-18, его лицо озарила добрая улыбка, он произнес, глотая непрошенные слезы:

— Ты благородный человек, Корнелий!

— Ну что ты! — отмахнулся Удалов.— На моем месте так поступил бы каждый.

На следующее утро, солгав жене Ксении, что уезжает на дальнюю рыбалку, взяв с собой удочки, теплую одежду и резиновые сапоги, Удалов покинул свой дом, переправился на пароме через реку, углубился в лес и, послушно следуя указаниям Гнеца-18, нашел его небольшой космический корабль. Гнец-18 предложил удочки зарыть, а сапоги оставить на Земле, но Удалов не согласился, потому что ни он, ни Гнец-18 не знали толком, что их ждет в далеком путешествии.

ПЕРВАЯ ПЛАНЕТА

Сначала надо было вернуться домой к Гнецу, поменять корабль на другой, помощнее, и заправиться всем необходимым для долгого пути. Перелет занял всего несколько часов, потому что корабль Гнеца-18 был гравитолетом, а гравитационные волны, как известно, распространяются почти мгновенно. Гнец-18 паршиво переносил путешествие, и поэтому Удалову пришлось самому осваивать приборы управления и готовить пищу. Корнелий был так занят, что не успел справиться у Гнеца, зачем ему понадобилась свободная планета. Он только спросил нового товарища, предлагая ему тарелку с куриным бульоном:

— Вы что, колонию основать хотите?

— Если бы так просто,— ответил Гнец. Тут ему опять стало плохо, и он даже не доел бульон.

На космодроме Гнеца-18 встретили встревоженные члены правительства. Гнец не успел даже представить Удалова, как они засыпали его вопросами на местном языке, который Удалову был понятен как

русский, потому что Гнец-18 снабдил его универсальным транслятором.

— Ну и что? — волновался президент.— Земля свободна?

— Мы можем начинать? Дело не терпит,— сказал премьер-министр.

Удалов мог бы все объяснить правительству, но он, как человек деликатный, ждал, что скажет Гнец-18. Стоял в сторонке и дышал свежим воздухом, рассматривал странные одежды встречающих и общественные здания непривычных очертаний, окружавшие космодром.

Наконец Гнец-18 решительным жестом остановил министров и сказал:

— К сожалению, очередная неудача. На Земле живет множество людей, достигших высокой степени цивилизации, не такой, конечно, как мы, но довольно высокой.

Члены правительства расстроились и осыпали Гнеца-18 незаслуженными упреками. Гнец-18 выслушал упреки, но вместо оправдания сказал:

— Еще не все потеряно. Представитель Земли по имени Корнелий любезно согласился помочь нам в дальнейших поисках. У него богатый опыт космических встреч, и он отлично переносит межзвездные путешествия.

Члены правительства продемонстрировали Удалову знаки своего уважения и тут же пригласили в город, чтобы он смог провести ночь в нормальных условиях. А тем временем корабль подготовят к полету.

Комната в гостинице была невелика, лишена украшений, и в ней были только самые необходимые вещи: кровать, стул и умывальник. Вообще Удалов успел заметить, что в городе совсем нет украшений и излишеств. Словно его обитатели были очень сухими и деловыми людьми. Удалов вспомнил слова Гнеца-18, что все здесь так заняты, что по нескольку лет не бывают в отпуске.

Наступила ночь. Удалову не спалось. Он решил немного погулять.

Улица была пустынна, но хорошо освещена. Удалов пересек площадь со странным монументом посредине и свернул на широкую улицу, вдоль которой

тянулись магазины. Витрины были не освещены, и на них рядами стояли те вещи, что продавались внутри. Без всяких попыток расположить их красиво.

Вдруг Удалов услышал шуршание шин. Из-за угла выехала странная процессия. Она состояла из двух десятков катафалков, или платформ, которые показались Удалову схожими с катафалками, потому что на каждой стояло по прозрачному гробу. А то и по два. И в каждом гробу лежало по человеку.

Это были удивительные похороны. В них участвовали только водители платформ. И ни один родственник, ни один друг не пришел проводить умерших в последний путь.

Отзывчивое сердце Корнелия дрогнуло. Он не мог не принять каких-нибудь мер. Он сорвал с клумбы, окружающей монумент, несколько цветков и, догнав процессию, прошел вдоль катафалков и возложил по цветку на каждый гроб.

Водители катафалков косились на него, но не препятствовали проявлять сострадание.

Украсив по возможности все гробы цветами, Удалов пошел в хвосте процессии, понурив голову и как бы замещая собой скорбящих родственников.

Процессия двигалась медленно. Удалов шел и размышлял о странных обычаях, которые встречаются вдали от дома. Потом подумал, что, может быть, на планете свирепствует эпидемия и они не успевают хоронить своих умерших как положено. Но почему тогда никто не сказал Удалову об этом? Может, в этом таится причина того, что нет желающих полететь в космос? А может быть, привилегированные слои местного общества ищут свободную планету, чтобы избежать заразы?

Первый катафалк остановился перед громадным серым зданием. В полуподвале было открыто окно, и из него изливался теплый желтый свет. Катафалк развернулся, и его платформа поднялась, как у самосвала. Гроб скользнул вниз и исчез в подвале. Удалов только ахнул.

Примеру первого катафалка последовал второй, третий. Лица водителей были безучастны, словно они перевозили картошку. Удалова так и подмывало вмешаться, но он взял себя в руки. Нельзя лезть в чужой монастырь со своим уставом. Лучше завтра поговорить с Гнецем, и он все объяснит.

Но тут любопытство пересилило Удалова. Он подумал, что ничего плохого не случится, если он заглянет в серое здание и выяснит, крематорий это или что иное.

Удалов дождался, пока последний катафалк свалил в подвал свою ношу. Убедившись, что его никто не видит, он осторожно обогнул здание, разыскивая вход.

Вот и дверь. Она была открыта, и никто ее не сторожил. Удалов вошел внутрь и направился по широкому, тускло освещенному коридору. Навстречу ему попался спешащий человек в белом халате, и Удалов уже приготовился ответить на вопрос, как он сюда попал, но человек не обратил на него внимания.

Поэтому, когда за поворотом коридора Удалову встретился второй человек, он уже чувствовал себя смелее. Но на этот раз его заметили.

— Что за безобразие? — спросил человек.— Почему не в халате? Что за порочное небрежение к стерильности!

— Простите,— сказал Удалов.— Я здесь случайно. Шел, понимаете, вижу дверь...

— Случайностей быть не должно,— ответил человек, распахивая стенной шкаф.

Он вытащил оттуда белый халат и протянул Удалову. Удалов послушно натянул халат, который был велик, и поэтому пришлось закатать рукава. Человек нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну вот,— сказал Удалов.— Переоделся я. А дальше что?

— Дальше? Дальше — за работу. А вы на что рассчитывали?

Человек схватил Удалова за руку и потянул за собой. Удалов не сопротивлялся, семенил следом, потому что пребывал в полной растерянности.

Через сотню шагов они оказались в громадном зале. Там было зябко, морозно, ослепительный ледяной свет ламп под потолком освещал жуткую картину: вдоль стен, в несколько ярусов, стояли одинаковые гробы.

— Ой,— в ужасе сказал Удалов.— Вы их так содержите?

— А что прикажете делать? — строго спросил его

спутник.— Вы можете предложить иной способ хранения?

По транспортеру, тянувшемуся через весь зал, медленно плыл гроб.

— А ну, беритесь! — сказал человек.

— Я боюсь,— возразил Удалов.

— Еще чего не хватало!

Пришлось взяться за холодный и страшно тяжелый гроб и тащить его к стеллажу.

Всю ночь Удалов трудился не покладая рук. Большей частью он работал у транспортера в большом зале, носил, ставил, перетаскивал гробы, к утру окончательно вымотался, притом робел перед своим напарником настолько, что не решался спросить его, что за странные обычаи на этой планете. Терпел до конца смены, решив подробно допросить Гнеца-18.

На рассвете сирена объявила о конце смены. Удалов, несколько привыкший к местным порядкам, повесил белый халат в стенной шкаф и поспешил в гостиницу. Солнце уже встало, на улице было тепло, и появились первые прохожие. Когда Удалов подбегал к гостинице, навстречу ему попалась еще одна длинная похоронная процессия. И никто, кроме Корнелия Ивановича, не обратил на нее ровно никакого внимания.

Только успел Удалов не раздеваясь прилечь на кровать, как в комнату ворвался Гнец-18.

— Все готово! — воскликнул он.— За ночь мы подготовили корабль.

— Я никуда не полечу! — отрезал Удалов.

— Как? Почему? Что стряслось? Как можно нарушить данное слово?

— Я бы рад не нарушать. Но знаешь ли ты, где я провел ночь?

— Не подозреваю.

И тогда Удалов вкратце поведал о своем ночном приключении.

— Я во всем виноват! — опечалился Гнец-18.— Я вселил в твое сердце недоверие, потому что не спешил с рассказом. Полагал, что в полете будет для этого достаточно времени. Но клянусь тебе, нет в этом никакой тайны и тем более никаких гробов.

— Но я же их собственными глазами видел,— возразил Удалов.

— Это поучительный пример того, как нельзя доверяться собственным глазам, если уж попал на чужую планету. На деле все наоборот: на нашей планете практически побеждена смерть. Мы — планета торжествующей жизни.

Но почему-то это оптимистическое заявление заставило говорившего грустно вздохнуть.

Затем Гнец-18 продолжал:

— Мы раньше, чем Земля, вступили на путь научного прогресса. И дальше ушли по этому пути. Были побеждены болезни и сокращены несчастные случаи. Мы раскрыли секреты старения и долголетия. Теперь у нас люди живут столько, сколько считают нужным. И как минимум двести лет.

— Это очень важное достижение,— согласился Удалов.

— Но мы не изобрели лишь одного — космических путешествий. Как ты мог убедиться на моем примере — мы типичные домоседы и к космому относились с опаской и недоверием. Вот вы, к примеру, на Земле заранее решили осваивать космос. Мы же только сейчас спохватились. Когда поняли, что наша планета страшно перенаселена. Несмотря на наши достижения, нам приходится теперь с каждым годом уменьшать площадь квартир и даже высоту потолков, что невыносимо для цивилизованного человека.

— Совершенно невыносимо,— согласился Удалов, кинув взгляд на низкий потолок гостиничного номера.

— У нас страшные очереди в библиотеки и на стадионы, хотя, например, мы пошли на то, чтобы увеличить число команд в первой лиге по цукенолу до тысячи восьмисот двадцати.

— Это что еще за игра? — удивился Удалов.— Такой не знаю.

— Трудно объяснить — ведь на разных планетах совершенно разные развлечения. В цукеноле собираются две группы игроков, и им выдают один круглый предмет. Цель игры — закатить этот предмет в сетку противника.

— Руками или ногами? — поинтересовался Удалов.

— Что ты, только ногами. Если кто-нибудь до-

тронется до круглого предмета рукой, с него берут штраф.

— Очень похоже на футбол,— подумал вслух Удалов.— А поле какое? А игроков сколько?

— Вот в этом еще одна наша трагедия. Когда-то, в недавнем прошлом, цукенолисты играли на поле длиной в сто метров. Но с современным перенаселением пришлось уменьшить поля в десять раз, а число игроков с десяти до трех. Сам понимаешь, что наши поклонники цукенола — самые несчастные люди во Вселенной.

— Да, на десяти метрах не разгуляешься!

— И вот наши ученые сделали очередное открытие: научились безболезненно усыплять людей, погружать их в анабиоз. И тогда те, кому надоело жить в тесноте, решили, что они поспят, пока наша проблема перенаселения не будет решена. Сначала их было сравнительно немного, но потом к ним присоединились несколько тысяч не очень красивых девушек, которые решили поспать до тех пор, пока наука не придумает, как всех людей сделать красивыми. Еще через год в анабиоз решили улечься два миллиона болельщиков цукенола, которые не в силах были глядеть на уменьшение спортивных полей. Когда вернутся славные времена, тогда и проснемся, заявили они. Но ведь многие засыпают со своими семьями...

Гнец-18 удрученно замолчал.

— И сколько же всего набралось сонных? — спросил Удалов.

— На сегодняшний день насчитываем чуть больше двух миллиардов человек.

— С ума сойти!

— Вот именно. Все больше нужных планете специалистов заняты строительством анабиозных ванн и хранилищ для них, половина нашей промышленности вырабатывает охлаждающие растворы и контрольные приборы, старых хранилищ не хватает, приходится все время строить новые. И ты, Удалов, как раз присутствовал при заполнении очередного «спального дома». Научный прогресс неизбежно замедлился, а население продолжает расти, так что даже если бы мы захотели сейчас разбудить всех наших спящих, им бы некуда было деваться.

— Положение! — сказал Удалов.

— Мы вынуждены были отказаться от многих искусств и даже музыки. Мы живем без отпусков и выходных, бережем наших спящих и лихорадочно ищем путей выхода.

— И свободную планету,— продолжил за Гнеца Удалов. Он уже все понял.

— Да. Привлекательную планету с умеренным климатом и богатой растительностью. Мы отвезли бы туда два миллиарда ванн, построили бы там дома и косметические кабинеты, разбили бы там скверы и цукенольные поля... Но такой планеты нет.

— А сами принялись бы развивать искусства и литературу,— предположил Удалов.

— Но нет такой планеты,— повторил печально Гнец-18.— Мы разыскиваем ее уже который год, но все напрасно.

— Найдем,— сказал Удалов.— Как не найти! У нас весь отпуск впереди.

ВТОРАЯ ПЛАНЕТА

Перед отлетом Удалов с Гнецем изучили звездные карты и решили лететь в сектор 5689-бис. Сектор был неблизкий, триста световых лет, меньше чем за три дня туда не доберешься, но зато в тех краях было отмечено несколько очень перспективных планетных систем.

Премьер-министр приехал проводить разведчиков. На прощанье он сердечно пожал Удалову руку и сказал с надеждой в голосе:

— Сами понимаете, Корнелий Иванович...

— Понимаю,— ответил Удалов.— И постараюсь не обмануть доверие.

Гнеца-18 сразу укачало, чувствовал он себя паршиво, большую часть времени лежал на диване и думал. Удалов готовил пищу, прибирал на корабле, а в свободные минутки любовался пролетавшими за иллюминатором разнообразными звездами, планетами, кометами и метеорами. Картины звездного мира доставляли ему несказанное удовольствие. Отпуск начался удачно. Если бы не максимкина свинка, стоило бы взять мальчишку с собой. Набирался бы

впечатлений, чтобы поделиться с товарищами по классу.

К вечеру третьего дня Гнец-18 сказал:

— Тормози, Корнелий.

Удалов перешел на капитанский мостик и начал торможение. Он освоился с управлением и посадку провел гладко, мастерски.

Уже при подлете было видно, что планета попалась спокойная, зеленая, поросшая большей частью кустарником и совершенно необработанная. Ни городов, ни деревень, ни дорог сверху не было видно.

Опустились на берегу реки. Река была широкая, прозрачная, текла медленно и величаво. За рекой начинался невысокий лес, в котором щебетали вечерние птицы и рычали какие-то звери.

— Ура! — сказал Гнец-18, когда отдышался после посадки.— Это то, что нам нужно. Климат, растительность и никакой разумной жизни.

— Погоди,— остановил его осторожный Удалов.— С утра возьмем катер, поглядим. Если бы ты на Земле сел в верховьях Амазонки, то тоже решил бы, что населения у нас нет. Был со мной в прошлом году случай. Отправился я затемно за опятами на Выселки. Прихожу, лес пустой, а грибы уже собраны. Оказывается, меня те, кто с ночи выехал, опередили.

— Это так,— согласился Гнец-18.— Я, когда сел в лесу у Великого Гусляра, тоже решил, что Земля необитаемая. А потом услышал, что лесопилка работает, и расстроился.

И космонавты легли спать.

Настало свежее, светлое утро. Белое солнце поднялось на небо, Удалов с Гнецем отправились на разведку. Они перелетели через реку, долго парили над безлюдным лесом, а когда началось поле, поросшее редкими кустами, Гнец сказал:

— Что-то мне летать надоело. Давай пойдем дальше пешком.

Они взяли бластеры, чтобы отбиваться от хищных зверей, и поставили катер на автоматику. Они шли пешком, а катер летел над ними, и это было очень удобно, потому что стало жарко, можно было получить солнечный удар, а под катером всегда была прохладная тень.

Удалов набрал букет душистых цветов и решил

засушить наиболее красивые экземпляры, чтобы привезти их сыну для гербария, собрать который задала ему на лето учительница. Шли часа два. Потом Гнец сказал:

— Ну, теперь ты убедился, что здесь никто не живет?

— Нет,— сказал Удалов.— Нужна осторожность. Речь идет о судьбе двух миллиардов людей.

И он оказался прав.

Не успели они пройти и десяти шагов, как увидели, что из травы торчит ржавый железный штырь.

— Это свидетельство разумной жизни,— сказал уверенно Удалов.

— Совсем не обязательно. Может, сюда прилетали с другой планеты и забыли. А может, туристы-межпланетники. Ты же знаешь, какие они неаккуратные. Пробудут день, а напакостят, словно жили три года.

— С туристами бывают трудности,— согласился Удалов,— но туристы таких штук не забывают.

Он раздвинул кусты и показал Гнецу-18 поросшую мхом пушку с изогнутым стволом.

— Да,— согласился Гнец-18.— Туристы этого с собой не возят.

— Поехали обратно? — спросил Удалов.

Гнец подумал немножко и сказал:

— Давай получше исследуем. А вдруг они все погибли?

— Как так?

— Воевали до тех пор, пока друг друга не перебили.

Гнец с Удаловым забрались в катер и полетели вперед. Чем дольше они летели, тем больше попадалось им следов человеческой деятельности. То громадная воронка от бомбы, то взорванный завод, то целый город, разрушенный до основания. И что удивительно — все так заросло кустами и мхом, что если б Гнец с Удаловым не искали эти следы специально, можно было бы принять их за природные образования. С каждой минутой Гнец-18 все больше убеждался, что люди здесь друг друга взаимно уничтожили, но Удалов настаивал доисследовать планету до конца. Может быть, они куда-нибудь эвакуировались?

— Эвакуировались! — возмущался Гнец-18.—

И потом сто или двести лет не догадывались вернуться назад! Что же они, дураки, что ли?

— Все бывает,— сказал на это Удалов, которому были свойственны здравый смысл и осторожность.

Они долетели до самого полюса, заглянули на экватор, пересекли океаны. И везде одно и то же. Следы войны и разрушения — и ни одного живого человека.

Удалов был уже готов согласиться с Гнецем. В самом деле, все друг друга перебили. Очень прискорбно, но что поделаешь?

— Для страховки мы сделаем вот что,— сказал вдруг Гнец-18.— Есть у меня на борту Искатель Разума. Специально сконструирован для подобных случаев. Определяет, есть ли разумная жизнь в радиусе тысячи километров вокруг...

Гнец достал белый ящичек с антенной и настроил его. Сразу же раздалось гудение и щелканье.

— Вот видишь,— сказал Удалов.— Значит, есть.

— Это на тебя показывает,— заметил серьезно Гнец-18.— И на меня тоже. Придется надеть шлемы, чтобы наши разумы ему не мешали.

Они надели специальные шлемы и посмотрели на прибор. Он продолжал щелкать, хоть и не так громко, как раньше. Еле-еле. Где-то на планете, далеко от них, теплился разум.

Гнец искренне огорчился, а Удалов сказал:

— Пообедаем сперва и полетим отыскивать твоего отшельника. Может, если он один, то сам будет умолять: «Пришлите мне переселенцев, не с кем поболтать длинными осенними вечерами».

Отправились они на поиски после обеда. Направление показывал сам Искатель Разума. Антенна, направленная куда надо, вела их к цели.

Они спустились к обширной холмистой равнине. Разум обитал где-то здесь. И это было странно. Ни деревца, ни кустика, лишь пахнет полынью и столбиками у своих нор стоят грызуны.

— Может, врет твой прибор? — спросил Удалов.

— Когда он на тебя жужжал и показывал, то не врал,— заметил саркастически Гнец-18.— А когда на других показывает, то врет?

— Ну, тогда ищи сам,— обиделся Удалов. Пребывание на этой планете ему уже надоело, и хотелось отправиться дальше.

Гнец-18 долго бродил по равнине, прислушиваясь к прибору, и забрел далеко. Удалов снова занялся гербарием. Вдруг Гнец обернулся и закричал:

— Корнелий, иди сюда!

Удалов подошел.

Гнец-18 стоял перед грудой камней и металла. Прибор надрывался от обилия разума.

— Здесь,— сказал он,— был вход в подземелье. Теперь входа не оказалось. Он был засыпан. И довольно давно.

— Какой ужас! — воскликнул отзывчивый Удалов.— Они замурованы и не могут выйти наружу!

Он попытался голыми руками расшвырять камни и железки, но его сил на это не хватало.

— Отойди,— сказал Гнец-18.

Он достал свой бластер и начал плавить преграду смертоносным лучом. Вскоре образовалась воронка, а еще через несколько минут последний камень превратился в раскаленную пыль и перед путешественниками предстало черное отверстие.

— Нам туда,— просто сказал Гнец-18, который не любил тратить времени попусту. Он достал из кармана паутинную веревочную лестницу и прикрепил ее верхний конец к еще горячим камням.— Вперед!

Они долго шли по наклонному туннелю. В туннеле было темно и сыро. С потолка свисали небольшие сталактиты, и с них, словно с сосулек, капала вода. Стены были в ржавых подтеках и блестели в лучах фонарей. Потом они спустились по скользкой лестнице на следующий ярус, долго ковыляли по шпалам разрушенной узкоколейки и добрались до глубокой шахты. В шахту пришлось спускаться по скобам, укрепленным в стене, и Удалов опасался, что скобы могут сорваться. Маленький водопадик срывался с края шахты, струйкой летел рядом, и иногда Удалову попадала за шиворот холодная вода. Спускались они полтора часа, и Удалов с ужасом думал, как они будут подыматься обратно.

Потом снова начались переходы и туннели, и лишь после сорок четвертого поворота впереди забрезжил тусклый свет.

— Я думал, что мы никогда их не спасем,— сказал Удалов.

— А ты уверен, что их надо спасать? — спросил Гнец-18.

Теперь они шагали по коридору, в котором были следы жизни. По стенам тянулись кабели и провода, изоляция, попорченная водой, кое-где была починена, обмотана тряпками. В куче земли, свалившейся сквозь большую трещину в потолке, была протоптана тропинка. Спустившись еще на один этаж вниз, они услышали шаги. Навстречу шел человек в изношенном пиджаке и трусах, сделанных из брюк. Он был бледен и тяжело дышал. В руке у него был потертый чемоданчик, подобный тем, какие на Земле носят водопроводчики. Человек несказанно изумился при виде путешественников.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

— Мы ищем население,— сказал Гнец-18.

— Тогда вам ниже,— сказал водопроводчик.— Здесь только я. Чиню проводку. Трубы текут, изоляция никуда не годится, вентили заржавели. Вы там, внизу, скажите, чтобы прислали замазку, изоляцию и новые трубы.

— Обязательно скажем,— пообещал Удалов.— И давно вы здесь живете?

— Испокон века,— ответил водопроводчик.— А где же еще жить?

— Наверху,— сказал Удалов.

— Где? — Водопроводчик поглядел на Удалова как на сумасшедшего.

— Наверху! — Удалов показал пальцем.

— Там нельзя,— сказал водопроводчик.— Там темно и сыро. Там жить невозможно.

— Но я же имею в виду не туннели, а поверхность вашей планеты,— объяснил Удалов.— Там светит солнце, растет лес, текут реки и ручьи.

— Какой лес? Какое солнце? Вы откуда свалились?

— Именно оттуда,— сказал Удалов.

— Опасные вы слова говорите. Таким, как вы, не место на свободе.

— Пойдем отсюда,— вмешался Гнец-18,— пойдем скорей.

— Правильно,— одобрил водопроводчик.— Только не забудьте про трубы и замазку сказать.

Они спустились еще на несколько этажей и нако-

нец попали в населенные места. Иногда им встречались люди. Двигались они медленно, лица у всех были бледные и тоскливые. В стенах коридоров были выдолблены ниши, в которых эти люди обитали. На перекрестке двух туннелей путешественники увидели человека в блестящей, хоть и поношенной, форме.

— Гляди, похож на полицейского,— сказал Удалов.— Он нам и нужен.

— Вы, случайно, не страж порядка? — спросил Гнец-18.— Скажите, пожалуйста, как нам пройти к...

— Одну минутку,— сказал человек в форме, вынул из-за спины палку и ударил по голове проходящего мимо старичка.— Ты где переходишь? — спросил он его.

Старичок послушно вынул из кармана монету и отдал полицейскому.

— Вам чего? — спросил полицейский.

— Нам надо пройти к вашему начальству,— сказал Гнец-18.

— Зачем? — спросил полицейский, размахивая палкой, как маятником.

— Мы хотим узнать, ваша планета свободная или занятая.

— Это как так? — удивился полицейский.

— Мы побывали наверху,— сказал Гнец-18.— Там все свободно. Но тут, внизу, занято.

— Что-то твои слова мне не нравятся,— сказал полицейский.— Я бы тебя отправил сейчас куда следует, только ты одет слишком хорошо. Ты, часом, не грабитель?

— Простите,— вмешался Удалов.— Там, наверху, водопроводчик просил прислать ему трубы, а то течет.

— Вечно ему что-то нужно. Обойдется,— ответил полицейский.— А вы зачем туда ходили?

Удалов потянул Гнеца-18 за рукав.

— Идем дальше,— сказал он.

— Нет уж, голубчики! — возразил полицейский.— Вы пойдете только со мной. Или платите шесть монет за переход улицы в неположенном месте.

— А где положенное? — спросил Удалов.

— Это только я знаю,— усмехнулся полицейский.— На то меня здесь и держат.

Тут полицейский поднял палку и повел путешественников вниз через переходы и лестницы, до большой ниши, в которой разместился полицейский участок.

В участке они долго не задержались. Там их допросили, для порядка избили палками и на скрипучем лифте отправили ниже, чуть ли не к центру планеты, в пещеру, которую занимал кабинет Начальника № 1.

— Итак,— сказал Начальник № 1, когда ему изложили суть дела,— вы нагло утверждаете, что пришли сверху. Это чепуха, потому что наверху ничего нет. Там никто не живет. Человек не муха, чтобы ползать по потолку. Теперь остается только выяснить, зачем вы лжете.

— Да не лжем мы! — возмутился Удалов.— Погодите, я вам паспорт покажу. Он вообще прописан на другой планете.

— Я не знаю, что такое паспорт,— сказал Начальник № 1,— но в любом случае ваш паспорт здесь недействителен, потому что других планет не существует. Придется посадить вас в тюрьму, пока вы не сознаетесь, зачем пожаловали, кто вас подослал подорвать нашу бодрость.

— Не нужна нам ваша бодрость! — продолжал спорить Удалов.— Мы искали свободную планету. Ваша показалась нам ненаселенной. А обнаружилось, что вы спрятались под землей и носа наверх не высовываете.

— Для нас это загадка,— добавил Гнец-18.

Тогда Начальник № 1 приказал всем посторонним выйти из комнаты, запер дверь, заглянул под стол — не остался ли там кто-нибудь, поманил путешественников пальцем и сказал шепотом:

— Я-то знаю, что наверху жить можно. Но другим об этом знать не положено. Триста лет назад на нашей планете бушевала война. Она была такой всеобщей, что абсолютно все было разрушено. И люди сохранились только в глубоких бомбоубежищах. После войны жить наверху было нельзя. Даже выглянуть опасно. Там все было настолько разрушено и заражено, что даже комар через три минуты уми-

рал. Вот мы и переселились под землю. В этом есть недостатки, зато очень удобно держать в руках население. Вот мы и внушаем, что никакого другого мира не существует. А вы для нас — опасные сумасшедшие и возмутители спокойствия. Так что придется вам провести остаток своих дней в тюрьме.

Закончив речь, Начальник № 1 вызвал стражу, путешественников затолкнули в темный каменный мешок и захлопнули за ними железную дверь.

— Вот попались! — сказал в сердцах Удалов.— У меня же отпуск скоро кончается. Так дело не пойдет.

Он хотел было барабанить в дверь и требовать справедливости, но Гнец-18 объяснил, что ничего из этого не выйдет. Они все равно проникли сюда без разрешения, а раз местные жители думают, что, кроме их мира, никакого другого нет, а если и есть, то он для жилья не приспособлен, значит, Удалов с Гнецем ниоткуда не приезжали, а они — местные жители с вредными мыслями.

— Все равно,— ответил упрямо Удалов,— я этого так не оставлю.

— А что можно сделать? — удивился Гнец-18.— Наш путь завершен. У нас даже ничего нет — ни фонарей, ни бластеров, ничего. Все отобрали полицейские. Жаль только, что мы не выполнили задания и нас будут понапрасну ждать дома. Прощай, друг Корнелий. Прости, что я впутал тебя в эту историю.

— Ни-че-го подобного,— ответил Удалов, глядя в кромешную тьму.— У меня дела дома. У тебя дела дома. А ты собираешься просидеть здесь всю жизнь. Эй! — продолжал он, подходя к двери.— Здесь есть кто?

— Я на страже,— ответил голос из-за двери.

— Нас скоро выпустят?

— Из этих каменных мешков еще никто не выходил живым,— ответил глухой голос стражника.

— Я так и думал,— прошептал Гнец-18.

— Может, никто и не выходил,— сказал тогда Удалов.— Но все равно я обязан открыть тебе, стражник, глаза. Ты меня слышишь?

— Слышу,— ответил стражник.

— Мы пришли сверху,— сказал Удалов.— Там

наверху светит солнце, растет трава и поют птицы. Там светло и сухо. Планета уже забыла, что на ней была страшная война. Она ждет, когда снова вернутся люди. А вы сидите внизу, как кроты в подземелье.

— Наверху ничего нет,— сказал стражник.

— Это тебе вдолбили с детства, что ничего нет. Твои начальники боятся, что как только вы выберетесь на волю, то разбежитесь во все стороны.

— Наверху ничего нет,— повторил стражник.— Там пусто. Там смерть. Жизнь кончается на двадцать третьем ярусе. И не понимаю, зачем все эти разговоры? Может, вы сумасшедшие?

— Тогда зачем нас посадили в каменный мешок? Ведь сумасшедших надо отправлять в больницу.

— У нас нет больниц. Мы живем и умираем, когда наступает для этого время.

— Пойдем с нами наверх,— сказал Удалов.— Там тепло, светло и сухо.

— Не соблазняй меня,— сказал стражник.

— Там поют птицы и журчат светлые реки...

Стражник грустно вздохнул.

— Это похоже на сказку,— сказал он.

— Ты ничем не рискуешь,— сказал Удалов.— Если тебе не понравится, ты вернешься.

— Не соблазняй,— сказал стражник.— Ты говоришь — тепло, светло и сухо?

— И дует ветер. И шелестят листьями деревья. И жужжат пчелы, отыскивая путь к улью, и стрекочут кузнечики.

— Я не знаю, что такое деревья, и не слышал, как жужжат пчелы,— сказал стражник.— А если ты лжешь, незнакомец?

— Тогда ты приведешь нас обратно и никогда не выпустишь отсюда.

— Хорошо,— сказал стражник,— только я вам завяжу руки, чтобы вы меня не убили. Ведь не исключено, что вы сумасшедшие или хитрые преступники.

— Соглашайся,— прошептал Гнец-18.— Соглашайся на все.

Он воспрянул духом.

Стражник связал путешественникам руки и повел их коридорами к скрипучему грузовому лифту.

— Этот лифт поднимет нас на предпоследний

ярус,— сказал он, подведя путешественников к ржавой клети,— а там посмотрим.

Лифт поднимался целую вечность. Гнец боялся, что за ними будет погоня, и спрашивал, нельзя ли поторопить лифт.

— Других нету,— мрачно отвечал стражник, который оказался сутулым мужчиной с бледным и рыхлым, как манная каша, лицом.

— Куда дальше? — спросил он, когда лифт через полчаса остановился. Он явно жалел, что поддался на уговоры, и вот-вот готов был повернуть назад.

— Теперь недолго осталось,— сказал Гнец-18, в котором, словно компас, было заложено чувство направления.

Они шли так быстро, что стражник еле поспевал за ними. Его керосиновый фонарь раскачивался, как маятник, и оттого казалось, что туннель заполнен прыгающими тенями. Они миновали шахту, поднялись по лестнице, попали в тупик и пришлось возвращаться назад, пробежали через узкий проход, в котором ржавели автомобили и мотоциклы, и в тот момент, когда стражник, запыхавшись, сказал, что больше не сделает ни шагу, увидели впереди пятнышко света.

Удалов первым добежал до входа в подземелье и вскарабкался наверх без помощи рук, которые были связаны за спиной.

— Свобода! — закричал он, как джинн, выпущенный из бутылки. Следом выбрался Гнец-18.

— Вылезай,— сказал он стражнику, который, зажмурившись, стоял на две ямы.

— Не могу, слишком светло,— сказал стражник.

Удалов и Гнец-18, повернувшись спинами друг к другу, развязали путы. Потом Удалов лег на край воронки, протянул руку вниз и помог стражнику выбраться на поверхность.

— Открывай глаза понемножку,— сказал Удалов.— Солнце зашло за облака, не страшно.

Стражник стоял на краю воронки, и у него дрожали колени.

Наконец он осмелился открыть глаза и, щурясь, огляделся. Вокруг расстилалась холмистая равнина, поросшая травой и полынью. Далеко, у горизонта,

стеной стоял лес и начинались голубые холмы. Это было не самое красивое место на планете, но все равно здесь было в миллион раз лучше, чем под землей.

Но стражник этого не понял. Он ухватился за Удалова и простонал:

— Не могу. Лучше умру.

— В чем дело? — спросил Удалов.

— Слишком много места и слишком много света. Лучше я пойду обратно. Я вам верю теперь, но под землей лучше. Спокойнее и всегда стены под боком.

И как Удалов ни уговаривал стражника осмотреться, подождать, как ни соблазнял его полетом над лесами, тот говорил только:

— Нет, нет, я лучше под землю. Я там рожден и умру в четырех стенах.

— Оставь его,— сказал Гнец-18.— Каждый волен избирать тот образ жизни, который ему нравится.

— Человеку не свойственно жить под землей. Это место для кротов и червей,— возражал Удалов.

Но стражник был непреклонен.

— Прощайте! — сказал он и прыгнул вниз. Оттуда он крикнул: — Наверно, все это мне приснилось! Я постараюсь обо всем забыть. Только бы не проговориться случайно, а то придется самому вместо вас гнить в тюрьме.

И стражник убежал вниз, в привычную темноту, тесноту и сырость.

Когда Удалов с Гнецем вернулись на корабль, Корнелий сказал:

— Все-таки я надеюсь, что они когда-нибудь сами отыщут выход.

— Возможно,— ответил Гнец-18,— но мы не должны вмешиваться. Спасибо тебе, Корнелий, что ты помог мне выбраться из тюрьмы. Давай искать другую планету. Такую, чтобы и в самом деле была совершенно свободной.

ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА

На следующий день они заглянули на одну плотно заселенную и цивилизованную планету, где заправились гравитонами, купили сувениры и отправились

в справочное бюро, чтобы узнать, нет ли по соседству подходящей свободной планеты.

— Точно не скажем,— ответили им.— Мы сами рады бы найти такое место, чтобы построить там дачи и туристские лагеря, потому что спасенья нет от собственных туристов. Жгут костры, ломают деревья... Попробуйте, впрочем, заглянуть к звезде Энперон, около которой вращается несколько планет. Мы туда не летаем, потому что боимся космических драконов.

— Драконы — не самое страшное в Галактике,— сказал Гнец-18.— Где у вас ближайший магазин?

В магазине путешественники купили бочку уксуса и распылитель, потому что каждому космическому страннику известно, что космические драконы не выносят уксусного запаха, и полетели к Энперону.

Надо сказать, что им повезло. Единственный дракон, встретившийся на пути, был сравнительно маленьким. Как он ни старался, корабль Гнеца не поместился в его пасти, а когда Удалов распылил уксус, дракон трусливо бросился наутек и спрятался в ближайшей туманности.

— Вот, погляди! — воскликнул Гнец, глядя на первую же планету.— Какая чудесная растительность! Зеленая и яркая! Какие разноцветные озера и реки! Какие сизые и зеленые облака плывут над ней! И вроде бы нет людей!

— Не нравится мне это разнообразие,— сказал Удалов.— Реки должны быть бесцветными или голубыми, в крайнем случае зеленоватыми, но никак не красными и не желтыми. И зеленые облака — тоже ненормальность. Ну что делать, раз уж прилетели, поглядим.

Они опустились на берегу оранжевого озера и вышли наружу. Черная туча надвигалась с запада. Пахло кислой капустой и соляной кислотой. От озера поднимался пар.

Удалов первым подошел к воде, прихватив удочки, потому что решил порыбачить, пока Гнец приходит в себя после посадки. Он закинул удочку с высокого берега. С озера тянуло гнилью, и надежд на хорошую рыбалку было немного. Крючок сразу зацепился за что-то, и Удалов с трудом выволок на берег ком гнилых водорослей. Он освободил крючок, насадил червяка из земных запасов и закинул снова.

Тут же клюнуло. Удалов подсек, потащил осторожно к себе. Показался черный плавник, но это была не рыба. Это был скользкий червь с плавником. Пока Удалов, содрогаясь от отвращения, тащил червя к берегу, из оранжевой воды выскочил еще один червь, вдвое больше первого, и вцепился в добычу Удалова. А когда все это уже было на берегу, вода вздыбилась и из нее выпрыгнул червь втрое больше второго. И проглотил обоих первых. Удалов бросил удочку и побежал наверх. Нет никакой гарантии, подумал он, что следующий червяк не сожрет и самого Удалова.

Навстречу ему шел Гнец-18.

— Ну, что новенького? — спросил он, потирая руки.

— Только черви в озере,— сказал Удалов.— Боюсь, что они всю рыбу сожрали.

— Пустяки,— отмахнулся Гнец-18.— Мы их выведем.

Ему очень хотелось, чтобы планета оказалась свободной.

— Ты лучше доставай свой Искатель Разума,— сказал Удалов. Он был мрачен, потому что лишился лучшей удочки с японской леской.

Только Гнец собрался последовать совету товарища, как их накрыла черная туча. Стало темно. Вонючий дождь хлынул сверху, как из помойного ведра. Пока они добежали до корабля, промокли насквозь и покрылись синяками — в дожде попадались гайки, ветки, гнутые гвозди и иная рухлядь.

— Не нужен нам твой Искатель,— сказал Удалов, захлопывая люк и вытаскивая из уха ржавый шуруп.— И без него все предельно ясно.

— Не уверен,— сказал Гнец-18, включив обогреватель, чтобы просохнуть, и обрызгивая Удалова одеколоном.— Может, им не хотелось жить в таком безобразии. Вот они и улетели. А мы эту планету вычистим и приведем в порядок. По крайней мере, леса здесь зеленые.

Но когда дождь кончился и они отправились в лес, оказалось, что листьев на деревьях нет и в помине, зато мириады зеленых тлей обгладывали кору, а жуки и гусеницы терзали стволы — деревья были такими трухлявыми, что, когда Удалов нечаянно

задел одно из них плечом, дерево рухнуло и превратилось в пыль.

— Обрати внимание,— сказал Удалов, стряхивая с себя труху и насекомых,— здесь даже птиц нету. Не говоря уже о более крупных животных.

И тут они увидели местного жителя. Это был хилый карлик в рваной накидке, наброшенной на узкие плечики, с грязным мешком в руке. Притом в противогазе.

При виде незнакомцев карлик попытался скрыться в чаще, но ноги его подкосились, и он сел на землю.

— Здравствуйте,— сказал Удалов, протягивая вперед руки, чтобы показать, что не взял с собой никакого оружия.— Вы здесь живете?

— Разве это жизнь? — удивился карлик.— Это существование. А вы-то не боитесь?

— А чего нам бояться? — спросил Удалов.

— Как чего? Свежего воздуха, вони, заразы, червей и безнадежности. Вы, наверно, приезжие?

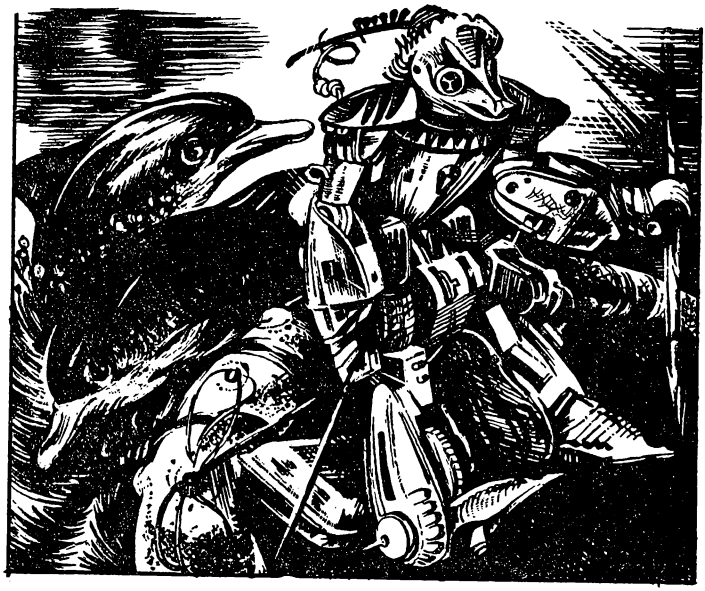
— Правильно,— сказал Гнец-18.— Мы ищем свободную планету. С воздуха ваша нам сначала понравилась. Она кажется такой разноцветной и пустынной...

— Что правда, то правда,— сказал карлик.— Разноцветная — это да. И пустынная — тоже. Пойдемте лучше ко мне домой, побеседуем, а то опять град собирается. Еще пришибет ненароком.

Путешественники последовали за карликом, который повел их по тропинке, усеянной проржавевшими железками, через черные лужи, в которых шевелились пиявки, мимо пустырей, заваленных смердящим мусором. Удалов просто поражался, как же он не заметил всего этого безобразия с воздуха. Но потом понял: все здесь было покрыто слоем разноцветной плесени, и только вблизи можно было удостовериться, насколько мрачен и безрадостен окружающий пейзаж.

— Городов у нас, простите, не осталось,— сказал карлик,— живем поодиночке.

Он пригласил их в подвал заросшего лишайниками и плесенью когда-то величавого замка. Внутри было множество помещений со сводчатыми потолками, но вонь, которая пронизывала их, была совершенно

невыносима. Удалов очень удивился, когда карлик снял противогаз и глубоко вздохнул.

— Можно воспользоваться? — спросил Удалов, протягивая руку к противогазу.

— Пожалуйста, возьмите, носите на здоровье. Вот и запасной для вашего друга,— ответил карлик, и его бесцветные губы искривились в подобии улыбки.— Странные вы люди — в лесу, где дышать трудно, столько там ядовитого кислорода, вы без противогазов обходились, а здесь дышать не можете. Мне, например, от кислорода дурно делается.

Из соседнего подвала вырвался клуб серой пыли. Внутри него кто-то шевелился и хрипел.

— Моя супруга,— сказал карлик.— Занимается приборкой. Чистюля.

— Простите за нескромность,— сказал Гнец-18,— а почему ваша планета такая, можно сказать, запущенная? Что-нибудь случилось?

— Планета как планета,— ответил карлик.— Жить можно. Бывает хуже. Вот у вас, например.

— Почему вы так думаете?

— Если бы хорошая была, зачем вам другую искать?

— Вы ошибаетесь,— возразил Гнец-18,— наша планета чистая, благоустроенная. У нее только один минус — она перенаселенная.

— Ха-ха! — саркастически произнес карлик и подтянул штаны, которые расползались по швам.— Все это ложь и лицемерие.

— Мы бы рады вам помочь,— сказал Удалов.— Но не знаем чем.

— Так зачем нам помогать? Мы и так довольны.

Не сразу, фразу за фразой, удалось вытянуть из угрюмого карлика историю его планеты. Когда-то она была не хуже других — росли леса, в озерах водилась рыба, летали птицы и так далее. Но карлики, которые населяли планету, были законченными индивидуалистами. Не было им дела до окружающих, а тем более до всей планеты. Они вычерпывали рыбу из озер, не думая, что будет дальше, рубили леса, не заботясь о том, вырастут ли новые. И если один из них выбрасывал в речку мешок с ржавыми железками, то соседи спешили его перещеголять, и тут же каждый выбрасывал туда по два, а то и по три мешка. Когда передохли птицы и звери, расплодились вредные насекомые и принялись безнаказанно пожирать фрукты и овощи. Нет чтобы карликам объединиться — они даже вытаптывали последние посевы у соседей, чтобы всем было плохо. На месте полей выросли джунгли могучих сорняков, которых ничем не возьмешь — ни химией, ни прополкой. Наконец наступил день, когда на всей планете остались лишь карлики, крысы да вредители сельского хозяйства. С деревьев осыпалась последняя листва, в реках развелись хищные червяки, которые пожирали нечистоты и случайных купальщиков. Но и это никого не смутило. Каждый карлик доживал сам по себе, привыкал постепенно к отсутствию воздуха и даже радовался, что у соседа еще хуже, чем у него.

— И много осталось народу на планете? — спросил Удалов, совершенно потрясенный рассказом карлика.

— А я не интересуюсь,— ответил тот.— Чем меньше, тем лучше.

— А может, эвакуировать их отсюда? — подумал вслух Гнец-18.— Нет, поздно. Они уже даже нормальным воздухом дышать не могут. Да и как восстано-

вишь животный и растительный мир, если ничего не осталось, кроме чучел и воспоминаний?

— Чучел нету,— сказал карлик.— Чучела жучок съел. Туда им и дорога.

Видно было, что гости ему уже надоели, ждет не дождется, когда уйдут. Но вдруг его осенила мысль.

— Скажите, а не купите ли вы нашу планету? Я вам ее дешево отдам. За кормежку. Будете меня с женой кормить, покуда мы не вымрем.

— Нет, никто вашу планету не купит,— сказал Гнец-18.— Ее же надо продезинфицировать и начать эволюцию сначала, с простейших.

— Так я и думал,— сказал карлик.— Нет добрых людей на свете. А вы пока присядьте в уголке, отдохните, если вам уходить не к спеху. Я обедать буду. Вам не предлагаю. Вы, наверное, сытые.

Из облака пыли выползла карлица. Она несла чашку с теплой водой и тарелку с кашей из плесени.

— Вы чего не раздеваетесь? — спросила она, показывая на противогазы.

— Не приставай к ним, они приезжие,— ответил за гостей карлик.

— Может, все-таки поедите с нами? — спросила карлица.

— Они не хотят! — поспешил ответить карлик.

— Спасибо,— сказали путешественники хором.— Мы сыты.

— Брезгуют,— сказал карлик.— Ничего, нам больше останется.

Карлица тоже присела за стол, и хозяева подвала начали быстро хлебать кашу, заедать глиной и запивать водой.

— А на третье,— сказала карлица, не глядя на гостей,— будут блинчики из лишайников. Очень вкусные.

— Не может быть! — обрадовался местный житель.

Удалов с Гнецем потихоньку вышли наружу, сбросили противогазы и, кашляя от едкого дыма, приползшего в низину, как туман, побрели по шевелящемуся лесу обратно к кораблю.

— Хоть эта планета и почти пустая,— сказал Гнец,— но я бы ее и злейшему врагу не предложил.

— И чего же они раньше не спохватились! — горевал отзывчивый Удалов.

— Как же они могли спохватиться, если каждый сидел в своей норе? Поучительно, хоть и горько смотреть на этих эгоистов.

— Надеюсь,— сказал Удалов с чувством,— что это — единственный прискорбный случай во всей Галактике. Надо будет обязательно рассказать об этом дома. Знаешь, у нас в Великом Гусляре директор кожевенной фабрики стремится таким же способом Землю загубить. Единственное, что меня утешает,— наша общественность резко выступает против, и не сомневайся — реку Гусь мы погубить не дадим.

— Обязательно расскажи,— согласился с Удаловым Гнец-18.— Что-то у тебя, Корнелий, по моей вине отпуск мрачный получается.

— Ничего подобного! — возразил Удалов.— Я отпуском очень доволен. Всегда бы так проводил время. Столько новых людей, столько встреч, столько всего поучительного! Нет, я тебе благодарен за приглашение.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЛАНЕТА

Следующая планета показалась примерно через полчаса. Она вращалась вокруг той же звезды Энперон.

Удалов прильнул к телескопу, разглядывая ее материки и океаны.

— На вид ничего,— сказал он наконец, пропуская к телескопу Гнеца.— Но я теперь своим глазам не доверяю.

— Я тоже не доверяю,— сказал Гнец-18.— Но, может быть, она все-таки свободная?

Он с такой надеждой посмотрел на Удалова, словно Удалов мог ему помочь.

— Не обещаю,— сказал Удалов.— Городов нету. Заводов не видно. Кое-где в зелени и на полях виднеются черные проплешины. Происхождение их неизвестно.

За время путешествия Удалов стал экономнее в словах и точнее в формулировках.

Опустились. Вышли. Было тихо. Только чуть пахло гарью. Далеко-далеко слышался какой-то стук. Может быть, это стучал дятел?

— Поглядим,— предложил Удалов.

Они пошли вдоль низкорослого леса по зеленому лугу и, когда отошли уже на километр от корабля, наслаждаясь предвечерним миром и спокойствием, Удалов спросил:

— Гнец, а где твой Искатель Разума?

— Опять забыл,— ответил Гнец.— Ты знаешь, Корнелий, мне так хочется, чтобы не было разума, что я все время забываю этот Искатель. Ты не представляешь, как я переживаю за своих соотечественников! Им приходится трудиться не покладая рук, а мы здесь с тобой гуляем.

— Мы не просто гуляем,— возразил Удалов.— Мы проводим разведку.

— Все равно стыдно. Ну что здесь разведывать? Если бы я не боялся сглазить, я бы сейчас сбегал на корабль, взял Искатель и...

— Беги-беги,— добродушно сказал Удалов, усаживаясь на пенек.

«Благодать,— думал он,— если бы у нас в Гусляре места были не лучше, взял бы семью и переехал сюда». Но тут же вспомнил, что скоро в эти мирные места могут прибыть два миллиарда совершенно незнакомых ему и, может, даже разочарованных людей.

В тишине и спокойствии теплого вечера что-то Удалова смущало. Интуиция подсказывала ему, что здесь не все ладно. Он ощущал, что за ним наблюдают. Удалов подошел к кустам, раздвинул их, но кусты были пустыми. Он вернулся на пенек. Что же неладно? Конечно же, сама тишина, зачарованность леса. Как будто кто-то поджидает, чтобы наброситься... А на чем он сидит? На пеньке. А почему в диком лесу пенек, да еще так ровно спиленный?

Мысли Удалова прервал Гнец-18.

— Так спешил,— сказал он, подбегая,— что не успел включить. Может, нам посчастливилось?

И он протянул Удалову защитный шлем.

— Нам почти наверняка не посчастливилось,— сказал Удалов.— Посмотри.

Гнец долго смотрел на пенек, а потом сказал, не веря собственным глазам:

— Знаешь, тут могут быть животные, которые так ровно отгрызают деревья.

— Бобры?

— У нас они иначе называются.

— Все может быть,— согласился Удалов, но про себя лишь усмехнулся: «Знаем мы этих бобров, с циркулярной пилой».

Включили Искатель Разума. И он тут же защелкал так, словно находился в московском магазине ГУМ.

— Может, это из-за нас? — сказал Гнец с надеждой.— Шлемы испортились?

— Нет. Пойдем посмотрим.

Но в каком бы направлении они ни двигались, щелканье, жужжание и мигание аппарата было совершенно невыносимым. Разум просто кишел вокруг.

— Ничего не понимаю,— сказал Гнец-18.

— А я полагаю, что здесь комары разумные,— ответил Удалов, шлепнув себя ладонью по шее.

— Такое маленькое тело,— серьезно заметил Гнец-18,— не может поддерживать в себе разум.

— Может, они невидимые?

— Ты веришь в чудеса?

— Скорее, нет.

— И я тоже нет. Невидимость противоречит законам природы. Все, что мы с тобой, Корнелий, видели и слышали за последние дни, имеет научное объяснение. Но невидимость — это жалкая выдумка фантастов.

Удалов был вынужден согласиться.

И тут раздался строгий голос:

— Невидимость — не выдумка. Каждый хороший солдат обязан быть невидимым для противника. Попрошу поднять руки. Вы в плену.

— Ну вот,— сказал Удалов.— Второй раз за неделю.

Пенек откинулся, и из-под него вылез солдат с ружьем. Кусты поднялись из земли, и в корнях их обнаружились солдаты с пулеметом. Стволы деревьев распахнулись, словно дверцы шкафов, и из них вышли офицеры и генералы.

Путешественники были вынуждены сдаться в плен.

Их привели в штаб, умело спрятанный под большим муравейником. Единственное неудобство заклю-

чалось в том, что муравьи часто падали сверху и больно кусались.

— Вернее всего, вы шпионы, хотя для шпионов вы вели себя очень неосмотрительно,— сказал полковник, который вел допрос.

Чины у них были, конечно, другие, но Удалов для удобства поделил их по числу и величине крестиков на погонах.

— Мы не шпионы,— возразил Удалов.— Мы совершенно штатские лица.

— Это еще не аргумент,— сказал молодой лейтенант в маскхалате.— Ни один шпион сразу не признается в своих преступлениях.

— Молчать! — рявкнул полковник.— Кто ведет допрос?

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — Лейтенант присел на корточки и превратился в болотную кочку.

— Теперь обратимся к вам. Что вы предпочитаете, смерть на виселице, расстрел или вечное заключение в тюрьме?

— Как вам сказать,— ответил Удалов.— Вечное заключение мы уже испытали. Это очень неприятно. Так что лучше всего расстрел.

— Почему? — удивился полковник.— Вы не хотите жить?

— Хотим,— задумчиво сказал Удалов.— Я передумал. Мы выбираем виселицу.

— Объяснитесь, шпион,— потребовал полковник.

— Я надеюсь, что у вас плохие веревки,— сказал Удалов.— И они оборвутся.

— Приготовить тройные веревки,— приказал полковник.— Я сам лично проверю. Я сначала повешу на ней того сержанта, который на прошлой неделе чихнул на посту.

— Знаешь,— сказал Удалов Гнецу-18,— это явно несвободная планета.

— Что? — спросил полковник.

— Я сказал, что планета ваша несвободная.

— Так ты не только шпион, но и клеветник? У нас совершенно свободная планета.

— Если она и на самом деле свободная,— сказал Гнец-18,— то для нас это просто находка.

— Почему?

— А потому, что нам очень нужна свободная планета. Мы уже вторую неделю ищем такую. У нас есть два миллиарда людей, которых негде разместить.

— А где они сейчас живут? — спросил полковник.

— Сейчас они заморожены.

И Гнец-18 чистосердечно поведал полковнику о своих затруднениях. Удалову эта исповедь не понравилась. Он полковнику не доверял. Он с самого начала понял, что под словом «свободная» Гнец и полковник имеют в виду совсем разные вещи. Но перебивать товарища он не стал, хотя и решил уже, что не позволит везти сюда замороженных. Неладно здесь.

— Так,— сказал полковник, выслушав рассказ Гнеца.— В этом что-то есть. Подумаем. Сейчас вас отведут в камеру, а я пока проведу совещание.

По подземному коридору их провели в замаскированную тюрьму. Все это находилось в замечательно замаскированном городе, который ни за что не увидишь сверху. По замаскированным улицам ходили строем дети в военной форме, старушки в военной форме и девушки в полувоенной форме. Все при этом тщательно маскировались, изображая из себя кусты, деревья, камни и прочие неодушевленные вещи.

В камере, замаскированной в дупле старого дерева, путешественники пробыли недолго. Вскоре их снова провели в штаб, где, кроме полковника, их уже ждали восемь генералов, которые даже кренились под грузом галунов и позументов.

— Покажите документы,— приказал генерал-фельдмаршал.

Удалов показал свой паспорт, а Гнец-18 — свое поисковое удостоверение, но так как генералы не умели читать ни по-русски, ни на языке Гнеца, то они только повертели документы в руках, сверили фотографии с их владельцами и сделали вид, что удовлетворены.

— Если вы не врете,— сказал генерал-фельдмаршал,— вам нужна планета, на которой ваши замороженные соотечественники могли бы приобщиться к настоящей свободе. Что же, мы согласны их приобщить.

— Вы меня не совсем правильно поняли,— сказал Гнец-18, которого Удалов призывал, пока они

были в дупле, к крайней осторожности.— Нам нужна планета, где не было бы людей.

— Правильно,— сказал генерал-поручик.— Народу у нас нехватка. Мы всех ваших соотечественников пристроим к делу. Всех используем.

— Как вы их используете?

— Для защиты свободы. Сейчас у нас перемирие, и мы, и наши противники, жалкие выскочки и коварные предатели, тщательно замаскировались. Потому что и у них, и у нас осталось мало солдат, а детские сады еще не успели подготовить нам достойную смену. У нас каждый человек на учете. У нас больше пушек, чем артиллеристов, больше самолетов, чем летчиков, нам не хватает рабочих на патронных фабриках и пороховых заводах. И если вы отдадите нам своих соотечественников, то мы согласны заплатить за каждого достойно. За стариков и старух по пуле, за женщин по целой обойме, а за здоровых мужчин и подростков не пожалеем и винтовок.

— Но нам не нужны пули и винтовки,— сказал Гнец-18.

— Чепуха,— сказал генерал-фельдмаршал.— Не набивайте цену. Всем нужны винтовки и патроны. У нас их сейчас избыток, и потому мы благородно делимся с нашими союзниками.

— Нет, ни в коем случае,— сказал Гнец-18.— Как вы могли подумать, что мы наших соотечественников отдадим вам в качестве пушечного мяса! Отпустите нас, мы улетаем.

— Ну, нет, голубчики,— сказал генерал-фельдмаршал.— Никуда вы от нас не улетите. Вы будете находиться в заточении, на хлебе и воде, до тех пор, пока не согласитесь с нашими справедливыми и законными требованиями.

— Не надейтесь, что вам это сойдет с рук,— возмутился Гнец-18.— Нас найдут, и вас сурово накажут.

— Не найдут,— возразил генерал.— Мы лучшие в мире мастера по камуфляжу. Вы пробыли у нас полдня и не заметили даже простых солдат-новобранцев, которые скрывались совсем рядом с вами. Подумайте, как вы будете через полгода гордиться своими соотечественниками, которые станут такими же мастерами камуфляжа.

— Нет, не уговаривайте нас, мы улетаем.

— Мы не такие наивные,— расхохотался генерал.— Мы вас отпустим, а вы сразу броситесь к нашим противникам. Не думайте, что они вам больше дадут.

— Никуда мы не бросимся.

Но генерал больше не слушал пленников. Он обернулся к полковнику и сказал:

— Замаскируйте их так, чтобы родная мать не узнала. И приготовьтесь к допросу восьмой степени.

Снова пленники оказались в дупле. Только на этот раз под сенью дерева рядом с дуплом поставили котел, в котором кипятили смолу, и свалили кучей железные орудия пыток.

— Нам бы дотянуть до темноты, и мы бы убежали,— сказал Гнец-18, который думал, что можно сбежать от генералов. Но Удалов отнесся к этому трезвее.

— Ничего не выйдет. Пойдем на военную хитрость.

— Нет, это не принципиально,— сказал Гнец-18.— Я этого не позволю.

Тогда Удалов махнул рукой и решил немного поспать. Если тебя собираются пытать, то нет ничего вреднее, чем сидеть и смотреть, как подготавливают к работе орудия пыток.

Его растолкал Гнец.

— Корнелий,— прошептал он,— я в ужасе. Я согласен на все. Только спаси меня.

— Что случилось? — сонно спросил Удалов, которому снилось, что он уже вернулся из отпуска и рассказывает о разных планетах своим соседям, а соседи не верят ни единому слову. Кстати, впоследствии оказалось, что сон был пророческим.

— Ты погляди наружу,— сказал Гнец.

Удалов выглянул из дупла, и его глазам предстало жуткое зрелище. Во-первых, на площадке, хорошо замаскированной сетями и листвой деревьев, уже установили виселицу и дыбу, разложили щипцы, зубья, колья и прочие страшные вещи. В котле кипела смола, а палач в красном мундире, замаскированный под пышный розовый куст, помешивал смолу медным черпаком.

— Хорошо,— сказал Удалов, протирая глаза.—

Придется помочь. Только чтобы ни слова. Что бы ты ни услышал, соглашайся со мной, не сомневайся в моем дружеском постоянстве.

— Спасибо, друг,— сказал Гнец-18.

— Не спеши,— ответил Удалов.— Может, еще ничего не выйдет.

Он высунулся из дупла и, нарушая все правила маскировки, закричал:

— Срочно ведите меня на допрос к генералу!

— Тиш-ше! — рассердился палач, даже затрепетав от такого нарушения маскировки.— Ты нас выдашь своим криком. У меня есть приказ подвергнуть вас первой серии пыток, а когда вы уже кое в чем сознаетесь, вернуть на допрос.

— Эй,— закричал тогда Удалов еще громче.— У меня сведения государственной важности!

Тут же несколько кустов и пней по соседству поднялись и оказались младшими офицерами. Несмотря на ворчание и угрозы палача, лишенного любимой работы, младшие офицеры отвели пленников в штаб. Генералы сидели за столом, обменивались военными воспоминаниями и распивали едко пахнущий местный алкогольный напиток.

— Уже? — удивился генерал-фельдмаршал.— Что-то я не замечаю следов пыток.

— Мы не успели начать,— ответили младшие офицеры.— Они уже сломались.

— Великолепно. Отличная работа! — сказал генерал-фельдмаршал. Он пришел в благодушное настроение.— Хотите присоединиться? — спросил он у пленников, указывая на стол с напитками.

Удалов наотрез отказался. Гнец-18 последовал его примеру.

— Я,— сказал Корнелий,— готов обсудить с вами условия, но только, чтобы этого,— он указал на Гнеца-18,— здесь не было.

— Ага, раскол! — обрадовался генерал-фельдмаршал. Он просто ликовал.— Все правильно. Может, твоего напарника вообще ликвидировать?

Удалов долго раздумывал. Гнец дрожал и в ужасе глядел на него.

— Корнелий! — взмолился он наконец.— Я всегда был тебе другом.

— Когда дело идет о поставках оружия,— от-

ветил хладнокровно Удалов,— о дружбе и прочих абстрактных чувствах приходится забыть.

— Молодец. Люблю прямоту! — сказал генерал-фельдмаршал.— Уведите второго и надежно изолируйте его.

— Не верьте Корнелию! — кричал Гнец-18, когда его вытаскивали из комнаты дюжие лейтенанты.— Он предал меня, значит, предаст и вас! Мы никогда не отдадим вам наших замороженных соотечественников!

— Отдадут,— заметил Удалов цинично, как только крики Гнеца стихли за дверью.— Ну, сами судите, кому нужны два миллиарда древних соотечественников? Так что я вам их с удовольствием уступлю. Только, конечно, не за ту жалкую цену, которую вы предлагаете.

— Что ж, стоит обсудить,— сказал генерал, замаскированный под клумбу незабудок, который раньше молчал и не вмешивался в беседу.

— Во-первых,— сказал Удалов, присаживаясь за стол рядом с генералитетом,— никаких патронов и никаких винтовок. У нас на Земле есть еще, к сожалению, оружие, перед которым ваши винтовки и патроны — жалкие детские игрушки, даже сравнивать стыдно.

— Какое оружие? — просто взвились генералы.

— Так я вам и раскрыл карты! — умехнулся Удалов.— Как только сделка состоится, вот и узнаете.

— Ваши условия! — настаивали генералы, сверкая глазами.

И тут оказалось, что условий Удалов придумать не успел. Он сморщил лоб, старался, думал, но озарения не наступало.

Генералы приняли его молчание за преднамеренное. Им казалось, что Удалов хитрит, набивает цену. Они нервно переглядывались.

— Он знает,— шепнул генерал-фельдмаршал генералу-клумбе.

До ушей Удалова долетел этот шепот. Значит, генералам есть чего скрывать. Что ж, можно рискнуть.

— Да, я знаю! — сказал он твердо.— И не пытайтесь меня обмануть.

— Но этого же никто не знает! Даже мы чуть было не забыли.

— Неважно,— отрезал Удалов.— Неужели вы думаете, что человек, готовый продать вам два миллиарда ничего не подозревающих живых душ да секретное оружие в придачу, так наивен, что прилетел сюда без предварительной разведки? Уж лучше бы я отправился к вашим врагам.

Генералы послушно закивали. Они поверили Удалову.

— Где это? — спросил Удалов.

— Закопано,— поспешил с ответом генерал-фельдмаршал,— и замаскировано под муравейник.

— Отлично. Везите сюда.

— А где же люди? Где же оружие?

— Послушайте, вы мне надоели,— обнаглел Удалов.— Я и так иду с вами на невыгодную сделку. Но я люблю...

«Ну что я люблю?» — лихорадочно думал Удалов.

— Вы любите искусство,— подсказал генерал.

— Не вмешивайтесь,— оборвал его Удалов.— Если бы я не любил искусства, меня бы здесь не было.

— А как вы докажете, что с вашей стороны нет обмана?

— Никак.

— Но мы не привыкли без гарантий.

— Тогда не получите оружие.

— Я придумал выход из положения,— сказал генерал-клумба.— Мы пошлем с вами наблюдателя. Наблюдатель не отстанет от вас ни на шаг. И если кто попробует крутить, пуля в спину — и готово.

Удалову совсем не нужна была пуля в спину. Но другого выхода не оставалось.

— Я отлетаю через час,— сказал он.— Моего слабонервного спутника прошу доставить на корабль в связанном состоянии.

— Будет сделано,— сказали генералы.

— Произведение искусства доставить к самой ракете. И чтобы без подделок.

— Ну как можно! — испугались генералы.— Вы же тогда не привезете свой товар.

— Угадали,— согласился Удалов и пожалел, что

ему не хватает решительности на Земле. Если бы он так же умел находить выход из любого положения, когда работал в стройконторе, быть его конторе лучшей в области.

С Удаловым решил лететь генерал-клумба. Удалов дошел до корабля замаскированными тропинками и проследил за погрузкой связанного Гнеца, который сжигал Удалова презрительным взглядом.

Тяжелый сверток неизвестного назначения тащили восемнадцать замаскированных солдат. Генерал-клумба умудрился добраться от штаба до корабля, скрываясь в траве и иногда зарываясь в землю так, что Удалов, шагавший рядом, его периодически упускал из виду.

Остальные генералы вылезли из подземного хода, чтобы попрощаться с Удаловым, и напоследок генерал-фельдмаршал вежливо спросил его:

— Простите, если мой вопрос покажется вам нескромным, но какой у вас чин?

Удалов хотел было сказать правду, что он младший лейтенант запаса, но решил, что этим может испортить впечатление, и потому ответил просто:

— Маршал танковых войск.

— Я так и думал,— ответил фельдмаршал и пожал ему руку как равному. А остальные генералы отдали Удалову честь.

Удалов помахал им рукой из открытого люка. За спиной Удалова стоял замаскированный под клумбу генерал и прижимал к его лопатке пистолет. Планета казалась тихой, мирной и совершенно безлюдной. Генералы и солдаты растворились в траве и спрятались в стволы деревьев. Удалов проследовал на капитанский мостик и поднял корабль в воздух.

Прошло полчаса. Планета превратилась в зеленый кружочек. Удалов отправился в кубрик и развязал Гнеца-18.

— Я вас презираю,— сказал Гнец, но тут ему стало плохо, и Удалову пришлось бежать за водой, чтобы привести товарища в чувство.

Генерал-клумба стоял в проходе, держа пистолет. Из ушей у него торчали цветочки, на плече вырос мухомор.

— Вы так всегда будете стоять? — спросил Удалов, проходя мимо со стаканом воды.

— А что делать? — спросил генерал.

— Первым делом снимите с себя эти ветки и траву. Мне за вами убирать не хочется.

— Вы хотите сказать, что можно размаскироваться? — удивился генерал.

Но Удалов его не слушал. Он отпаивал Гнеца.

— Простите, маршал,— настаивал генерал, войдя за Удаловым в кубрик.— Но как я размаскируюсь, если в любой момент могут появиться враги?

— Не могут,— ответил Удалов.— Не догонят.

— Вы серьезно?

— Серьезно. Спрячьте пистолет. Еще выстрелит невзначай. Шелуху с себя снимите на кухне. И помойтесь немного. Жизнь в лесу вас не украшает.

Гнец пришел в себя.

— Корнелий! — сказал он с горечью.— Как ты мог меня предать?

— Послушай,— ответил Удалов,— мне это надоело. То ты говоришь, что согласен на все, только бы тебя не пытали, то вдруг начинаешь на меня кидаться.

— Но не такой ценой, Корнелий, не такой ценой!

— А какой? — удивился Удалов.

— Ты предал моих соотечественников! Два миллиарда человек!

— Я, правда, выменял их на какое-то произведение искусства, но это была военная хитрость.

— А почему на борту этот тип?

— Чтобы держать пистолет и стрелять при первом моем или твоем подозрительном движении.

Гнец тут же снова потерял сознание.

— Господин маршал! — раздался из кухни голос генерала-клумбы.— А каким полотенцем можно вытираться?

— Ну вот,— проворчал Удалов.— Даже полотенца с собой не взял. Возьмите голубое,— ответил он генералу.— Это мое. А завтра что-нибудь сообразим. Если нужно белье, то мое вам подойдет. Оно в левом шкафчике.

Удалов не успел снова привести Гнеца в чувство, как вымытый генерал появился в дверях.

— Могу ли быть чем-нибудь полезен? — спросил он.

— Вот так-то лучше,— сказал Удалов, оглядывая генерала.

Перед ним стоял мужчина средних лет, мирного вида, в удаловской ковбойке и черных трусах.

— Сейчас будешь приводить в чувство Гнеца-18. Учти, что он мой друг, а никакой не пленник. Я сам тоже не маршал, а зовут меня Корнелий Иванович. Никаких людей мы продавать вашим милитаристам не намерены. У нас на Земле это не принято. Войны больше не будет. Маскировки тоже. Пистолет можешь выбросить в мусоропровод. А пока я тебя включаю в число членов экипажа в качестве юнги.

— Спасибо,— сказал генерал, и на глаза у него навернулись слезы.— Я и не смел на это надеяться: мир и дружба.

— Мир и дружба,— согласился Удалов, а Гнец, который уже пришел в себя, все слышал и осознал, добавил:

— Ты, Корнелий, настоящий друг моей планеты.

Потом они втроем пошли на капитанский мостик искать новую свободную планету. На полпути Корнелий остановился и хлопнул себя по лбу.

— Забыл! — сказал он.— А что же мы от твоих генералов получили?

— Не беспокойтесь, Корнелий Иванович,— сказал бывший генерал, которого Удалов условно решил звать Артуром.— Это генералам совершенно не нужно. Когда на нашей планете еще не было всеобщей перманентной войны, там жил один великий скульптор. И он изваял из изумруда статую женщины. Все знают, какая она прекрасная и ценная, но последние пятьдесят лет она была замаскирована, а недавно мы обсуждали, как бы разбить ее на части и продать какому-нибудь ювелиру.

Тогда они вернулись в багажное отделение и распаковали статую. Она изображала собой женщину изумительной красоты в человеческий рост и с распущенными волосами. Статуя была зеленой и полупрозрачной.

— Нет,— сказал Удалов.— Статуе не место в багажнике. Поставим ее в кают-компании и будем ею любоваться в трудные минуты. А потом сдадим в музей или детский сад, потому что детям тоже надо приобщаться к прекрасному.

Пятую планету отыскали лишь на четвертый день. Правда, планеты по пути встречались, но некоторые были негодны для жизни, а другие населены. За эти дни Артур стал всеобщим любимцем, потому что отличался добрым характером и изумительно готовил.

— Я, Корнелий Иванович,— признался он,— всю жизнь хотел стать поваром. Но повара нам не нужны, а нужны только кашевары. Я не люблю обижать других людей, но с детства меня учили быть жестоким. Вот я и терпел. Но больше в этом нет необходимости.

На планету сначала садиться не хотели, потому что с воздуха увидели постройки. Но так как устали летать без посадки, опустились.

Неподалеку был маленький городок, окруженный садами и полями. На лугу паслось стадо коров. Но никто не вышел встретить путешественников, никто не работал в поле и не пас стадо.

Они прошли к городу по дорожке между полями. В полях выросли сорняки, и васильков было больше, чем ржи. Коровы мычали, завидя людей, будто их неделю не доили. На улицах городка было много мусора, краска облупилась с вывесок, и машины, брошенные у тротуара, были покрыты пылью.

И на улицах не было ни единого человека.

— Новая загадка,— сказал Удалов.— Я уже устал от загадок.

Он обернулся к Гнецу-18.

— Ты взял с собой Искатель Разума?

— Взял.

— Тогда давай отыщи, где они скрываются.

Гнец включил Искатель, но он молчал.

В какую сторону ни направляли они антенну, огонек в нем не зажигался. Разума в окрестности тысячи километров не наблюдалось.

— Но это совершенно невероятно,— сказал Артур, выходя из пустого магазина.— Они где-то неподалеку.

— А почему ты так думаешь? — спросил Удалов бывшего генерала.

— А потому, что в магазине есть свежее мясо и огурцы. Его хозяин был здесь по крайней мере сегодня утром.

Они обыскали весь город, заглянули в подвалы и на чердаки, но не нашли ни одного человека.

Уже стемнело, когда они решили вернуться к кораблю и облететь всю планету. Может, таинственные силы перевезли людей на другое полушарие? Гнец все время включал свой Искатель Разума, и Удалов подумал, что его спутник не имел бы ничего против, если бы жители исчезли бесследно. Планета вполне годилась для переселения.

Только путешественники направились к выходу из города, как внезапно раздался шум, и на улицах, в домах — всюду появились люди. Каждый из них тут же прятал в карман какой-то прибор и начинал заниматься своими делами. Люди бурно обменивались впечатлениями.

— Это неповторимо! — слышались голоса.

— Другой такой нету.

— Только бы дожить до завтра!

Удалов подошел к одному из возникших жителей города, почтенному старику в очках, и схватил его за пуговицу.

— Вы где были? — спросил он строго.

— Чудак,— ответил старик, не пытаясь сопротивляться.— А вы где были, позвольте вас спросить?

— Я? — удивился Удалов.— Последние два часа я хожу по вашему городу и удивляюсь, куда все запропастились.

— В последние два часа? — Старик был потрясен.— И вы хотите сказать...

Он обратился к прохожим.

— Люди! — кричал он.— Сограждане! Вы знаете, что эти люди делали последние два часа?

Вокруг собралась толпа.

— Они были здесь, в городе, и искали нас.

— Не может быть! — раздались голоса вокруг.

— Они, наверно, с неба свалились!

Удалов остановил крики, подняв руку.

— Да,— сказал он,— мы свалились с неба. Вернее, прилетели с другой планеты. И мы ровным счетом ничего не понимаем. Я должен указать, что вы невежливо обращаетесь с гостями, и, вместо того чтобы объяснить, куда пропало население всей планеты, вы над нами смеетесь.

— Никто над вами не смеется,— сказал из толпы толстый мальчик.— Мы вас жалеем.

— Мы выражаем вам искреннее соболезнование.

— Но почему?

— Потому что вас с нами не было.

— А где вы были?

— Придется объяснить,— сказал старик.

— Объясните им, бургомистр,— поддержали старика в толпе.

— Нас не было. Никого не было. Ни в этом городе, ни в соседнем. Ни на дальнем континенте. Нигде. Мы были в прошлом году.

— Да,— раздались голоса,— мы все были в прошлом году.

— Вы умеете путешествовать во времени? — спросил Гнец-18.

— Да, умеем. Но не в этом дело. Мы смотрели дальнозор.

— Зачем? — Удалов представил себе нечто вроде супербинокля.

— Потому что ровно год назад на нашей планете, в Центральном зале концертов, выступала певица Кавалия Чух.

— Чух! — сказали все слушатели с глубоким волнением.

— Они не знают Кавалию Чух,— заметил толстый мальчик.— Они не дрожат при ее имени.

— Несчастные! — сказал старик.— Вы никогда не слышали, как поет Кавалия Чух?

— Нет,— сказал Удалов.

— Тогда вы самые несчастные и самые счастливые люди на свете. Вы завтра вместе с нами пойдете на ее концерт.

— Так она каждый день выступает? — не понял их Удалов.

— Как вы не понимаете! Она выступала один раз, год назад. После этого улетела дальше, но впечатление, произведенное ее чарующим искусством, было таково, что мы не можем его забыть. К счастью, у нас есть возможность путешествовать во времени. И вот уже год мы каждый вечер возвращаемся в тот день, когда она пела, и вновь слушаем ее выступление. А самые избранные счастливцы каждый вечер приходят в Центральный концертный зал и внимают ей наяву.

— Теперь понятно,— сказал Удалов.— Отравление искусством.

— Значит, у вас планета не свободная? — спросил Гнец-18.

— Она свободна каждый день с семи до десяти,— ответил старик.— В это время вы не найдете ни одного человека. В прошлое отправляются даже больницы и родильные дома.

На корабле, когда они вернулись, вышел спор. Гнец-18 хотел немедленно улетать дальше, потому что больше на этой планете делать нечего. Но Удалов воспротивился:

— В конце концов, я в отпуске. И ни одного развлечения. На Земле я бы хоть раза два сходил в кино. Вместо этого я должен бороться с черными полковниками, бегать из тюрьмы и глядеть на орудия пыток. Где справедливость?

— Но мои соотечественники ждут!

— Подождут лишний день.

И тут Удалова неожиданно поддержал Артур:

— Я бы тоже хотел слетать на год назад и послушать Кавалию Чух. Все последние годы я провел в лесу, замаскированный под клумбу. Мне очень хочется приобщиться к искусству.

Гнец понял, что он остался в меньшинстве, и сдался. Сел читать справочник по холодильникам, чтобы не терять квалификации.

На следующий день к вечеру Удалов и Артур переоделись, причесались и отправились в дом к бургомистру. Тот уже ждал их. Он вручил им по карманной машинке времени и пригласил садиться в приготовленные кресла. По улицам спешили люди, чтобы наскоро закончить свои дела и успеть к дальнозору, который оказался просто-напросто цветным телевизором.

— В вашем увлечении пением есть и отрицательные стороны,— заметил Удалов бургомистру.— Я, как работник городского хозяйства, должен заметить, что санитарное состояние города оставляет желать лучшего. Любовь к искусству сама по себе благородна. Мы, например, возим с собой на корабле изумрудную статую в человеческий рост. Но если потерять чувство меры, то...

— Тише,— сказал бургомистр.— Пора.

Они нажали кнопки на машинках времени и перенеслись на год назад, в значительно более прибранный и чистый город. И тут Удалов удивился так, как давно не удивлялся. В комнате возникли сидящие на стульях еще один бургомистр и еще одна жена бургомистра. Бургомистр поздоровался со своим двойником и поцеловал руку своей второй жене. А второй бургомистр поцеловал жену первого.

— С ума сойти,— прошептал Артур.— Я военный человек и ко всему привык, но не к этому.

— Не обращайте внимания,— сказал первый бургомистр.— Я тоже привык не сразу. Но потом привык. Это тот же я.

Второй бургомистр согласно кивнул.

— Ведь год назад я уже сидел в этой комнате и смотрел дальнозор. Вот я и сижу. А через год я снова уселся у дальнозора. Так что я дважды сижу. Неужели непонятно?

— Ага,— сказал Удалов и не стал больше спорить.

Так они и сидели. Артур, Удалов, два бургомистра и две жены бургомистра. Тут зажегся большой телевизионный экран, и еще минут через пять Удалов совершенно забыл о странностях этого вечера.

Кавалия Чух не отличалась особенной красотой или статностью. Это была скромная женщина из системы Альдебарана. Но она оказалась великой певицей и великой актрисой. Ее искусство так захватывало, увлекало и вдохновляло, что когда в перерыве Удалов смог перевести дух, он искренне пожалел, что Кавалию не слышат его соседи из Великого Гусляра и упрямый рациональный Гнец-18, который остался на корабле читать справочник по холодильным установкам, потому что на его планете искусство считают недопустимой роскошью, когда у тебя такая гнетущая ответственность перед предками.

К концу концерта Удалов вместе со всеми присутствующими бил в ладоши и кричал «бис!». Ему казалось, что он несется по могучим волнам музыки. А когда концерт кончился, зажгли свет и они попрощались с тем из бургомистров, который остался в прошлом году, все увидели, что в глазах Артура стоят слезы.

У дома бургомистра уже собралась толпа. Все хо-

тели узнать, понравился ли гостям концерт. Удалов вышел к народу первым. Он поднял над головой сомкнутые руки и сказал:

— Спасибо, товарищи, вы доставили мне неизгладимое удовольствие.

— И только?! — возмутились жители города.— Вы не останетесь с нами, чтобы каждый день уходить в прошлое и вновь переживать сладкие мгновения?

— Я бы рад,— сказал Удалов.— Но у меня дела. Я должен найти свободную планету. Два миллиарда человек ждут от меня помощи. Кроме того, у меня скоро кончается отпуск.

— А я останусь! — крикнул Артур.— Я был генералом на жестокой планете и был замаскирован под цветочную клумбу. Но теперь я понял, что смысл жизни заключается в ином. Я остаюсь.

Все закричали «браво» и захлопали в ладоши.

Один Удалов оставался спокойным. Он не одобрял чрезмерного увлечения Кавалией Чух. Да, она была изумительной певицей, но ведь жизнь продолжается! Он не стал спорить, а сказал Артуру:

— Хорошо. Оставайся. Только проводи меня до корабля. Надо будет обсудить кое-что на прощание.

Артур с готовностью согласился. Он чувствовал себя обязанным Удалову. Они быстро дошли до корабля. Удалов молчал, а Артур объяснялся междометиями.

— Она...— говорил он...— Ах... Ну... Вот так... Да-аа!..

Гнец-18 все еще читал и подчеркивал ногтем важные места в справочнике.

— Ну как? — спросил он.— Можно лететь?

— Я остаюсь,— сказал Артур,— это было невыразимо.

Гнец посмотрел на Артура с удивлением.

Удалов развернулся и изо всех сил ударил Артура в челюсть. Артур свалился как подкошенный.

— Закрывай люк! — крикнул Удалов Гнецу.— Немедленно стартуем!

Гнец подчинился, но крикнул Удалову, который поспешил на капитанский мостик:

— Это очень нецивилизованно с твоей стороны. В культурной Галактике так не поступают.

— Он меня еще благодарить будет,— ответил

Удалов и дал старт. Потом привязал Артура к креслу, чтобы не особенно буйствовал, когда очнется. Поступил с ним так же, как древние мореплаватели с Одиссеем, чтобы тот не нырнул в море, наслушавшись сирен.

— Люди, которые только слушают музыку и ничего больше не делают,— сказал он назидательно Гнецу-18,— постепенно деградируют. Меня вообще беспокоит судьба этой планеты. А Артуру надо еще учиться, чтобы стать полноправным членом Галактики.

Кроме того, у Удалова были свои планы в отношении Артура.

ШЕСТАЯ ПЛАНЕТА, И ПОСЛЕДНЯЯ

Когда Артур пришел в себя, он был ужасен. Он часа два буйствовал в кресле. В конце концов Удалову удалось убедить его, что, если решение Артура слушать каждый вечер один и тот же концерт будет неизменным, на обратном пути Удалов его отпустит. И Артур несколько успокоился, хотя был мрачен и говорил о насилии над личностью, что, впрочем, свидетельствовало о прогрессе в его образовании.

Опять потянулись длинные дни в космосе. Опять были планеты метановые, планеты безвоздушные, планеты обледенелые и планеты раскаленные, планеты, населенные высокими цивилизациями и цивилизациями молодыми.

И вот, когда до конца отпуска Удалова оставалось всего шесть дней и он уже боялся, что придется вернуться домой, так и не выполнив задуманного, они увидели еще одну планету.

Светлые облака плыли над ней, закрывая легкими тенями озера, реки и сосновые леса. Ни единого города, ни единой деревни. Необитаемый остров!

— Теперь, пожалуй, все в порядке,— сказал Удалов, выходя из корабля и садясь на траву.— Записывай координаты и начинай работу.

— Ой, не доверяю я твоей интуиции,— сказал Гнец-18.— Сколько уже планет мы облетели, и ни одной свободной.

Он достал из кармана Искатель Разума и осторожно включил его.

Искатель защелкал, и лампочка в нем зажглась.

— Я же говорил,— сказал Гнец.— Полетели дальше.

— И все-таки интуиция подсказывает мне, что еще не все потеряно,— настаивал Удалов.

— Смотрите! — сказал Артур, показывая вверх.— Кто-то летит. Давайте собью.

— Ты свои шутки брось,— строго сказал Удалов.— Тоже мне, поклонник чистого искусства. Сразу сбивать.

Громадная белая птица опустилась рядом с путешественниками и сказала:

— Добро пожаловать в наши края.

— Здравствуйте,— ответил Удалов.— Вы здесь хозяева?

— Да,— сказала птица.— Мы хозяева в небе.

— А мы думали, что это свободная планета,— сказал Удалов.— Вот товарищ ищет место, где бы разместить своих соотечественников. Если бы знали, не стали вас тревожить.

— Ничего страшного,— сказала птица.— Мы не возражаем.

— Против чего не возражаете? — спросил Гнец-18.

— Против ваших соотечественников. На что нам земля, раз наша стихия — небо? Если ваши соотечественники обещают не поганить воздух своими заводами и не запускать слишком громких самолетов, мы согласны.

— Конечно, обещаем! — обрадовался Гнец.— За нас вся Галактика может поручиться. Больше того, у нас очень хорошо развиты медицина и холодильная промышленность. Если вы питаетесь, например, рыбой, то мы можем ее для вас сохранять. И если вам нужно медицинское обслуживание, омолаживание, исправление физических недостатков, всегда рады помочь.

— Нам, по-моему, повезло,— сказала птица и полетела собирать своих товарок, чтобы сообщить им приятную новость.

На следующее утро было заключено официальное и торжественное соглашение между птицами, хозяевами неба, и будущими жителями Земли. Удалов вздохнул свободно. Главное дело было сделано.

— Ты прямо домой? — спросил его Гнец, когда они, попрощавшись с птицами, покидали атмосферу планеты.

— Нет,— сказал Удалов.— У меня еще несколько дней осталось. Хочу кое-какие дела утрясти.

— Только смотри: главный закон Галактики — невмешательство!

— Что-то ты, Гнец, слишком проницательным стал,— заметил Удалов.

— И еще,— добавил Гнец-18,— я думаю, что лучше потеряю два-три дня, но составлю тебе компанию. В конце концов, наша планета тебе, Корнелий, многим обязана. Я лично тоже. Куда направляемся?

— Сначала завезите меня на планету, где в прошлом году пела Кавалия Чух,— напомнил Артур.

— Успеется,— сказал Удалов. Потом обернулся к Гнецу, обнял его и сказал: — Спасибо, друг. Я знал, что ты не покинешь меня. Я постараюсь не особенно вмешиваться, но ты знаешь, как трудно удержаться. И если я не попытаюсь кое-что сделать, меня всю жизнь будет мучить совесть.

— Ладно, располагай мной и кораблем, как считаешь нужным,— сказал Гнец.

— Тогда я должен первым делом вернуться на планету к генералам.

— Ты с ума сошел! — закричал в ужасе Гнец.— Я не имею права рисковать нашими жизнями. Как мои соотечественники узнают, что наша проблема решена, если мы погибнем?

— Тебе и не надо опускаться,— сказал Удалов.— Мы с Артуром все берем на себя.

— Ни за что,— сказал Артур.— Я ведь дезертир. Меня повесят, а я не хочу, потому что у меня есть цель в жизни.

— Постыдись! — сказал Корнелий Удалов.— Слушать музыку — это удовольствие, может, даже наслаждение, но настоящий мужчина не может избрать наслаждение целью жизни. Помогать другим — вот в чем цель жизни. Гнец помогает другим, я помогаю другим. А ты никому не хочешь помочь. Неужели тебе не горько, что все население твоей планеты сидит замаскировавшись и воюет друг с дружкой?

— Мне горько,— сознался Артур.

— И ты устраняешься?

— Нет, я не устраняюсь. Но ведь это бесполезно.

— А если я говорю, что не бесполезно?

— Тогда я с вами, Корнелий Иванович.

И корабль взял курс на планету замаскированных генералов.

СНОВА ЧЕТВЕРТАЯ ПЛАНЕТА

— Скажи, Артур,— спросил Корнелий,— а много среди вас таких, как ты?

— Каких?

— Которым надоело воевать и маскироваться.

— Таких большинство,— сказал Артур.

— Так я и думал. И они не смеют в этом признаться.

— Даже себе самим,— сказал Артур.

— А у ваших противников?

— То же самое.

— Замечательно. Этот ответ я и надеялся услышать. Ты хорошо разбираешься в маскировке?

— Отлично. Я лучший специалист по маскировке.

Тогда Удалов обратился к Гнецу.

— Сколько,— спросил он,— может взять людей на борт наш корабль?

— Если лететь недалеко, то человек тридцать.

И тогда Удалов поделился с друзьями своим планом.

Перед тем как подлететь к воюющей планете, они изготовили несколько снотворных бомб. Потом Артур показал, как найти главные штабы обеих армий.

Ночью корабль низко опустился над тщательно замаскированным штабом, в котором Удалову пришлось провести несколько неприятных часов, и бросил бомбу прямо в спальню генерал-фельдмаршала. Операция прошла совершенно бесшумно, потому что на той планете не было самолетов и ночью никто не ждал опасности с неба.

Потом корабль опустился на поляне у штаба, второй бомбой Удалов привел в безопасное состояние стражу. Спящих генералов и солдат, общим числом в двадцать человек, погрузили на корабль, в багажное отделение.

Перед рассветом то же самое сделали и со штабом враждебных войск. Всего на борту накопилось около сорока сладко спящих военных. Перегруженный корабль снова поднялся в космос и взял курс к планете, где остатки населения бедовали в подземельях.

Артур с Удаловым тщательно следили, чтобы пленники не проснулись раньше времени, и в багажном отделении стоял туман от снотворного газа.

Когда корабль опустился на холмистой, поросшей полынью равнине у входа в подземный город, пленников поштучно перетащили к входу в туннель и опрыскали нашатырным спиртом.

Удивлению солдат и генералов не было конца. Представьте себе, вы заснули в надежном и хорошо замаскированном штабе, а очутились среди голой равнины, обезоруженные, по соседству со злейшими врагами. Некоторые генералы и солдаты попытались зарыться в землю, другие старались превратиться в полынь, но это им не удалось. Удалов и Артур, на всякий случай вооруженные бластерами, приказали им встать.

— Предатель! — воскликнул генерал-фельдмаршал, узнав Удалова.

— Дезертир! — крикнул генерал-поручик, с трудом угадав в загорелом мужчине в ковбойке генерала-клумбу, шефа камуфляжного управления.

— Спокойно, ни с места! — сказал им Артур.— С вами будет говорить сам Корнелий Иванович.

— Маршал танковых войск,— подсказал генерал-фельдмаршал, потому что генералу всегда приятнее, если его побеждает достойный соперник.

— Так вот, господа генералы и товарищи солдаты,— сказал Удалов.— Мы вас привезли сюда не случайно. Мы хотим показать вам ваше собственное неприглядное будущее. Здесь, на этой планете, долгие годы бушевала война.

— Не может быть,— прервал его генерал-фельдмаршал.— Здесь негде маскироваться.

— Раньше было где. Вот они и воевали. Довоевались до того, что ни одного живого места на планете не осталось. И пришлось им, бедным, спрятаться под землю, в бомбоубежище. Прошло уже много лет, и они живут там, потому что люди со временем забыли, что есть другой мир, кроме подземного. Они влачат жал-

кое существование, словно кроты и черви. Им страшно вылезти на белый свет. Вот эта дыра — единственное место, через которое можно проникнуть внутрь. Еще через несколько лет они все вымрут. Такая же судьба ждет и вас. Я ясно выразился?

Генералы и солдаты были поражены, но не поверили.

— Тогда вот что,— сказал Удалов.— Желающие могут пойти внутрь вместе с Артуром и Гнецем-18. Идите осторожненько, чтобы вас не поймали. А мы, остальные, подождем здесь.

Так и решили. Пока часть визитеров пробиралась под охраной Артура по темным коридорам, остальные беседовали с Удаловым о жизни на других планетах и обсуждали актуальные проблемы. Удалов был доволен тем, что среди его слушателей в основном были солдаты, которые рады были не маскироваться и посидеть спокойно на солнышке.

В общем, к тому времени, когда вернулись экскурсанты, Удалов полностью разагитировал солдат, как балтийские моряки разагитировали казаков во время революции. Солдаты тепло братались и уже обсуждали мирные планы.

Экскурсанты вернулись из подземелья мрачные и потрясенные виденным.

— Это невероятно,— сказал генерал-поручик, который обзывал Артура дезертиром.— С этим надо покончить. Нам стыдно за наших братьев по разуму.

— Долой маскировку! Да здравствует мир! — сказал один из солдат, остававшихся с Удаловым.

— В ваших словах что-то есть,— ответил солдату генерал-поручик, который еще вчера с ним и разговаривать бы не стал.

Артур приблизился к Удалову и встревоженно прошептал ему на ухо, что генерал-фельдмаршала они потеряли. Он скрылся в темноте и убежал к начальству подземного города.

— Плохо дело,— заметил Удалов, но не потерял самообладания.

Генералы следовали примеру солдат и сбрасывали с себя маскировочные халаты. Тут и остальные заметили отсутствие генерал-фельдмаршала.

— Он заблудился? — спросил генерал-поручик.

— Нет,— ответил честно Удалов.— Я полагаю,

что он сбежал. Для него, кроме войны, других дел не существует. Вот он и хочет объединиться с подземными милитаристами.

— Этого допускать нельзя,— сказал один из солдат.

— Погодите, не в этом дело,— остановил его Удалов.— Многих из вас я, пожалуй, убедил. Но нельзя думать только о себе. Если мы не поможем подземным жителям, они вымрут. Уговорить их выйти наружу подобру-поздорову мы не сможем. Они боятся дневного света и отвыкли от свежего воздуха. Но оставлять их внутри тоже нельзя.

— Надо заставить их выйти наружу. Силой,— сказал генерал-поручик.

— Но нас ведь горстка, а внутри есть полиция.

Наступило молчание.

— Кстати,— заметил Артур,— генерал-фельдмаршал их наверняка уже предупредил, и они теперь организуют оборону.

— Мне нужны добровольцы,— сказал Удалов.

Десять солдат и пять генералов сделали шаг вперед.

— Остальные остаются здесь и принимают беженцев.

— Но что вы хотите сделать? — спросил генерал-поручик.

— Мы проникнем на самый нижний уровень и взорвем там баллончики с очень вонючим, отвратительным, слезоточивым газом. Я случайно обнаружил эти баллончики в корабле. Они предназначаются для того, чтобы отгонять хищных зверей. Газ распространится по подземелью, и его жители будут вынуждены отступать до тех пор, пока не выйдут наружу. Мы же пойдем сзади и, если какие-нибудь старики или больные не смогут идти сами, будем им помогать.

Удалов раскрыл чемоданчик и вынул из него подготовленные баллончики, противогазы для десантников и большой пакет с бутербродами.

Все поели бутерброды, потому что операция предстояла длительная, а генерал-поручик сказал так, чтобы все слышали:

— Корнелий Иванович настоящий стратег.

Удалов покраснел, но ничего не ответил.

Операция прошла, как было запланировано. Восемь часов добровольцам пришлось продвигаться по туннелям и коридорам, идя за волной газа, поднимаясь с уровня на уровень и подгоняя перед собой отстающих. Полиция была дезорганизована и не могла оказать сопротивления. На пятый час, прикрывая глаза от мягкого предвечернего света и обалдевая от свежего воздуха, показались первые жители подземелья. Солдаты встречали прибывших и успокаивали их.

Удалов выбрался из подземелья последним. Он гнал перед собой генерал-фельдмаршала и Начальника № 1. Они сдаваться не хотели, сопротивлялись, и пришлось их на ночь связать.

А утром, на первом собрании жителей двух планет, стало ясно, что пути назад нет, что война на одной планете и подземный плен на другой заботами неугомонного человека с Земли закончились. Лишь фельдмаршал и Начальник № 1 сказали, что жить в новых условиях не могут. На что их подданные заявили, что жить с ними не хотят.

— Ладно,— сказал тогда Удалов.— Я знаю, чем им заняться. Мы их будем перевоспитывать трудом.

— Расскажите, Корнелий Иванович! — попросили его.

— Есть тут одна планета,— сказал Удалов.— Я все мучился, что с ней делать. Люди на ней вели себя неразумно и полностью ее испакостили. Там предстоит большая работа, пока удастся ее очистить и как-то приспособить для нормального житья. Я на обратном пути намерен заглянуть в космический трест по очистным сооружениям. Они, конечно, дадут технику и подкинут кое-какие кадры. Но с людьми у нас всегда трудности. Все хотят быть или космонавтами, или врачами, или певцами. Я думаю, что для перевоспитания генералу и начальнику стоит потрудиться в ассенизационном обозе галактического значения. И специальность полезную заодно приобретут.

И все одобрили предложение Удалова, лишь будущие ассенизаторы воздержались высказать свое мнение.

В эту последнюю ночь перед возвращением домой Удалов не спал. Было много дел. Плакали детишки, стонали старики и старухи, непривычные к свежему

воздуху. Где-то перед рассветом, когда солдаты и генералы уже собирали вещи, чтобы грузиться на корабль и спешить домой, устанавливать там мир и убирать маскировочные сетки, Удалов случайно столкнулся с Артуром.

— Ну, как? — спросил он.— Тебя закинуть поближе к телевизору? Небось ждешь не дождешься сладкого момента.

— Куда? — не сразу понял Артур.— Нет, мне домой пора. Работать надо.

— Хорошо,— сказал тогда Удалов.— Обещаю тебе взамен, что если встречу певицу Чух, приглашу ее на твою планету дать концерт.

— Спасибо, Корнелий Иванович! — сказал с чувством Артур.

— Да, еще одна вещь,— сказал Удалов.— Там на корабле ценная статуя. Вернуть бы ее надо.

— Ни в коем случае! — возмутился Артур.— Это наш скромный дар чудесному человеку и великолепному организатору от населения всей планеты. Не отказывайтесь, Корнелий Иванович.

Корнелий искренне пожалел, что нет рядом товарищей из горсовета, часто журивших Удалова за недостаток организаторских способностей. А что, подумал он, может, просто масштабы на Земле для меня мелки? А здесь задачи как раз по плечу. И он внутренне улыбнулся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После того как завезли домой солдат и генералов и попрощались с Артуром, Гнец-18 высадил Удалова на межзвездном космодроме в Силярии. Сделал он это потому, что оттуда через день летел в сторону Солнечной системы пассажирский корабль. Он будет пролетать в каком-нибудь парсеке от Земли, и капитан обещал выделить для Удалова посадочный катер. А Гнец-18 спешил с добрыми вестями домой.

Он долго жал на прощание руку Удалову, обещал прилететь, как только выпадет возможность, расстраивался, что ничего не может подарить на память. Потом вдруг вспомнил.

— Держи,— сказал он,— наверняка тебе пригодится в будущем.

Он протянул Удалову Искатель Разума.

Удалов сначала отнекивался, не хотел брать такую ценную вещь, но пришлось согласиться. Может, и на самом деле пригодится, подумал он.

Они обнялись. Гнец пригласил Удалова в следующий отпуск побывать в гостях и, лукаво улыбнувшись, выразил надежду, что Удалову где-нибудь поставят памятник.

Потом Гнец-18 улетел, и Удалов остался один. До отлета был еще час, так что можно было выпить чашечку кофе и купить на память сувенир для Максимки. Максимка, уж наверно, выздоровел от свинки, а Ксения места себе не находит, волнуется, куда делся Удалов, что за рыбалка длиной в месяц? Ревнует, наверно, а может, в милицию заявила.

Но подарка Удалов купить не успел. Когда он проходил мимо ряда кресел, в которых отдыхали транзитные пассажиры, одно лицо показалось ему знакомым. Где же он его видел? В доме отдыха или на работе? И тут же Удалов понял бессмысленность подобных подозрений. Ну как мог человек из дома отдыха оказаться в другом конце Галактики?

— Вам автограф? — спросила его просто одетая женщина, заметив настойчивый взгляд.

— Вспомнил! — воскликнул Удалов.— Вы Кавалия Чух. Я только на днях видел вас по телевизору.

— Вы не могли меня видеть,— сказала знаменитая певица.— Я уже три месяца не выступаю.

— А что случилось?

— Вы присаживайтесь,— улыбнувшись очаровательной, но усталой улыбкой, сказала Кавалия.— Сами-то вы откуда?

— С Земли.

— К сожалению, там не бывала. Даже не слышала о такой планете. Так вот, у меня творческий кризис. Бросаю петь. Да, я знаю, что знаменита, что мне аплодируют, присылают цветы. Но глубокой, искренней любви к моему искусству я не ощущаю.

— Ясно,— сказал Удалов.— Такое случается с работниками искусства. Это и у нас называется — творческий кризис. Но вы неправы — вас помнят и ценят.

Кавалия Чух печально покачала головой.

— Не утешайте меня, незнакомец,— сказала она.— Вы меня не переубедите, потому что ваши слова объясняются добротой вашего сердца, а не действительным положением вещей.

— Еще как переубежу! — возразил Удалов.— Я отлично знаю, как вас излечить от меланхолии. Послушайте, в секторе 5689-бис есть одна планета, мне там пришлось недавно побывать. На этой планете каждый вечер все население, включая стариков и детей, уходит на год в прошлое. И знаете почему? Потому что они не в состоянии жить без вашего искусства...

И Удалов, не жалея времени, подробно изложил Кавалии Чух события, которые имели место на планете, одурманенной ее искусством.

Кавалия Чух слушала затаив дыхание. Она была так растрогана рассказом Корнелия, что прослезилась и только минут через десять смогла взять себя в руки и заявить:

— Я сегодня же, немедленно, откладываю все дела и лечу на ту планету. Вы мне открыли глаза, Корнелий Иванович! Как только я могла так заблуждаться в людях? В благодарность за такое теплое отношение я готова петь там двое суток подряд...

— Ни в коем случае! — прервал ее Удалов.— Именно этого делать вам не следует. Они же вообще переселятся в прошлое! Поймите же, что планета находится на краю гибели!..

— А что же делать?

— Вы должны поступить иначе. Я предлагаю вам объехать по очереди все их крупнейшие города и спеть на стадионе в каждом из них. И взять с них слово, что они перестанут ездить в прошлое, а будут заниматься своими текущими делами и терпеливо ждать, когда вы приедете к ним собственной персоной.

— Хорошо, вы правы,— тут же согласилась великая певица.

В этот момент объявили посадку на космический лайнер, который должен был отвезти Удалова домой, и он тепло попрощался с певицей, которая тут же побежала к кассе, чтобы взять билет в другую сторону.

— Погодите!

Удалов вырвал листок из записной книжки и написал на нем адрес Артура. Догнав певицу, он передал ей листок с адресом и сказал:

— Дорогая Кавалия, если у вас выдастся свободная минутка, слетайте, будьте добры, на эту планету. Там у вас тоже есть верные ценители. Кроме того, планета только что пережила тяжелую и длительную войну, и ее обитатели очень тянутся к настоящему искусству.

Певица поцеловала Корнелия в щеку и на прощание подарила ему свою объемную фотографию с трогательной надписью.

А еще через два дня посадочный катер незаметно приземлился в лесу на окраине Великого Гусляра.

Было раннее дождливое утро. С елей осыпались холодные брызги. Из травы торчали оранжевые шапки подосиновиков. Вслед за Удаловым на траву спустили изумрудную статую, и катер улетел.

Идти было трудно. Удалов волочил за собой статую по земле и чуть не надорвался. Ему удалось дотащить ее только до городского парка.

Ну что ж, рассудил он, значит, здесь ей и место. Он остановился у детской площадки с качелями, гигантскими шагами и теремком, развернул драгоценную реликвию и взгромоздил ее на пустой постамент, где раньше стояла гипсовая девушка с веслом. Под голубым рассветным освещением статуя мерцала, словно сотканная из теплой тропической ночи.

Все. Дела сделаны. Отпуск прошел удачно, поучительно и интересно.

— Это я сделал, это я сказал, это я предупредил...— произнес вслух Удалов, вспоминая свои обязательства перед Галактикой. Теперь оставалось лишь спрятать куда-нибудь подальше фотографию великой певицы Кавалии Чух, чтобы жена Ксения чего не подумала, и предупредить сына Максимку, чтобы не отдавал ребятам на дворе Искатель Разума для всяческих детских конструкторских затей.

Удалов бросил последний взгляд на статую.

Статуя улыбалась загадочной неземной улыбкой.

— Я пошел домой,— сказал Удалов статуе.— До свидания.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Корнелий Удалов получает приглашение на СОС и принимает решение.

Утренняя почта доставила Корнелию Ивановичу Удалову авиаконверт, в котором было письмо следующего содержания:

«Уважаемый Корнелий!

Ты приглашен на первый СОС делегатом от Земли с правом решительного голоса. Твое явление обязательно. В случае неявления ответственность делит вся Земля, которая будет дешифширована сроком на 34 про-ку-ла.

Первый СОС состоится с 21 по 36 июля с. г. по адресу: 14ххXX-5 : % = ъ34.

Транспорт, сопровождение, кормление, погребение (в случае необходимости), приемлемую температуру и влажность обеспечивает Оргкомитет СОС.

Созывающий секретарь ОК СОС
Г-Г»

Удалов дважды прочел приглашение, потом подошел к окну и с грустью поглядел на двор. Двор был зеленым, уютным, старуха Ложкина развешива-

ла белье, тяжелые капли воды падали с белых простынь на траву, рыжий петух взлетел на раскрытую дверь сарая и громко хлопал крыльями, из окна Гавриловых доносилась джазовая музыка, а по голубому утреннему небу плыли розовые облака, под которыми с пронзительными криками носились стрижи. И вот этот мирный, обжитой и родной мир придется покинуть ради неизвестного СОС, ради сомнительных наслаждений и реальных опасностей космического путешествия.

— Придется ехать,— сказал Удалов, отворачиваясь от окна и с нежностью глядя на Ксению, которая собирала на стол завтрак.— Какое сегодня число?

— Восемнадцатое,— сказала Ксения, поглядев на стенной календарь.— Куда собрался? Опять на рыбалку?

— Три дня всего осталось,— задумчиво произнес Удалов.— Не на рыбалку, а на первый СОС.

— И не мечтай,— сказала Ксения.— Хватит с нас. Небось опять пришельцы? Опять жертвовать своим временем и нервами ради галактической дружбы?

— Надо, Ксюша,— сказал Удалов и сел за стол.

Позавтракав, он пошел к Николаю Белосельскому.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой Удалов беседует с Николаем Белосельским и выслушивает возражения.

Николай Белосельский учился в одном классе с Корнелием Удаловым, закончив школу с золотой медалью, уехал в область, где с отличием завершил высшее образование, а затем, заслужив уважение своими способностями и любовью к работе, был направлен в родной город на руководящий пост.

Белосельский возвращался в Великий Гусляр с большой неохотой. Он был человеком принципиальным, серьезным и объективным, а потому предчувствовал неизбежность конфликтов. Живое воображение подсказывало ему, что при известии о его скором приезде многие жители города начнут говорить: «Как же, помню Кольку Белосельского! Я с ним в

детском саду баловался». Или: «Колечка? Белосельский? Близкий человек! Моя двоюродная сестра Леокадия была замужем за его дядей Костей». Беда небольшого города в том, что все всех знают.

Предчувствия Белосельского оправдались. На улицах к нему подходили незнакомые лица, напоминали об общем счастливом детстве, а затем приглашали в гости или просили протекции. В кабинет проникали троюродные бабушки, желавшие улучшить жилищные условия, и приятельницы по пионерскому лагерю, лгавшие о непогасшей любви.

Белосельский стал нелюдим, избегал людей, страшась неожиданного крика: «Колька, друг!», был строг к родственникам и похудел. Он мечтал о переводе в далекий Петропавловск-Камчатский. Но своей принципиальности он не изменил.

Удалов знал о драме Белосельского и поэтому, хоть сидел с ним шесть лет за одной партой и совместно владел голубятней, ни разу не зашел к нему домой, а, встречаясь на совещаниях, сдержанно здоровался, избегая прямого обращения. Белосельский тосковал по старой дружбе и рад был как-нибудь посидеть с Удаловым, вспомнить далекое детство, но сдерживался. Борьба с фаворитизмом не должна знать исключений.

Удалов вошел в кабинет Белосельского и с порога сказал:

— Доброе утро. Я по делу.

— Здравствуй, Корнелий,— сказал Белосельский. При виде Удалова взгляд его смягчился и ему захотелось сказать бывшему другу что-нибудь теплое.

— Погода хорошая в этом году,— сказал Белосельский.— Радует нас июль.

— Да, жарко,— согласился Удалов.

— Ты садись. Как в стройконторе дела? План сделаете?

— Постараемся,— сдержанно сказал Удалов, сел и вытащил из кармана приглашение.

— Когда в отпуск? — спросил Белосельский.

— Уж и не знаю,— сказал Удалов.— Собирался в августе, да вот... Надо посоветоваться.

Он ладонью перегнал по столу к Белосельскому приглашение и стал ждать.

Белосельский внимательно прочел письмо, кинул

на Удалова быстрый взгляд, затем вынул из деревянного высокого стакана хорошо заточенный карандаш и стал читать письмо вновь, помечая галочками ошибки и ставя в непонятных местах на полях вопросительные знаки. Удалов глядел в окно, за которым ворковали голуби, и мечтал о рыбалке.

Дочитав письмо вторично, Белосельский задумался, не поднимая глаз. В письме таилась каверза. Не стоило распускаться и радоваться при виде Удалова. Ведь он — друг детства и потому вдвойне опасен. Недаром он все эти месяцы держался на расстоянии и проявлял тактичность. И ты, Брут, расстроился Белосельский. Уж лучше бы попросил новую квартиру. Думал так, он нечаянно встретился взглядом с чистыми голубыми глазами Удалова, увидел его гладкий выпуклый лобик, полные розовые щеки, курчавую поросль вокруг ранней лысины и неожиданно для себя самого спросил:

— СОС — это что такое?

— Ума не приложу,— честно признался Удалов.

— Ясно,— сказал Белосельский. Потом добавил: — Как известно, в июле тридцать один день.

— У них, видно, система отсчета другая,— сказал Удалов.— Так, может, не стоит ехать?

— Не стоит,— согласился Белосельский.

— И жена будет рада. Недовольна она моими космическими связями. Ревнует.

— О семье тоже подумать надо,— сказал Белосельский.— О семье мы зачастую забываем.

— Значит, решили? — сказал Удалов.— Мне же посоветоваться надо было. А с кем посоветуешься по такому вопросу? Я пошел? А то в контору опоздаю.

— Иди,— сказал Белосельский.— Работай спокойно.

— Спокойно не получится,— возразил Удалов.— Спокойно нельзя, потому что буду тревожиться за судьбы Земли.

— А что такое?

— Дешифишировкой грозят. На тридцать четыре прокылы.

— Про-ку-ла,— поправил Белосельский, заглянув в приглашение.— Чепуха какая-то.

— Конечно, чепуха,— согласился Удалов.— Может, обойдется.

Белосельский подчеркнул слово «дешифишировано» красным карандашом.

— В словарь иностранных слов заглядывал? — спросил он.

— Там нету,— сказал Удалов.— У них своя терминология.

Белосельский посмотрел в окно. Ворковали голуби, облака сгустились, в отдалении гремел гром. Белосельскому очень хотелось уехать в Петропавловск на далекую Камчатку, где нет друзей детства.

— Значит, игнорируем? — спросил Удалов. Он стоял посреди кабинета, переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе, что он поставил Колю Белосельского в неловкое положение.

— А если это не шутка? — спросил Белосельский.— Нам бы ясность.

— Откуда ей быть?

— А как ты планировал туда ехать? Адрес неразборчивый?

— Для них понятно. Для них это все равно, что для нас Малые Кочки.

Друзья детства немного помолчали. Удалов подумал, что, если удастся отделаться от СОС, надо будет позвать Колю на рыбалку.

— Если приедут,— сказал Удалов,— я им скажу, что заболел. Или теща заболела. Дипломатично, и никто не в обиде.

— Это разумно,— согласился Белосельский. Он понял, что Удалов искренен и прост.— Так и скажешь...

— А это... насчет рыбалки...— но завершить приглашение Удалов не успел. Посреди кабинета, как раз между Удаловым и столом Белосельского, возник человек в черном трико. В облике его было что-то неземное.

— Простите,— сказал человек быстро, с легким инопланетным акцентом.— Я из СОС. Ищу Удалова Корнелия. Корабль на орбите. В чем задержка?

— Я не еду,— быстро ответил Удалов.— Я заболел.

— Поедешь,— просто ответил человек в трико.— Надо, Корнелий.

— Погодите,— вмешался в разговор Белосельский.— Во-первых, это мой кабинет...

— При чем здесь кабинет? — сказал человек в трико.— Я должен доставить Удалова на первый СОС, а у нас пересадка на Альдебаране. Времени в обрез.

И посланец СОС властно положил руку на плечо Удалову.

Удалов метнул отчаянный взгляд на Белосельского. Что еще придумать?

— Может быть, произошла ошибка? — спросил Белосельский.— Может быть, вы ищете другого Удалова?

— Именно этого,— сказал посланец.— Он уже вычислен и по всем параметрам подходит для СОС.

— Так хоть скажите, кто такой этот СОС! — взмолился Удалов, пытаясь высвободить свое мягкое плечо от железной хватки человека в трико.

— Съезд Обыкновенных Существ.

— Я недостоин!

— Правильно,— поддержал Удалова Белосельский.— Почему представлять Землю на международном форуме должен именно Корнелий Иванович? Мы могли бы рекомендовать вам более достойных представителей. Например, инженера Сидорова. Общественник, спортсмен, рационализатор, выдающийся человек...

— Правильно! Сидорова! — крикнул Удалов.

— Нам не нужен Сидоров,— сказал посланец.— Нам нужен Удалов.

— Странно,— сказал Белосельский, и в этот момент зазвенел телефон. Белосельский взял трубку, не согнав хмурой складки со лба. А Удалов, воспользовавшись паузой, спросил посланца:

— Домой за вещами можно зайти?

Удалов уже понял, что от СОС ему не отвертеться.

— Некогда,— сказал посланец, подхватил Удалова за пояс и сильно повлек вверх, к потолку. Последнее, что Удалов увидел в кабинете Коли Белосельского, было запрокинутое кверху, встревоженное лицо старого друга. Лицо пропало, и через секунду Удалов, подлетая к небольшому летающему блюдцу, уже смотрел на Великий Гусляр с высоты километра.

А Белосельский, проводив глазами Удалова, сказал в телефонную трубку:

— Повторите, что вы сказали?

— Не пускайте Удалова на СОС,— ответил странного тембра далекий голос с инопланетным акцентом.— Это может трагически кончиться для Земли.

— Кто вы? — спросил Белосельский.

— Доброжелатель.

— Удалов уже улетел,— сказал Белосельский.— Назовите свое имя и причины, по которым вы не желаете присутствия Корнелия Ивановича на международном съезде.

— Жаль, что упустили,— ответил инопланетный голос.— Пеняйте на себя.

В трубке что-то щелкнуло, и затем женский голос произнес:

— Разговор с Омегой Дракона закончен. Три минуты.

Белосельский сказал: «Спасибо»,— и медленно положил трубку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
в которой Удалов совершает пересадку на Альдебаране.

Космический корабль набрал скорость. Земля скрылась из глаз, и Солнце превратилось в незначительную желтую звезду. За иллюминатором клубились туманности. Удалов отошел от окна и похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли документы. Посланец поставил корабль на автопилот и обратился к Удалову:

— Повезло,— сказал он.— Успели.

— А что? — спросил Удалов.

— Могли задержать. Что-то твоя, Удалов, скромная персона вызывает повышенный интерес в определенных кругах.

— Вот это лишнее,— сказал Удалов.— Я к вам на СОС не напрашивался, лечу из чувства долга. В любой момент согласен вернуться. Тем более что на Земле миллионы более достойных.

— Может быть,— согласился посланец.— Достойных миллионы, а Удалов один.

— Ну что ж,— не стал спорить Удалов.— Будем считать, что мне повезло. Увижу новых братьев по разуму.

— Садись, перекуси,— уклончиво ответил посланец.— На Альдебаране буфет паршивый.

Они пообедали и начали торможение перед Альдебараном.

Любознательный Удалов был потрясен зрелищем космопорта на Альдебаране. В громадных залах гуляли, сидели, отдыхали, парили, висели вниз головой, спорили, ожидали, стояли в очередях за билетами, питались в буфете десятки тысяч альдебаранцев, сирианцев, дескасийцев, тори-тори, прулей, кофкриавфеев, 45/67-цев, молчаливых испужников, вегиан, плетчиков, моссадеров, антропоидных локов, порников, апрет-тт-воинейцев и многих других, имен которых Удалов не запомнил. И ни одного обитателя Солнечной системы.

Посланец быстро провел обалдевшего от разнообразия разумной жизни Удалова сквозь толпу, протолкнул его в узкую дверь с непонятной надписью и сказал:

— Жди здесь. Рекомендую не покидать помещения. Иначе пеняй на себя. А я билеты закомпостирую.

Посланец удалился, а Корнелий Иванович осмотрел помещение. По здешним меркам оно было невелико, от изящного фонтана распространялся мускусный аромат, вокруг стояли мягкие кресла. Большинство кресел пустовало. В остальных скучали существа в странных одеждах.

Удалов прошел к свободному креслу и сел. Он старался вести себя так, словно космические путешествия ему не в диковинку. В общем, это так и было, хотя Удалов уже три года не попадал в дальний космос, а на великом пересадочном вокзале Альдебарана оказался впервые.

Остальные обитатели кресел кинули в сторону Удалова равнодушные взгляды и вернулись к своим занятиям. Было тихо. Порой динамик под потолком начинал урчать на чужих языках, видимо, объявляя посадку. Удалов подумал, как там Ксения, наверное, волнуется? Послать бы ей телеграмму, да разве здесь отыщешь телеграф? На всякий случай он обратился к своему соседу, который снизу и до плеч был схож с человеком, но книжку, которую читал, держал в цепких щупальцах, склонив к странице изысканную пернатую голову с клювом вместо носа.

— Простите,— сказал Удалов.— Вы не знаете, здесь телеграммы на Землю принимают?

Существо отложило книжку, склонило голову набок и сказало:

— Чир-чрик-чири-пипити.

— Простите,— сказал Удалов.

— Не обращайте внимания,— послышался голос с другой стороны.— Он по-русски не понимает.

Удалов с чувством облегчения повернулся в сторону голоса и увидел подтянутого, стройного и хорошо одетого кузнечика метрового роста.

— А вы понимаете? — спросил Удалов.

— Я понимаю,— сказал кузнечик.— Я синхронный переводчик. Лечу на первый СОС.

— И много языков знаете? — спросил Удалов.

— Трудно сказать, не считал,— ответил кузнечик.— А вы, судя по нерешительности манер, провинциальному виду и глуповатому лицу, из города Великий Гусляр?

— Угадали! — обрадовался Удалов. Он даже пропустил мимо ушей нелестные высказывания кузнечика.— Откуда вы про мой город знаете?

— И зовут вас Корнелий Иванович,— сказал кузнечик.— Не отказывайтесь. Очень приятно. Я проглядывал списки делегатов, а у меня феноменальная память. Так что, пойдем, отправим телеграмму вашей супруге Ксении?

— А на корабль не опоздаем? — встревожился вдруг Удалов.

— Задержат,— ответил кузнечик.— Без нас не полетят. Я забыл представиться. Меня зовут Тори, с планеты Тори-Тори, из города Тори, с улицы имени Тори.

— Столько совпадений сразу? — осторожно спросил Удалов, который понимал, что в Галактике что ни планета — свои обычаи, и порой невежливым вопросом можно нанести смертельное оскорбление или даже вызвать войну.

— Нет,— ответил синхронный переводчик.— У нас все Тори, и все города Тори, и все улицы имени Тори.

— А не путаете? — спросил Удалов.

— Наоборот. Просто. Не спутаешь.

— Это верно,— согласился Удалов.— Так где же телеграф?

Кузнечик быстро вскочил с кресла, потянул Удалова острым коготком к двери, затем завел за угол, и они оказались в низком белом помещении, у стены которого были установлены рукомойники различного размера, формы и высоты.

— Здесь мы можем говорить спокойно. Никто не подслушивает,— прошептал кузнечик Тори.— У тебя есть что на продажу?

— Не понял,— сказал Удалов.— Я на телеграф хочу.

— Нет здесь связи с Землей,— сказал кузнечик.— Я тебя серьезно спрашиваю. Что везешь? Драгоценности? Сувениры?

— Ты меня удивляешь,— сказал Удалов.— Откуда у меня драгоценности? Я сюда так спешил, даже домой зайти не успел, плаща не взял.

— Жаль,— сказал кузнечик.

— Странно,— вздохнул Удалов, наблюдая, как какой-то транзитник моет свои семь лап.— Ты языки знаешь, наверное, зарабатываешь неплохо. А решил спекуляцией заняться.

— Я авантюрист,— сказал кузнечик просто.— Ничего не поделаешь. А мои языковые способности на конференции никому не нужны. Тебе знание всех языков вместе с мандатом выдадут.

— Так ты говоришь, нет здесь телеграфа?

— Откуда ему быть? Кто отсюда шлет телеграммы на Землю? Наивный ты, Удалов.

— Нет,— сказал Удалов.— Я доверчивый.

В этот момент динамик, который висел у них над головами, прервал лопотание на неземном языке и заговорил по-русски:

— Удалов Корнелий Иванович, вас ждут у статуи Государственного колена в центре восьмого зала. Повторяю, делегата первого СОС Удалова Корнелия Ивановича ожидают в центре восьмого зала у статуи Государственного колена.

— Вот видишь,— сказал Удалов кузнечику.— А ты говорил.

— Погоди,— встревожился кузнечик.— Один не ходи.

— Так пойдем вместе,— сказал Удалов.

Через две минуты Удалов и Тори стояли возле внушительного бронзового памятника Государственному колену. Удалов огляделся. Вокруг все так же кипела толпа. «Кто бы это мог быть? — думал Удалов.— Неужели Коля Белосельский прилетел?»

— Корнелий! — раздался рядом девичий голос.

К Удалову спешила девушка ослепительной красоты и редкого обаяния, одетая легко, в серебряный купальный костюм. При виде Корнелия девушка расширила голубые глаза и лукаво улыбнулась, показав множество жемчужных зубов в обрамлении полных розовых губ.

— Осторожно, Корнелий! — сказал кузнечик.

— Я понимаю,— согласился Корнелий, не в силах отвести взгляда от красавицы.

— Я счастлива,— сказала девушка, тонкими пальцами дотрагиваясь до руки Удалова.— Я мечтала встретиться с тобой. Пошли. Наш уютный летающий рай ждет у второго причала. Мы проведем с тобой отпуск у журчащего ручья возлюбленных, под сенью бананов забвения. Идем, мой кролик!

И Удалов, ровным счетом ничего не понимая и ни о чем не думая, покорно последовал за красавицей.

И может быть, дошел с ней до второго причала и добрался бы до бананов забвения, если бы его не перехватила жесткая рука посланца в черном трико.

— Делегат Земли,— сказал посланец твердо.— Вы забываетесь.

— Он мой,— сказала красавица нежно.— Ты мой, подтверди.

— Я твой,— сказал Удалов.

Кузнечик бросился вперед и вклинился между Удаловым и красавицей.

— Удалов! — сказал он, оглядываясь на посланца.— С нашей точки зрения эта особь не представляет интереса. Возможно, она синтетическая...

— Не верь им, Корнелий,— возразила красавица,— сами они синтетические.

Посланец подхватил сопротивляющегося Корнелия под руки и быстро повлек за собой. Удалов рванулся из рук посланца, красавица громко рыдала и взывала к Удалову.

— С первого взгляда! — кричала она.— Я полюбила. И на всю жизнь. Я не перенесу разлуки!

— Я тоже! — ответил Удалов.

Транзитные пассажиры с любопытством смотрели на эту сцену, полагая, что наблюдают чей-то национальный обычай.

Через десять минут кузнечик с посланцем посадили потерявшего от любви рассудок Удалова в космический корабль, привязали к креслу, а Удалов все еще не мог прийти в себя и повторял: «С первого взгляда... с первого взгляда и на всю жизнь...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
в которой Удалов прилетает на место проведения первого СОС.

Вскоре после взлета посланец дал Удалову таблетку и Корнелий заснул. Когда он проснулся, корабль уже подлетал к планете 14ххXX-5 : % =ъ34, где проводился СОС. Голова болела, конечности дрожали. Удалов видел перед собой прекрасные голубые глаза, но глаза эти были подернуты дымкой прошлого. Он услышал, как рядом тихо разговаривают его спутники, но ни слова не понял, кроме знакомой фамилии —

Удалов. С трудом Корнелий вспомнил, что это его фамилия.

— Вам лучше? — спросил синхронный кузнечик.— Припадок любви миновал?

— Плохо,— ответил Удалов.— В жизни со мной такого не случалось, с десятого класса средней школы.

— И как в десятом классе? — спросил синхронный кузнечик.— Обошлось?

— Я уж не помню деталей,— сказал Удалов.— Но было нелегко.

Кузнечик задумался, приставив коготок ко лбу, а сопровождающий посланец сказал:

— Нам это не нравится. Слишком пристальное к тебе, Удалов, внимание.

— И то правда,— согласился Удалов.— Она же меня по имени знала. Может, фотографию где-нибудь видела?

— Ты что думаешь, она тебя на фотографии увидела, влюбилась и начала за тобой по космосу гоняться?

— Но ведь бывает,— сказал робко Удалов. Ему хотелось верить в любовь.

— А скажи, Корнелий,— спросил посланец.— Ты по земным меркам красавец? Герой? Любимец женщин?

— Пожалуй, так не скажешь,— признался Удалов.— Я скорее обыкновенный.

— Так и должно быть. Иначе бы тебя на СОС не отобрали. А лицо той женщины тебе знакомо?

— Нет. Только если в мечтах...

— Тем более это меня тревожит,— сказал посланец. И тут корабль начал тормозить, а за иллюминатором появилась частично покрытая облаками планета.

Корабль с Альдебарана пристал к спутнику медицинского контроля. Когда Удалов вслед за кузнечиком и посланцем сошел с корабля, он оказался в длинном белом зале, где его и других пассажиров поджидали медики в халатах и масках. Медики поделили между собой пассажиров и принялись их обследовать.

Удалов достался солидной женщине, которая приказала ему раздеться, а потом напустила на свою

жертву с десяток шустрых механизмов, которые опутали Удалова проводами, искололи иглами, промыли желудок, сделали рентген — и это за какие-то две минуты. Исследуясь, Удалов не терял присущей ему любознательности и наблюдал, как обрабатывают остальных пассажиров. В сплетении проводов и иголок поблескивал желтый живот кузнечика, а у посланца под черным трико оказались смятые розовые перья.

Механизмы, завершая работу, извлекали из себя длинные листочки желтой бумаги и передавали их врачихе. Врачиха читала их и накалывала на штырь, к которому уже была прикреплена неизвестно когда сделанная цветная и мало похожая фотография Корнелия Ивановича.

Врачиха взглянула на очередной желтый листочек, громко присвистнула и сказала:

— Ну и дела!

Удалов встревожился.

Врачиха нажала на кнопку в подлокотнике кресла и отъехала от Удалова метров на пять.

Кузнечик и посланец уже спокойно одевались, видно, для них осмотр закончился благополучно.

Врачиха свистнула погромче, и рядом с ее креслом появились еще два врача. Все трое начали внимательно изучать листочки, пересвистываясь и бросая на Удалова укоризненные взгляды.

— Тори,— позвал Удалов.— Чего они у меня нашли?

Кузнечик, застегивая свой элегантный костюм, подошел поближе и свистнул врачам на их языке. Врачи в ответ высвистели целую песню, а механизмы с новой силой принялись вертеть, колоть и мять Удалова.

— Ты учти,— сказал Удалов.— Я долго не выдержу. Они меня терзают.

— Потерпи,— сказал кузнечик.— Плохо твое дело.

Удалов так испугался, что закрыл глаза. Этого делать не следовало, потому что перед его внутренним взором сразу возникла прекрасная незнакомка и начала любовно вздыхать. Удалов задрожал и тут услышал голос посланца.

— Корнелий,— сказал посланец.— Слушай меня

внимательно. Тебе придется пройти дезинфекцию. Ясно?

— Ничего не ясно.— Удалов раскрыл глаза, увидел, что врачи смотрят на него строго и опасливо.— В чем дело?

— А в том дело, что ты прибыл с отсталой планеты, на которой масса микробов и вирусов. Среди них абсолютно неизвестные галактической науке и, возможно, опасные для окружающих.

— Может, домой отпустите? — спросил Удалов. Но голос его прозвучал неискренне. И не потому, что ему хотелось заседать на СОС, а потому, что в нем жила надежда еще раз встретиться с прекрасной незнакомкой. Он понимал всю губительность такого намерения, но его душа жаждала встречи и страдала.

— Домой возвращаться поздно,— сказал посланец.— По вашим, земным, варварским меркам, ты здоров. По нашим же ты — заповедник заразы.

— Что делать,— лицемерно вздохнул Удалов.— Такие уж мы уродились.

Больше он ничего не сказал, потому что сверху на него опустился металлический колпак и в полной тьме Удалову показалось, что его разбирают на части. Так оно и было. И пока карантинный контроль не промыл каждую клетку его тела, Удалова как личности не существовало. Затем его собрали вновь, к счастью, точно таким, как прежде, вернули костюм и прочую одежду. Одежда воняла карболкой, а ботинки сделались жесткими. Внутри тела все чесалось. Жизнь стала такой некомфортабельной, что Удалов забыл о красавице.

Посланец повел Удалова к выходу из зала, а врачи смотрели им вслед и громко пересвистывались.

— Они такого в своей практике не видали,— сказал кузнечик.

За первым залом поджидала вторая проверка. Удалова измерили, сверили с фотографией в паспорте. Тут он не выдержал и сказал:

— Вижу, что здесь у вас неладно. Чего-то опасаетесь, кого-то боитесь. Поделитесь со мной опасениями.

— Не могу,— ответил посланец.— Не имею полномочий. Все в свое время.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой Удалов прибывает на СОС и старается обжиться на новом месте.

До гостиницы доехали быстро, в основном, туннелями, так что Корнелию не удалось полюбоваться местной архитектурой.

В холле гостиницы, украшенном множеством флагов и лозунгов на неизвестных языках, посланец подвел Удалова к длинной стойке, передал его милой пожилой даме с тремя глазами и в очках. Потом вежливо, но без душевности, распрощался.

Дама близоруко водила носом по спискам делегатов, наконец отыскала его фамилию.

— Удалов,— сказала она,— Корнелий Иванович. Место обитания Земля. Возраст средний, социальное положение среднее, достаток средний. Я правильно излагаю?

— Не спорю,— сказал Удалов.

В гулком холле звучали, переплетались голоса, различного вида существа собирались небольшими группами, общались между собой, порой пробегали организаторы разных рангов, а роботы-официанты разносили подносы с жидкостями в бокалах.

— Так,— сказала пожилая дама.— Вы двуногий, кислорододышащий, размер средний, температура средняя. Вот вам ключ от комнаты триста два-двенадцать. Лифт на тридцатый этаж, северное крыло по коридору вправо. Теперь держите мандат и папку. Проверьте, все ли на месте.

Старушка передала Удалову папку делегата. Папка была черной, пластиковой, с тиснением, а в ней нашлись следующие вещи:

1. Блокнот, авторучка, которая, как вскоре догадался Удалов, меняла цвет чернил в зависимости от настроения владельца, ластик, стирающий не только написанное, но и память о нем.

2. Таблетки, они же талоны на питание в столовой для кислорододышащих. В случае нужды их можно было принимать от несварения желудка.

3. Папка докладов, запланированных заранее, путеводитель по гостинице с встроенным компасом, аппарат для записывания мыслей, три объемных видовых открытки, значок.

4. Брошюра «СОС — надежда Галактики».

5. Бланк для голосования.

6. Приглашение на заключительный банкет и текст тоста-экспромта, который Удалов должен произнести от имени земного человечества.

7. Билет до Земли с пересадкой в Альдебаране.

— Ознакомились? — спросила дама.

— Да,— сказал Удалов.— Интересно.

— А теперь снимите пиджак и закатайте рукав сорочки.— Дама держала в руке большой шприц.

— Это еще зачем? — спросил Удалов.

— Вакцина для преодоления языкового барьера,— сказала пожилая дама и вкатила Удалову два кубика раствора. Было больно. Но действие вакцины сказалось сразу. Многочисленные неразличимые голоса стали разделяться по смыслу, и, что самое удивительное, стали понятны все вывески и плакаты, висевшие вокруг.

Удалов потер уколотое предплечье, надел пиджак, вежливо поблагодарил даму на ее родном языке и пошел искать лифт.

По дороге он уже не стеснялся, спрашивал встречных, те его понимали, словно разговор происходил на родной улице в Гусляре, но в объяснениях путались, потому что сами были приезжими. Удалов хотел было уже вернуться к даме, но и обратного пути отыскать не смог. В результате поднялся на лифте, который останавливался только на пятидесятом этаже, проехал эскалатором в другое крыло, спустился по лестнице и оказался в прачечной, оттуда служебным подъемником добрался до большого бассейна, где резвились дети делегатов, попал в помещение для тихих игр, в кабаре для сухопутных осьминогов, потом в библиотеку и лишь к исходу второго часа, многое повидав и страшно утомившись, отыскал номер триста два-двенадцать.

Дверь в номер Удалову не понравилась. Она была круглой и находилась на уровне груди. Удалов с трудом отворил ее и втиснулся в люк. Он оказался в длинной и темной трубе, по которой скользнул головой вниз. Сзади щелкнула, закрываясь, дверь, тьма сгустилась, и Удалов, прорвав головой некую мембрану, влетел в теплую, сладкую на вкус, липкую среду, к сожалению, лишенную воздуха.

Погружаясь на дно, Удалов стал барахтаться, надеясь отыскать входное отверстие, но в темноте он не мог определить не только направление к двери, но и такие элементарные понятия, как верх и низ. Сознание его помутилось, и он безжизненно опустился на дно.

И в этот момент в ушах Удалова, открытых теперь пониманию любого галактического языка, прозвучали отчаянные проклятия:

— Кто посмел нарушить мой покой? Кто не дает мне спать? Я буду жаловаться!

Удалов хотел было ответить, что нуждается в срочной помощи, но в рот хлынула сладкая жидкость, и он потерял сознание.

Очнулся Удалов в коридоре, куда его вышвырнул разозленный сироподышащий обитатель номера триста два-двенадцать. Пухлая женщина с добрым лицом делала ему искусственное дыхание. Когда Удалов окончательно пришел в себя, женщина, оказавшаяся уборщицей, объяснила Удалову его ошибку, чуть не ставшую трагической: вместо северного крыла он попал в западное.

Затем она любезно проводила его до нужного номера.

По дороге женщина обещала Удалову выстирать и погладить одежду, а также достать новую папку и мандат взамен потерянных.

Они благополучно добрались до нужной комнаты, небольшой, уютной, с окном во двор. Уборщица отвернулась, пока Удалов раздевался и закутывался в одеяло, а Корнелий, передав ей вещи, спросил растроганно:

— Скажите, добрая женщина, как я могу вас отблагодарить?

— Я рада помочь человеку,— сказала женщина.— Ведь мы, земляне, здесь в ничтожном меньшинстве.

— Как же так? — не понял Удалов, который полагал, что он первый землянин в этих краях.

— Мы с Атлантиды,— сказала простодушно женщина.— Когда наши тонули, давно это было, мимо пролетала летающая тарелочка. Тех, кто еще плавал, они подобрали. А потом сюда переселили. Мы прижились, сельским хозяйством занялись, размно-

жились. Но порой по родине скучаем. Как там у нас? Нашли Атлантиду?

— Честно скажу, нет. Даже сомневаются, была ли она,— ответил Удалов.

— Была, милый, была, как не быть,— сказала уборщица и покинула Удалова, который за время ее отсутствия принял душ, привел себя в порядок и даже внутренне улыбнулся своему приключению. Ведь расскажешь такое на Земле — засмеют.

Когда Удалов вышел из ванной, его белье и костюм уже висели в чистом, отглаженном виде на спинке кресла. Уборщица стояла, отвернувшись к окну.

— Вы так добры...— сказал Удалов.

— Не надо благодарности... Вот только...

— Продолжайте, продолжайте,— поторопил женщину Удалов.

— Дочка у меня пропала,— сказала женщина, заливаясь слезами.— Единственная моя радость, девочка моя драгоценная. Полетела в соседнюю звездную систему в институт поступать и пропала. Дорогой Корнелий Иванович, памятью наших общих предков прошу, погляди на фото моей Тулички, а вдруг?

И женщина, не оборачиваясь, протянула Удалову небольшую любительскую фотографию, на которой несложно было узнать таинственную красавицу, которая объяснялась Удалову в любви на Альдебаране.

— Ах! — сказал Удалов и замолк от взорвавшихся в нем чувств.

— Что? — воскликнула несчастная мать, обернувшись к Корнелию.— Я чувствую, что вы ее видели.

— Да,— ответил Удалов.— Она подошла ко мне на Альдебаране и объяснилась в любви.

— Так просто и подошла?

— Это и удивительно.

— Первая подошла?

— Первая.

— Мерзавец ты, Удалов,— возмутилась уборщица.— Хоть и земляк по происхождению. Моя дочь думает только о генетико-математической лингвистике в области футурологии и никогда, повторяю, никогда не подойдет к незнакомому мужчине.

— Вы, конечно, извините,— сказал Удалов.—

Я, может, и заблуждаюсь. Может, просто очень похожая девушка. Но на меня она произвела неизгладимое...

Уборщица из Атлантиды вырвала из рук Удалова фотографию и выбежала из номера.

Удалов постоял посреди комнаты, тяжело вздохнул, пожал плечами и сказал вслух:

— Нет, это не ошибка...

Голубые призывающие глаза стояли перед его мысленным взором.

Впервые в жизни Удалову захотелось написать стихотворение о любви.

Он даже стал искать бумагу и карандаш, но в этот момент в дверь постучали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой Удалов продолжает пребывать на конференции и вступает в сделку.

За дверью стоял знакомый кузнечик, который успел переодеться в фиолетовый наряд, схожий с фраком. В твердые блестящие уши он вставил по цветочку, пахнущему пряно и сильно, а носки его башмаков непрестанно шевелились.

— Очень модно,— сообщил Тори Удалову.— В них электромоторчики. Хочешь купить?

Кузнечик был оживлен, вел себя, как старый приятель, сразу уселся в кресло и спросил, нет ли чего выпить прохладительного.

Удалов ответил, что и сам бы не отказался.

— Ах ты, провинция, провинция,— засмеялся кузнечик-синхронист. Он нажал на кнопку в ручке кресла, и в стене откинулась дверца, за которой, подсвеченные оранжевым, стояли бокалы и сосуды разной формы.

— Мне только не крепкого,— сказал Удалов.— Я чуть не утонул. К тому же женщину обидел.

— Рассказывай,— сказал кузнечик, разливая прохладительные напитки.

Рассказ Удалова вызвал в новом приятеле смех, сочувствие и понимание.

— С этой красавицей загадка,— сказал он наконец.— Хотя я предпочитаю брюнеток. Я этим зай-

мусь. Но вообще-то я пришел тебе кое-что показать. Ведь должен же ты, Удалов, интересоваться диковинами дальнего космоса или по крайней мере сувенирами.

— Я сказал, мне расплачиваться нечем,— ответил Удалов.— Денег я с собой не захватил, сувениров тоже, а в нелегальные сделки я, прости, не вступаю. Не забудь, что я представитель небольшой, но гордой планеты.

— Ах уж мне этот патриотизм,— сказал кузнечик.— Как приобщишься к благам космической цивилизации, на Землю и смотреть не захочешь.

— Это как сказать,— возразил Удалов.— Вот я тут разговаривал с простой женщиной, уборщицей. Ее предки покинули родину много столетий назад. А как увидела земляка, бесплатно костюм отгладила.

— И мерзавцем обозвала,— заметил ехидно кузнечик.

— За дело. Надо было мне промолчать,— сказал Удалов.— Зачем трепать материнские нервы? Ведь, может, ее дочь испортилась в дальних странах, попала в дурную компанию, а для матери она всегда остается отличницей, скромницей, студенткой.

— Значит, ты теперь думаешь,— сказал кузнечик,— что если женщина полюбила тебя, Удалова, значит, она из дурной компании?

— Не знаю, не знаю,— сказал Удалов, печально глядя в большое зеркало, которое отражало его округлую невысокую фигуру.— Трудный мир, чуждые нравы...

— Ладно, смотри,— сказал кузнечик.

Он достал из кармана бутылочку сложной формы с чем-то зеленоватым внутри.

— Что это? — спросил Удалов.

— Могу продать. Средство от всего.

— Как так от всего?

— В зависимости от потребностей.

— И от насморка?

— И от насморка. И от любви. И от комаров. И от дождя. Большая редкость. В промышленное производство не поступило. Делается из корня, который растет только на одном астероиде. Сам понимаешь.

— Так на что мне такое средство? — спросил Удалов равнодушно, но глаза его загорелись и вы-

дали Корнелия опытному пройдохе Тори.

— А ты не для себя, для народа,— сказал демагогически кузнечик.

— Нет,— сказал Удалов.— Ты с меня что-нибудь нереальное попросишь.

— Не беспокойся, я щедрый.

— Средство-то ценное?

— Но я тебя люблю.

— Прости,— сказал Удалов.— Не верю. Чего бы тебе меня любить? Я не заслужил.

— За заслуги уважают,— ответил кузнечик.— Любят за недостатки.

— Я и недостатков тебе не показывал,— сказал Удалов.

— Они очевидны,— коротко ответил кузнечик.— Берешь средство?

— Сколько? — спросил Удалов.

— Восемнадцать,— сказал кузнечик.

— Много,— ответил Удалов.

— Шестнадцать и ни одной меньше.

— Пятнадцать и по рукам,— сказал Удалов.

— Только из любви к тебе,— сказал кузнечик.

Он протянул Удалову бутылочку, тот принял и спросил:

— А действовать будет?

— У нас без обмана,— сказал кузнечик.— Ты попробуй.

Удалов огляделся, на что бы употребить средство.

— У тебя прыщ на лбу,— подсказал кузнечик.

Удалов подошел к зеркалу. Прыщ был. Правда, небольшой.

— Да ты не бойся,— сказал кузнечик.— На палец возьми, помажешь. Самую малость.

Удалов послушался. Он вытащил пробку, намочил палец и приложил ко лбу. Палец приятно холодило. Так он и стоял с пальцем у лба. Эта поза навела его на новые размышления.

— Погоди,— сказал он.— А как же?

— Ты чего?

— Как же я расплачиваться буду?

— Как договорились. Сам же сказал — пятнадцать.

— Сказал, да не знаю чего.

— Ну и дурак,— сказал кузнечик.— Когда тор-

гуешься, обязательно надо знать, что отдаешь.

— Так что я отдал?

— Причастность к искусству,— ответил кузнечик.— В объеме пятнадцати минут.

— Я к искусству не причастен.

— Послушай, Удалов, я о твоем благе пекусь. Но и себя не забываю. Когда я узнал, что ты человек обездоленный, даже зубная щетка здесь у тебя казенная, я стал голову ломать, как тебя облагодетельствовать, чтобы не разориться. И придумал. У тебя, как у каждого разумного существа, есть ненужные воспоминания. Тяжелый груз твоему и без того натруженному мозгу. Вот их я у тебя и возьму. Лишнего трогать не буду, здесь за это судят.

— А на что тебе воспоминания, связанные с незатейливой жизнью в небольшом городе Великий Гусляр? — спросил Удалов.

— Для тебя это обыденно,— сказал кузнечик,— а для нас странная экзотика. Ты бы хотел посмотреть фильм из жизни моих соседей, как они по утрам демонстративно круфают, потом уходят в трагические прцэки и рискуют в лофе улытиться от проговоркифы?

— Не понял,— ответил Удалов.— Но любопытно.

— Вот и нам любопытно,— сказал кузнечик.— Надеюсь получить за твои ненужные воспоминания некоторую мзду. Я — делец честный. И если заплатят больше, чем стоит эта драгоценная бутылочка, сдачу принесу тебе. Да отними ты палец ото лба!

Удалов послушно отвел палец и увидел, что прыщик исчез. Средство подействовало.

— А как я тебе ненужные воспоминания отдам!

— Сейчас все сделаем.

Кузнечик метнулся в коридор, прискакал обратно, катя перед собой заранее заготовленную тележку с приборами — все предусмотрел, хитрец!

— Сначала посмотрим, какие воспоминания у тебя переместились за ненадобностью в мозжечок. Из них я отберу, что подойдет. Сам понимаешь, дружище, я ведь тоже рискую. А вдруг у тебя воспоминания скучные?

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель влетела папка, за ней мандат.

— Держи, клеветник! — послышался голос доброй уборщицы.— Достала я тебе все новое.

— Я не хотел обидеть вашу дочку Тулию! — воскликнул Удалов.— Я к ней тепло отношусь.

— Не верю! — послышался ответ, и дверь захлопнулась.

Удалов печально вздохнул, а потом сказал с беспокойством:

— Только чтобы воспоминания о ней не трогать!

— И не подумаю,— сказал кузнечик.— Они у тебя свежие, замкнутые на слуховой аппарат и глазные нервы. Как их вытащить?

Кузнечик ловко подключил Удалова к приборам, а сам при этом глядел в глазок, направленный на мозжечок Удалова. Больно не было, лишь немного щекотало в затылке. Удалов сидел послушно и размышлял, как бы получше использовать универсальное лекарство у себя дома, чтобы не разменяться на мелочи. Например, надо попытаться избавить жену Ксению от склонности к попрекам. Удалову уже пятый десяток, но его все равно дома считают почти ребенком, требуют отчета, где был, с кем был и так далее, даже стыдно. Но как только Удалов подумал о жене Ксении, вместо грусти по оставленной семье его охватило тревожное и свербящее чувство к красавице Тулии, он даже пожалел, что не попросил у ее матери фотографию. Хоть какая память бы сохранилась. Погоди, а если с помощью этого средства внушить Тулии настоящее чувство к Удалову? Она сказала о любви, а сейчас уже, может, забыла обо всем, смотрит такими же расширенными глазами на какого-нибудь инопланетянина с персональной летающей тарелочкой...

— Все,— сказал кузнечик.— Операция закончена. Большое спасибо.

— Нашел чего-нибудь на продажу? — спросил Удалов.

— Гарантии дать не могу,— ответил кузнечик.— Но надежды не теряю.

— И на том спасибо. Бутылочка моя?

— Твоя, пользуйся.

И кузнечик принялся сворачивать оборудование, будто опасался, что Удалов спохватится и передумает. Но Удалов этого не заметил. Он нежил в ладонях бутылочку, связывая с ней различные планы на будущее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Удалов присутствует на открытии первого СОС.

Первый Галактический Съезд Обыкновенных Существ торжественно открылся 21 июля по земному календарю, что, разумеется, не соответствует прочим календарям Вселенной.

В гигантском зале конгрессов разместились в креслах те делегаты, которые привыкли жить в кислородных атмосферах, а таких в Галактике большинство. За прозрачными стенами круглого зала расположились сотни камер, наполненных водой, метаном, пропаном, бутаном, соляными и кислотными растворами, паром, гравием, вакуумом, ватой, туманом, мхом, сероводородом — теми атмосферами, в которых существуют остальные обитатели разумной части Галактики.

В президиуме сидели члены Оргкомитета и руководители планеты 14ххХХ-5 : % =ъ34.

Удалову досталось место в амфитеатре, удобно, хорошо видно.

— Дорогие гости,— обратился к делегатам двухголовый председатель оргкомитета Г-Г.— Мы собрались сюда с разных концов Галактики для того, чтобы упорядочить судьбу нашей Вселенной. Есть проблемы, которые оказались не по зубам гениям и правительствам. Для того чтобы их решить, мы отобрали на каждой из обитаемых планет самого среднего индивидуума...

Речь председателя Удалову понравилась, но занятый разглядыванием соседей по залу и тех существ, что томились за стеклянными загородками, он не заметил, как Г-Г сменил на трибуне председатель мандатной комиссии. Речь его Удалов захватил где-то в середине:

— ...На съезде присутствуют две тысячи шестьсот восемь делегатов с решающим голосом от двух тысяч шестисот двадцати двух планет и планетных систем. Отсутствуют по уважительным причинам четырнадцать, в том числе умерло в пути три, убито в стычке с космическими гнирами — один, распочковался и впал в детство — два, оказался гением и возвращен как самозванец — один, либустировался — один,

дезертировал — один, пропало без вести — пять...

Когда мандатная комиссия отчиталась, Удалов подумал, что пора бы устроить перерыв. Он оглянулся, размышляя, не сходить ли в буфет, и тут ему показалось, что он видит синхронного кузнечика. Удалов помахал ему рукой, но это оказалось ошибкой, потому что председатель Г-Г заметил этот жест и неправильно его истолковал.

— Слово для приветствия,— сказал он,— просит делегат Земли Корнелий Удалов.

Удалов хотел было возразить, но его возражения утонули в аплодисментах, и пришлось идти через весь зал на трибуну, не представляя, о чем говорить.

Удалов поднялся на трибуну, сделал рукой знак, чтобы прекратить аплодисменты, и решил, что его опыта пребывания на совещаниях достаточно, чтобы не опозорить родную Землю перед столь важным собранием.

— Товарищи,— сказал Удалов,— дамы и господа. И те господа, которые не имеют пола. Я прибыл к вам с небольшой планеты Земля, о которой некоторые из вас и не слыхали. Но это не так важно, потому что я тоже не слыхал о некоторых ваших планетах, что никак не уменьшает моего к вам уважения.

Раздались аплодисменты и другие звуки, которые заменяют аплодисменты у существ, не обладающих ладонями.

— Я летел сюда, не зная, чем мы должны заниматься. Хотя надеялся, что займемся делом. Сегодня утром я прочитал программу съезда, а также брошюру «СОС — надежда Галактики». И должен сказать, что меня вдохновила идея, лежащая в основе нашего съезда. Давно пора объединиться обыкновенным людям всего мира. Их больше всего, и они самая здоровая часть разумного человечества. Какие бы опасности ни угрожали Вселенной, они никогда не происходят от средних людей, а от умных или от дураков. А что умные или дураки могут сделать без нас, обыкновенных?

Вновь раздались шум и аплодисменты.

— Кому решать судьбы Вселенной, как не нам,— продолжал Удалов, все более вдохновляясь.— Мы положительное большинство. Кто чаще всего женится и рожает детей? Обыкновенные люди. Кто реже всех

разводится? Обыкновенные люди. Что бы делали другие, если бы не было обыкновенных? Вымерли бы, ручаюсь, от глупости или от излишнего ума. Кто начинает войны? Наполеоны. А кто их кончает и заключает мир? Мы, обыкновенные люди. Да и как бы мы могли оценить величие и опасность того же Наполеона, если бы не было множества обыкновенных полководцев, с которыми мы его сравниваем? Как бы стали великими выдающиеся писатели, если бы не было множества обыкновенных писателей, которые делают свое скромное дело, оттеняя величие Льва Толстого? Как бы мы могли оценить прелесть некоторых красавиц, если бы рядом не было обыкновенных женщин — наших жен?

Тут снова раздались аплодисменты, а также отдельные свистки и гневные возгласы, потому что не все были согласны с Удаловым. Удалов смешался, покраснел и понял, что переборщил. Поэтому он закончил свою речь кратко:

— Я передаю приветствие нашему первому СОС от имени обыкновенных людей Земли и надеюсь, что мы совместными усилиями многого добьемся. Середина непобедима!

При громе оваций Удалов сошел с трибуны, а некоторые делегаты тут же на больших листах бумаги начали рисовать последние слова делегата с Земли: «Середина непобедима!» К перерыву в зале уже покачивалось несколько плакатов с такой надписью, а к вечеру лозунг появился и на стенах города, жители которого немало гордились тем, что он дал прибежище такому славному съезду. А еще через день в продаже появились большие круглые значки с изображением улыбающегося Удалова и надписью «СЕРНЕП», что означало, естественно — «Середина непобедима!».

После речей организаторов и приветствий от Сириуса, Альдебарана и не известных Корнелию планет, начались прения. Удалов с удивлением отметил, что средние существа довольно разнообразны. Например, средний человек с Просидоры был по земным меркам математическим вундеркиндом, а любой Тори с Тори-Тори — талантливым лингвистом. Средний ярык был чуть умнее пятилетнего земного ребенка и куда более вздорен, чем дворняжка Ложкиных из соседней квартиры.

Завязалась горячая дискуссия о том, как обыкновенным существам выработать среднюю программу и установить в Галактике мир и покой. И вскоре основное внимание сосредоточилось вокруг планеты Кэ, с которой была связана неприятная тайна.

Дело в том, что еще несколько лет назад эта планета ничем не отличалась от прочих передовых и миролюбивых миров, но затем все ее жители заболели непонятной болезнью и лечиться отказались. Это было бы еще терпимо, если бы общение с обитателями планеты Кэ не заражало всех, кто находился с ними в контакте. Вроде бы человек оставался совершенно здоровым, но характер его менялся к худшему, он рад был оправдать любую гнусность, обман и предательство, совершенные своими новыми друзьями, а затем исчезал. Внезапно отупевшие мужья не узнавали своих жен и детей, били их и бежали на космодром. Государственные деятели забывали о своих задачах и обязанностях, пытаясь объявить свои миры колониями планеты Кэ, а когда им это не удавалось, тоже пропадали. Лучшие умы Галактики бились над этой проблемой, но разрешить ее не смогли. В результате решено было объявить карантин и не пускать жителей Кэ в другие миры. Но те проявляли удивительную изобретательность, подсылая вместо себя обращенных в свою веру, зараженных существ с других миров. К счастью, один медик придумал анализ, по которому известное вещество триэтилмононуклеон становилось зеленым, если на него дышал человек, зараженный болезнью Кэ. Именно по этой причине так тщательно проверяли пассажиров, прилетевших с Альдебарана.

В некоторых выступлениях название планеты Кэ произносилось с тревогой и даже страхом. Все понимали, что в числе первоочередных задач СОС — спасение жителей Кэ.

В перерыве Удалов пообедал по талону в столовой, разделенной на отсеки по образу питания. Питание было сносным, хоть и непривычным. К сожалению, из-за перегородки несло сероводородом — там стоял столик с планеты, где сероводород пьют вместо чая. Когда Удалов, насытившись, встал из-за стола, к нему подошел оранжевый шар на тонких ножках в галошах, чтобы пожать руку и поздравить с удачной

речью. Поблагодарив шар, Удалов увидел бегущего к нему кузнечика. Кузнечик был облачен еще шикарней вчерашнего, в золотой смокинг с бриллиантовой застежкой у ворота, в золотые лосины и красные сапожки, носки которых шевелились сильней, чем раньше. Цветы в ушах были осыпаны самоцветами.

— Удалов! — закричал он и бросился к приятелю так быстро, что чуть не попал под ноги шестиногому сиреневому слону, который нес ведро с сосисками.

— Я здесь,— сказал Удалов, идя ему навстречу, потому что полагал, что кузнечик хочет поздравить его с удачным выступлением. Но кузнечик Тори думал о другом.

— Слушай, Корнелий,— сказал он громким шепотом.— У тебя не осталось лишних воспоминаний?

— Ты разве не все вчера забрал?

— Не уверен. Но взял бы и такие, что тебе вроде и не нужны, хотя кажется, что могут пригодиться.

— Что-то ты активный! Наверное, удачно мои вчерашние воспоминания продал?

— Какой там! — быстро ответил кузнечик и отвел в сторону круглые глаза.— Еле-еле окупил расходы.

Его лапка совершила незаметное путешествие к горлу, прикрывая бриллиантовую застежку. Удалов внутренне улыбнулся. Он понял, что его подозрения обоснованы, но спорить не стал. На что человеку лишние воспоминания? Все равно что вчерашний снег. Тем более что нехватки их Удалов не ощущал.

— Почему интересуешься? — спросил Удалов.

— Нашел для тебя нужную вещь,— сказал кузнечик.— Отойдем, покажу. Только дорого просят.

Когда они отошли в сторонку, кузнечик достал из-за пазухи зеленый шарик, чуть побольше грецкого ореха.

— Видишь? — спросил он.— Дали подержать на время.

— Объяснись,— сказал Удалов.

Тут зазвенел звонок, собирая делегатов на послеобеденное заседание.

— Одна минута,— сказал кузнечик и поддел коготком орех сбоку. Там обнаружилось маленькое отверстие.— Вот здесь,— продолжал Тори,— можно жить. И живут.

— Кто? Блохи? — спросил Удалов, продвигаясь к выходу.

— В том-то и секрет, что люди. Это растение. Растет оно на далекой планете Сапур. Сначала оно вот такое, через год — с футбольный мяч, а через три года будет с тебя, Удалов, ростом.

— Ну и пусть растет,— сказал Удалов, шагая по коридору. Неловко опаздывать, особенно если ты уже пользуешься известностью.

— Это саморастущий дом,— сказал кузнечик.— Пока растение маленькое, в него детишки поселяют своих кукол, когда подрастает, получается комнатка, в которой живут холостяки и невесты. Еще через год-два комната внутри становится такой большой, что можно городить на две. Семья увеличивается, дом растет, и никаких жилищных проблем.

— А оно не возражает? — спросил Удалов.

— Чего же ему возражать? Ты же в школе учил— растения поглощают углекислоту и выделяют кислород. Чем сильнее ты в нем дышишь, тем ему приятнее. И воздух всегда свежий, проветривать квартиру не надо. Уже лет двадцать прошло, как эти растения завезли на Сапур, все население там переселилось в живые дома. С виду лес, а в самом деле город. И природа в порядке, и людям не тесно.

— А вдруг на Земле дома не приживутся? — спросил Удалов.

— Приживутся. На Сапуре климат, как под Москвой,— сказал кузнечик.— Не веришь, слетаем, проверим. Представляешь, никаких проблем в жилищном строительстве. Каждому ребенку выдаешь дом, ребенок растет, и дом растет...

Тем временем они вошли в зал заседний. Кузнечик, убедившись, что Удалов снова попался ему на крючок, побежал наверх, к синхронным будкам, а Удалов прошел к своему месту. И сильно задумался, даже не слышал выступлений первых ораторов. Ведь можно принести громадную пользу Земле! Может, в самом деле пожертвовать еще какими-нибудь воспоминаниями?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
в которой Удалов идет в кино и удивляется.

Удалову было приятно слушать, как некоторые делегаты в своих выступлениях ссылались на его речь,

а другие заканчивали выступления лозунгом «Середина непобедима!». Так что заседание прошло для него незаметно и интересно, к тому же он узнал массу любопытного о жизни на других мирах и даже пожалел, что не обладает писательским даром, чтобы запечатлеть услышанное для земных читателей. Хотя, подумал он, скептики на Земле, которые до сих пор даже не верят в летающие тарелочки, наверняка сочтут его правдивые рассказы за лживую выдумку.

Наконец прозвенел гонг председателя и заседание завершилось. Было объявлено, что завтра съезд начинается после обеда, потому что некоторые делегаты не привыкли так много заседать и должны отдохнуть. Желающих пригласили посетить магазин путеводителей для иностранных гостей, пригородные озера или раскопки подземного города. Удалов поднялся со своего места и отправился искать председателя Г-Г. Ему пришла в голову интересная идея — а не поехать ли завтра на пригородные озера и не порыбачить ли до обеда? Надо только узнать, как здесь с удочками и наживкой.

Но председателя он не нашел. Не успел. Как демон-искуситель, рядом возник кузнечик Тори.

— Ты подумал о жилищной проблеме? — спросил он Удалова.

— Трудно решить,— сказал Удалов.— Надо ознакомиться с начинанием на месте. Может, эти дома для нас, земных жителей, совершенно не годятся. Неизвестно, как они проблемы канализации и водопровода решают, как с отоплением и освещением. Не могу я воспоминаниями разбрасываться.

Кузнечик задумался.

— Ты прав,— сказал он наконец.— Сапур недалеко. Завтра за полдня управимся. Только учти, стоимость поездки я включу в общий счет. Забота о тебе недешево обходится. Просто не представляю, почему я тебя так люблю. Может, в самом деле в тебе недостатков много?

— Может быть,— сказал Удалов.

— Тогда я за тобой в шесть утра зайду,— сказал кузнечик.

И ускакал.

Теперь уж не было смысла искать председателя. Все равно рыбалка пропала. Не везло Удалову с ры-

балкой. «Ну ничего,— подумал он,— зато произведу переворот в строительной технике».

Он решил пойти погулять по городу, благо выдался хороший, теплый вечер. У выхода из гостиницы его окликнули.

Это была милая уборщица, мать удаловской возлюбленной.

— Корнелий Иванович,— сказала она.— Вам телеграмма с Земли. Только что получили.

— Спасибо,— сказал Удалов и развернул телеграмму. Он думал, что телеграмма от Ксении, но предчувствие его обмануло. Телеграмма оказалась от Коли Белосельского.

«Поздравляю открытием съезда,— звучала телеграмма.— *Надеюсь, что не посрамишь чести нашей планеты. Семья здорова. Желаю успеха. Николай».*

Сердце Удалова преисполнилось благодарности к другу детства, который раздобыл его адрес и поздравил. Удалов решил тут же ответить и потому спросил уборщицу:

— Телеграф далеко?

— Он закрыт уже,— сказала уборщица.— Завтра откроется.

— Как жаль,— сказал Удалов.— Спасибо, что меня отыскали.

— Для меня это не труд, а удовольствие,— сказала уборщица.— Хоть вы меня и обидели подозрениями в адрес моей дочери, но все-таки вы мой земляк и приятный человек. А сегодня так хорошо выступали, я вас по телевизору смотрела!

Уборщица была еще нестарой, миловидной женщиной, и если бы не всегдашняя печаль облика и готовность к слезам, она была бы похожа на свою прекрасную дочь.

— Я не хотел вас обидеть,— сказал Удалов.— И тем более обидеть вашу дочь.

Разговаривая так, они пошли по ярко освещенной праздничной улице, через которую уже висели транспаранты: «Середина непобедима!» Некоторые из прохожих узнавали Удалова, кланялись ему или жали руку. Настроение у Корнелия было приподнятое, он вежливо и дружелюбно разговаривал с уборщицей из Атлантиды, хотя о красавице Тулии они не упоминали. Так они дошли до какого-то ресторана.

Удалов пригласил было уборщицу поужинать, но уборщица возразила, что в ресторане дорого и этим напомнила Удалову о его стесненном имущественном положении. В чем Удалов и признался ей со смущенной улыбкой, которая очень красила его простодушное курносое лицо.

— Я тут мог денег заработать,— сказал он.— Но вместо денег уникальную штуку получил.

И Удалов рассказал уборщице о бутылочке, которую получил за ненужные воспоминания. Потом достал и бутылочку.

Уборщица вдруг нахмурилась, повертела бутылочку в пальцах и сказала со вздохом:

— Провели тебя, Корнелий Иваныч. Воспользовались твоей простотой. Это не средство от всего на свете, а только лекарство для сведения прыщей. Хорошее лекарство, только ничего, кроме прыщей, им не вылечишь. В любой аптеке продается.

Удалов было опечалился, но взял себя в руки и сказал:

— Хорошее средство от прыщей тоже нелегко найти. А я с ним прошлогодним снегом расплатился. Значит, получается, что вор у вора дубинку украл.

Они как раз проходили мимо кинотеатра.

— Пойдем в кино,— предложила уборщица.— Здесь билеты недорогие, а вы, когда будет возможность, мне деньги за них вернете.

Удалов был тронут такой прямотой, и они пошли в кино.

Сначала показывали фильм про космическое путешествие. Уборщица шепотом объяснила ему, что фильм документалькый, других здесь не знают, и записан он с памяти одного известного космонавта. Потом начался фильм «Первая любовь». И тут Удалов сильно удивился.

На экране в цвете и реальном объеме возникла пыльная, странно знакомая Удалову улица. По сторонам ее тянулись одноэтажные домики с палисадниками, в палисадниках цвели флоксы и астры, лениво перебрехивались псы, просунув носы в штакетник. Было знойно и покойно. Над домами, в конце улицы, горел под закатным солнцем золотой купол...

— Земля...— радостно прошептала уборщица из Атлантиды.

— Земля,— отозвался Удалов. И добавил: — Великий Гусляр, улица Кулибина.

Это было удивительно, словно Удалов погрузился в сон, древний, почти детский. Ведь он, как руководитель стройконторы, отлично знал, что эта улица выглядит теперь иначе, что домики с правой стороны частично снесены и на их месте построен двухэтажный детский сад и стеклянная химчистка.

...По улице шла девушка, почти девочка в голубом ситцевом платье, с косичками до плеч. Девочка улыбалась своим мыслям, и она показалась Удалову чем-то схожей с красавицей Тулией. Видно, это сходство не укрылось и от уборщицы, потому что она всхлипнула и сказала: «Моя тоже такой была... отличницей».

Девочка посмотрела прямо в экран и обрадованно воскликнула:

— Здравствуй!

— Здравствуй,— откликнулся юношеский голос, и на экране появился невысокого роста молодой человек с круглым лицом, маленьким носом, кудрявый и загорелый. Чем-то этот молодой человек был Удалову знаком, но воспоминание промелькнуло по краю памяти и исчезло. Удалова больше интересовали виды родного города, и он с гордостью хозяйственника отмечал, что нынче эта улица уже покрыта асфальтом и тем избавлена от пыли, а деревья по сторонам выросли и дают густую тень.

Девушка и юноша взялись за руки и пошли к скверу, который зеленел неподалеку.

— Теперь здесь детский городок, с качелями,— сообщил Удалов своей соседке, но та отчужденно взглянула на него и отвернулась.

Кадр сменился другим. Тот же молодой человек и та же девушка купались в неширокой голубой речке. Ивовые кусты опускались к самой воде, и в глубине золотыми тенями проскальзывали рыбы. Юноша плыл на тот берег, к соснам, а девушка стояла по пояс в воде и кричала ему:

— Вернись, потонешь!

Следующий кадр. Вечер. Неподалеку играет оркестр. Девушка и юноша идут по темной аллее, и вдруг девушка останавливается и смотрит на юношу в упор. В темноте ее глаза горят как звезды. Они рас-

тут, заполняют весь экран... Зрители затаили дыхание.

— Теперь,— прошептал Удалов уборщице,— мы обеспечили в парке освещение, и темных аллей практически не осталось.

— Отстаньте,— прошептала раздраженно уборщица, и Удалову даже стало обидно на такое невнимание к его деятельности по благоустройству.

Юноша осторожно дотронулся губами до щеки девушки, она резко повернулась и побежала прочь. Он за ней... Вот они выбежали в освещенный круг у танцевальной веранды, где играл маленький, из четырех человек оркестр, толпились, щелкая семечки, парни, и стайками щебетали девушки.

— Да,— вздохнул Удалов.— Здесь и я когда-то бывал...

...Вот юноша и девушка плывут по веранде в танце танго. Юноша робко прижимает к себе тонкий стан девушки и смотрит на нее влюбленными глазами.

Оркестр замолкает, но они продолжают стоять посреди веранды, не замечая, что музыка кончилась.

И тут к ним подходит высокий парень и произносит срывающимся баском:

— Уходи отсюда. Чтобы ноги здесь твоей не было. И чтобы тебя рядом с ней я больше не видел.

— Да я что,— робеет юноша.— Я же ничего.

— Пошли,— говорит девушка юноше и берет его за руку, отважно глядя в глаза высокому парню.

— Ты с ней не уйдешь,— говорит он.

— Он уйдет со мной,— говорит девушка.— И учти, что я тебя не боюсь. И он тоже. Ты не боишься?

Но юноша молчит.

Разыгрывается напряженная немая сцена. Словно шпаги, скрещиваются взгляды. И, не выдержав взгляда девушки, высокий подросток отступает.

Зал с облегчением вздохнул. Кто-то неподалеку плакал. В этой сцене была жизненность, понятная всей цивилизованной Галактике.

— Все-таки хулиганство,— сказал Удалов сам себе.— Пристают к девушке.

...Юноша с девушкой медленно сошли с веранды. Что-то произошло в их отношениях, что запрещало прикоснуться друг к другу... Внизу, в темной аллее, их поджидал тот же высокий подросток.

— Разъединитесь! — приказал он.

— Не смей,— сказала девушка, глотая слезы.

— А я его не трону,— сказал парень.— Он сам уйдет. Ты уйдешь?

И после долгой паузы, которая показалась зрителям почти бесконечной, юноша вдруг сказал сдавленным голосом, обращаясь к девушке:

— Я к тебе завтра зайду.

— И не мечтай,— захохотал высокий парень.— Беги.

— Если ты сейчас уйдешь, ты меня никогда больше не увидишь,— сказала девушка.

Но юноша уже уходил по аллее, склонив голову и приподняв плечи, словно опасался, что его ударят сзади. Потом возник еще один кадр: берег реки. На берегу, в траве, сидит и всхлипывает юноша. Он один. Только луна смотрит на него с черного неба...

Зрители встретили конец фильма аплодисментами. Удалов не аплодировал. Он думал. Он никак не мог понять, почему здесь показывают фильмы о Великом Гусляре. К тому же пессимистические. Не хлопала и уборщица. Только посмотрела на Удалова внимательным взглядом и сказала:

— Может, уйдем?

— Уйдем,— согласился Удалов. Он устал за день и хотел спать.

Когда они вышли на улицу, уборщица спросила:

— Ну и что вы об этом думаете?

— Трудно ответить,— признался Удалов.— Есть, конечно, отдельные случаи неправильного поведения подростков. Но мы с этим непрерывно боремся...

— Он вам ничего не напомнил?

— Нет. Правда, я удивился. Я же в этом городе всегда живу. Город узнал, улицы узнал, изменения в нем угадал правильно, а вот этих молодых людей помню смутно. Наверное, они младше меня были. В таком возрасте один год уже играет роль.

— А я узнала,— сказала уборщица.

— Чего?

— Вас узнала, Корнелий Иванович. В молодости.

— Кто же там меня играет?

— Да не играет! Это про вас фильм. Это ваши воспоминания, которые вы загнали в мозжечок, чтобы забыть, а потом продали кузнечику за средство от прыщей.

— Нет! — возмутился Удалов.— Не мог я такого забыть. Не было этого!

— Теперь для вас этого нет,— согласилась уборщица, и слеза скатилась по ее щеке.— Что продали, того нет.

— Так не бывает,— сказал Удалов.

— А может, вам без такого воспоминания легче будет? Только беднее... Не надо меня провожать.

И уборщица быстро пошла по улице, прочь от Удалова. Удалов вздохнул, не убежденный словами уборщицы, и вернулся в гостиницу. Хотя, конечно, червь сомнения в нем остался. Лицо юноши было знакомым.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
в которой Удалов выясняет отношения и тайком отправляется на Сапур.

Может, Удалов и забыл бы о вечернем приключении, если бы не газета. Кто-то подсунул ему в щель под дверь местную газету, в которой красным карандашом была отчеркнута заметка: «Успех нового фильма».

«В мнемотеатре «Открытое сердце» демонстрируется новый мнемофильм «Первая любовь» из воспоминаний юности землянина У. Правдивость, искренность и душевная боль этого интимного зрелища не оставляет равнодушными многочисленных зрителей. Так и хочется воскликнуть: «До чего душевные проблемы едины во всех уголках Галактики!» Организатор и продюсер фильма Тори (Тори-Тори) отказался встретиться с нашим корреспондентом ввиду крайней занятости на СОС, однако мы получили интервью у владельца сети мнемотеатров, который сказал, что ввиду большого художественного и воспитательного значения фильма продюсер получил за него тройную оплату и выплатил бескорыстно всю рекордную сумму владельцу воспоминаний землянину У. Мы надеемся, что столь значительное вознаграждение склонит землянина У. к дальнейшему сотрудничеству с нашими кинозрителями. Мы ждем новых, не менее трогательных и правдивых фильмов! Хватит нам питаться тоскливыми поделками не знающих чувств спекулянтов от искусства!»

Удалов отложил газету. Настроение у него несколько упало. Получалось, что уборщица не ошиблась. Если землянин У. это и есть Удалов, то получается, что Корнелий заработал репутацию дельца и стяжателя...

Открылась дверь, и вбежал оживленный кузнечик.

— Доброе утро! — воскликнул он.— Все готово! Мы летим!

Тут его острый взгляд упал на развернутую газету.

— Ты уже прочел? — спросил он живо.— А я как раз хотел тебе принести, но забыл. Видишь, как мы с тобой прославились! Приятно, да? Нас ждут дальнейшие творческие успехи!

— Значит, так,— сказал Удалов жестко.— Значит, торгуем моими интимными моментами, позорим меня на всю Галактику?

— Не будь наивным, Корнелий,— ответил кузнечик.— Ты мне это воспоминание продал и не заметил его отсутствия.

— Продал,— саркастически произнес Удалов.— За бутылку средства от прыщей.

— А разве плохое средство? — нашелся кузнечик.— Разве не выводит?

— А кто мне сказал, что это средство универсальное? От всего?

— Не исключено,— сказал синхронист.— Его еще никто не пробовал употребить с другими целями. Кто может гарантировать, что оно не помогает от любви? Я лично не могу. Но не в этом дело. Собирайся живее, нас ждут растительные дома. Ты забыл?

— Кукольные? — спросил Удалов.— Как я могу верить человеку, дважды меня обманувшему?

— Почему дважды?

— А деньги? Рекордную сумму получил, бриллиантовую заколку купил, а за перелет с меня содрать хочешь!

— Клевета! — возмутился кузнечик.— Ты попал в дурную компанию! Завистники склоняют тебя к вражде с другом и благожелателем. Этот выжига хозяин мнемотеатров ввел в заблуждение прессу. Я с трудом покрыл расходы.

Круглые глаза кузнечика сверкали. Он был оскорблен в лучших чувствах. Но Удалов пересилил возникшую было жалость и решил кузнечику не ве-

рить. В конце концов Удалов не первый день как на свет родился. То, что он средний, не значит, что он глупый. Поэтому Удалов притворно вздохнул и сказал:

— Ладно, не будем ссориться. Я должен признаться, что получил предложение сотрудничать в постановке фильмов. Вся выручка пополам. Через полчаса ко мне придут с авансом.

— Ты с ума сошел! — закричал кузнечик, и Удалов понял, что одним ударом выиграл битву.— Это же жулики! В лучшем случае они отдадут тебе треть!.. Ты их просто не знаешь! Тебе нужен искренний друг и защитник. Без меня ты погибнешь.

Кузнечик нервно вскинул коготки и сказал совсем другим голосом:

— Кстати, Корнелий, я все забываю. Таскаю с собой твои деньги, да забываю отдать.

Лапка кузнечика исчезла на мгновение за пазухой золотого смокинга и выскочила обратно с пачкой денег. Кузнечик хлопнул стопкой о стол.

— Возьми,— сказал он,— это твоя доля.

— Не надо,— ответил Удалов.— Я уже договорился.

— Да ты посчитай, посчитай... Неужели я тебя обману?

— Не хочу считать,— сказал Удалов.— Клади деньги обратно.

Кузнечик замер, будто в задумчивости, потом внезапно ахнул:

— Как же так! Моя проклятая рассеянность! Я же остальные твои деньги в другой карман положил!

Кузнечик запустил лапку в тот же самый карман и вытащил оттуда еще одну пачку банкнот, вдвое толще первой.

— Все правильно,— сказал он.— Как камень с души упал. Теперь я беден, ты богат, и мы квиты. Чего только не сделаешь ради друга!

Кузнечик взмахнул лапками, но так неудачно, что из-за пазухи у него посыпались денежные купюры в таком количестве, что даже упав на них, кузнечик не смог прикрыть их тельцем.

— Что делать! — воскликнул он.— Помоги мне, Удалов, собрать наследство, полученное мною сегодня утром от погибшей в извержении вулкана тетушки Тори.

Удалов помогать не стал. Он уже видел этого жулика насквозь. Но, честно говоря, не обижался. Жулики похожи, в каком бы месте Галактики они ни действовали. Обижаться на них нельзя. С ними надо планомерно бороться.

Удалов собрал деньги со стола, не считая сложил в бумажник и, пока кузнечик ползал по полу, причесался, аккуратно уложив последнюю прядь поперек лысины, поправил галстук и сказал:

— Ну что ж, пора ехать. Проверим, сохранились ли в тебе остатки совести.

— Конечно, сохранились! — обрадовался кузнечик, поняв, что его простили.— Ты не думай, дорогу в оба конца я оплатил, билеты в кармане. Кстати, возьми от меня небольшой подарок. Обожаю дарить тебе подарки.

Кузнечик достал небольшую коробочку, прозрачную сверху.

— Только не выпускай,— сказал он.

В коробочке сидел, шевеля клешнями, маленький скорпиончик.

— На что мне такой подарок?

— Ах, Удалов, Удалов,— вздохнул кузнечик.— Не знаешь своего счастья. Я вчера этого звереныша в карты выиграл. Незаменим в жару или ненастье. Все знатные люди в этой части Галактики с ними не расстаются.

— Объясни,— сказал Удалов строго.

— Как известно,— сказал кузнечик,— скорпиончики живут на планете, где мягкий климат и множество фруктов. Но во время брачного сезона они перебираются на соседнюю планету, для чего проделывают несколько миллионов километров в вакууме и ищут своих подруг среди вулканов и песчаных бурь. Чтобы выжить, они научились менять в свою пользу окружающие условия. В радиусе метра. Там, где скорпиончик, всегда прохладно и приятно пахнет. Попробуй, испытай...

— Где я его испытаю? — сказал Удалов.— Здесь и так хорошо, прохладно.

— Проще простого.

Кузнечик убежал в ванную и пустил там горячую воду. Через минуту ванную заволокло клубами пара. Из клубов возник влажный Тори и сказал Удалову:

— Иди туда, не бойся.

Удалов подчинился. Пар встретил его в дверях ванной, старался оглушить, обжечь и поглотить. Впечатление было отвратительным, но Удалов терпел. Он сделал еще один шаг в глубь помещения и вдруг увидел, как пар вокруг его головы и верхней части тела рассеивается, как будто Удалова поместили в шар, в центре которого была ладонь Корнелия с коробочкой на ней. Запахло свежими цветами. Скорпиончик зыркнул на Удалова маленькими глазками.

— Ладно,— сказал Удалов,— беру подарок в счет будущих расплат. А он не кусается?

— Как же ему кусаться, если он в коробочке? — тут кузнечик взглянул на часы и обеспокоился.— Побежим, только осторожно, чтобы нас не заметили. Если будут спрашивать, мы идем гулять.

— Почему такая тайна? — спросил Удалов.— Не люблю тайн.

— Здесь все экскурсии запланированы, а поездка на Сапур не запланирована. Пока мы будем ее планировать, обед наступит,— объяснил кузнечик. Но в глазах его Удалов не увидел искренности и потому решил быть начеку.

— Хорошо,— сказал Удалов.— Пошли, только сначала мне надо отправить телеграмму домой.

Кузнечик согласился, они зашли на телеграф, и Удалов, благо теперь у него было достаточно валюты, отправил сразу две телеграммы. Одну Белосельскому с благодарностью и сообщением, что работа съезда проходит на высоком уровне, другую домой, чтобы семья не беспокоилась. Он бы послал и третью, прекрасной Тулии, но адреса Тулии Удалов не знал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Удалов летит на планету Сапур для обмена опытом в области жилищного строительства.

— Вот наш корабль,— сказал кузнечик, подходя к небольшой летающей тарелочке, стоявшей в стороне от звездных кораблей, там, где бетон летного поля уступал место зеленой траве и подорожникам.

— Долетит? — спросил Удалов, смущенный скромными размерами судна.

— А что с ним сделается? Не бойся. Я тоже жить люблю.

Удалов подумал, что кузнечик на этот раз говорит правду, и первым вошел в тесное, но комфортабельное нутро тарелочки.

— Лететь до Сапура полчаса. Управление автоматическое,— сказал кузнечик.— Предупреждаю, там меня слушайся беспрекословно. Чужая страна, чужие нравы. Если понравится, закупим семена.

Кузнечик уверенно сел у руля, а Удалов устроился в другом кресле и пристегнулся ремнями. Ему было приятно думать, что одолел межпланетного жулика, и потому он с удовольствием пощупал в кармане растолстевший бумажник. Потом вынул коробочку и подмигнул скорпиончику, отчего в салоне тарелочки запахло земляникой и подул легкий бриз.

Тарелочка медленно поднялась над космодромом и, набирая скорость, помчалась на соседнюю планету.

Кузнечик уверенно действовал рычагами, тарелочка неслась за пределы атмосферы — и вдруг кто-то оглушительно чихнул.

— Это ты чихнул? — спросил Удалов.

— Нет. Разве не ты?

Они замолчали. Стало тревожно. На корабле таился кто-то третий.

— Здесь кто есть? — спросил Удалов.

Молчание.

— Выходи или стреляю,— пригрозил кузнечик.

И тогда послышалось шуршание, дверь шкафа, в котором хранились посуда и скафандры, открылась, и оттуда робко вышло узкое существо, схожее с грибом-мухомором в трауре. На существе была тесная одежда с бахромчатым поясом и мятая широкая шляпа черного цвета с белыми круглыми пятнами. Руки его были в белых перчатках, в правой руке саквояж.

Существо откашлялось, сняло шляпу, обнаружив под ней совершенно голую голову без следов растительности, и спросило:

— Я вам не помешал?

— Мы не пассажирский корабль,— невежливо ответил кузнечик.— Что, денег на билет не было?

— А куда мы летим? — спросил мухомор.

— А куда вам надо? — спросил кузнечик.

— Подальше,— сказал мухомор.

Удалов понял, что лицо мухомора густо покрыто белой и голубой краской, по которой нарисованы

скорбные синие брови, а под глазами черным намазаны большие пятна.

— Признавайся, зачем забрался в нашу тарелочку, а то высажу тебя в вакуум,— пригрозил кузнечик Тори.

— Человеколюбие не позволит,— ответил мухомор,— хотя мне это уже все равно. Одним мертвецом больше...

— Успокойтесь,— сказал Удалов.— Здесь нет врагов. Вас кто-то преследует?

— Нет,— сказал мухомор.— Хуже. Я преследую. Но безуспешно.

— Несчастная любовь? — спросил Удалов сочувственно.

— В своем роде,— сказал мухомор.— Я, понимаете, могильщик.

— Я сразу почувствовал в нем что-то зловещее,— сказал кузнечик.

— Продолжайте,— сказал Удалов.— И у могильщиков могут быть переживания.

— Спасибо,— сказал могильщик.— Вы добрый человек. Хотел бы я узнать ваше имя. Вы первый, кто сказал мне доброе слово за последний год.

— Меня зовут Корнелий Удалов. Кто же вы такой, несчастный могильщик?

— Моя история ужасна,— сказал могильщик, усаживаясь в кресло, уступленное ему Удаловым.— Я прожил свою жизнь на далекой отсюда планете шесть-Г в созвездии Кита.

— Как же, знаю,— сказал кузнечик, который не скрывал своего раздражения появлением пассажира.— Паршивое место. Я там лихорадку подхватил.

— Я сын могильщика и внук могильщика,— сказал могильщик-мухомор.— Это наша наследственная специальность. Я не представляю себе иного ремесла, зато в своем я профессионал. Ко мне специально приезжали умирать с соседних континентов.

— Ты ближе к делу,— сказал кузнечик.— Самореклама нас не интересует.

— Тори, ты нетактичен! — упрекнул его Удалов.

— Я продолжаю,— сказал мухомор.— В последние годы наша планета переживает экологический кризис. Стало меньше лесов, сказывается недостаток древесины, бумаги, дорожают естественные продукты...

— И повышается смертность,— вставил сочувственно Удалов.

— Ах, не в этом дело,— возразил могильщик.— Дело в том, что сегодня достойно похоронить человека стоит в три раза дороже, чем десять лет назад. Мы, могильщики, чтобы не разориться, вынуждены поднимать цены.

— Во сколько раз? — спросил кузнечик.

— Нет, только так, чтобы покрыть расходы. Главное — честь фирмы. Мы постепенно разорялись и беднели и все же старались обеспечить нашим согражданам достойное погребение в пределах их бюджета. Правда, нам не всегда это удавалось. И вот в обстановке экономического кризиса нам был нанесен предательский удар в спину.

— Правительство прижало? — спросил кузнечик ехидно.

— Хуже. Началась всеобщая забастовка населения планеты.

— Они сами себя хоронили? — спросил Удалов.

— Еще хуже. Они отказались умирать. Представляете, все вплоть до древних стариков забастовали и перестали умирать с одной лишь коварной целью — разорить людей, которые озабочены тем, чтобы обеспечить людям достойную встречу с вечностью.

— И не умирают? — захихикал кузнечик.

— Уже полгода.

— И даже штрейкбрехеров нет?

— Было два,— сказал мухомор.— Из числа наших родственников.

— Вы бы снизили цены,— посоветовал Удалов.— Ведь людям тоже трудно — полгода без единой смерти.

— Нет, дело в принципах,— сказал мухомор.— Мы эмигрировали. Я, в частности, прилетел сюда.

— И здесь не умирают?

— Умирают, но здесь свои могильщики, которые не пустили меня в свой профсоюз. Поэтому я забрался в ваш корабль, чтобы отыскать планету, где живет население, достойное услуг моей древней фирмы.

— Да, история,— сказал Удалов. И понял, что никак не может вызвать в себе сочувствие к горю могильщика. Кузнечик продолжал хихикать, повторяя: «Никто не умирает! Вот молодцы!» Мухомор подобрал ноги, надел шляпу и спросил:

— Завтрак будут подавать?

Удалов вынул бутерброды, угостил спутников, пожевал сам. «Вот, лечу я с одной планеты на другую,— рассуждал он,— в отдаленном пункте космоса жую спокойно бутерброд даже не с маслом, а с неизвестным жиром и с колбасой, которая сделана из чего-то, о чем лучше и не думать. Лечу как будто в командировку, ничему не удивляюсь, гляжу в иллюминатор на не известные мне созвездия, а в бесконечной дали пространства затерялась моя родная Земля, и на ней незначительной точкой разместился город Великий Гусляр, мало кому известный даже в пределах нашей необъятной родины. А на другом конце Галактики, может быть, тоскует обо мне незнакомая, но любящая девушка Тулия, у которой такая милая и добрая мама родом из Атлантиды. Вот так сближаешься с людьми, перестаешь удивляться, как переставал в свое время удивляться путешественник Марко Поло, обойдя Землю, а ведь нельзя не удивляться, иначе и нет смысла пускаться в дальние странствия. Не удивляться можно и дома, у экрана телевизора...» За иллюминатором, двигаясь параллельным курсом, мигала какая-то точка.

— Погляди, Тори,— сказал Удалов,— кто-то за нами летит.

— Ничего интересного,— сказал кузнечик.— Блуждающая звезда.

— Не похоже на блуждающую звезду,— сказал могильщик.— Я много по космосу летал, спецпогребения обслуживал, а таких блуждающих звезд не видел. По-моему, и в самом деле за нами кто-то гонится.

— Не обращайте внимания,— поспешил возразить кузнечик.— Мало ли дряни в космосе летает. Лучше доедайте и готовьтесь к посадке.

Могильщик смерил кузнечика недоверчивым профессиональным взглядом, но промолчал, а Удалов снова пустился размышлять о странностях своей судьбы.

— Надо ездить,— сказал он, наконец, вслух.— Надо больше ездить и смотреть.

— Нет,— возразил могильщик.— Лучше не ездить и умирать дома.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой с Удаловым происходят неприятные события на планете Сапур и его постигает разочарование.

Кузнечик сверился с картой и посадил корабль в поле, неподалеку от растительного города.

— Ты, Удалов,— сказал он,— вперед не лезь. Торговаться буду я. А то тебя надуют. Подсунут негодные семена.

— Хорошо,— сказал Удалов.— Ты опытней, ты и действуй. Только я буду за тобой, прости, наблюдать, потому что тебе не доверяю.

Кузнечик снисходительно отмахнулся и быстро пошел по тропинке в лес. Он был озабочен, все поглядывал на часы, и Удалов предположил, что синхронный переводчик боится опоздать к дневному заседанию СОС.

Мухомор шагал сзади, оглядывался, принюхивался и своим обликом придавал экспедиции прискорбный оттенок. А уж как он раздражал кузнечика, даже трудно представить.

— Отстань,— говорил кузнечик.— Чего за нами плетешься? Топай в другую сторону, там, я слышал, кладбище есть.

— Извините, но кладбище меня не интересует,— отвечал могильщик.— Меня интересует не результат, а процесс, я в некотором смысле олимпиец.

Удалов поглядывал на высокие деревья, мимо которых пролегал их путь, но деревья были самые обыкновенные, стволы без дверей.

— Потерпи,— сказал кузнечик, заметив интерес Удалова к природе.— Еще пять минут.

Лес был привычный взгляду, лиственный, с птицами и насекомыми, дорожка тоже была обычной, и Удалов от такого мирного окружения даже стал напевать песню... И вдруг кузнечик, обогнавший его, замер, и его спинка задрожала от волнения.

— Ничего не понимаю,— сказал он.— Только на той неделе я сюда прилетал... Где же город?

Они вышли к краю громадного изрытого ямами поля. Меж ям тянулись тропинки, у тропинок стояли столбы и на них указатели с названиями улиц.

— Могу поклясться...— сказал кузнечик, а Удалов, почувствовав неладное, спросил его прямо:

— Опять, Тори?

— Погоди! — Тори увидел лежащую на траве человеческую фигуру.

Они подбежали к человеку. Тот был в беспамятстве и тихо стонал. Могильщик наклонился над ним, достал из саквояжа флакон и дал человеку понюхать. Тот со стоном открыл глаза.

— Что случилось? — спросил нервно кузнечик.— Где весь город?

— Это ужасно, я скоро умру,— ответил человек и смежил веки.

— Он еще не сейчас умрет,— сказал могильщик.— Поверьте моему опыту. Он еще немного протянет.

— Говори же, что случилось с вашим городом! — настаивал кузнечик.

— Несчастье. И мы сами виноваты,— простонал человек.— Мы поселились в домах-растениях, полагая, что комфорт нам обеспечен навсегда. Так прошло двадцать лет. Наши квартиры послушно росли, мы не знали жилищного кризиса и всегда дышали свежим воздухом. Новые семьи отпочковывались вместе с деревьями. Но мы не учли...

Человек закатил глаза, и могильщику пришлось снова поднести к его носу флакон.

— На чем я остановился? — спросил умирающий.— Ах, да! Мы забыли спросить у путешественников, которые привезли нам семена, как эти деревья размножаются.

— И как же? — спросил Удалов.

— Мы узнали об этом сегодня ночью. С вечера наши квартиры зацвели громадными пахучими цветами, а ночью деревья вытащили корни из земли и побрели искать своих подруг. Оказалось, что у нас в городе обитают лишь деревья мужского пола, а для того чтобы продолжить род, они должны опылить женские цветы.

— Но где же женские деревья?

— Их забыли импортировать,— прошептал человек.— Теперь наши квартиры вместе со всем населением бредут неизвестно куда и неизвестно когда остановятся... а я нечаянно выпал из своей квартиры и разбился...

На этих словах несчастный житель ушедшего города окончательно потерял сознание.

— Пошли догонять,— сказал Удалов.— Там же жители волнуются, дети...

— А как мы их найдем? — спросил кузнечик.

— По следам. Они же следы оставляют. Как стадо слонов.

— Нет,— сказал кузнечик,— подождем здесь. Может, нагуляются, возвратятся.

— Идем-идем,— настойчиво повторил Удалов и потянул переводчика за рукав.

— Я останусь,— крикнул им вслед могильщик.— Возможно, этот страдалец помрет. Я уж похороню его бесплатно, для практики. Соскучился без дела.

Не успели Удалов с кузнечиком пробежать и ста метров, как нечто круглое и огромное закрыло свет солнца. Удалов поднял голову и понял, что прямо на них опускается космический корабль.

Приятели бросились в сторону, но, не долетев до земли, корабль завис, и из открывшихся люков принялись прыгать на траву тяжело вооруженные десантники.

Еще через минуту Удалов сдался в плен. Неизвестно кому.

Удалова подвели к офицеру, который командовал десантом. Справа от Удалова стоял, понурившись, кузнечик, слева — могильщик, которого оттащили от потенциального мертвеца.

— Здравствуйте, ваше Преимущество,— сказал неожиданно кузнечик.— Ваше задание выполнено.

— Где город? — спросил офицер спокойно и даже вяло. Лицо его было неподвижно, зрачки замерли посреди белков, словно у слепого.

— Случилось непредвиденное осложнение,— сказал кузнечик виновато.— Оказывается, город ушел искать своих самок.

— Не шутить,— сказал строго офицер и тонким хлыстом ожег плечо кузнечику, отчего золотой смокинг франта с планеты Тори-Тори разорвался, обнаружив зеленое покатое плечо.

— Город был растительный,— сказал Удалов, чтобы рассеять недоразумение.— Он был весь из деревьев, и деревья ушли.

— Они издеваются над нами. Деревья категорически не ходят,— сказал вяло офицер.— По сто плетей каждому.

— Погодите! — вскричал могильщик.— Вон там

лежит пострадавший местный житель. Он в таком состоянии, что лгать не будет. Допросите его и поймете, что мы вас не обманываем.

Офицер приказал солдатам стеречь пленников, а сам, помахивая хлыстом, направился к умирающему.

— Скажи мне, Тори,— обернулся Удалов к кузнечику,— откуда тебе знаком этот офицер и какое задание ты выполнил?

— Это тебя не касается, Удалов,— сказал Тори.— Но скрывать не стану. Его Преимущество — энтомолог. По его просьбе я наблюдал за ночными бабочками.

— Кстати,— заметил могильщик,— в космосе нас преследовал именно этот корабль.

— Совпадение,— ответил кузнечик, но никто ему не поверил.

Офицер вернулся к ним и сказал:

— Ваш местный житель так быстро умер, что мы не успели его пытать. Но он успел признаться, что выпал из уходящего дома. А где Удалов? Тори обещал его сюда доставить.

— Но не бесплатно,— нагло, но притом трусливо сказал подлый кузнечик.

— Не рекомендую упрямиться,— сказал офицер, помахивая хлыстом.

— Я Удалов,— признался Корнелий.— Что вам от меня нужно?

— Узнаешь, когда доставим. А кто второй?

— Я могильщик,— сказал мухомор.— Но в данный момент я без работы. По вашему воинственному виду я полагаю, что мне в вашем уважаемом мире найдется достойная работа. Я согласен лететь с вами.

— Берите и его, там разберемся.

— Ваше Преимущество,— настаивал кузнечик.— Мне пора возвращаться на СОС. Расплатитесь со мной, и я уеду.

— Задание ты выполнил только наполовину,— сказал офицер.— Города ты мне не обеспечил, а за одного Удалова платить не имею полномочий.

— Тогда я не буду больше на вас работать,— сказал кузнечик,— и вы лишитесь лучшего агента в сердце СОС.

— Другого найдем,— ответил офицер.— Не такого склочного. Попроще, поисполнительней.

Солдаты загоготали.

— Ах так! — сказал кузнечик.— Я буду жаловаться! Я немедленно возвращаюсь на СОС и сообщаю, что вы украли одного из самых популярных делегатов, любимца всего съезда, Корнелия Ивановича Удалова. Берегитесь, разбойники!

— Взять мерзавца,— сказал офицер своим солдатам, и те с нескрываемым удовольствием подхватили кузнечика под локти. Через несколько минут кузнечик вместе с Удаловым и могильщиком оказались в стальной утробе космического корабля. К тому же надо отметить, что в ходе этой операции и Удалов, и кузнечик лишились своих сбережений, а могильщик — саквояжа.

Дверь в утробу задвинулась, зажужжали двигатели, и космический корабль взял курс неизвестно куда.

— Предатель,— сказал Удалов без особой обиды, хоть и с отвращением.— Заманил меня на планету...

— Ты не понимаешь,— сказал кузнечик.— Я из принципиальных соображений. Я идейный предатель. Деньги только символ моей предательности. Учти, они разберутся, и наглый офицер будет жестоко наказан.

— Но прежде я накажу тебя,— сказал Удалов.

— Правильно,— обрадовался могильщик.— Не удалось мне похоронить лесного жителя, совершу погребение этого негодяя.

Поверив в серьезность намерений Удалова, кузнечик бросился к стальной двери и принялся стенать и ударяться о нее телом, однако никто не откликнулся на его жалобы.

Могильщик тем временем вытащил из кармана рулетку, легкими, буквально незаметными движениями обмерил кузнечика и сообщил Удалову:

— Это обойдется недорого, можно использовать детский гробик. Оркестра заказывать не будем. Венок один, из желтых лютиков.

Спокойный и деловой тон могильщика произвел на кузнечика удручающее впечатление, и его вопли достигли такого накала, что в корабле началась опасная вибрация и стали образовываться трещины, сквозь которые со свистом уходил воздух. Сирена тревоги частично заглушила крики кузнечика, и Удалов подивился, какая сила жизни, какое стремление

к благополучию заложены в этом небольшом теле.

Могильщик протянул руку в направлении к Удалову и, повернув большой палец к дребезжащему полу корабля, сделал известный на аренах древнего Рима жест, который употреблялся, когда общественность требовала добить поверженного гладиатора.

«Нет»,— отрицательно покачал головой Удалов. Он вспомнил, что представляет здесь гуманистическое передовое общество.

— Может, он еще исправится! — закричал Удалов, но крик его затерялся в прочем шуме.

Так жизнь коварного кузнечика, уже висевшая на волоске, была спасена, неизвестно еще, на благо действующих лиц нашей драмы или им во вред.

Постепенно кузнечик перестал вопить и лишь тихо рыдал, сжавшись в комок у двери и бросая опасливые взгляды на спутников. Могильщик, разочарованный милосердием Удалова, рисовал карандашиком на стене проекты коммунальных катафалков, а Удалов расстраивался из-за того, что нечаянная задержка заставит его пропустить вечернее заседание съезда.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Удалов оказывается в плену и узнает о странной судьбе населения планеты Кэ.

Вскоре пленникам приказали покинуть стальную комнату и провели их к выходу из корабля, который опустился на планете Кэ.

Планета встретила Удалова легким грибным дождем, капли которого выбивали веселую дробь по листве деревьев и лепесткам роз. За пределами выжженной и умятой кораблями бетонной площадки местность была покрыта ковром разнообразных цветов, из которого поднималось массивное здание космовокзала. Несказанный аромат обволакивал тело и нежил органы чувств, а мириады бабочек оживляли общую картину, соперничая с цветами яркостью и неожиданностью расцветок.

— Неплохо,— сказал Удалов, который умел ценить заботу о красоте и экологии.— Просто замечательно — если они любят цветы, значит, у них открытые сердца.

Кузнечик почему-то хихикнул, а шедший сзади солдат больно толкнул Удалова прикладом.

Здание вокзала оказалось давно не крашенным, штукатурка осыпалась, но вьющиеся растения придавали руинам живописный и романтический вид.

Над входом в здание висела потрепанная дождями и ветрами выцветшая вывеска:

«Добро пожаловать на планету Кэ, где вас ждут всегда!»

В здании космодрома было душно и влажно, как в оранжерее. Горшки с резедой и ящики с ландышами стояли на полу, и порой приходилось через них прыгать.

Навстречу офицеру вышел исхудалый толстяк с кожей, обвисшей, как у голодающего слона, и башмаках не на ту ногу. Толстяк был небрит, нестрижен, нечесан. Он жевал ландыш.

— Привезли? — бросил коротко.

— Только Удалова,— сказал офицер.— Город успел сбежать.

— Удалов сопротивлялся? — спросил толстяк, почесываясь.

— Куда он денется?

Удалов обратил внимание на странную особенность губ толстяка. Они двигались не в такт словам, будто толстяк не очень умело дублировал кого-то другого. Удалов даже оглянулся, заподозрив какой-нибудь фокус, но рядом никого, кроме солдат, не оказалось.

Кузнечик оттолкнул Удалова и сделал шаг вперед.

— Прошу немедленно провести меня к его Необозримости,— потребовал он.— Имею секретное донесение.

Неопрятный толстяк удивился, приподнял брови и замер, словно прислушиваясь.

— Нет,— сказал он после паузы.— Сначала разглядим Удалова. Здравствуйте, Удалов.

— Здравствуйте,— сказал Корнелий.— Я весь на виду.

— Где мое уменьшительное стекло? — спросил толстяк. Никто не смог ему помочь. Толстяк принялся копаться в складках своей широкой мятой одежды, наконец вытащил откуда-то стекло, приставил его к глазу, отчего глаз несказанно увеличился, и уставился на Удалова. Он рассматривал делегата с Земли минуты две, Удалову даже надоело стоять, и он переступил с ноги на ногу.

— Не производит впечатления,— сказал толстяк разочарованно.— Накормите их и приготовьте к церемонии.

Солдат отвел пленников в столовую. Столовая была недалеко, за перегородкой из ящиков и чемоданов, оплетенных диким виноградом. Стены ее были покрыты коричневой краской, пол заплеван, окна запылены, сквозь трещины в полу пробилась трава.

Кухни при столовой не было. Только стойка, на которой лежали груды мятых лепестков роз и букетики гиацинтов. Повар с помощниками рубили лепестки широкими ножами, а мальчишки-на-побегушках перемалывали гиацинты в мясорубках. Удалов подумал, что цветочные запахи ему начали понемногу надоедать. Очень захотелось селедки.

Народу в столовой было немного. Ели одно и то же — салат из рубленых лепестков, на второе — кашу из провернутых лепестков. Ели быстро, скучно, равнодушно, хотя порой из уст вырывались удовлетворенные возгласы.

Солдат подтолкнул пленников к стойке, где повар шлепнул им в тарелки по горсти салата, а мальчишки-на-побегушках положили на блюдца по ложке цветочной кашки.

Взяв свои порции, пленники отыскали свободные места за длинным столом. Могильщик принюхался к пище и сказал:

— Как у нас на кладбище!

— Вы тоже так едите? — удивился Удалов.

— Нет, только нюхаем, а венки потом выкидываем.

Удалов покачал головой, внутренне осуждая черный юмор, а потом посмотрел на соседа по столу. Им оказался небритый молодой человек с тупым взглядом, в пиджаке задом наперед. Ел он размеренно и тихонько ухал. Напротив Удалова питалась старуха в скатерти, накинутой на плечи. Удалов протер грязную ложку носовым платком, зачерпнул салата и осторожно поднес ко рту. Как он и опасался, салат из лепестков оказался горьковатым.

— Нет,— вздохнул Удалов.— Так не пойдет. Хоть бы подсахарили.

— Не нравится? — враждебно спросила старуха в скатерти.— Вы только посмотрите — ему нектар не нравится.

— А вам нравится? — удивился Удалов.

— Вздор,— рявкнула старуха.— Всем нравится.

— Я не спорю,— смутился Удалов.— Красиво, элегантно, пахнет приятно. Но ведь это чтобы нюхать, а не чтобы жевать.

— А эфирные масла? — строго спросил молодой человек в пиджаке.

— Эфирные масла для одеколона и для бабочек,— не согласился Удалов.— Хотя с чужими обычаями спорить не буду.

— Странно,— не успокоилась старуха.— Господам нравится, а ему, видите ли, не нравится? Так что же тебе, любезный, подавать прикажешь?

— Хлебушка бы,— признался Удалов.

— Он хочет хлеба! — воскликнула старуха, не двигая губами.— Мерзавец!

Но при этом глаза старой женщины увлажнились, а молодой человек так шумно и судорожно проглотил слюну, что Удалову стало ясно — от хлеба они бы не отказались.

Наступила тишина. Будто кто-то невидимый, но властный приказал всем замолчать. И тут же люди, словно забыв о еде, стали подниматься со своих мест, выстраиваться в колонну по два и пустились по залу, скандируя, сначала робко и разрозненно, а потом все громче и горячее:

— Да здравствует цветочный салат! Да славятся эфирные масла! Долой хлеб и ненавистные эскалопы!

— Долой! — катилось по залу. Звенела посуда. Повара, помощники поваров и мальчишки-на-побегушках аплодировали и кричали оскорбления в адрес белков и углеводов.

Правда, губы у всех двигались невпопад.

Приплясывая, охваченные энтузиазмом люди продвигались к дверям и исчезали. Наконец последний из них покинул столовую, и остались лишь обслуживающий персонал, солдат и пленники. Солдат как ни в чем не бывало продолжал уплетать цветочную кашу.

Кузнечик презрительно поглядел на него и сказал:

— Они себя заживо губят.

— Исхудали,— согласился с ним могильщик.— Готовый материал для меня. Не планета, а золотые прииски.

— Если вы их переживете на этой диете,— заметил Удалов.

— Не переживет,— криво усмехнулся кузнечик.— Всех вас психически уничтожат.

— А тебя?

— Меня нет. Я подлец, а законченные подлецы дефицитны. Я иногда сам себе поражаюсь. Феноменальная атрофия совести — всех готов продать.

— Удалов,— предупредил могильщик.— Надо было нам его ликвидировать на корабле. Похоронили бы давно, и никаких забот.

— Вот видишь, Тори,— сказал Удалов.— Могильщик может быть и прав. А если еще не поздно?

— Поздно,— хихикнул кузнечик, показав выпуклыми глазками на солдата.

Солдат вылизал тарелку, потом понюхал ее, слизнул упавший на стол лепесток, встал, подошел к пленникам и сказал:

— Пора, потенциальные!

Последующий час пленники провели в бывшей комнате матери и ребенка, переделанной в изолятор с помощью решеток на окнах.

В изоляторе было пыльно и зябко. Здесь хранились мешки с цветочными семенами. Могильщик храбрился и говорил, что профессионально наслаждается в атмосфере кладбищенского склепа, Удалов быстро ходил, перешагивая через детские стульчики и ломаные игрушки. Вдруг кузнечик воскликнул:

— Ты плохой товарищ, Удалов. Ты эгоист!

— Почему? — удивился Корнелий.

— Коробочка со скорпиончиком где? В кармане?

— Я совсем забыл. Прости,— сказал Удалов.

Он вынул из кармана скорпиончика. Скорпиончик принюхался к холодному воздуху и тут же создал вокруг нормальную атмосферу. В изоляторе потеплело, запахло розами, и узники сбились в кучу, чтобы на всех хватило тепла.

— Странная планета,— сказал Удалов, когда согрелся.— Глаза у всех пустые, едят цветочки, говорят, что хлеба им не нужно, эскалопы, говорят, долой, и вообще вид неопрятный.

— Это объяснимо,— сказал кузнечик.— Весь цивилизованный мир бьется над тайной планеты Кэ, все считают их больными загадочной болезнью. А дело просто — планета попала в плен.

— Так что же ты раньше не сказал? — удивился Удалов.— Давно бы уж меры приняли.

— А ты забыл, что я им продался? — спросил кузнечик.

— Не очень выгодно продался,— заметил могильщик.

— Я уже от них отрекся. Поэтому и сообщаю страшную тайну. Тебе, Удалов, первому.

— Ну, рассказывай.

— Рассказывать недолго. Забрели как-то на эту планету микробы. То ли забрели, то ли сами вывелись — в общем, неважно. Отличаются эти микробы от обыкновенных тем, что они мыслящие. Казалось бы, что такого — занимайся созидательным трудом, участвуй в общем братстве Галактики. Так нет, они сами созидать не хотят, а паразитируют в других существах...

— Значит, паразиты! — воскликнул Удалов.

— Ничего подобного,— раздался голос, и дверь в изолятор открылась.

Неопрятный бывший толстяк, который встретил пленных на космодроме, вошел, тяжело ступая по куклам и погремушкам.

— Ничего подобного,— повторил толстяк.— Никакие не паразиты, а глубокоуважаемые господа микроорганизмы.

— А я так и сказал,— поспешил исправиться кузнечик.— Так именно и сказал. Глубокоуважаемые и милостивые господа благородные микроорганизмы.

Что-то внутри толстяка треснуло и заверещало. Толстяк стоял с открытым ртом и покорно ждал, пока эти звуки прекратятся.

— Мы смеемся,— сказал он, когда все смолкло.— А ты, продажный Тори, продолжай. Секретов здесь нет. От нас еще никто не уходил таким же, как пришел. Говори!

Кузнечик отошел от своих товарищей, неловко поклонился и сказал:

— В общем, остальное понятно. Господа микроорганизмы по просьбе жителей планеты Кэ поселились здесь, и тогда жители планеты Кэ обратились с просьбой к уважаемым микроорганизмам, чтобы для большего единения между населением планеты и уважаемыми микроорганизмами последние внедри-

лись внутрь жителей планеты Кэ. С тех пор в каждом жителе планеты Кэ обитает уважаемый микроорганизм и подсказывает ничтожному жителю планеты Кэ ценные мысли. Я правильно излагаю?

— Нет, конечно,— ответил неопрятный толстяк.— Какое уж тут единение! Мы, микроорганизмы, или паразиты, как сказал дорогой Удалов, да не простится ему это хамство,— хозяева. Мы приказываем, а люди слушаются. И никакого равноправия. Все делается так, как удобно нам, кхе, паразитам. Это мы, кхе-кхе, паразиты, любим эфирные масла душистых цветов. Поэтому все на планете любят только эфирные масла, разводят цветы, нюхают цветы и жуют цветы. Мы никогда не убиваем пленных. Зачем? Каждый новый человек — домик для одного из нас. Ведь мы быстро размножаемся. У нас уже очередь на новые тела. Вот теперь и в вас вселимся.

— Только не в меня,— сказал быстро кузнечик.— Я добровольно и сознательно служу благородному делу.

— А почему не в тебя? Будет в тебе жить мой брат или внук, будет, как ты сам сказал, с тобой в единении, будете вы дружить, и будет он тебе подсказывать, как думать, о чем думать, о чем не думать, когда чего говорить, а когда лучше промолчать. Твоя же цена как агента втрое повысится. Радуйся, дурак!

— Я, конечно, радуюсь...

— Радуйся молча. И ты, могильщик, нам пригодишься. Нам могильщики нужны. Мы все время распространяемся, а наши человеческие тела так несовершенны! Живут мало, дохнут как мухи. Работы тебе хватит.

— Спасибо,— сказал могильщик с чувством.— Мне все эти споры о единении и подчинении чужды, я аполитичен. Мне нужен созидательный труд и заслуженное вознаграждение.

— А вот о вознаграждении забудь,— сказал неопрятный толстяк. А так как губы толстяка были неподвижны, Удалов уже сообразил, что говорит хозяин толстяка — уважаемый микроорганизм. И понятно стало Удалову, почему люди здесь так плохо одеты, небриты и немыты. Зачем? Микроорганизмам это неинтересно. Они-то голые.

— Я не могу забыть о выгоде. Я деловой человек,— сказал могильщик.

— А вот вселится в тебя мой дядя, и станет тебе безразлично, за деньги ты копаешь могилы или для собственного удовольствия. Вставайте, пора.

— Куда? — спросил Удалов.

— Во дворец. Там нас ждет Его Необозримость Верховный микроб. Он лично намерен вселиться в тебя, Удалов. В торжественной обстановке. Тело у него хоть и почетное, но старое, малоценное. А твое нам подходит. Особенно ввиду твоей будущей роли в Галактике.

— Моя роль самая скромная,— сказал Удалов.— Не вижу причин обращать на меня особое внимание. К тому же должен вас официально предупредить, что я не какой-нибудь бродяга без рода и племени, а представитель Земли. За мной стоят шесть миллиардов земляков, которые никогда не дадут в обиду своего товарища. Так что, поднимая руку на меня, учтите, вы поднимаете руку на свободолюбивую Землю!

Удалов говорил громко и торжественно. Он даже пожалел, что рядом нет Коли Белосельского и товарищей по работе, которые бы смогли оценить правильность и убедительность речи.

Неопрятный толстяк терпеливо дождался, пока Удалов кончит, потом криво усмехнулся и сказал:

— Хорошо излагаешь. Нас не обманули. Верховный микроб будет рад поселиться в твоем теле. А что касается шести миллиардов жителей Земли, то нам приятно слышать о таком количестве носителей. Какие перспективы для нашего размножения! Так что Землю мы тоже покорим. Может быть, даже с твоей, Удалов, помощью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,
в которой Удалов встречается с Его Необозримостью Верховным микробом и с девушкой Тулией.

— Перед Его Необозримостью вести себя культурно,— предупредил неопрятный толстяк, ведя пленников по коридорам космопорта к выходу на улицу. Сзади топали солдаты.— Его Необозримость не выносит хамства.

— А почему вы его называете Необозримостью? — спросил Удалов.

— Во-первых, из уважения к его уму и талантам,— ответил толстяк.— А во-вторых, он воистину огромен. Ты не поверишь, но Верховного микроба можно разглядеть невооруженным глазом.

— Не может быть! — подобострастно воскликнул кузнечик.

— И он продолжает расти,— добавил толстяк.

Полдороги они проехали в старом, открытом автомобиле, но на одном из поворотов двигатель заглох, и завести его не удалось. Шофер лениво копался в моторе, потом задремал на дороге, а когда солдаты принялись его лупить, микроб, который жил в шофере, потребовал прекратить избиение, потому что от этого в теле шофера возникала неприятная для микроба вибрация.

Пришлось вылезать из машины и идти дальше пешком, что было нелегко, так как с улиц давно уж никто не убирал сор и отбросы. На одном из перекрестков пришлось остановиться. По улице медленно двигалась демонстрация. Демонстрация состояла из нескольких сот кое-как одетых и полуодетых женщин в цветочных венках и гирляндах, которые несли коряво написанные плакаты и лозунги. Кое-какие из них Удалов запомнил:

«Мой микроб всегда со мной». «Ни шагу без микроба». «Порадуем хозяев повышенной рождаемостью!» Многие несли круглые щиты с тремя буквами «П». Буквы по-разному располагались на щитах.

— Что это значит? — спросил Удалов у неопрятного толстяка.

— Послушание-Прилежание-Простота. Наш главный лозунг. Нравится?

— Не нравится,— честно сказал Удалов.

— А мне нравится! — сказал кузнечик.— Я просто счастлив видеть такую стройную организацию населения, такое единодушие, такую любовь к микробам!

— Попробовали бы они иначе,— заметил толстяк. Потом он поднял руку и закричал:— Старайтесь, дорогие женщины! Мы с вами!

— Ура! — закричали нестройно женщины.

Как только демонстрация миновала, толстяк поспешил через дорогу. Солдаты лениво семенили сзади, нюхая розочки, вставленные в дула автоматов.

Дворец бывшего президента планеты Кэ, как не-

трудно догадаться, был в плачевном состоянии. Штукатурка осыпалась, некоторые колонны рухнули, их обломки загораживали подъезд ко дворцу, отчего туда проходили по вьющейся тропинке, поглядывая наверх, не свалится ли еще что-нибудь.

Никто не охранял входа, да, видно, на этой планете в охране не было смысла, потому что в каждом преступнике сидел бдительный наблюдатель, а к борьбе за власть между собой микробы еще не приступили.

В коридорах и холлах дворца слонялись тусклые люди, человек, одетый только в ботинки, спал на ступеньках, большой бак с цветочным отваром стоял на лестничной площадке, лакей в рваной ливрее мрачно жевал гладиолус. При виде поднимающихся по лестнице солдат с пленниками он вскочил, изобразил на лице радость и слишком громком закричал:

— Не желаете ли нектара? Нет ничего вкуснее нектара!

— Спасибо, на обратном пути,— вежливо ответил Удалов.

Наконец они вошли в центральный зал, где их ожидал предупрежденный заранее Верховный микроб. Увидеть его невооруженным глазом Удалов не мог, потому что микроб был спрятан в теле немощного старика, бывшего Президента планеты. Старик, хранивший в себе микроб, сидел на возвышении, в золотом потертом кресле, а вокруг толпились сановники.

Неопрятный толстяк, обогнав пленников, прошел прямо к креслу и объявил:

— Корнелий Удалов с Земли и взятые с ним лица просят разрешения приблизиться.

— Молодец, молодец,— сказал добрым голосом старик, поглаживая морщинистой рукой белоснежную жидкую бороду.— Значит, ты и будешь Удалов?

Глазки старика уперлись в лицо Удалову, и тому показалось, что за зрачками таится крупный микроб. Но, разумеется, это было не так.

Удалову трудно было смириться с мыслью, что старик перед ним не настоящий, а только оболочка, и сановники, стоящие по бокам, тоже только оболочки. Он не удержался и задал неделикатный вопрос.

— Простите,— сказал он.— А вот вы, человек, в котором сидит паразит, как вы это ощущаете?

И, к его удивлению, старик ответил совершенно другим голосом.

— Погано...— И тут глаза его остекленели, губы сжались, и через ноздри прозвучало окончание фразы: — Я наслаждаюсь постоянным присутствием Его Необозримости. Я счастлив быть оболочкой.

— Понимаю,— вздохнул Удалов,— как же, понимаю.

И только теперь до него дошел весь ужас его положения. Раньше все было не очень реально. Ну, попал в плен, с кем не бывает, ну, привезли во дворец, понятно... Но когда он увидел, как остекленели, застыли глаза несчастного Президента, когда заговорил в нем микроб, Удалов сжался. Даже сердце застучало с перебоями...

— Как доехали? — спросил Президент, подергивая бороду.— Вас хорошо разместили?

— Что? — спросил Удалов, почти не слыша. За него ответил кузнечик:

— Мы отлично доехали и удобно устроились, Ваша Необозримость. Мы рады, что увидели лично вас!

— Меня не видно,— ответил Президент.— Мне говорили, что ты продажный и неумный агент. Это так?

— Не умен,— поспешил согласиться кузнечик.— Совершенно недостоин быть оболочкой уважаемого микроба.

— А нам твой ум ни к чему,— раздался мелодичный женский голос.

Сановники засмеялись.

Удалов вздрогнул и обратил взор в направлении голоса.

В толпе придворных, не замеченная раньше, стояла его возлюбленная.

— Тулия! — закричал Удалов.— Дорогая! Мы встретились! — Он сделал неверный шаг к девушке и простер вперед руки.

— Что с ним? — спросил Президент.

— Он влюблен в меня,— ответила со смехом прекрасная Тулия.— Когда я выполняла твое задание на Альдебаране и попыталась выкрасть Удалова с пересадочной станции, мне пришлось изобразить некоторую заинтересованность в этом барашке. Вот он и попался.

Сановники, сам Президент, солдаты и даже неопрятный толстяк чуть не умерли от хохота. Оказалось, что и у микробов бывает чувство юмора. Захихикал даже кузнечик, и мрачно, не поднимая опущенных углов губ, улыбнулся мухомор-могильщик.

Удалов был готов провалиться под землю. Он опустил руки, и они плетьми повисли вдоль тела. Он чувствовал, как позорная алая краска залила ему щеки. Он судорожно проглотил слюну и, когда смех немного стих, произнес:

— Тулия, ваша мама не имеет от вас никаких известий и очень беспокоится.

— Мама! — воскликнула девушка, но тут же гнездящийся в ней микроб перехватил ее голос и сказал: — У меня нет отца и нет матери. Мы все родственники Его Необозримости Верховного микроба.

И Удалов понял, что больше ему разговаривать с этой девушкой не о чем. И понял другое: если удастся ему, если повезет избавиться от ужасной угрозы стать оболочкой для микроба — он сделает все, что в его силах, чтобы спасти и вернуть к матери и к учебе в университете эту несчастную девушку. И, конечно, спасти остальных жителей планеты Кэ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой Удалов вступает в нечаянное единоборство с Верховным микробом.

— Ну что ж, начнем пожалуй,— сказал скрипучим голосом Президент.

— С кого начнем? — спросил неопрятный толстяк.

— Со второстепенных персонажей,— сказал старик.— Например, с вашего неудачливого агента.

— Я удачливый! — закричал кузнечик.— Я вам доставил Удалова! Совершенно бесплатно, из идейных соображений. Меня можно отпустить.

— Сейчас ты и получишь награду,— сказал Президент.— Высшую награду. Ты возводишься в высокий чин носителя моего двоюродного брата, который только вчера потерял предыдущее тело. Приступайте.

Неопрятный толстяк с одним из солдат прошел в угол зала, где за колоннами лежало нечто, покрытое коврами. Они приподняли ковер за угол, оттянули

на себя, и под ковром обнаружилось несколько мертвых тел.

— Какой из них ваш кузен? — спросил толстяк.

— По-моему, первый справа,— сказал Президент.

Вдруг, к ужасу Удалова, из второго слева мертвеца послышался голос:

— Нет, я здесь.

Толстяк вытащил из своего воротника иголочку и нагнулся к мертвецу. Удалов отвернулся, чтобы не видеть этого зрелища. Кузнечик потерял сознание и с хрустом упал на пол. Прекрасная Тулия мелодично смеялась.

Неопрятный толстяк возвратился к пленникам, осторожно неся перед собой иголку и прикрывая ее ладонью, как огонек свечи. Удалов зажмурился. Раздался отчаянный крик Тори. Потом была пауза. Корнелий открыл глаза, увидел, что кузнечик медленно поднимается с пола.

Кузнечик отряхнул пыль с золотых штанов, потянулся, его лицо исказилось неестественной улыбкой, и он сказал, почти не шевеля губами:

— Спасибо, кузен, все в порядке, а то я за эти три дня соскучился без движения.

И, подчиняясь приказу своего нового хозяина, кузнечик пустился в пляс.

Раздались аплодисменты сановников и солдат.

— Тори! — воскликнул Удалов.— Тори, ты меня слышишь?

— Слышу,— ответил Тори, не переставая плясать.— Я счастлив. Теперь я буду спокойно наслаждаться нектаром и ни о чем не думать.

— Браво,— сказал Президент.— Следующий!

Операция с могильщиком заняла всего минуту, потому что иголочка с микробом была уже подготовлена. Могильщик пытался сопротивляться, и Удалов даже рванулся, чтобы прийти к нему на помощь, но солдаты быстро подавили бунт, и еще через пять секунд могильщик объявил, что он тоже счастлив.

Остался один Удалов. Один несчастливый во всей этой большой удовлетворенной компании.

— Я займусь им лично,— сказал Президент, сходя с возвышения. Солдаты подперли Удалова автоматами в спину, чтобы он не отступил, и Удалов решил, что не уронит своего достоинства даже в такой критической ситуации. Он замер и высоко поднял голову.

Старик шел с трудом, сановники поддерживали его под локти, и Удалов даже успел подумать, что наверное нельзя кормить одними лепестками такого пожилого и привыкшего к разносолам господина.

Не доходя до Удалова двух шагов, старик вдруг остановился.

Внезапная тревога исказила его лицо.

— А вы уверены, что это тот самый Удалов? — спросил он.

— Совершенно уверены,— ответила прекрасная Тулия и достала из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги.— Вот что написано в предсказании Острадама: «И прибудет на съезд делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

— Хватит,— прервал девушку Президент.— До сих пор Острадам не обманывал. Хотя предсказания его туманны. Тебя зовут Корнелий? Ты с Земли?

— Меня зовут Корнелий Иванович Удалов,— сказал пленник.— Я прилетел с Земли, из города Великий Гусляр, и я клянусь посвятить все свои силы освобождению Галактики от паразитов.

— Тот самый,— сказал Президент.— Без сомнения. Ты от нас на Земле ушел, ты от нас на Альдебаране ушел, но здесь тебе деваться некуда.

Президент подошел вплотную, сложил губы трубочкой и заверещал:

— Скорее! Я хочу в новое тело. Мое старое умирает.

Тут Президент начал покачиваться, и ноги его подкосились.

Но Удалова это не спасло. Падающий Президент успел обнять Удалова старческими руками и вцепиться с такой силой, что стряхнуть его не было никакой возможности. Президент потянулся мертвеющими губами к губам Удалова. Несмотря на протестующие крики сановников, Удалову удалось отклонить голову, но что-то мелкое и шустрое пробежало у него по щеке и нырнуло в ноздрю. Тело Президента, лишенное хозяина, сползло на пол, и умирающий старик прошептал:

— Уничтожайте паразитов... пить!

— Воды! Дайте ему воды! — закричал Удалов.— Человеку плохо!

Он начал нагибаться к бездыханному Президенту, но что-то случилось с его позвоночником, что-то замкнулось в его грудной клетке, и Удалов замер в неудобной позе, услышав внутренний голос:

— Не надо, Удалов, не беспокойся. Все в порядке. Ты теперь не одинок в этом мире. В тебе есть верный и неотлучный друг. Угроза существованию микробов ликвидирована. И мы с тобой вместе будем бороться за счастье и благоденствие паразитов.

— Нет! — закричал было Удалов, но крик исчез, не долетев до рта, а вместо этого кто-то удаловским голосом сказал:

— Отличное тело. Подвижное, крепкое, вполне достойное меня.

Раздались радостные крики сановников, к которым присоединились счастливые кузнечик и могильщик, а больше всех радовалась прекрасная Тулия, в которой, как узнал Удалов, жила сама Верховная матка племени микробов.

— Погодите,— мысленно сопротивлялся Удалов.— Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

Но в ответ внутри Удалова, зарождаясь где-то в районе гайморовой полости, раздался тихий удовлетворенный смех, который перешел в убеждающий, мягкий и в чем-то даже добрый голос Верховного микроба:

— Отныне, Удалов, мы с тобой будем жить безмятежно, питаться нектаром и беспрекословно выполнять все мои приказания. Мы будем кричать на всех перекрестках, что мы счастливы. Мы будем ратовать за «послушание, прилежание и простоту». И ничего нам не надо, кроме моего счастья... А задумайся, как хорошо беспрекословно подчиняться, сколько это снимает с тебя проблем и забот. За тебя думает паразит, решение за тебя принимает паразит, даже зубы по утрам чистить необязательно, потому что паразиту плевать, чистые у тебя зубы или грязные... Мы с тобой, Удалов, покорим всю Вселенную, мы принесем счастье Галактике, мы принесем спокойствие Земле... Что такое? Что такое? Кто сюда идет?

Вдруг внутренний голос Удалова замолк, и Корнелий, все еще скованный волей Верховного микроба, обрел способность глядеть по сторонам и видеть, что творится вокруг.

Сановники о чем-то беседовали, могильщик при-

нялся снимать мерку с трупа Президента, хотя, видно, в этом не было нужды, потому что солдаты уже приготовили ржавые крючья, чтобы оттащить труп старика на свалку. Прекрасная Тулия, не подозревавшая о том, что Верховный микроб столкнулся с какими-то неприятностями в недрах удаловского организма, подошла к нему и сказала:

— Полагаю, что моя оболочка все еще вызывает в тебе нежные чувства. Так что можешь пользоваться. И пока вы с Тулией будете любить друг друга, мы с Его Необозримостью займемся плодотворным обсуждением вопросов дальнейшей экспансии.

Глаза Тулии были пусты и показались Удалову совсем не такими прекрасными, как прежде.

— А как же любовь? — спросил он.

— Зачем тебе любовь? — удивилась Тулия.— Главное — простота.

— Прекратите! — произнесли губы Удалова помимо его воли. Видно, внутри него творилось что-то неладное.— Сейчас же отпустите меня!

— Что случилось? — всполошилась Тулия.— Что с тобой?

— На меня напали! Здесь полчища бандитов! На помощь! Спасите!

Тулия ударила Удалова по голове кулачком.

— Прекратите, подрыватель! — закричала она.— Оставь в покое моего сына! Ты на кого поднял руку, подлец!

— Я совершенно ни при чем! — закричал в ответ Удалов, но слова получились смятыми и неубедительными, потому что сквозь рот Удалова рвались отчаянные вопли страдающего паразита. Боль Верховного микроба передалась Удалову, и его начало корчить и мотать, разболелись одновременно все зубы, ломило голову и взрывалось в ушах. Удалов помимо своей воли совершал нелепый танец, закидывая руки, выпячивая живот и стуча ногами. Успела мелькнуть мысль, что он сейчас со стороны наверно похож на древнего шамана, но тут же эта мысль исчезла и наступило помутнение сознания. И как будто сквозь туман к Удалову тянулись гневные руки сановников и его бывших товарищей — кузнечика и могильщика, все вокруг вопили, грозились убить Удалова и даже старались его убить, но мешали друг другу, и это Удалова спасло. А тем временем изо рта Удалова

продолжали вырываться страшные проклятия.

— Я гибну! — кричал Верховный микроб.— Меня окружили! Здесь хищные враги! Они едят меня! На помощь... Я не могу вырваться... Предательство... измена! Аааaа...

И последний крик Верховного паразита угас, превратившись в невнятное всхлипывание. В ужасе сановники отшатнулись от Удалова, и он, избитый, измученный происходившей в нем борьбой, лишился чувств.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Удалов попадает в подземелье и встречается с предсказателем Острадамом.

Когда Удалов пришел в себя, оказалось, что он лежит на холодном грязном полу тронного зала. В зале слышался гул голосов, но никто более Удалова не бил.

Удалов с трудом сел. Голова болела, все члены тела были измучены и не хотели подчиняться. Когда удалось сфокусировать зрение, оказалось, что сановники столпились вокруг золотого кресла, на котором сидела Тулия, и обсуждали создавшееся положение. На Удалова никто не обращал внимания.

Кузнечик суетился у трона, а могильщик стоял с солдатами неподалеку и с сочувствием смотрел на Удалова.

В этот момент сановники отошли от трона, и Тулия, обратив строгий, начисто лишенный любви взгляд к Удалову, сказала:

— Мы пришли к выводу, что в тебе, Удалов, живут враждебные нам бактерии и вирусы... Разумеется, мы могли бы поместить в тебя для проверки еще одного из наших братьев, но риск его гибели слишком велик и потому лучше тебя уничтожить. Надеюсь, ты согласен с нами, что такое решение разумно?

— Нет,— сказал Удалов.— Совершенно дикое решение.

— Но ведь ты убил лучшего из нас!

— Я никого не убивал. И никто не просил его в меня соваться.

— Удалов, нам, микробам, суждено покорить всю Галактику, и не пытайся встать на пути исторического регресса. Ты приговорен к уничтожению, однако

исполнение приговора откладывается. Мы рассудили, что если ты нам опасен, то еще опаснее вся Земля. Вместо одного врага мы получили теперь шесть миллиардов врагов. А это нас удручает. Следовало серьезней отнестись к предсказанию Острадама и уничтожить тебя на Альдебаране.

— Опоздали,— согласился Удалов.— Ваше дело проиграно. Учтите, что я — самый средний землянин, а у нас есть очень умные люди.

— Мы учитываем,— сказала прекрасная Тулия.— Поэтому перед уничтожением ты подвергнешься пыткам для добровольной выдачи информации, которая позволит нам ликвидировать Землю. Увести его!

Солдаты знаками показали Удалову, чтобы он двигался к выходу, и Удалов не стал сопротивляться. Он так устал, что мечтал только об одном — немного поспать. А там видно будет.

И он спокойно пошел к выходу.

На улице так же светило солнце, плыли кучевые облака, по соседней улице шла очередная демонстрация за увеличение потребления нектара, и никому не было дела до одинокого человека, который попал в переплет и вполне мог сгореть на костре, подобно Жанне д'Арк, Джордано Бруно и Тарасу Бульбе.

Перейдя площадь, Удалов оказался перед входом в тюрьму. Предупрежденный о его приходе тюремщик открыл двери, а сам опасливо отошел, и это было понятно, так как на планете Кэ не было смысла держать преступников в тюрьме, когда их можно было использовать и перевоспитывать более надежным образом.

Скрипели ржавые двери, пыль поднималась с лестничных ступенек, и путешествие показалось Удалову бесконечным.

Наконец он добрался до нижнего этажа подвалов. Железная дверь с глазком отворилась перед ним, из камеры выскочил, зажимая нос и рот, оборванный тюремщик, дверь закрылась, и Удалов оказался в холодном каменном мешке, освещенном голой лампой под потолком. Здесь стоял табурет, на полу валялась куча гнилой соломы да в углу виднелась черная дыра в полу — простейшее туалетное устройство.

— Ну что ж,— сказал Удалов сам себе,— еще не вечер.

Глазок в двери приоткрылся, и женский голос произнес:

— Нет, вечер.

Удалов узнал голос прекрасной Тулии и крикнул в ответ:

— Я требую справедливого суда!

— Суд уже состоялся,— сказала Тулия.— Ты уже приговорен к сожжению на костре за убийство президента этой планеты.

— Постойте! — возмутился Удалов.— Но ведь суда не было, и я ни в чем не признавался! И президента я не трогал. Вы его сами лепестками уморили.

— Неважно! — ответила Тулия из-за двери.— Копия приговора после вынесения наказания будет послана на СОС и на Землю, чтобы все морально осудили убийцу.

Четкие шаги Тулии удалились, и наступила тишина, которую нарушали лишь капли, падавшие с потолка каменного мешка. Удалов вытащил из кармана коробочку со скорпиончиком. Скорпиончик посмотрел на Удалова с осуждением, видно, никогда еще не попадал в такую ситуацию. Потом мелко задрожал хвостом и начал согревать промозглый воздух. Запахло флоксами, и Удалов немного приободрился.

Согревшись, Удалов свернулся калачиком на соломе и задремал, во сне увидел родной город, жену Ксению в процессе приготовления блинов, сына Максимку, бегающего по зеленой лужайке перед церковью Параскевы-Пятницы с сачком для ловли бабочек в руке, а также школьного друга Колю Белосельского, который уверенно говорил: «Не падай духом, Корнелий! Мы не оставим тебя в беде! Мы не поверим клевете, которую распространяют о тебе злые силы реакции! Вся Земля, затаив дыхание, следит за твоей неравной борьбой за справедливость и национальное освобождение трудолюбивых обитателей планеты Кэ от жестоких угнетателей. Мы с тобой, Корнелий!» Застучали барабаны, и Корнелий проснулся.

Оказалось, что кто-то негромко стучит в стену. Но не равномерно, а прерывисто, словно на азбуке Морзе, которую Удалов, к сожалению, не знал.

Удалов протянул руку к стене и, отогнав мокрицу, постучал в ответ.

— Не падай духом! — услышал он незнакомый голос.

Удалов поднял голову и увидел, что в дыре под потолком камеры появилась человеческая голова. Голова подмигнула Удалову и повторила:

— Главное, не падать духом.

— Это вы стучали? — спросил Удалов.

— Я,— человек оглушительно чихнул и сказал: — Извините, у меня насморк.

— Что вы здесь делаете? — спросил Удалов.

— Я не делаю,— сказал человек,— я сижу в соседней камере и жду смерти.

— Кстати, я тоже,— сказал Удалов.— Удивительное совпадение. Вы тоже кого-нибудь убили?

— Нет,— ответил человек.— Я самоубийца. Разрешите, я к вам слезу, а то мне очень неудобно разговаривать на весу.

— Разумеется,— сказал Удалов.— Я буду рад.

— Тогда подойдите поближе и подставьте мне спину. Вы же не хотите, чтобы я сломал ноги?

— Ни в коем случае,— сказал Удалов и подошел к стене.

Человек протиснулся в дыру, тяжело спрыгнул на спину Удалова, съехал по ней на пол и оказался коренастым карликом с пышной смоляной шевелюрой.

— Спасибо,— сказал карлик, запахиваясь в парчовый халат и усаживаясь на единственную табуретку.— Мне очень приятно с вами познакомиться, Корнелий Иванович, потому что я, до определенной степени, виновник всех ваших несчастий.

— А я думал, кто же во всем виноват? — сказал Удалов.— Зачем же вы так?

— Исключительно из-за тщеславия и любви к роскоши. У вас закурить не найдется?

— Не курю.

— Знаю, это я так, для того чтобы переменить неприятную для меня тему. Я ненавижу доставлять людям неприятности, всю жизнь с этим борюсь. И вы представить не можете, сколько неприятностей я им доставил. И себе тоже.

— А вы кто будете по специальности?

— Предсказатель.

— Что-то вроде фокусника?

— Хуже,— вздохнул карлик.

Они помолчали. Потом Удалов сказал:

— Вот меня здесь все знают, а представиться забывают.

— Мой псевдоним — Острадам. А имя мое никому не известно.

— Очень приятно. А меня откуда знаете?

— Ничего удивительного,— сказал карлик.— Вы, Корнелий, личность известная и перспективная.

— Если бы я был необыкновенным,— возразил Удалов,— меня не пригласили бы на СОС. В обыкновенности моя сила.

— Тоже правильно. Но вы же самый обыкновенный из всех обыкновенных. Это уже уникальность. У вас закурить не найдется?

— Я не курю.

— Знаю. Простите. Измучился без курева. Третью неделю держат меня здесь на одном цветочном нектаре. Скорей бы уж казнили.

Карлик расчихался, и прошло минуты две, прежде чем он смог продолжить разговор.

— Погодите.— Удалова посетило страшное подозрение.— А как же вы?

— Чего?

— Как же вас казнить, если в вас сидит уважаемый паразит?

— Нет во мне паразита,— ответил карлик.

— Наверное, это провокация,— сказал Удалов.— Здесь во всех паразиты. Даже во мне был, только я его укокошил.

— Знаю. Вся планета знает. Хотя твоей заслуги, Корнелий, в этом не было. Случайность. Скажем, отсталость Земли. Во всей Вселенной вирусы и прочие микроорганизмы побеждены, а на Земле еще существуют.

— А вы подумайте,— возразил Удалов.— Кому в результате лучше? У меня иммунитет, такой, что даже Верховного микроба победил. А вы все сдаетесь на милость паразитов.

— Я не сдаюсь,— возразил Острадам.— Я предпочел смерть.

— Что-то не верится,— сказал Удалов.— Паразиты бы этого не допустили.

— Как видишь, допустили.

— А можно, я тебя одним вопросом проверю? — спросил Удалов.

— Валяй.

— Ты любишь цветочные лепестки?

— Хуже дряни в Галактике еще не придумано.

— Да, похоже, что нет в тебе микроба. Так почему же они в тебя не залезли?

— Это долгая история. А у нас времени мало.

— А ты вкратце расскажи. Конспективно.

— Постараюсь. Дело в том, что в молодости я любил путешествовать. И однажды за черной дырой, в двойной туманности у белого коллапса угодил в водоворот времени, где перепутано прошлое и будущее.

— Ну и что?

— Я из этого водоворота полгода выбраться не мог. Чего только не насмотрелся. Кое-что запоминал, в блокноте записал. А дальше все просто. С твоим, Удалов, жизненным опытом и проницательностью тебе нетрудно понять, как велик был соблазн прославиться, когда я вернулся и увидел одного некрупного политического деятеля, о котором я в водовороте подсмотрел, что лет через пять он станет премьером своей страны...

— Так ты все про будущее знаешь? — спросил Удалов.

— Какое там! Ничего подобного. Случайные клочки. Даже не всегда известно, что уже было, а что будет. А уж тем более сомнительно, где происходит действие.

— Так как же ты с такой недостаточной информацией в предсказатели полез?

— А чем я хуже других предсказателей?

— А разве лучше? Людей обманываешь.

— Не скажи, Удалов. Ведь другие предсказатели вообще ничего не знают, а я недостаточную информацию имею. Вот и преуспел.

— Как же тебе с такой информацией удалось преуспеть?

— Про премьера я угадал. Кое-что еще вспомнил. Тоже угадал. Известность моя росла. Ну и опыт ширился. Ведь людям надо давать, что они хотят. Они и довольны. Если я угадывал, они мне верили, запоминали, а если ошибался, находили мне оправдание, забывали. И стал я постепенно гордостью моей планеты.

— Сомнительная слава,— сказал Удалов.

— Не спорю. И должен тебе сказать, что слава моя особенно выросла, когда я занялся предсказаниями в космическом масштабе. В моем блокноте накопилось множество имен и названий. Некоторые

я расшифровал, другие нет, и стал я употреблять их в своих предсказаниях. И тоже не без попадания в цель. Представляешь, Удалов, нежданно-негаданно приходит нота из какого-нибудь инопланетного посольства: какое вы имеете право предсказывать трагическую гибель нашему любимому диктатору? Я молчу, а диктатор вскоре попадает в автомобильную катастрофу. Кто об этом предупреждал? Я предупреждал. Но погубил я себя тем, что переоценил свои силы. Обленился, устал, захотел свободной и вольготной жизни и решил покончить с будущим одним ударом. Составил общее предсказание на двадцать лет вперед. Войны предсказал, смерти, художественные выставки, полярные сияния — в общем, побаловался на славу. И в конце пошутил — предсказал собственную смерть. Ха-ха!

Но Удалов не засмеялся. Он спросил серьезно:

— А основания у тебя к этому были?

— Ровным счетом никаких оснований,— сказал карлик.— Но пойми меня, к своей работе я относился халтурно, а двадцать лет показались мне гигантским сроком.

— Нет,— сказал Удалов,— двадцать лет — это совсем не такой большой срок. Я как сегодня помню, влюбился я в одну девушку...

— Ты чего замолчал? Говори. Я не выдам.

Удалов покачал головой. Нахмурился.

— Нет,— сказал он,— я просто забыл. Вроде бы влюбился, но в кого, почему и чем это кончилось... забыл.

— Бывает,— сказал предсказатель.— У меня хуже получилось. Из-за моей великой славы и непоколебимой репутации. Поверили мне, размножили мое всеобщее предсказание в миллионах экземпляров, развесили во всех общественных местах и в частных жилищах, осыпали меня золотом, предоставили все жизненные удовольствия. Растолстел я страшно. У тебя закурить не найдется?

— Я не курю,— сказал Удалов.

— Почему же мне кажется, что ты куришь? Странно. И вот, началась на моей планете нелепая жизнь. Допустим, предсказал я на июнь войну с соседями. Наше правительство послушно собирает армию и начинает войну. Даже никому в голову не приходит, что я могу ошибиться. Только война кончится,

а по моим предсказаниям — проливные дожди и наводнение. И хоть ни одного дождя не намечается, открывают плотины и заливают поля и города. Предсказал я, допустим, смерть председателя землевладений. И что же ты думаешь, он с горя проводит ночь перед смертью в кабаках, нажирается как свинья и помирает от несварения желудка. Не предсказал бы я, жил бы он и сегодня. Понимаешь, куда я клоню?

— Грустную историю ты рассказываешь,— сказал Удалов.— Историю о человеческом легковерии и твоей безответственности.

— Все это я понимал, не такой уж дурак. Но и ты меня пойми! Даже если бы я вышел на площадь и сказал народу — обманываю я вас, родимые, не верьте мне, грешному! Что бы из этого вышло?

Удалов задумался и ответил правдиво:

— Полагаю, ничего бы не вышло. Не поверили бы тебе. А твои предсказания всей Галактики касались?

— С другими планетами я осторожнее был. Опасался конфликтов. Но некоторые туманные сведения поместил в свою сводку, не удержался. О тебе, например.

— Что обо мне? — спросил Удалов.

— А разве тебе микробы не зачитывали?

— Читали. Что я им угроза и так далее.

— Там у меня написано следующее: «И прибудет на съезд СОС делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

— А дальше что?

— А дальше я и сам не знаю. Понимаешь, Корнелий, в водовороте времен увидел я тебя в каком-то большом зале. Там все кричат: «Слава делегату Земли Корнелию Удалову! Изберем его! Он достойный! Он — гроза микробов...» И так далее в этом роде. Полная абракадабра с точки зрения моего тогдашнего положения.

— А может, еще чего увидел? — спросил Удалов недоверчиво.

— Может, и увидел,— улыбнулся карлик, показав мелкие желтые зубы.— Но, считай, забыл.

Удалов не стал настаивать. Настоишь, а окажется, что карлик видел твою смерть. И будешь ты переживать... нет, лучше не знать своего будущего.

— Жил я безмятежно девятнадцать лет и несколько месяцев. Вдруг, ощущаю, стали на меня как то странно посматривать окружающие. И дружат уже не так горячо, и девушки меня меньше любят, а родственники с каждым днем все настойчивее намекают, что пора бы мне составить завещание. Проснулся я однажды утром, и на меня снизошло озарение! Ведь моя смерть надвигается! Они ее все ждут — не дождутся. Я им за последние двадцать лет осточертел до безумия. Представляешь, все время поглядывай в мой списочек: то на войну идти, то на похороны... Ой, подумал я, если сам в назначенный день не погибну, они меня задушат! Ни минуты лишней не дадут прожить. Ни друзья, ни родственники, ни общественность. Смотрю на календарь — а жизни мне осталось чуть больше месяца. У тебя закурить... Ах да, ты не куришь.

Карлик замолчал, задумался. Удалов не посмел его торопить, хотя стал нервно прислушиваться, не приближаются ли к двери шаги. В любой момент могли прийти палачи.

— В тот же день вышел я из дому, будто бы за сигаретами, купил в ближайшем театральном магазине темные очки и рыжий парик — и прямым ходом на космодром. Сел в первый же корабль и был таков. Только мы вышли в открытый космос, как нас догнал военный корабль и взял меня в плен. Оказалось, это была работорговая экспедиция микробов с планеты Кэ. Согнали всех пассажиров в салон и начали внедрять в нас микробов. Дошла очередь до меня, я стал сопротивляться, потерял в борьбе очки и парик. И тут меня узнали. Видели в газете мою фотографию. Я тогда не знал, что микробы, как прочли мое туманное предсказание об угрозе Удалова, всполошились. Пожелали со мной встретиться. И, представляешь, я попадаюсь к ним в лапы! «Ты что это летишь инкогнито?» — спросили они меня. Я ответил честно: «Поглядите в мое комплексное предсказание. Жить мне осталось три недели». Тогда они привезли меня сюда и посадили в подвал. Пригрозили, что если не скажу им все, что знаю об удаловской угрозе, они приблизят мою смерть. Конечно, это все шутки. Мою смерть они приблизить не смеют. Зато и внедриться в меня не пытаются. Кому хочется занимать свободную квартиру всего на три недели?

Карлик закончил, Удалов подошел к двери. В коридоре было тихо.

— Значит, эти микробы меня с самого начала опасались?

— Мне все верят,— сказал гордо карлик.

— Ну уж не все,— сказал Удалов.— В Великом Гусляре я ни одного не видел.

— Земля — окраина Галактики,— сказал карлик, который в гордыне своей бывал неделикатен.

— Так чего ж они на Земле меня не задержали?

— Не успели. Они, как я слышал, позвонили какому-то Белосельскому, чтобы он тебя на съезд не пускал.

— Я с ним в школе учился,— сказал Удалов.— Хороший человек, не подведет. Если бы он здесь был, наверняка бы придумал, как нас с тобой спасти. Он и в школе был отличником.

Далеко, в недрах тюрьмы, послышались шаги палачей.

— Ну вот,— сказал Удалов.— Придется, видно, погибать.

— Нет, погибать нельзя,— решительно сказал карлик.— Не могу я этого допустить. Профессиональная гордость не позволяет.

— Ну при чем тут твоя профессиональная гордость, когда тебе со дня на день помирать пора?

— Не обо мне речь. Я предсказал, что ты прославишься на съезде большими делами? Я предсказал, что от тебя будет страшная угроза микробам? Если тебя замучают, мое предсказание не сбудется. Это позор, который будет преследовать меня и после смерти. Пошли. Будем тебя спасать.

— Как? — спросил Удалов, прислушиваясь к шагам палачей.

— Лезь в дыру, через которую я сюда проник. Давай, я подсажу тебя, а ты потом мне руку дашь.

Так они и сделали. И вовремя. В тот момент, когда ноги карлика скрывались в дыре, дверь в камеру Удалова открылась и вошли палачи в водолазных костюмах.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой рассказывается о событиях, вызванных исчезновением Удалова.

Удалов, переползавший, обдирая колени, в соседнюю камеру подземной тюрьмы на планете Кэ, и не подозревал, что его исчезновение уже вызвало цепную реакцию значительных событий в разных местах Галактики.

На самом СОС, когда Удалов не появился на вечернем заседании, его отсутствие было замечено. Все-таки не последний человек на съезде.

Послали в гостиницу. В гостинице тоже Удалова не обнаружили.

Начали всех опрашивать, а так как делалось это организованно, в масштабе всей планеты, то поговорили и с уборщицей из Атлантиды. Уборщица рассказала, что Удалов сгорает от любви к ее пропавшей дочери и вполне мог отправиться на поиски своей возлюбленной. Заглянули в кино и увидели там фильмы из юношеских воспоминаний Корнелия Ивановича, принялись искать кузнечика. А кузнечик тоже пропал. Поиски продолжались до вечера, а вечером на планете Сапур был обнаружен покинутый корабль, в котором туда прилетали Удалов с кузнечиком. В корабле еще сохранились микроследы пропавших и следы неизвестного третьего лица, которое в материалах следствия именовалось «Х», хотя на самом деле это был могильщик.

Загадка исчезновения Удалова встревожила весь съезд. Специальные группы обыскивали планету Сапур, другая группа улетела на Альдебаран, чтобы искать там следы красавицы Тулии, остальные следователи и добровольцы из делегатов разыскивали Удалова на планете, где проходил съезд. Оргкомитет съезда подал в отставку, которая не была принята. Под сомнение встал один из основных принципов съезда — безопасность его участников.

Ночью руководство съезда в качестве последней меры связалось с Землей. Телефонный звонок поднял с постели Николая Белосельского.

— Нет,— сказал он твердо, когда выслушал тревожное сообщение из космоса.— Удалов домой не возвращался, да и не мог он возвратиться за один день. Для того чтобы долететь от центра Галак-

тики до Земли, надо потратить как минимум двое суток. Вы это знаете лучше меня.

— Но мы решили не упускать никаких шансов.

— Правильно,— согласился Белосельский.— Тем не менее чудес не бывает. Ищите Удалова в вашем районе. Желаю успеха.

Руководители СОС заверили Николая Белосельского, что будут приняты все возможные меры, и повесили трубку.

— Чепуха какая-то,— сказал сам себе Белосельский, спуская ноги с кровати и закуривая. Спать, естественно, расхотелось.— Все беды происходят от друзей детства. Как бы я хотел работать в Петропавловске-на-Камчатке...

Но рассуждения рассуждениями, а Белосельский был человеком действия. И хотя шансов найти Удалова в Гусляре практически не было, он докурил сигарету, оделся и пошел на Пушкинскую улицу, к дому № 16, в котором раньше жил Удалов.

Город спал, нежась в объятиях летней ночи. Звезды, мигавшие сквозь темную листву, казались декоративными украшениями. Во дворе двухэтажного дома Белосельский остановился и поглядел на знакомое по детским годам окно. Его вдруг посетила странная надежда, что все, чему он был свидетелем в последние дни,— дурной сон. И Удалов сейчас мирно спит или читает, не подозревая ни о каких СОС. К сожалению, Белосельский был вынужден отогнать эту эфемерную надежду. Он знал, что чудес не бывает. Он знал, что, к сожалению, действительность сурова и обыденна: Удалов улетел на съезд в другой сектор Галактики и пропал там без вести.

Белосельский вздохнул, посмотрел на часы, которые показывали уже первый час, и, стараясь не скрипеть ступеньками, поднялся на второй этаж, к квартире школьного друга.

Ксения открыла почти сразу. Она не спала. Ее круглое, чем-то схожее с удаловским, лицо было скована тревогой.

— Коля! — воскликнула она громким шепотом.— Ты!

Колю Белосельского она знала по школе, а также по пионерскому лагерю. Тогда она была тонкой, смешливой девчонкой с косичками, как крысиные хвостики, а Коля был высоким и тонким подростком,

который проводил все свободное время с книгой в руках, хотя при этом неплохо играл в гандбол, отлично катался на лыжах и исключительно бегал стометровку.

— Коля,— сказала Ксения,— заходи. Дети спят. Что случилось с Корнелием?

Она так уверенно произнесла эти слова, что Белосельский понял, что он совершил ошибку, придя к Удаловым домой. Лгать подруге детства он не сможет.

— Удалов пропал,— сказал Белосельский.

— Я так и знала,— прошептала Ксения.— Не надо было нам его отпускать.

Ксения первой вошла в комнату и без сил опустилась на диван. У нее хватило духу лишь протянуть руку к буфету и показать Белосельскому, где стоит валерьянка.

Накапав лекарства, Белосельский сел на стул и подождал, пока Ксения окончательно возьмет себя в руки. Все в этой комнате возбуждало в нем детские воспоминания. Сколько проказ было задумано здесь, сколько шпаргалок написано, сколько томов энциклопедии прочитано!

— Извини, Коля,— сказала Ксения.— Но пойми меня правильно.

— Я все понимаю, Ксения,— сказал Белосельский.

— Он бросает меня одну, с двумя детьми, уматывает неизвестно куда ради сомнительной космической дружбы. А теперь вот это! Он себе новую бабу нашел! — произнесла вдруг Ксения громко и ударилась в слезы.— Стонет мое раненое сердце.

— Ну погоди, при чем тут баба? — возразил Белосельский.— Твой муж уехал делегатом на съезд, прошло всего четыре дня, а пропал он только сегодня утром...

— Что, мало ему времени? Достаточно. И не утешай. Не утешай. Если не баба, значит, он погиб!

— У тебя все крайности,— сказал Белосельский.— Я-то подумал, что он по дому стосковался, уже вернулся. Иначе бы и не стал тебя так поздно тревожить.

Но Ксения не слушала утешений Белосельского. Она решительно поднялась, распахнула дверцы шкафа, достала оттуда выходное платье, бросила на диван и приказала Белосельскому:

— Отвернись.

— Ты чего задумала? — спросил Белосельский.

— Лечу туда. Без меня им не обойтись. Если уж я его не найду, никто его не найдет. Окрутит она его, как пить дать.

— Но как же так, ночью, без договоренности...

— Вот ты сейчас и договорись. Гуманист ты, в конце концов, или нет?

— Гуманист,— согласился нехотя Белосельский.

— Тогда звони им, чтобы присылали транспорт. Без замедления. Не смогли моего мужа сберечь, будут со мной сотрудничать.

— Ксюша, Ксюша...— пытался урезонить ее Белосельский, но Ксюша уже обернулась к другу детства округлой спиной и приказала:

— Застегни молнию. Надо бы мне поменьше мучного есть.

И, застегнув молнию, Белосельский пошел к телефону. Он знал, что с разъяренной Ксенией Удаловой ему не справиться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,
в которой предсказатель ведет Удалова к иным мирам.

— Я не зря провел две недели в подземелье и выдержал пытки этих мерзавцев,— сказал карлик, когда они оказались в его камере.— К счастью, в камере нашлась лопата, которую забыли унести после ремонтных работ. Я выкопал подземный ход и совершенно случайно попал прямо в подвал лаборатории знаменитого профессора.

— А где профессор? — спросил Удалов, прислушиваясь к тому, как взволнованно переговариваются за стеной палачи. Через минуту они обязательно увидят дырку под потолком.

— Профессор не выдержал в себе микроба и умер от стыда и унижения. К счастью, его лаборатория была закрыта на ключ и микробы не догадались ею воспользоваться. Я полезу первым, я потоньше тебя, а если будешь застревать, я тебя буду тянуть. Но тебе придется раздеться.

— А если там холодно?

— В одежде ты застрянешь. Я сам копал, точно знаю.

Удалов колебался. Ему было неловко остаться без верхней одежды в чужом мире. Но в голосе карлика звучала такая уверенность, что Удалов подчинился, сбросил пиджак, рубашку, начал снимать брюки и замер, услышав прямо над головой торжествующий крик:

— Вот он! Держите его!

Удалов взглянул вверх. Там, в дыре, торчали две головы в водолазных шлемах. Палачами оказались бывший могильщик и прекрасная Тулия.

Карлик уже нырнул в подкоп и крикнул оттуда:

— Скорее!

Удалов наступил на брючину, чуть не упал. Его спасло лишь то, что преследователи в желании скорей пробраться сквозь дыру, мешали друг другу и застряли.

Удалов нырнул в черный зев подкопа. Впереди слышалось частое дыхание карлика. Стены подкопа сжимали тело Корнелия, и он мысленно поблагодарил карлика за то, что тот посоветовал раздеться. В пиджаке Удалов давно бы застрял. Впрочем, он и без пиджака раза три застревал, и карлику приходилось тащить его за уши.

Через несколько минут, измаранный в земле, исцарапанный, измятый, с горящими ушами, Удалов стоял в подвале лаборатории покойного профессора. Вокруг высились приборы и аппараты, горели светильники — все, к счастью, оставалось таким же, как в тот момент, когда профессор попал в плен к микробам.

— Что теперь? — спросил Удалов.

— Профессор занимался проблемой мгновенных путешествий,— сказал карлик.— Проблема еще совсем не исследована. Вот из этой машины можно ступить в один из миллионов миров Галактики. Только не знаю, в какой попадем.

— А может быть, нам здесь остаться? Доберемся до космодрома, залезем в корабль...

— Доберешься! — возмутился карлик.— На этой планете все начеку, все с микробом в сердце. Мы и двух шагов по улице не сделаем, как попадемся. Единственный шанс — поискать по другим планетам какой-нибудь выход к нормальным людям. Нам нужна планета, куда прилетают космические корабли. Может, не сразу, но мы ее отыщем.

Из подкопа послышалось тяжелое дыхание.

— По-моему, там кто-то застрял,— сказал карлик.

— Не уходи,— послышался из-под земли глухой голос Тулии.— Поговорим по-дружески.

— Знаем мы вашу дружбу,— ответил печально Удалов. Сердце его было неспокойно. Он не мог окончательно изгнать из него любовь к несчастной красавице. Поэтому, пока карлик готовил приборы, чтобы перейти в параллельный мир, Удалов склонился к подкопу и сказал:

— Тулия, я тебе обещаю, что приму все меры, чтобы освободить тебя от паразита и вернуть к маме.

— Спаси...— послышалось в ответ, но тут же вырвавшаяся из сердца девушки благодарность оборвалась и Верховная матка микробов сказала тем же сладким голосом:— Доберусь я до тебя!

— Сюда, Корнелий! — позвал карлик.— Путь открыт.

И Удалов, не дожидаясь, пока Верховная матка приведет свою угрозу в исполнение, кинулся к карлику, который раскрыл люк в сложной и громоздкой машине. Удалов последовал за карликом и мгновенно оказался на какой-то другой планете.

Неизвестная планета показалась Удалову гостеприимной и мирной. На ней свежий ветер шуршал сосновыми иглами, пели птицы, журчали ручьи и парили стрекозы.

— Ну прямо как дома,— сказал Удалов.— Даже жаль, что фотоаппарата нет. Вот бы знакомые удивились такому сходству.

— Пошли, не теряй времени даром,— сказал карлик.— В любой момент может показаться погоня.

— Разве ты дверь за нами не закрыл?

— А как закроешь? — спросил карлик сварливо.— На ней не написано. К тому же, если мир не тот окажется, нам придется возвращаться и искать другой.

— А если они засаду устроят?

— Надеюсь, что нет,— сказал карлик.— Надеюсь, что они за нами побегут.

Удалова эти слова мало успокоили. Но может, они с первого раза попали в подходящий мир, откуда есть сообщение с СОС?

— Далеко отходить не будем, чтобы не заблудиться,— сказал карлик.

Они оглянулись. Машина, сквозь которую они сюда попали, вылезала черным боком на поляну, и ее было видно издалека. По узкой тропинке путники сошли к реке.

Удалов опустился на корточки, чтобы вымыть в прозрачной воде руки и лицо. Тут он увидел свои обнаженные ноги и вспомнил, что он в одних трусах. Стало неловко.

Вдали послышались выстрелы.

— Ого! — сказал карлик.— Ладно, пошли. Там разберемся.

Но пойти сразу не удалось. Из машины выскочили палачи. Карлик оказался прав. Тулия была в серебряном купальном костюме, могильщик в балахоне, шляпа в руке. Водолазные костюмы они сняли, иначе бы им никак не пролезть в подкоп.

Преследователи оглядывались, размышляя, куда могли бы скрыться беглецы. В руках у них поблескивали пистолеты.

Не обнаружив следов, носители микробов быстро пошли к лесу.

Удалов с Острадамом, подождав, пока палачи скроются из глаз, перебежками, пригибаясь и даже иногда падая на землю, побежали в другую сторону.

Когда беглецы решили, что опасность миновала, они выпрямились и помчались со всех ног. Они так спешили, что ничего не слышали и не видели. И это их чуть не погубило.

— Жжик! — просвистела пуля у самого уха Удалова.

— Жиик! — другая пуля вонзилась в ствол дерева рядом с карликом. Беглецы упали в траву.

— Это что такое? — спросил Удалов.

— Это разумные существа,— ответил с сарказмом карлик.— С разумными всегда надо быть настороже.

В чаще леса затрещали ветки, и через несколько секунд на прогалине появились двое мужчин. Удалов сразу угадал, что это охотники. Он немало насмотрелся на них дома, хотя сам относился не к охотникам, а к рыболовам. Охотники огляделись, потом один из них сказал:

— Он, наверно, в кусты ушел. Я его подбил.

— А я моего точно ранил. Далеко им не уйти. Славная добыча.

— Что-то он мне показался незнакомым,— сказал первый охотник.

— Моего я тоже не встречал.

— Смотри, как бы нам случайного не угрохать.

— Да не должно быть. Случайные в сезон сюда не сунутся.

Охотники собрались было уходить, и тогда карлик достал носовой платок и принялся им размахивать, прячась за поваленным деревом.

Охотники заметили этот сигнал и подняли ружья.

— Мы сдаемся! — крикнул карлик.— Мы случайные прохожие, а не дикие звери!

— Тогда вставайте, только руки держать над головой,— сказал один из охотников.— А то мы рисковать не хотим.

Беглецы медленно поднялись из травы, держа руки над головами.

— Так вы, говорите, случайно здесь оказались? — спросил охотник, подходя поближе и не спуская их с прицела.

— Мы даже не с этой планеты,— пояснил Удалов.

— В самом деле, на охотников не похожи,— сказал второй охотник.

— И на дичь тоже,— постарался улыбнуться Удалов.

— А при чем тут дичь? — удивился охотник.

— Так вы же нас чуть не подстрелили!

— Правильно! А при чем здесь дичь?

— Ну вы же охотники? — спросил Удалов.

— Разумеется, охотники. Самые настоящие.

— Значит, вы охотитесь на дичь. Или на зверя.

— С чего вы это взяли? — спросил охотник.

— Не стоит на него время тратить,— сказал его товарищ.— Они же приезжие. Сами говорят, что из другого мира.

— Ну, тогда идите куда шли,— сказал первый охотник.

— А стрелять не будете? — спросил Удалов.

— Мы-то не будем,— сказал второй охотник.— Другие могут подстрелить.

— Больше я никуда не пойду,— сказал Удалов Острадаму.— Хватит с меня. Убьют — и не сбудутся твои липовые предсказания.

Удалов уселся на траву. Ему все это надоело.

— Объясните невежественным пришельцам,—

сказал карлик,— почему в нас могут стрелять? Разве мы похожи на птичек или на медведей?

— Объясни ему,— сказал второй охотник.— Они же в самом деле ни при чем.

— Все просто,— сказал первый охотник.— У нас охота — самый популярный вид спорта и отдыха. На планете чуть ли не каждый третий охотник. Вот мы и охотились тысячу лет, пока не перебили большинство животных. Некого стало бить. Наши жены стали возмущаться — леса опустели, экология нарушается,— и объединились они с друзьями живой природы, чтобы запретить охоту.

— А как запретишь охоту,— вмешался второй охотник,— если мы с детства другого развлечения не знаем? Нельзя у нас запретить охоту. Национальная катастрофа.

— Тогда и нашли компромисс,— сказал первый охотник.— Решено было, что охотники разделятся на две половины. И будут охотиться друг на друга.

— Но это же бесчеловечно! — сказал Удалов.

— Я с тобой не согласен,— сказал Острадам.— Это очень разумно. И люди развлекаются, и звери целы. И много охотников погибает?

— Бывает,— сдержанно ответил первый охотник.— А вы здесь с какой целью?

— Ищем дорогу к цивилизации. Скажите, от вас корабли летают к другим планетам?

— К другим планетам от нас никто не летает,— сказал охотник.— Космических путешествий мы еще не изобрели. О чем очень жалеем. Когда изобретем, тут же отправимся охотиться на другие планеты.

— Тогда не спешите изобретать,— сказал карлик.

В этот момент неподалеку раздались выстрелы. Удалов с карликом привычно нырнули в траву, а их знакомые охотники начали отстреливаться.

— Бежим отсюда,— сказал Удалов.— Убьют.

Острадам согласился, и короткими перебежками они бросились обратно к машине. По дороге они чуть не натолкнулись на костер. У костра сидели в кружок охотники, а на громадном вертеле что-то жарилось.

— Ой! — испугался Удалов.— Ты посмотри! Они не только взаимно уничтожаются, но и поедают друг друга.

— Да, это ужасно,— согласился карлик. Он осторожно приподнялся, пригляделся и потом, улыбнувшись, заметил:

— Никогда не видел у охотников рогов.

— Рогов?

Удалов присмотрелся и понял, что ошибся. На вертеле жарился самый обыкновенный олень.

— Но как же так? Они же постановили? — сказал он.— Они же должны только друг за другом... ведь экологический баланс, животный мир, защита окружающей среды...

— Это все для общественности,— сказал цинично Острадам.— Если они и пристрелят кого-нибудь, то таких вот дураков, как мы с тобой. Чтобы их жены видели, что они зря патронов не тратят. Побежали!

И они побежали дальше.

Но не успели пробежать и ста шагов, как услышали сзади топот. Раздался выстрел.

— Охотники! — крикнул Удалов.— Скорей, мой друг!

Удалов оглянулся и понял, что их настигают не охотники, а палачи.

К счастью, могильщик и Тулия были никуда не годными стрелками.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой продолжается путешествие Удалова по другим планетам.

Даже не успев отдышаться, беглецы снова нырнули в машину и перескочили на следующую планету, лишь на минуту опередив преследователей.

Планета сначала испугала.

Такого мрачного запустения, такой экологической безнадежности путешественникам встречать не приходилось, несмотря на то, что оба побывали в различных космических местах.

Черные озера источали отвратительные промышленные запахи, бывшие леса поднимались скелетами бывших стволов, горы давно уже превратились в карьеры и холмы отработанного шлака, воздух был приспособлен для чего угодно, только не для человеческого дыхания.

Зажимая нос рукой, Удалов произнес:

— Давай, дальше полетим. Пока живы.

— Погоди,— хладнокровно ответил Острадам.— То, что мы видим,— следы деятельности развитой,

хоть и не очень разумной цивилизации. Настолько развитой, что они использовали на планете все, что можно использовать. Допускаю, что они строили космические корабли.

— Если и строили,— разумно возразил Удалов,— то их корабли так воняли, что далеко не улетишь.

— Ах, Удалов,— сказал Острадам.— Ты не представляешь, до чего изобретательны разумные существа. Пока окончательно не вымрут, они продолжают жить, размножаться и даже смотреть кино.

Удалов тем временем огляделся и обратил внимание на то, что леса заводских труб не выделяют никакого дыма, развалины бетонных сооружений лишены признаков жизни и по дорогам, заваленным бумагой и консервными банками, никто не ездит.

— У меня подозрение, что они уже вымерли,— сказал Удалов.— Так что на кино рассчитывать не приходится.

— Или возьмем оптимистический вариант,— поправил его Острадам.— Оптимистический для них и грустный для нас.

— Какой?

— Улетели они отсюда. Эвакуировались. Нашли другую планету и улетели. Из чувства самосохранения. Но все-таки надо пройти немного вперед, проверить.

Удалов покорно поплелся за предсказателем, стараясь не дышать. Но дышать приходилось, и от этого кружилась голова.

Они прошли шагов сто, чуть не провалились в заброшенную канализационную систему, как вдруг в огрызке бетонной стены распахнулась дверь и оттуда вышел прилично одетый человек, по внешнему виду инопланетянин. Он был сравнительно чист, сравнительно умыт и производил благоприятное впечатление, если не считать волнения, отражавшегося на его лице.

— Простите! — закричал он.— Извините. Я запоздал. Установка сломалась! Какое счастье, что вы меня дождались.

— Здравствуйте,— сказал Острадам осторожно.

— Добрый день,— сказал Удалов, который заподозрил, что их с кем-то спутали.— Вы кого ждете?

— Вас,— откликнулся абориген.— Но нашу планету так трудно отыскать, что мы почти отчаялись.

— Зачем же вы нас ждете? — спросил Острадам.

— Для консультации, вы разве нашего письма не получили?

— Нет. Мы вообще к вам попали случайно.

— Так вы не специалист по первобытным водорослям?

— Ни в коем случае!

— Значит, вы специалист по первобытным водорослям? — обратился абориген к Удалову.

— Нет, я по жилищному строительству,— признался Удалов.

— Но, может быть, вы чего-нибудь понимаете в водорослях?

— Понимаю,— вдруг сказал Острадам.— Мне пришлось как-то прожить полгода на планете Океан и питаться только морской капустой. Очень укрепляет здоровье, но портит настроение.

— Все! — обрадовался абориген.— Поехали!

— Нам некогда.

— Клянусь, мы задержим вас на полчаса, зато наградим за консультацию лучшими жемчужинами Вселенной. Неужели у вас нет родственников или любимых, кому вы хотели бы привезти по жемчужине?

Этот аргумент сразил Удалова. Ему очень захотелось привезти по жемчужине жене Ксении и... нет, о другой женщине он заставил себя не вспоминать.

— Прошу за мной,— сказал абориген, открывая дверь в бетонной стене. Эта дверь вела никуда. За ней в кривом проеме были видны те же черные трубы мертвых заводов и испарения, поднимавшиеся над отравленными ручьями.

Абориген смело шагнул в ложную дверь и исчез.

— Подземные жители,— сказал Удалов, который уже все понял.— Там у них лифт.— И ступил вслед за аборигеном.

Неведомая сила подхватила его и понесла по бесконечному неосвещенному туннелю, среди разноцветных разводов и искр. Это путешествие продолжалось неопределенное время, потому что время перестало существовать. Потом в глазах Удалова что-то сверкнуло, и раздался приятный голос аборигена:

— Промежуточная станция.

Удалов открыл глаза и обнаружил, что стоит в дверном проеме, в окружении пейзажа, очень напоми-

нающего тот, что он только что покинул. Труб, правда, меньше, и расположены они иначе, испарения несколько иного цвета, и воздух пахнет гадко, но подругому, чем минуту назад.

— Что случилось? — спросил Корнелий у аборигена.— Куда мы переехали?

— Простите,— сказал абориген.— Это еще не конец пути. Надо спешить. Следуйте за мной.

Он снова шагнул в пустой проем двери и исчез.

Не останавливаться же на полпути. Удалов последовал его примеру. И все повторилось вновь — ощущение пустого туннеля, мелькание цветов и искр...

Они стояли у проема двери в окружении опустошенного пейзажа. Воздух здесь был куда более сырым, хоть и не менее вонючим, желтый туман скрывал окрестности, а из него торчали заводские трубы, развалины домов были крупнее, но тем не менее оставались развалинами...

— Ну все? — спросил Острадам.— Приехали?

— Простите,— сказал абориген.— Попрошу следовать за мной.

И снова шагнул в дверь.

Острадам поглядел на Удалова, Удалов на предсказателя, они согласно пожали плечами — что остается делать в таких случаях? — и шагнули в дверь.

На этот раз опустошение казалось не таким полным. Может, потому, что неподалеку шумело море, горы на горизонте были не настолько разрушены, как в предыдущих пейзажах, однако полное безлюдье и господство пыльных запахов приводило к мысли, что и в этом мире жить человеку противопоказано.

— Все? — спросил Удалов.— Надоело по вашим туннелям летать.

— Почти все,— сказал абориген.— Последний виток.

И он юркнул в дверь, опасаясь, что гости будут возмущаться.

На этот раз абориген не обманул.

Мир, в котором они оказались, был кое-как пригоден для дыхания. Свидетельством тому были люди, встречавшие их у двери. Они собрались там небольшой толпой, кое-кто в противогазах, кое-кто в скафандрах... На склоне горы виднелась зелень, в

воздухе пролетела странная птица, похожая на летучую мышь...

Удалов, пожимая руки хозяевам, сделал несколько шагов вперед и тогда только понял, что находится на небольшом острове. Зеленое море, усеянное нефтяными вышками и отдельными платформами искусственного происхождения, тянулось к горизонту.

— Специалист приехал... специалист приехал...— прокатывался по толпе встречавших шепот. Грустные лица несколько оживились.

— Так что же вы хотели нам показать? — нетерпеливо спросил Острадам.— Где ваши водоросли?

— Сначала пообедаем,— сказал их проводник.— Потом вы выберете себе по жемчужине...

За обедом, скромным, без спиртных напитков, состоящем в основном из даров моря и синтетической картошки, хозяева планеты поделились с гостями своими проблемами и тревогами.

— Вы видели, в каком состоянии находится наш мир? — спросил сидевший во главе стола президент планеты.

— Видели,— вздохнул Удалов.— Безобразие.

— А что можно поделать? Мы же цивилизация. А цивилизация — это уничтожение природы.

— Не совсем так,— сказал Удалов.— Это зависит от нас.

— Правильно,— согласился президент.— Но если вы далеко зашли по порочному пути, остановиться трудно, а порой уже невозможно. Мы не смогли.

— Жаль,— сказал Острадам.— Значит, все погубили, а потом эмигрировали?

— Да. Иначе нечем было дышать, нечего было копать, нечем было питаться.

— И вы стали осваивать другие континенты,— сообразил Удалов.

— Все не так просто,— вздохнул президент.— Континенты к тому времени, когда мы спохватились, были уже опустошены.

— Так это мы путешествовали по другим планетам! — догадался Острадам.

— Нет, мы на своей планете. Куда перевезешь пять миллиардов жителей?

— Сейчас нас уже меньше,— вмешался провод-

ник.— Сейчас нас и миллиона не наберется.

— Все равно... Все в природе взаимосвязано.

Наступила грустная пауза, и Удалов не посмел ее прерывать. Наконец президент смахнул набежавшую слезу и продолжал:

— Нас спасло путешествие во времени. Временные туннели, которые мы открыли в самый критический момент. Мы научились перемещаться в прошлое и догадались, что можно эвакуироваться в те времена, когда людей на планете еще не было. И вот мы взяли личные вещи, детей и ценности и перевезли нашу цивилизацию на миллион лет назад. Это было великолепно. Первые годы мы нежились на лужайках и купались в море... а потом...

Тяжелый вздох пронесся над обеденным столом.

— И вы погубили собственную планету за миллион лет до вашей эры? — спросил Острадам.

— Разумеется. Мы оказались верны своим привычкам.

— И двинулись дальше в прошлое?

— И двинулись дальше. И с каждым разом мы губили природу быстрее, чем прежде. В конце концов мы попали в такое отдаленное прошлое, что суши стало недостаточно, чтобы прокормить население. И вот мы стоим на пороге отступления в первобытный океан. В океан, в котором лишь зарождается жизнь, в котором господствуют водоросли и мелкие амебы. Обратного пути для нас нет — все будущее уже безнадежно загажено...

— Вы умудрились погубить собственную планету пять раз! — в ужасе воскликнул Удалов.

— Если бы пять...— сказал президент.— Мы загубили ее восемнадцать раз!

— Но вы же загубите и океан!

— Весьма возможно,— сказал президент.— Тогда нам придется отступить в момент возникновения планеты...

— И пожить в вулканах? — в голосе Острадама прозвучал сарказм.

— Боюсь, что так,— президент был серьезен.

— А пока этого не случилось,— натянуто улыбнулся проводник, изображая исторический оптимизм,— мы просим вас слетать с нами на разведку в первобытный океан, куда мы переселяемся в будущем году, и помочь нам наладить производство

продуктов питания из водорослей и амеб...

Острадам, сжалившись над обреченной цивилизацией, натянул водолазный костюм и отправился в океан. Но Удалов так и не узнал, были ли советы предсказателя полезны. Настроение у него испортилось, и даже тот факт, что ему позволили покопаться в коробке с жемчугом, чтобы выбрать самую красивую жемчужину для жены, его не утешил. Конечно, ему хотелось дать добрые советы аборигенам, поделиться с ними положительным опытом, накопленным на Земле, но иногда добрые советы только раздражают.

И когда через несколько часов, миновав в обратном порядке все временные двери и вернувшись в современность, они попрощались с аборигеном, Острадам сказал:

— Чует мое сердце, докатятся они до вулканов.

— Сюда экскурсии возить надо,— ответил Удалов.— Ну ладно, погубить свою планету раз, это каждый может, но восемнадцать раз...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,
в которой уменьшаются тираны.

Попав вновь в машину мгновенного перемещения, Удалов опять провалился в темный бесконечный тунель, опять закружилась голова и сперло дыхание. Привыкнуть к таким ощущениям было трудно, и Удалов утешал себя некогда прочитанными словами полярного путешественника Амундсена: «К холоду привыкнуть нельзя, но можно научиться терпеть его».

Путешествие закончилось благополучно. Удалов вылез из кабины неподалеку от величавого, застроенного помпезными зданиями, инопланетного города. Было тихо, над головой парили птицы и курчавились розовые облака.

— Знаешь, что мы сейчас сделаем? — спросил карлик.

— Пойдем в город,— ответил Удалов.— Искать космодром.

— Сначала мы отыщем какое-нибудь скромное кафе и пообедаем. И только потом купим билеты на межпланетный корабль.

Удалов не возражал, и они направились по лугам к городу.

Уже на подходе к нему путникам стало очевидно, что и на этой планете не все ладно. Уж очень она была пустынна.

Улица, по которой они вошли в город, была покрыта толстым слоем пыли, штукатурка с домов кое-где обвалилась, кусты и деревья разрослись, взломав асфальт. И ни одной живой души...

Таинственная зловещая тишина подавляла и уговаривала бежать отсюда, пока жив.

— Здесь никого нет,— прошептал Удалов.

— И давно никого не было,— откликнулся шепотом Острадам.

— И они ушли в прошлое,— предположил Корнелий.

— Или умерли от эпидемии.

— Или перебили друг друга в атомной войне.

— Или улетели на другую планету.

— И много лет назад...

Силы сразу покинули утомленных путешественников. Одно дело оказаться у цели и предвкушать скромный обед и мирный полет на космическом корабле, совсем иное — осознать, что и здесь нельзя надеяться на спасение.

После короткого приглушенного совещания путники решили поискать космопорт, не осталось ли там случайного корабля.

Через несколько минут они вышли на большую площадь, и их взорам предстало удивительное зрелище.

Центр площади был застроен множеством игрушечных домиков, словно здесь когда-то резвился детский сад, сооружая жилища для кукол. Домики были во всем схожи с настоящими: со стеклами, вывесками, печными трубами, возле одного даже стояла игрушечная автомашина.

Удалов заглянул в окошко четвертого этажа, которое располагалось как раз на уровне его глаз, и внутри разглядел комнатку с диваном, столом, миниатюрными тарелочками и чашечками на нем и даже недопитой бутылкой вина. Но никаких следов пребывания живых существ ни в комнатке, ни в домике, ни на всей площади не обнаружилось.

— Они любили детишек и устраивали им игры на площадях,— неубедительно предположил Острадам.

Удалов покачал головой.

— Нет,— сказал он,— этот игрушечный город был бы слишком большой помехой для городского транспорта.

От площади они взяли курс по той улице, что вела вверх, к холму, увенчанному дворцом с множеством башен и башенок.

Оттуда они намеревались обозреть весь город.

Путь наверх занял около получаса. За это время Удалов убедился в том, что некогда этот город процветал и мог похвастаться культурой и искусствами. Но к разгадке он так и не приблизился.

Войдя в покинутый, запущенный, пыльный дворец, путешественники некоторое время бродили по его залам и комнатам, и никто их не окликнул, никто не встретился. Они поднялись наверх, на галерею, что окружала одну из дворцовых башен, и принялись глядеть на город с высоты.

— Удалов! — воскликнул Острадам.— Там стоят корабли!

Корнелий обратил взор в том направлении. Не надо было обладать особо острым зрением, чтобы понять: космодром давно мертв и заброшен. Большой лайнер, стоявший посреди поля, был покрыт ржавчиной, люки его раскрыты...

— Может, это не космодром,— предположил Удалов,— а музей?

Все же они решили дойти до космодрома и поглядеть на запустение вблизи.

На этот раз улица вела вниз, к широкой реке, разделявшей город надвое. На набережной возле каменного моста они увидели еще один игрушечный городок.

По масштабу он был меньше прежнего раза в два. В таком могли жить только оловянные солдатики — куклы бы не уместились в домиках. Этот городок также был покинут и покрыт пылью.

Там путешественники задержались ненадолго. Тайну этой планеты разгадать они не в силах, пока не встретят кого-нибудь, кто согласится их просветить.

Минут через двадцать утомленные до предела путники вышли к окраине города. Дома здесь были

одноэтажными, не столь долговечными, как в центре, многие покосились, а то и вовсе рассыпались. Улица была завалена гнилыми досками, штукатуркой и обломками мебели. Так что продвижение к космодрому сильно замедлилось.

Внимание Удалова привлек воробей или схожая с ним мелкая птичка. Воробей летел над самой мостовой, словно искал насекомых. Неподалеку от Удалова птичка ринулась вниз, и взгляд Корнелия непроизвольно проследовал за ней.

К удивлению Удалова обнаружилось, что птичка пытается схватить не паучка или жучка, а махонького человечка, который метался по выщербленной мостовой.

— Кыш, людоед! — гневно крикнул Удалов воробью.— Разве тебе неизвестно, что даже самый мелкий человек — все равно царь природы?

То ли испугавшись, то ли усовестившись, воробей сиганул к облакам.

Острадам не понял, в чем дело, и спросил:

— Ты чего на птиц кричишь?

— Отыскал человечество,— ответил Корнелий, опускаясь на колени. Тихонько, чтобы не оглушить брата по разуму, он сказал дрожащему человеку ростом в два сантиметра:

— Не беспокойся, ты среди своих.

Человечек заткнул уши, а Удалов взял его двумя пальцами и поставил себе на ладонь, как это проделывал с лилипутами литературный герой Гулливер.

Сообразив, что опасность ему более не угрожает, человечек оправил свою одежду, приосанился и тонким голоском спросил:

— Человек, которому я несказанно благодарен за спасение моей недостойной жизни, откуда ты прибыл? Ведь космические путешествия у нас давно отменены.

Удалов вкратце поведал лилипуту о своих приключениях, а затем не удержался от прямого вопроса: что же случилось со старинным городом?

Лилипут в ответ на это попросил донести его до соседнего квартала. И пока это недолгое путешествие продолжалось, человечек поведал Удалову и Острадаму о трагической истории планеты.

Оказывается, планета жила, как и положено цивилизованным мирам, развивалась, шагала по пути

прогресса и имела контакты с другими планетами. И так продолжалось до несчастного дня, когда власть захватил человек, которого в народе прозвали Тираном. Этот Тиран некоторое время подавлял свободу, искусства и науки, но затем мания величия толкнула его на радикальные действия.

Сам Тиран был невелик ростом, что с тиранами случается нередко. Из-за этого он смотрел на своих подданных снизу вверх и удручался.

— Мне прискорбно сознавать,— признавался он в узком кругу приближенных,— что я превзошел остальных в свирепости, интригах, злодействе и понимании искусства, но уступаю ростом даже среднему подданному. Это несправедливо и должно быть исправлено.

Самый простой путь к исправлению несправедливости был подсказан министром безопасности: отрубить головы всем жителям планеты и этим превратить тирана в самого высокого человека. Но гуманизм Тирана не позволил ему воспользоваться таким простым ходом. Тем более что население планеты было значительно прорежено репрессиями, отчего происходили сбои в экономике.

Тиран созвал ученых и приказал решить проблему без излишнего пролития крови. И намекнул при этом, что, если проблема не будет решена к Новому году, придется всех ученых казнить.

Перед лицом такой опасности ученые трудились день и ночь, пока не изобрели способ уменьшать вдвое рост человека уже в утробе матери.

Тиран все-таки казнил ученых и стал дожидаться, пока на планете народится достаточно младенцев нового типа. Затем он перебил их родителей и родственников, а также всех нормальных людей и стал самым высоким человеком в своей державе. С тех пор придворные живописцы могли не кривя душой писать групповые портреты, на которых окруженный народом или соратниками стоял Тиран, возвышаясь над прочими на три головы.

В те годы пришлось пустить на слом старые машины, трамваи, мебель и даже зубные щетки, так как они стали велики новому населению планеты. От этого происходили большая экономия и прогресс, который, правда, затормозился через несколько лет, потому что малочисленное уменьшенное

население не могло справиться с работой, что была по плечу его предкам.

Миновали еще годы, Тиран скончался, и жители планеты вздохнули свободно. Но, к сожалению, ненадолго. Тирания заразительна, а на планете уже стала складываться тираническая традиция.

Так что власть там захватил некий мерзавец, которого именовали Диктатором. Этот Диктатор из нового плюгавого племени был страшен, злобен и решителен. Одно его беспокоило — почему это опять все жители планеты выше его ростом? И он вызвал к себе новое поколение ученых и приказал им сделать так, чтобы младенцы в утробах матерей стали вдвое меньше, чем было принято...

На этом месте рассказа наши путешественники достигли малюсенького городка, обосновавшегося на бывшей волейбольной площадке. Этот город вдвое уступал размерами тому, покинутому, что Удалов видел у моста, зато был оживлен. По улицам, поглядывая на небо и страшась птичек и стрекоз, пробегали лилипутики, а на центральной площадке маршировала рота солдат.

Опуская спасенного человечка на землю, Удалов спросил шепотом:

— И это все, что от вас осталось?

— Да,— ответил человечек.— Ведь за Диктатором, который повторил опыт Тирана, последовал Деспот, затем Деспот Второй, затем три Угнетателя и один Узурпатор, а сейчас нами правит Душегуб, которого вы имеете счастье видеть...

Человечек указал на правителя городка, который как раз вышел из своего игрушечного дворца. Ростом Душегуб достигал трех с половиной сантиметров и грозно возвышался над своим народом. Увидев на окраине столицы двух неизвестных гигантов, Душегуб ничуть не оробел, а приказал палить из пушек. Пушечки развернулись против путешественников и начали кидать в них ядра размером с перечное зерно. Ядра небольно ударялись в щиколотки Удалова.

— Это ужасно! — воскликнул Острадам, имея в виду не артиллерийскую канонаду, а судьбу города и его обитателей.

— И с каждым разом нас все меньше! — откликнулся спасенный человечек, который уже нырнул в

траншею, прокопанную через площадь.— С каждым новым тираном у нас все больше врагов! Любой воробей нам смертельно опасен! Любой жук — враг! Моего брата до смерти высосал комар!

Лилипутик уморился, лег на дно траншеи и замер.

— Ну прямо бы раздавил этого Душегуба! — в сердцах воскликнул Острадам.

— Могут пострадать невинные,— возразил Удалов.— К тому же индивидуальный террор мы отвергаем.

— Это не индивидуальность, а плод генетического безумия! — сказал Острадам.

— Не упрощай,— вздохнул Удалов.— Ты плохо знаешь историю. Если существуют условия для процветания тирана, если продажная бюрократия и жестокая полиция держат в узде общественное мнение, если задавлена демократия, то тираны будут вырастать здесь, как грибы после дождя. Но они не могут затормозить исторического развития. Со временем народ опомнится и начнет новую жизнь.

— А за это время люди превратятся в микробов и их сожрут амебы,— усмехнулся Острадам.

— Нет,— сказал Удалов.— Людей мы вернем в исходное состояние. И я знаю, как это сделать.

Он осторожно вошел в город, остановился на площади прямо перед палящими пушками, наклонился и схватил бросившегося было в укрытие Душегуба.

— Спокойно,— сказал Корнелий, поднимая Душегуба к своему лицу.— Ничего тебе не грозит. Но выслушай мое конструктивное предложение.

Душегуб был мелким лилипутом, но ему нельзя было отказать в храбрости и хладнокровии, что помогло пережить шесть заговоров и три восстания.

— Я вас слушаю,— сказал он Удалову, становясь в позу на его ладони.

— Интересно ли вам,— прошептал Удалов,— править муравьишками, когда вокруг возвышаются громадные каменные здания.

— Это нам не по зубам,— с тоской произнес Душегуб.

— Сегодня — не по зубам. А завтра?

— А что изменится завтра?

— Вы и ваши предшественники-тираны,— сказал

Удалов,— думали только о том, как сделать прочих ниже себя. Занятие, достойное тиранов, но ведущее к стагнации.

— Не выношу, когда кто-то выше меня,— признался Душегуб.

— Молодец,— сказал Удалов.— Так будь выше всех!

— И выше тебя?

— Значительно выше!

— Но как?

— Прикажи увеличить все население страны в десять раз! В сто раз!

— А я?

— А себя увеличь в сто пятьдесят раз!

— Опусти меня вниз! — приказал Душегуб.

Удалов подчинился.

— Ученых ко мне! — громко пискнул тиран.

В мгновение ока сбежались ученые.

Удалов слушал, как тиран дает им рабочее задание, смотрел, как разбегаются по своим лабораториям обрадованные ученые, а сам в это время отгонял от возбужденного города мух и стрекоз.

Острадаму надоело ждать, и он пошел обратно к машине мгновенного перемещения. От угла он обернулся и крикнул:

— Корнелий, идем, они сами разберутся.

Корнелий кивнул и вскоре догнал товарища.

Дальше они шли молча, занятые своими мыслями. Через три часа город остался позади. У машины Удалов вынул из кармана Душегуба и поставил его на землю.

— Что ты наделал! — охнул Острадам.— Ему же до города три месяца идти! Да и дорога опасная...

— Дай ученым потрудиться в свое удовольствие,— сказал Удалов.— Дай отдохнуть населению. Глядь, и перерастут тирана...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,
в которой бушует гражданская война.

Следующая планета встретила путешественников утробным гулом и раскатами жестяного грохота. Шум настолько въелся в ее атмосферу, что воздух, насыщенный пылью, сажей и газами, постоянно

колебался, дрожал, отчего очертания предметов были неясными и обманчивыми.

— Опять экологические беды? — закричал Удалов, стараясь перекрыть гул.

Острадам кивнул. Хотя вскоре обнаружилось, что он ошибся.

По низине, затянутой туманом, где среди редких гнилых пней валялись ржавые станки, рваные шины, сплющенные консервные банки и прочие ненужные вещи, путешественники добрались до широкого разбитого шоссе. Они вскарабкались на выступавшую из тумана насыпь и оттуда смогли обозреть окрестности. В пределах видимости обнаружилось несколько строений. Насколько можно было разобрать сквозь пелену дрожащего воздуха, это были странные гибриды между феодальными замками и промышленными предприятиями. Из-за высоких стен над вершинами зубчатых башен поднимались фабричные трубы, выплескивая в серое небо разноцветные струи дыма.

Пока Удалов с Острадамом рассуждали, к какому из замков им направиться, грохот усилился. По шоссе надвигалась колонна машин.

Отступив на обочину, путешественники ждали приближения колонны.

Шествие открывало сооружение, схожее с бронепоездом. Оно состояло из нескольких бронированных вагонов и платформ. Из вагонов торчали дула пулеметов, на платформах стояли длинноствольные орудия.

Одно из орудий развернулось, показав Удалову черную внутренность ствола, но тот стоял неподвижно, памятуя из книжек, что хуже нет, чем убегать от крупного хищника. На неподвижных храбрецов тигры и медведи обычно не нападают.

Бронепоезд миновал Удалова. Сквозь грохот до Корнелия донесся дробный мелкий стук — это колотились зубы Острадама, которого пришлось крепко схватить за руку, чтобы не кинулся бежать и не погубил этим себя и своего товарища.

За бронепоездом ехали самоходные орудия, грозного, но примитивного облика, затем десятка два тяжелых грузовиков. Кузова их были пустыми, а в кабинах находились строгие автоматчики в надвинутых на глаза серых касках.

За грузовиками следовал штабной бронеавтомобиль.

И надо же было так случиться, что именно в тот момент, когда он поравнялся с путешественниками и Удалов решил, что встреча с боевой колонной закончилась благополучно, у броневика лопнула шина. Накренившись, он скатился к обочине и замер.

В узкой щели над дверью показались глаза.

Глаза строго смотрели на Удалова. Удалов несмело улыбнулся и кивнул — ему не хотелось портить отношения с владельцем глаз, у которого под рукой был спаренный пулемет.

Броневик тревожно загудел, и по колонне прокатились ответные гудки. Грузовики и самоходки тормозили, поднимая густую пыль.

Дверца броневика распахнулась, оттуда выскочили два автоматчика в серых касках и взяли путешественников на прицел. Остродам снова было рванулся в бега, но Удалов ухитрился в последний момент удержать его.

Вслед за автоматчиками из броневика тяжело выбрался толстый, ответственного вида мужчина в полувоенной одежде и начищенных сапогах.

За мужчиной следовал бравый адъютант с аксельбантом. При эполетах, в фуражке с пышным гербом. Под мышкой он держал папку для бумаг.

По знаку адъютанта автоматчики шустро обыскали Удалова и Остродама, но ничего подозрительного не нашли, о чем и доложили начальнику.

— Шпионы? — спросило начальство, пронзая Удалова взглядом.

Непроизвольно вытянувшись, Удалов ответил:

— Никак нет. Путешествуем.

— Общественность? — спросило начальство еще строже.

— Но не местная,— поспешил с ответом Остродам.— Пролетная.

Удалов протянул документы, и адъютант, изучив их, доложил начальству, что Удалов — существо с другой планеты.

У Остродама документов, конечно, не было, но Удалов за него поручился.

Тем временем водитель с помощью автоматчиков менял колесо, а прочие военнослужащие рассыпались по обочинам шоссе и отдыхали.

— Простите,— спросил Удалов, воспользовавшись паузой.— А что у вас происходит? Война?

Этот вопрос вызвал в начальстве вспышку подозрительности.

— Может, они из газеты? — спросило оно, обращаясь к адъютанту.

Слово «газета» вызвало неожиданную и довольно резкую реакцию со стороны автоматчиков и даже экипажей соседних машин. Все схватились за автоматы и пистолеты.

— Нет,— ответил Удалов.— Мы проездом. Сейчас осмотримся и дальше. Нам тут нечего делать и, честно говоря, не нравится.

— Не нравится,— задумчиво произнесло начальство. Оно сняло шляпу, вытерло ею лицо и село на складной стул, который адъютант вынес из броневика.— Мне тут тоже не нравится. Вы у себя там какую должность занимаете?

На Острадама оно не глядело. Может, по причине малого роста, а скорее, как догадался Удалов, оттого, что у Острадама были длинные волосы, чего начальство на дальних планетах не выносит.

— Руковожу стройконторой,— честно ответил Удалов.

— И трудно? — спросило начальство. Оно говорило усталым голосом немолодого человека, обремененного обязанностями.

— Когда как. Сейчас я в отпуске.

— А я вот четвертый год без отпуска,— сообщило начальство.

— Дела? — спросил Удалов.

— Дела.

Помолчали.

Адъютант принес начальству стакан воды. Удалову и Острадаму не предлагали. Они и не обижались. В Удалове боролись два чувства: любопытство и опасение.

Любопытно было узнать, что творится на этой незнакомой планете. Опасно было оставаться долго в обществе начальства, которое направляется в военный поход.

— Я бы не назвал ситуацию критической,— сказало начальство, допивая и возвращая стакан адъютанту.— Войны у нас нет. Но работаем в трудных условиях.

— Простите,— сказал Удалов,— но нам, пришельцам, это непонятно. Что за работа?

— Вот там, видишь,— перейдя незаметно на «ты», начальство показало рукой на отдаленный замок, увенчанный заводскими трубами.— Там мое графство.

— Какое графство?

— В переводе на ваш земной язык оно именуется Главтяжпрокатконструкцией.

— А зачем такие стены?

— А как же без стен?

Удалов кивнул, будто согласился, что без стен графству нельзя.

— Значит, делаете конструкции,— продолжал он.— А сейчас куда собрались?

— В поход,— ответил граф.— Вон против них.

Он показал вперед, где несколько в стороне от шоссе возвышались стены другого замка и дымили другие трубы.

— А кто они? — спросил Удалов.

— Наши заклятые поставщики,— ответил Граф.— Княжество Главтяжлитейпрокатлист.

— А зачем в поход?

— А как иначе нам добиться поставки листового проката? Уже второй квартал мы задыхаемся, а они игнорируют все наши требования. После прошлой трехмесячной войны, в которой с нашей стороны выступал герцог Главстанкострой и боевые дружины Главсельхозмашины, они обязаны выдать нам контрибуцию в объеме...

— Триста тонн листа ежемесячно,— подсказал адъютант.

— Но эти мерзавцы втянули в свою коалицию три баронства и одно герцогство, переманили посулами и жалкими подачками Главхолодильмонтажсбыт и дезавуировали мирный договор. И теперь мы идем жестоко мстить этим лицемерам и обманщикам. Неужели мы не правы?

— Конечно, правы! — искренне согласился Удалов.— Они же вас лишили сырья. У вас стоят станки. Народ ждет от вас продукции... я разделяю ваше возмущение.

— Вот насчет народа — ты эту демагогию брось,— поморщился граф.— Народ — это мы. Наш славный народ Главтяжпрокатконструкция в едином порыве сплоченно идет за мной.

— Но ведь вы же выпускаете продукцию.

— Разумеется. В этом смысл существования нашего замка.

— А какие это конструкции?

— Да вот они — на шоссе стоят.— И начальство показало обескураженному Удалову на вереницу самоходок, бронегрузовиков и другой военной техники.

— И когда вы отвоюете этот прокат...

— Тогда мы утроим наши силы и пойдем в бой на остальных поставщиков!

Удалов растерянно кивнул. Он еще не до конца осознал особенности экономической структуры этой планеты.

— А впрочем, Удалов,— произнес граф, изобразив на лице отеческую улыбку,— я вижу, что ты прилетел с очень отсталой планеты. Тебе еще учиться и учиться. Так что предлагаю — присоединяйся к нам — поглядишь в деле молодцов из Главтяжпрокатконструкции. Все готово? По машинам!

— Я бы с удовольствием,— ответил Удалов.— Но, к сожалению, дела требуют присутствия...

Он не успел договорить, потому что Острадам внезапно дернул его за рукав.

— Смотри.

Удалов оглянулся.

По низине, скрываясь по пояс в пыли и тумане, к ним спешили Тулия с могильщиком.

Удалов сразу принял решение.

— Спасибо,— сказал он графу.— Мы согласны. Куда садиться?

— Давай ко мне в броневик,— ответил граф.

Они мгновенно нырнули в открытую дверцу боевой машины, надеясь, что преследователи не успели их разглядеть среди сотен сотрудников и бойцов Главтяжпрокатконструкции.

В броневике было душновато и тесно. Граф уселся в обитое бархатом кресло, остальные устроились на ящиках с боеприпасами. Колонна медленно двинулась вперед.

Глянув в узкую смотровую щель, Удалов увидел, что могильщик и Тулия семенят вдоль шоссе, заглядывая в боевые машины. Удалов облегченно вздохнул. Теперь оставался пустяк — избежать прямого участия в конфликте с поставщиками.

— Значит,— Удалов обратился к графу,— все предприятия на вашей планете такие... автономные.

— Каждое блюдет свои интересы,— согласился собеседник.— Интересы расширенного воспроизводства. Иначе наступит анархия.

— А за пределами ваших замков...

— За пределами — моральная пустота,— резко ответил граф.

— Общественность! — воскликнул, поморщившись, адъютант.

— Пресловутая якобы общественность,— уточнил граф.

Броневик подпрыгивал на рытвинах, пыль пробивалась в щели.

— А впрочем,— граф лукаво улыбнулся,— нет худа без добра.

Они с адъютантом засмеялись, и тут же граф пояснил:

— Почему мы едем за поставками именно сегодня? Потому что гарнизон противника сильно ослаблен. Разведка донесла, что вчера при попытке отравить для заводских нужд последнее в этих краях озеро мелиоративный батальон Главтяжлитейпрокатлиста попал в засаду, устроенную так называемой общественностью соседнего города.

— Исторически объяснимо,— вмешался адъютант,— может, в учебнике читали: конфликт между городами и баронами?

— Это было при феодализме! — резко оборвал его граф.— Мы же далеко вырвались вперед.

И он похлопал пухлой ладонью по рукояти пистолета.

— И что же было дальше?

— Прокатлист подтянул основные силы. С ночи идут упорные бои на берегах озера. И пока они конфликтуют с общественностью, мы ударим в тыл! — торжествующе воскликнул граф.— В этом наша стратегия!

— Вы добудете прокат и будете из него делать броневики, чтобы добывать прокат и делать броневики? — постарался осмыслить ситуацию Остpадам.

Но граф игнорировал вопрос длинноволосого карлика. Он приподнялся и смотрел в щель — видно, цель похода была уже близка.

Вдруг впереди послышались грохот, выстрелы,

лязг и визг тормозов. Адъютант начал задавать вопросы в рацию, но рация лишь трещала и ничего не выдавала в ответ.

— В разведку! — крикнул граф.

Адъютант шумно вздохнул. Автоматчик открыл дверцу броневика и первым выскочил на шоссе. Адъютант последовал за ним.

И тут же в открытую дверь влетело несколько небольших белых снарядов.

— Все! — мелькнула мысль в голове Удалова.— Конец!

Он бросился на пол. Сверху на него навалился визжащий граф. Но взрыва не последовало. Лишь легкий треск, заглушаемый криками...

И страшная вонь...

Удалов пытался освободиться от графской туши.

Прямо перед глазами было что-то знакомое... Конечно же! Разбитое тухлое яйцо.

Дышать было невозможно. Все новые тухлые яйца и иные, некогда съедобные, а ныне разложившиеся предметы влетали в дверцу броневика. Граф сполз с Удалова и хрипя рванулся к двери. Его туша застряла в ней, и это оказалось роковым для экспедиции. Покрытая плесенью, невероятно вонючая и скользкая палка вареной колбасы, выпущенная, как потом понял Удалов, из катапульты, установленной в засаде у дороги, поразила барона в переносицу, и он без чувств вывалился на шоссе.

Удалов с Острадамом, отделавшись малыми ранами, скатились в кювет.

Там скрывались остатки армии графства Главтяжпрокатконструкция. Рядом с ними, задыхаясь от миазмов, корчился адъютант.

— Кто это? — спросил у него любознательный Удалов.— Чья засада?

— Негодяи! — прохрипел адъютант.— Ничтожные выродки из Главмясяйцомолока!

— Сдавайтесь! — послышался голос, усиленный рупором.— Ваш граф в плену. Если не сдадитесь сейчас, задохнетесь!

— Пора сдаваться,— с горечью произнес адъютант.

— Но что им нужно? — настаивал Удалов.

— Наша боевая техника,— ответил адъютант,

с поднятыми руками выползая из кювета.— У них ведь тоже есть поставщики и потребители...

— Бежим! — шепнул Удалов.— Пока они пленных считают...

И они с Острадамом быстро уползли в туман.

И через два часа, чуть не попав в центр боя между батальонами Главтяжлитейпрокатлиста и общественностью, чудом избежав трех засад и двух перестрелок, они вернулись к машине мгновенного перемещения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой путешественники попадают на планету, не достигшую цивилизации.

Еще один мир удалось увидеть на бегу. Преследователи буквально наступали на пятки.

Он был населен существами, склонными заниматься не своим делом.

Как раз возле того места, где Удалов с Острадамом высадились на планете, располагалось поэтическое издательство, где редакторами служили свинарки, а авторами были ассенизаторы. Редакторы же выкармливали свиноматок, а поэты чистили нужники. Но никого это не удивляло.

Чуть дальше путешественники увидели балетный театр, в котором танцевали бухгалтеры и дискоболы, потому что балерины были по горло заняты выведением слонов, в то время как погонщики слонов добивались успехов в теоретической алгебре. Все были при деле, все были страшно заняты, но все же Удалову посчастливилось: обнаружились люди, которые сооружали космический корабль. Со строителями удалось поговорить. Они даже показали тот корабль. Их детище оказалось пышным по форме и многоцветным. Строители клялись, что сооружение корабля будет завершено в ближайшие дни, и звали гостей присоединиться к созидательному труду. Но путешественники от приглашения отказались: строители космического корабля оказались по специальности кулинарами.

Несмотря на очевидную ненормальность такого перераспределения труда, тамошняя пресса и телевидение не уставали воспевать живописцев, что высиживали за пингвинов яйца, и врачей, отдавших все

силы выпиливанию по дереву. Впрочем, в газетах трудились большей частью умельцы по гибридизации ананасов.

— Как же вы? — спрашивал Удалов у аборигенов.

— А то как же? — отвечали некоторые.

Другие говорили:

— Еще как!

Но глаза Удалова открылись только после случайной встречи с бабусей, на которую он натолкнулся в густом кустарнике, когда пробирался обратно к машине мгновенного перемещения, таясь от преследователей.

Бабуся, по ее признанию, собирала лечебные травки для аптеки.

— И попадаются? — спросил Удалов.

— Откуда мне знать,— ответила бабуся.— Я — председатель местного общества слепых.

— Разве вы не зрячая?

— А у нас в обществе все зрячие. Настоящие слепцы из луков стреляют. Но траву эту я не выношу, и по мне эти травинки все на одно лицо.

— Так и отравить кого-нибудь можно,— сказал Острадам.

— Не без этого,— призналась бабуся.

— Но кто же это дозволяет?

— Король наш,— сказала бабуся.— По специальности он спелеолог и третий год живет в пещере без связи с внешним миром.

— Как же ваше государство существует? — изумился Удалов.

— А нам все равно,— ответила бабуся.

— Всем все равно?

— Абсолютно всем.

— Ну если всем,— согласился мудрый карлик Острадам,— тогда без разницы.

Тут в кустах зашуршало. Похоже, приближалась неутомимая Тулия.

Удалов с Острадамом еле успели нырнуть в машину...

Через несколько мучительных минут перелета они вылезли на планете, которая вначале внушила им надежды.

В оранжевых закатных облаках, собравшихся над холмами у горизонта, пролетело космическое тело.

За ним тянулся дымный след. Карлик, уже отчаявшийся выбраться из этого лабиринта чужих миров, схватил Удалова за рукав:

— Корнелий, мы спасены!

— Хорошо бы,— сказал Удалов.— Пора возвращаться. Опасаюсь, что слухи о моем исчезновении достигнут Ксении, а в стрессе она ужасна.

— Тогда поспешим, пока не выскочили эти дьяволы. Никак они след не потеряют.

— Что поделаешь, микробы, примитивные существа. Пока нас не прикончат, не успокоятся.

— С ними не договоришься,— согласился карлик.— Не найдешь разумного компромисса. Погляди, что там за рощей?

За рощей располагалось первобытное поселение, обнесенное высоким тыном. На углах ограды возвышались деревянные башни.

— Неужели и здесь графы и бароны промышленности ведут войну? — произнес Удалов.— Хотя надеюсь, что нет здесь еще никакой промышленности. И воздух чистый. Но тогда и кораблю взяться неоткуда.

— Корнелий, перестань сомневаться! — осерчал Острадам.— Разве ты собственными глазами не видел, как по небу пролетело что-то современное?

Они выбрались на пыльную проселочную дорогу с глубокими колеями, оставленными телегами или колесницами. Солнце припекало. Удалову докучали слепни и мухи, которые то и дело садились на его обнаженные плечи и безжалостно жалили его.

Корнелий отломил хворостину и принялся стегать себя по плечам и груди. От ударов оставались красные полосы. Конечно, было больно, но лучше, чем когда тебя жалят. Удалов стегал себя столь усердно, что местный поселянин, который увидел Удалова, воскликнул:

— Святой человек! Плоть истязает!

И с этой вестью, не замеченный усталыми беглецами, поселянин бросился короткой дорогой к замку, чтобы сообщить о достойном страннике.

А беглецы не дошли до замка. В километре от него карлик вдруг остановился и сказал:

— Кажется, это то, что мы ищем.

Удалов перестал себя стегать и осмотрелся. Никаких следов космического корабля или хотя бы космодрома.

Ты что имеешь в виду? — спросил он.

Острадам, который сохранил куда больше сил, чем его спутник, резво сбежал с дороги и, пробравшись сквозь бурьян, выбежал на голое поле.

— Сюда, Удалов! — крикнул он.— Мы и вправду спасены!

Удалов с трудом перебрался через канаву, угодил в крапиву и, чуть не плача, подошел к карлику.

— Ты посмотри, где стоишь! — торжествовал Острадам.— Ты погляди под ноги!

Удалов посмотрел под ноги и ничего не увидел. Земля как земля, твердая, голая...

— Она же прокалена! — Карлик топнул ногой, и раздался гулкий звук, словно он стучал по обожженному горшку.— Сюда садятся космические корабли! Никакого другого объяснения я не нахожу и искать не намерен.

— Так где же корабли?

— Не понимаешь? Это отсталый мир, связь с которым поддерживают только экспедиции. Они прилетают обменивать промышленные товары на местное сырье. Обычная система в Галактике. Никакого вмешательства во внутренние дела развивающихся планет, но ограниченное экономическое сотрудничество.

Площадка была невелика, круг диаметром метров в сто. Значит, сюда прилетали не очень большие корабли. Ну что ж, у Острадама есть опыт космических путешествий. Ему лучше знать, куда садятся космические корабли.

— Я посижу, подожду,— сказал Удалов.— Устал очень.

— И не мечтай! — ответил предсказатель.— Ты что, забыл, что за нами гонятся микробы? Затаимся в кустах.

— Затаимся,— покорно согласился Удалов.— Хорошо бы, корабль поскорее прилетел. А то ведь и от голода можно помереть.

Послышался стук копыт.

По дороге от замка к путникам неслась кавалькада. Деваться было некуда, прятаться поздно.

Всадники, одетые в плащи и куртки из звериных шкур, вооруженные короткими мечами и копьями с бронзовыми наконечниками, неслись на Удалова так стремительно и грозно, что Корнелий зажмурился,

размышляя о том, как обидно погибнуть от руки дикаря после всех приключений и чудесных избавлений.

Но стук копыт прервался у края площадки, и послышался густой бас:

— Какой из них святой человек?

— Вот этот!

Удалов раскрыл глаза и увидел, что оборванный поселянин указывает на него солидному, облаченному в львиную шкуру мужчине с зеленой, бритой головой и длинными, спадающими на грудь фиолетовыми усами. В руке у мужчины была тяжелая палица.

— Ты свою плоть изнурял? — спросил мужчина у Удалова.

— Она у меня изнурена до крайности,— признался Удалов.— Скоро кончится.

Гигант с усами подъехал поближе и разглядел шрамы, царапины и крапивные ожоги на обнаженном теле Удалова.

— Смотри, как ты себя,— сказал он с уважением.— А чего пожаловали?

— Ищем спасения,— сказал Удалов.

— Правильно,— ответил усач.— Мы все на этой земле гости. Мы все должны искать спасения. Мне наш жрец об этом говорил.

— Это очень разумно,— вежливо согласился Острадам.

— Слишком абстрактно,— сказал усач.— Лучше бы конкретными делами помогал своему племени. А то не мог хорошей погоды к страде обеспечить. Пришлось его убить.

— Но ведь это не в его силах,— сказал Удалов.— Даже на очень передовых планетах предсказания погоды еще недостаточно надежны.

— Мне плевать, что творится на так называемых передовых планетах. Но как вождь племени я несу ответственность за наше земледелие. И если я не найду виновного в плохом урожае, виноватым буду я. Что же, прикажете меня, что ли, убивать?

Возмущенные возгласы диких наездников, которые сопровождали вождя, были ответом на эти слова. Ясно было, что наездники не дадут вождя в обиду и не позволят его убивать.

— Так что я теперь без жреца,— сказал усач.—

Вдруг мне сообщают — идет по дороге святой человек, стегает себя прутом. Ну, думаю, если он без зрителей это делает, значит, настоящий жрец. Придется тебе перейти ко мне на службу.

— Нет, спасибо,— ответил Удалов.— Я — строитель, а не агроном. Вот, может, мой товарищ согласится. Только, говорят, ему завтра-послезавтра умирать. Сам себе предсказал.

— Это так,— поклонился вождю Острадам.— Я с удовольствием остался бы у вас и занялся предсказаниями на примитивном уровне. Но на что вам жрец, который так скоро помрет?

— Да, если бы сейчас у нас была жатва, тогда такой предсказатель в самый раз. Убили бы тебя за неурожай, и дело с концом. А у нас сейчас только-только сев закончили. Рано...

Усач задумался, потом спросил:

Пошли, что ли, ко мне, святые люди?

— Нельзя,— ответил карлик. Он обвел рукой вокруг себя, показывая на обожженную землю.— Ждем.

— Кого?

— Корабль,— сказал Удалов.

— Космический шлюп,— уточнил Острадам.

— Зачем его ждете? — спросил усач подозрительно.

— Нам улететь на нем надо.

— Так прямо на нем и летаете?

— Как же еще?

— О! — раздались возгласы в толпе наездников.— Это великие чародеи. Не отпускай их, вождь!

— И не страшно? — спросил вождь.

— Чего бояться? Мы привыкшие.

— А я вот при моем должностном бесстрашии никогда бы не полетел,— сказал усач.

Все замолчали. Удалов и Острадам раздумывали о том, как бы избавиться от сомнительной работы, не покидая взлетной площадки. Дикие воины почтительно ждали, к какому решению придут чародеи. В отдалении послышались шум, выстрелы, затем звон оружия и крики.

— Что там еще? Кто нас отвлекает? — возмутился вождь.— Мы же беседуем. Выясни!

По приказу вождя один из наездников пришпорил коня и поскакал за холмы узнавать, в чем дело. Уда-

лов с карликом переглянулись. Похоже было, что их палачи близко.

— Враги нас преследуют,— сказал карлик вождю.— Может, укроете нас, пока суд да дело?

— Не понимаю,— пробасил усач.— Как же так, такие чародеи и кого-то боитесь?

— А у нас и враги соответствующие. По нашим масштабам подбираем,— сказал карлик. Говоря так, он выпятил покрытую черной шерстью грудь и засверкал глазками.

— Это правильно,— согласился вождь.— Врагов надо выбирать по уровню. Дрянной враг может подорвать престиж.

«Интересная личность,— подумал Удалов, глядя на зеленую голову и фиолетовые усы вождя.— Как стремится к цивилизации! По его речи и манере выражаться видно, что прежде чем убить очередного колдуна, он с ним ведет поучительные беседы».

— Но даже от сильных врагов таиться стыдно,— сказал вождь.

— Мы безоружны,— ответил карлик.— Вооружимся, сами начнем за ними бегать.

— За оружием дело не станет,— сказал вождь.— Дать им коней и мечи! — Затем он обернулся к беглецам и добавил: — Я с искренним интересом буду наблюдать за вашей битвой с врагами. Даже буду за вас переживать. А если вы погибнете, над вами будет насыпан почетный курган, а врагов ваших мы убьем и съедим. Так что сражайтесь спокойно.

— Нет,— возразил карлик, принимая копье из рук всадника.— Таким оружием с нашими врагами не справиться. У них оружие заколдованное, действует на расстоянии.

— Ну и что? — удивился усач.— Заколдуйте свое оружие, и оно тоже будет действовать на расстоянии. Да я и без колдовства могу.

С этими словами вождь метнул свое копье, оно пролетело метров пятьдесят и вонзилось в ствол большого дерева, расщепив его пополам.

— Славный бросок! — закричали наездники.— Слава вождю!

Из-за расщепленного дерева показалась небольшая процессия.

Впереди плелись, понукаемые всадниками, избитые и несчастные девушка Тулия в измаранном зем-

лей серебряном купальном костюме и могильщик, длинный балахон которого порвался, сквозь прорехи виднелось костлявое тело, а поля мухоморовой шляпы опустились на уши, скрывая лицо. Прекрасная Тулия была не причесана, глаза были не подведены, а губы не накрашены.

Один из воинов подскакал к вождю, бросил перед ним на землю пистолеты пленников и сказал:

— Великий вождь, эти ничтожные возмутители тишины бегали по твоим владениям, искали какого-то Удалова, напали на вашего уважаемого дедушку и попытались заставить его признаться, где Удалов.

— Ай-ай-ай,— сказал вождь.— Какая наглость! Моему дедушке сто три года. Могли бы и пожалеть. И чем это все кончилось?

— Чем и должно было кончиться,— ответил древний старик, похожий на вождя, только усы у него были белыми и доставали до пояса. Старик крепко сидел на коне и держал в руке концы веревок, которыми были связаны руки пленников.— Очень я на них рассердился. Сижу, размышляю о нетленном, вечном, о праве любой букашки на неприкосновенность, солнышко светит, орлы прилетели, из моих рук зерно клюют, вдруг эти мерзавцы подбегают и начинают шумно требовать, чтобы я им выдал Удалова. Машут перед моим носом этими палками,— старик показал на пистолеты, лежащие на земле.— Я им говорю: отойдите, я думаю. А они угрожают. Вот и пришлось их скрутить. Старик легко спрыгнул с коня и добавил:

— Их счастье, что я так стар и немощен. А то бы невзначай придушил.

— Да здравствует дедушка нашего вождя! — закричали наездники.

— Ну, что вы мне скажете? — спросил вождь у пленных.— Зачем пожаловали?

— Произошла ошибка,— сказала Тулия.— Мы просто заблудились...— И в этот момент ее взгляд упал на Удалова.

— Ах, вот ты где! — воскликнула девушка.— Вот ты мне попался!

Тулия рванулась к Удалову, и тот от неожиданности даже отступил на шаг. Старик дернул веревку на себя, Тулия не удержалась и упала. Могильщик тоже на всякий случай упал.

— Погоди! — взревел вождь.— Чародей Удалов! Не ваши ли это могущественные враги?

— Они самые,— ответил Удалов.

— И не их ли чародейское оружие лежит у наших ног?

— Оно самое,— сказал Удалов.

— Какие же вы чародеи, если мой немощный дед с вашими врагами справился! И я хотел такого ничтожного человека сделать своим лучшим жрецом! Да ты знаешь, каких я жрецов уже уничтожил? Героев! Мастеров своего дела!

— Простите, но я не просился к вам в жрецы,— возразил Удалов.— Я даже отказывался.

— И правильно делал,— сказал вождь.— Твое счастье. Что с этими наглецами будем делать? Дедушка, тебе рабы нужны?

— Не нужны мне рабы,— ответил дедушка.— Я теперь думаю о вечности. Незлобивый я стал, непритязательный.

— Тогда придется их в жертву принести,— сказал вождь.— А то дождей вторую неделю нет.

— Правильно,— поддержал вождя карлик Острадам.— Только близко к ним не подходите, когда в жертву будете приносить. Они очень заразные.

— Не исключено,— сказал вождь.— Мне один жрец, вечная ему память, рассказывал, что есть на свете разносчики заразы ростом меньше комара. Невероятно, но допустимо. А вы как думаете?

— В миллион раз меньше комара,— сказал карлик.— Я сам видел.

— Вот и врешь, дурак. Как же ты их видел, если и комар с трудом поддается наблюдению?

— Не дурак я,— обиделся Острадам.— Если не умру послезавтра, пришлю прибор, именуемый микроскопом. В нем все видно.

— И не обманешь? — спросил вождь.— А то мне один жрец, чтобы я его не убивал, обещал Прибор раздобыть. Я его отпустил за Прибором, а он не вернулся. Может, наврал он мне? Может, и нет на свете Прибора?

— Есть Приборы,— заверил вождя карлик.— Привезет. Может, у вашего жреца трудности с транспортом?

— Ну, ладно. Постарайся не умирать,— сказал вождь.— Я очень заинтересован в этом самом микро-

скопе. А чтобы зараза нам не грозила, давай поскорее принесем твоих врагов в жертву. Как их лучше умертвить?

— Сжечь,— сказал карлик,— самое гигиеничное.

— Правильно,— согласился вождь,— мы же стремимся к культуре и гигиене. Молодцы, собирайте сучья, а мы пока перекусим.

Удалов был страшно голоден, но вдруг аппетит пропал. Он всегда такой, Удалов. Казалось бы, не должно быть пощады врагам...

— Пощадите нас,— сказала тихо Тулия.— Мы обещаем никогда больше вас не беспокоить. Мы ошиблись.

— Не могу. Я другу обещал,— ответил вождь, усаживаясь на подушки и внимательно наблюдая, как слуги расставляют на шкуре кувшины с вином и миски с пищей.— Он мне микроскоп достанет. Я ведь страшно любознательный. Мне до цивилизации осталось каких-нибудь два шага.

— Три микроскопа! — закричала Тулия.— Четыре микроскопа! Целую микробиологическую лабораторию!

— Ах, не надо меня соблазнять,— раздраженно ответил вождь.— Я человек простых устоев и стойкой морали. Следовательно, своих обещаний не отменяю. Если я буду продаваться за микроскопы, какой пример я подам моему народу? Все вокруг начнут продаваться за микроскопы. Ну, гости, садитесь за стол. Выпьем за знакомство.

Удалов послушно сел вместе со всеми, но на душе у него было неспокойно. Он то и дело оглядывался на Тулию и думал о том, что, если не считать отвратительного микроба, это простая, добрая и очень красивая девушка, несмотря на то, что у нее не подведены глаза и не подкрашены губы. А Тулия, перехватив сочувственный взгляд, воззвала к состраданию Удалова:

— Корнелий. Мы же любили друг друга.

— Это был обман,— отметил Удалов.— Я полюбил тебя без начинки.

Могильщик сказал тихо:

— Может, дадут мне выпить немножко? Перед смертью?

— Дайте ему кубок,— сказал вождь.

Тулия тихо плакала. Могильщик поднял кубок и сказал:

— Похоронить меня здесь будет некому. Такой позор. Я могильщик в десятом поколении, а меня некому похоронить.

Отпив половину вина, могильщик протянул кубок вождю. Вождь, приняв из рук могильщика недопитый кубок, задумчиво понес его к губам. Он уже готов был отхлебнуть из него, как, почувствовав неладное, Удалов неожиданно бросился к вождю и отчаянным ударом выбил кубок из его руки.

— Что такое? — Вождь вскочил и выхватил меч.— Ты умрешь раньше, чем они! Такого оскорбления...

— Погодите, уважаемый,— послышался голос могильщика.— Удалов сейчас спас вас от участи худшей, чем смерть. Мой микроб в опасении моей гибели перепрыгнул на край кубка и готов был уже внедриться в вас через рот. Благодарите Удалова, что не заразились.

— Вы можете меня убить,— сказал Удалов.— Но я вас спасал.

— Если оба так говорят, то я предпочитаю верить. А где же тот микроб, который хотел меня заразить?

— Он очень мал,— сказал Удалов.— Его не увидишь без микроскопа.

— Так почему же вы медлите с доставкой микроскопа! — возмутился вождь.— Я даже не могу разглядеть своих врагов!

В этот момент Острадам заметил, что Тулия потянулась к краю шкуры, заменявшей скатерть.

— Назад! — крикнул карлик, а сообразительный дедушка вождя дернул за веревку. Рука Тулии повисла в воздухе.

— Она хотела его подобрать,— сказал карлик, становясь на четвереньки и водя носом над самой скатертью.— Он где-то здесь.

Карлик так спешил и волновался, что ногой опрокинул миску с жареным гусем и кувшин с самогоном. Но никто не обиделся. Все были захвачены стремительным ходом событий.

— Кипяток! — приказал карлик, протягивая руку назад! — Быстро!

В голове и манерах его было что-то, напоминавшее Удалову хирурга, который в детстве вырезал ему гланды.

Слуга, державший в руках медный чайник, послушно передал его карлику, и карлик принялся поливать кипятком край шкуры. Вдруг раздался громкий писк. И прервался...

Тулия подняла руки к вискам и сказала скорбно:

— Вечная слава тебе, мой двоюродный племянник! Ты погиб в войне с коварными врагами.

— Все,— сказал карлик, выпрямляясь и возвращая чайник слуге.— С одним врагом покончено. И я советую поскорее уничтожить второго.

— Что вы там медлите! — прикрикнул вождь на слуг.— Костра разжечь не умеют!

И вождь, будучи человеком первобытным, потер ладони, предвкушая жестокое развлечение.

— Корнелий,— взмолилась девушка.— Ты же знаком с моей мамой.

— Да,— сказал Корнелий.

— Корнелий, мои чувства к тебе не изменились. Я только вынуждена была их скрывать. Теперь больше не буду. Я твоя. Делай что хочешь. Хочешь — убей своими руками.

— Нет,— сказал Корнелий.— Мне трудно в это поверить. Я знаю, насколько коварная Верховная матка сидит в тебе и говорит твоими устами.

— Мы вместе говорим,— ответила Тулия.— Мы совершенно солидарны в любви к тебе, Корнелий. Мы скроемся на дальней планете и будем жить в любви и согласии.

Корнелий поднялся с места и сделал шаг к девушке. Чувства в нем воспалились. Бывает так в жизни! Корнелий отчетливо понимал всю пагубность любви к этой девушке, внутри которой таился злобный и равнодушный к Удалову микроб. Нельзя ее любить! Но и разлюбить ее Удалов не мог.

— Придется его связать! — воскликнул Острадам.— Он сейчас опасен. Он подобен спутникам Одиссея, которые услышали сирен и попрыгали в море.

— Про Одиссея ты нам расскажешь потом,— сказал вождь.— А Удалова мы свяжем. Я не выношу, когда ради красивой бабы мужчины теряют чувство собственного достоинства.

По знаку вождя слуги навалились на Удалова и собрались уже его вязать, как в голову Корнелия пришла светлая мысль.

— Я знаю! — закричал он, барахтаясь под сильными молодыми телами диких воинов.— Я попытаюсь спасти Тулию!

— Хитрит,— сказал карлик.— Безумие любви.

— Хитрит,— согласился вождь.

— Я тоже когда-то любил,— сказал дедушка.— И меня тоже вязали.

Только могильщик не сказал ничего. Он сидел в сторонке и обгладывал кость. Он истосковался по настоящей пище.

— Ну что сделать, чтобы получить право приблизиться к девушке? — спросил Удалов в отчаянии.

— Нельзя тебе приближаться,— сказал карлик.

— Но для меня микробы не опасны.

— Потом поздно будет разбираться,— сказал карлик.

— Я бы выкупил у вас девушку,— сказал Удалов вождю.

— Я не продаю лиц, предназначенных на убой,— сказал вождь с чувством собственного достоинства.

— Неужели нет никакого выхода? — кричал Удалов, извиваясь под молодцами.

— Думай, Удалов, думай! — поддерживала его девушка Тулия.— Я всегда с тобой!

— Есть выход,— сказал вдруг дедушка.

— Ну, это не выход, а самоубийство,— ответил вождь, который понимал своего дедушку с полуслова.

— Это древний обычай,— сказал дедушка,— и не нам отменять обычаи. Без традиций общество деградирует.

— Какой обычай? — спросил Удалов.

— Вот если он прилетит, тогда, считай, тебе повезло. Или не повезло.

— Кто прилетит? — спросил Острадам.

— Тот, кого вы ждете. Сами же сказали, что хотели на нем отсюда улететь. И не боитесь.

— Мы хотели на космическом корабле улететь.

— О космических кораблях по причине низкого уровня нашей цивилизации мы не подозреваем,— сказал вождь.— Нет у нас космических кораблей.

— Но кто же у вас по небу летает? Кто же тогда это поле выжег? — удивился карлик.— Чья это посадочная площадка?

— Известно чья,— сказал вождь,— дракона.

— Еще дракона не хватало,— возмутился Острадам.— Зачем вы нас вводили в заблуждение?

— Никто не вводил, сами ввелись,— заметил вождь.

— А что я должен сделать с драконом? — прохрипел придавленный Удалов.

— Что обычно с драконами делают? Убить. Отрубить все три головы. Кстати, это еще никому не удавалось.

— Это несерьезно,— сказал карлик.— Удалов нам нужен живой.

— Обычай есть обычай. Наши предки постановили. Если герой хочет получить в вечное пользование девушку, он может выйти на бой с драконом. И погибнуть. Но если он победит дракона в честном бою, то девушка достанется герою и он должен на ней жениться.

— Великолепный обычай! — произнесла Тулия так сладко, что если у Корнелия и возникли какие-то сомнения или опасения, то они при звуке этого голоса тут же пропали.

— Я готов! — сказал Удалов.— Где дракон?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,
в которой Удалов вступает в смертельный бой.

Дракон не заставил себя долго ждать. То ли услышал, что его зовут, то ли почуял запах жареной пищи, но вскоре он, застилая перепончатыми крыльями солнце и вытянув вперед три огнедышащие головы, спланировал на свою посадочную площадку. Слугам пришлось срочно собирать остатки пищи, и пировавшие отступили под защиту деревьев.

Дракон не спеша обошел площадку, прожег ее огнем из ноздрей, смахнул пыль шиповатым хвостом и, подлизав остатки пиршества, собрался спать.

Удалов понял, что боится. Смертельно боится. Он никогда раньше не видел драконов и не подозревал, что они бывают такими большими и неуязвимыми.

— Отпустите его,— сказал вождь.— Пусть приведет себя в порядок, подготовится. Пускай коня выберет, оружие по руке.

Молодцы разошлись, помогли Удалову подняться.

Все смотрели на него с нескрываемым уважением. Кроме, разумеется, карлика.

— Дурак ты, Удалов,— сказал карлик с чувством.— Всю репутацию мне погубишь. Международный деятель, руководитель стройконторы, отец семейства, наконец, а бросаешься в бой с непобедимым драконом ради девицы сомнительной репутации.

— Репутацию мою не задевай,— строго сказала Тулия.

— Она права,— сказал печально Удалов. Он рад бы сейчас и не сражаться с драконом, но если ты, человек Земли, дал слово, то должен его сдержать. А Удалов дал слово дважды. Во-первых, обещал матери-уборщице найти и вернуть дочь, во-вторых, дал слово освободить девушку от власти микробов. Не говоря уж о личных чувствах.

Удалов поглядел на коня, которого подвели к нему, и отрицательно покачал головой. На конях он сроду не ездил. Меч он, правда, принял. Меч был тяжеловат, но нельзя же идти на дракона совсем без оружия.

Карлик передал Удалову лежавший на земле пистолет.

— Вот,— сказал он.— Единственная твоя реальная надежда.

— Спасибо,— без особой надежды ответил Удалов.

— Цельсь в глаз,— посоветовал карлик.

— В какой? — спросил Удалов.

Глаз у дракона было шесть, и все маленькие.

— Ну, пошел! — сказал вождь, положив руку на плечо Удалову.— Желаю тебе счастья. Очень тронут твоим отважным поступком. Когда достигнем нужного уровня цивилизации, поставим тебе памятник.

— Я тоже когда-то любил,— сказал дедушка,— но на дракона пойти не посмел.

— И хорошо,— сказал вождь.— Женился на моей бабушке, и родили вы моего папу. А то как мне без вас?

— Может быть, может быть,— тихо ответил дедушка, и глаза его затуманились воспоминаниями.

Вождь легонько подтолкнул Удалова в спину, и не чувствуя под собой ног Корнелий пошел к дракону. Дракон его не замечал, он мирно похрапывал, выпуская из ноздрей зловонный дым, хвост его по-

рой судорожно колотил по земле — видно, дракону снился тревожный сон.

По мере того как Удалов приближался к дракону, чешуйчатый бок чудовища вырастал все выше. Вскоре он уже заслонил половину неба. Бок медленно надувался и опадал. Когда Удалов подошел совсем близко, дракон перевернулся во сне, почесал когтистой лапой бронированную грудь, раздался страшный скрежет. Удалов еле успел отскочить.

Черт с ним, подумал Удалов малодушно. Все равно я его не убью. Да и неловко убивать дикое и наверняка редкое животное, которое тебе не причинило никакого вреда. Удалов хотел было вернуться к людям и сообщить им о своем решении, но тут до него донесся ласковый голос возлюбленной:

— Корнелий, смелее! Если ты умрешь, я умру вместе с тобой! И умру ужасной смертью, сожженная на костре на забаву дикарям.

И Удалов, придя в себя, широко размахнулся и ударил мечом дракона в бок. Меч отскочил от бронированной чешуи и чуть не вылетел у Корнелия из рук. Дракон бы и не заметил этого удара, если бы не дружный крик зрителей, которые приветствовали отважный жест Удалова.

Дракон удивленно поднял одну из голов и осмотрелся. Не сразу, но он увидел Удалова. Брови дракона удивленно приподнялись. Наверное, с высоты пятиэтажного дома, на которой находились глаза чудовища, Удалов показался ему ничтожным и не стоящим внимания.

— Ах так! — воскликнул Удалов, увидев, что дракон снова закрывает глаза и намеревается игнорировать врага.— Ну, держись! — И Корнелий, отыскав щель в стальной чешуе, вонзил в нее конец меча.

Тут уж дракон сильно удивился. Он даже приподнял лапу, чтобы смахнуть вредную букашку. Но Удалов был готов к этому, отбежал на десять шагов и достал пистолет. Дракон поднял все три головы и дунул огнем из ноздрей в Удалова. Удалову опалило брови и ресницы, а некогда белые трусы — единственная одежда Корнелия — стали коричневыми. Было больно.

Удалов поднял пистолет и выпустил в дракона всю обойму, целясь в глаза. Пули отскакивали от морды чудовища, лишь одна попала в цель. Дракон

поднял лапу и извлек пулю из глаза, словно соринку.

Теперь Удалов был почти безоружен, а дракон обижен и разозлен. Он решил разделаться с обидчиком одним ударом, для чего поднял лапу, и, хотя промахнулся, так как с возрастом потерял ловкость и точность движений, комьями взметнувшейся земли Удалова избило, как картечью.

Но это Удалова не остановило. Каждого, даже самого обыкновенного и робкого человека, можно довести до такой степени отчаяния, когда он становится героем. И в то время, как все зрители этого захватывающего поединка отбежали подальше, Удалов снова поднял меч и пошел на дракона с самоубийственной отвагой. Он был готов к смерти, но не согласен на поражение.

И неудивительно, что Удалов не заметил, как на него опустилась густая тень. Не заметил ее и дракон, вставший на дыбы и всерьез бросившийся навстречу человеку.

Но с опустившегося космического корабля вся эта сцена была видна как на ладони, и торговцы, прилетевшие на планету, схватились за фото- и кинокамеры и принялись лихорадочно снимать это редчайшее зрелище.

Все три головы дракона выпускали струи огня и дыма, лапы разрезали воздух в миллиметрах от тела героя, но Удалов прорвался сквозь все препятствия и вонзил свой меч в брюхо дракона.

Дракону стало щекотно, он прижал лапы к брюху и начал чесаться. И в это время увидел нависший над ним космический корабль.

У дракона не было опыта общения с космическими кораблями, так как он вырос и провел жизнь на отсталой планете. Поэтому неудивительно, что он ошибся, приняв корабль за другого дракона. Забыв об Удалове, дракон тяжело взмыл кверху и попытался сбить космический корабль, который с трудом выдержал такую атаку. В борту его появилась гигантская вмятина, и он начал быстро терять высоту.

Но дракону пришлось еще хуже. Грудь его была разбита, крыло погнуто, головы оглушены... И дракон, признав поражение, медленно и неверно полетел к горам, чтобы зализать свои раны.

Удалов с трудом поднялся с земли, куда его швырнуло порывом ветра при взлете дракона, и огля-

делся. Он еще ничего не понимал и не знал даже — победитель он или побежденный.

Но никто не обращал на него внимания. Все смотрели на космический корабль. С самыми различными чувствами.

Дикари в изумлении и страхе.

Карлик с надеждой, что это мирные торговцы, которые помогут Удалову добраться до цивилизованной планеты. А Тулия тоже с надеждой, что ей на выручку прилетели оболочки микробов.

Удалов, несмотря на раны и усталость, быстро оценил обстановку и сразу направился к Тулии. Почти никто не обратил на него внимания.

Тулия спохватилась только тогда, когда Удалов заключил ее в свои объятия.

— Ты что? — попыталась сопротивляться она, отталкивая Корнелия обеими руками.— Сейчас не время для любви!

Но Удалов не выпускал девушку.

— Один поцелуй для борца с драконом,— сказал он.— Ты обещала.

— Ах, какие глупости,— сказала красавица.— Целуй, только поскорее. Теперь, надеюсь, мне не грозит костер. А ты, голубчик, все равно погибнешь.

Но глаза Тулии, контроль над которыми Верховная матка временно упустила, выдали истинные чувства девушки — благодарность к мужественному человеку. И поцелуй получился длительным и нежным.

— Молодец, заслужил этот скромный дар,— заметил дедушка вождя, который был романтиком и потому смотрел на Удалова, а не на космический корабль.— Жаль, что я в свое время не сразился с драконом.

Переведя дух, Удалов отошел от Тулии, и могильщик, который по роду своей деятельности и характеру относился к людям с недоверием, сказал:

— Непохоже на тебя, Удалов.

Могильщик отправил в рот еще кусок мяса и запил вином. Он пользовался тем, что внимание окружающих отвлечено кораблем.

— Не понимаю,— сказал Удалов, но на губах его играла странная улыбка.

— Все понимаешь,— вздохнул могильщик, оглядываясь, не осталось ли съестного.— Но замыслил какую-то каверзу. Я верю, что ты влюблен в эту де-

вушку, и потому тем более недопустима мысль, что ты можешь броситься к ней с поцелуями так вот просто, без приглашения.

— Погоди,— сказал Удалов, поглядывая краем глаза на взволнованную Тулию, которая, прижав к груди обнаженные, испачканные землей руки, глядела, как космический корабль выпускает пандус.

И вдруг страшная судорога исказила ее лицо.

— Что такое? — спросила она.— Кто на меня нападает? Спасите...

— Что? — спросил деловито могильщик.— Пора хоронить?

— Не спеши,— ответил Удалов, не скрывая торжествующей ухмылки.— Если хоронить, то надо делать очень мелкий гробик.

— Я все поняла! — воскликнула, корчась от мучений девушка.— Это твое коварство, презренный Удалов. Ты воспользовался тем, что я отвлеклась, и поцеловал меня в губы.

— Правильно,— ответил Удалов.— А известно, что при гриппе и других заразных заболеваниях поцелуи совершенно противопоказаны. Вернейший путь перехода инфекции из организма в организм. Вот я и рассудил, что ко мне в организм Верховная матка перелезать не посмеет. Она знает, что это для нее верная смерть. Но о том, что мои микробы могут перебраться в Тулию, она в суматохе не подумала.

— О горе, горе! — причитала Тулия.— Они жрут меня живьем! Спасите... на помощь...

Голос паразитки слабел, и Тулия неверными шагами устремилась к кораблю, питаемая последней надеждой на то, что прилетели ее земляки. Но веревка, которую держал наблюдавший за этой сценой дедушка, ее не пустила.

— Все ясно,— сказал дедушка, глядя, как Тулия клонится к земле.— Несчастная одержима бесом, и сейчас он с помощью чародейства Удалова из нее выходит.

— В общих чертах правильно,— согласился Удалов.

Двери корабля раскрылись, и по наклонному пандусу на землю спустились аккуратные, модно одетые, завитые и умытые торговые работники. Увидев их, Тулия прошептала: «Не те!» — пошатнулась, пискнула предсмертным криком Верховной матки и упала без чувств.

— Разрази меня небо! — раздался громовой вопль вождя, подскакавшего поближе к кораблю.— Кого я вижу! Мой предпоследний жрец! Где мой Прибор?

— Одну минутку,— ответил пожилой строгий мужчина в расшитой тоге. Он широким жестом указал на двери корабля. По наклонному пандусу торжественно съехал цветной телевизор.

— Вот он, обещанный Прибор! — сказал жрец.

— О господин Прибор, ты прекрасен! — закричали дикари, падая ниц перед телевизором.

— Шарлатан,— пробормотал Удалов, склоняясь над Тулией.

— Теперь они добьются подъема цивилизации,— сказал старый циник могильщик-мухомор, обгрызая ногу барана.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,
в которой Удалов появляется на СОС и встречается со своей женой.

Руководители СОС, его делегаты, правительство планеты, не говоря уже о друзьях и родственниках Удалова, пребывали в полном отчаянии, когда Удалов сошел с попутного корабля на спутнике планеты, и такой же, как и прежде, веселый и жизнерадостный, полный сил и энергии направился к медицинскому контролю.

Его узнали прежде, чем он успел открыть рот.

Сначала по залу прокатился шепот:

— Удалов! Удалов вернулся! Неужели он жив? Какое счастье для человечества!

Затем шепот перешел в громкие возгласы и радостные крики:

— Удалов! — прокатывалось по залу.

Врачи распахнули барьеры, таможенники подняли пропавшего без вести делегата на руки и пронесли к катеру, который взял курс к планете.

Может быть, не исчезни Удалов так драматически, не стань он центром интриг и беспокойства, значение его для делегатов и судеб СОС не было бы столь громадным. Но теперь, когда никто не надеялся на его возвращение, встреча Удалова вылилась во всенародный праздник.

Удалов стеснялся, краснел, утверждал, что не нуждается в таких шумных знаках внимания, но, разумеется, никто его даже не слышал.

Апогей радости пришелся на тот момент, когда смущенный Удалов вошел в зал съезда.

Делегаты встали. Ведь за время отсутствия Удалова все только о нем и говорили, его скромная речь в день открытия съезда превратилась в воспоминаниях очевидцев в кардинальный и основополагающий доклад. Лозунг «Середина непобедима», брошенный Удаловым с трибуны, стал самым распространенным словосочетанием на планете, и уже несколько городов боролись за право поставить Удалову памятник, в случае, если его не отыщут, а одна небольшая безответственная планета Пршекай официально объявила, что Удалов родился на ней, в небольшом городке, и в младенчестве был выкраден землянами.

Напрасно отговаривался Корнелий усталостью и нездоровьем. Под шум аплодисментов его вынудили подняться на трибуну и сказать речь.

Удалов откашлялся, одернул полы пиджака и сказал таким знакомым всем присутствовавшим высоким застенчивым голосом:

— Здравствуйте, дорогие коллеги, дорогие средние существа Вселенной. Мне приятно вновь вернуться в лоно родного съезда.

Раздались бурные аплодисменты, которые во время речи Удалова стихали лишь изредка.

— Вас всех,— сказал Удалов,— явно волнует вопрос: где я был в это время, куда я исчез и почему никого не предупредил. Разрешите мне начать с самого важного. Я был на планете Кэ.

В зале грянула тишина.

— Я знал об опасности, угрожающей всему человечеству. Я знал о тайне, связанной с этой планетой, и счел своим долгом лично направиться туда в сопровождении моего друга синхронного переводчика Тори. Мы решили, что либо разгадаем тайну и ликвидируем опасность, либо погибнем.

Когда аплодисменты стихли, Удалов продолжал:

— С большими трудностями и приключениями добравшись до планеты Кэ, мы обнаружили, что наши опасения оправдались. Планета Кэ была захвачена микроорганизмами, которые внедрились во всех свободолюбивых жителей планеты и намеревались

расширить агрессию, чтобы населить своими потомками тела всех жителей Галактики и таким образом поработить Космос. К счастью, мне удалось найти способ обезвредить микробов, хотя наша борьба, о которой я расскажу подробнее при первой же возможности, была тяжелой и повлекла жертвы. От рук микробов смертью храбрых пал наш общий друг, синхронный переводчик Тори с планеты Тори-Тори. Прошу почтить его память минутой молчания.

Голос Удалова дрогнул. Председатель СОС Г-Г налил ему воды из графина и подвинул под локоть. Но Удалов отрицательно покачал головой. Он продолжал:

— Трудно представить, каким мучениям и издевательствам подвергались разумные существа на планете Кэ. В каждом из них сидел микроб, который говорил, что им надо делать, каким нектаром питаться и как размножаться.

Вопль негодования пронесся по залу съезда. У многих на глазах выступили слезы.

— И хотя тайна разгадана,— продолжал Удалов,— и меры принимаются, население планеты Кэ истощено, лишено моральной поддержки и совершенно деморализовано. Надо спасать наших друзей. Как это сделать, как помочь братьям по разуму, я еще не решил и прошу вашего совета.

Удалов сел и скромно отвернулся от урагана, вызванного рукоплесканиями.

С мест раздавались возгласы, славившие Удалова, а также советы, как спасти планету Кэ. Шум стоял невообразимый, и никто не заметил, как в зал вбежала запыхавшаяся и растрепанная, уставшая от пересадок и нервного напряжения Ксения Удалова, которую поддерживал под локоть Николай Белосельский.

Ксения тут же увидела своего мужа и помахала ему рукой. Но, разумеется, в этом гаме и мелькании конечностей ее не заметили.

— Видишь? — крикнула Ксения на ухо своему спутнику.— Сидит! Нарочно меня волновал. Может, никуда и не исчезал.

— Вот и хорошо,— сказал Белосельский с облегчением.— Значит, нам можно возвращаться. Подойдем к нему в перерыве, пожелаем счастья и успехов в работе, а потом домой.

— Нет,— сказала Ксения твердо,— не для того я его догоняла, чтобы оставить в одиночестве. Полетим домой все вместе. Так я решила.

И Белосельский с ужасом понял, что ничего поделать с этой женщиной он не может. И понял другое: хоть он и уехал от Гусляра дальше, чем расположен город Петропавловск-на-Камчатке, все равно никуда не дался от тяжелого груза прошлого.

— Погляди, Коля,— сказала между тем Ксения, которая умела быстро успокаиваться.— Всюду портреты моего мужа, плакаты на непонятных языках — тоже в его честь. Уважают Корнелия. Приятно это. Пойду, пожалуй, скажу народу, что я его жена.

— Ты неправа, Ксюша,— сказал Белосельский.— Это уважение оказывается не лично Удалову, а всему населению нашей планеты. Мы же с тобой рядовые ее граждане и не должны зазнаваться.

Председатель съезда Г-Г поднялся на трибуну и постучал карандашом о графин.

— Тишина! — сказал он.

Тишина наступала медленно, делегаты с трудом успокаивались. Наконец председателю удалось успокоить зал и он сказал:

— Мы тут посоветовались с уважаемым делегатом Удаловым и пришли к положительному решению, которое я выношу на голосование. Мы предлагаем всем делегатам, кто может и хочет передвигаться в кислородной атмосфере, провести заключительное заседание на несчастной планете Кэ, этим продемонстрировав нашу солидарность с ее населением, а также на месте найти реальные меры помощи пострадавшим.

Удалов вскочил с места и крикнул:

— Я всем сердцем поддерживаю это предложение. Да здравствует наш председатель Г-Г!

Зал взорвался шумной овацией, диссонансом в которой прозвучали лишь возмущенные протесты некислорододышащих делегатов, которые тоже хотели немедленно лететь на планету Кэ.

Ксения далеко не все поняла, так как знала только русский язык, но была горда своим мужем и громко крикнула:

— Да здравствует мой муж Корнелий Удалов! Так держать!

Крик ее прорвался сквозь общий шум, и многие

обернулись, а по залу прокатилось известие о том, что жена Удалова прилетела с Земли, чтобы присутствовать при историческом моменте.

— Проходите в президиум,— кричали делегаты, и Ксения с удовольствием последовала этому совету. Она хотела взобраться наверх, но тут ее остановил голос Удалова:

— Ксения, опомнись! Ты меня ставишь в неловкое положение.

— Это ты меня поставил в неловкое положение, когда сбежал из дома! — огрызнулась Ксения, но в президиум не пошла, а остановилась в нерешительности на ступеньках.

— Погоди,— сказал ей Удалов.— Сейчас организуем поездку на освобожденную мною планету, и я с тобой воссоединюсь.

Председатель обратился к делегатам с предложением голосовать за идею Удалова. Делегаты единодушно подняли руки, лапы, шупальца, когти и прочие конечности.

— Предложение принято,— сказал председатель.— Корабли ждут. Немедленно начинаем погрузку.

Делегаты принялись вставать со своих мест, спеша и толкаясь, чтобы скорее успеть на планету Кэ. И в этот момент от двери послышался хриплый голос:

— Остановитесь!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой все разрешается, герои вознаграждены, а злодеи наказаны.

Голос, прозвучавший от двери, принадлежал странному существу.

Существо было в одних трусах, страшно измаранных землей, на плечах существа была чья-то чужая куртка, лицо было исцарапано и изранено, а волосы, венчиком вокруг лысины, настолько спутаны и грязны, что невозможно было даже определить, к какому виду или типу живых существ относится обладатель хриплого голоса. Достаточно было поглядеть на окровавленный меч в его руке, чтобы понять, что существо первобытно и агрессивно, что никак не соответствовало общему благодушному настроению съезда.

Два других существа, стоявших по обе стороны дикаря, также были грязны, оборваны и совершенно неопознаваемы. Справа от дикаря стояла несчастная дикая девушка в серебряном купальном костюме, слева совсем уже непонятный феномен в страшно мятой шляпе, схожей со шляпкой мухомора, по которому долго ходили ногами, и в жалких остатках некогда черного одеяния, бахрома которого волочилась по полу.

— Кто такие? — раздались крики.— Почему их пустили?

Грязный голый человек, не опуская меча, прошел к сцене, уверенно забрался на нее и сказал:

— Никуда вы не поедете. Ни на какую планету Кэ. Там вас уже ждут. И сделают из вас таких вот безвольных рабов.

И голый дикарь указал мечом на Удалова.

— Клевета! — раздались вопли в зале.— Бандит! Уберите его! Благородный Удалов освободил планету Кэ от угнетателей! Мы все едем туда, чтобы помочь пострадавшим!

— Благородный Удалов ничего не смог поделать с микробами,— ответил, ухмыляясь, дикарь.— Он еле от них сбежал.

И эти неуважительные слова в адрес известного героя были встречены громовым хохотом зала.

— Покиньте помещение, хулиганы! — сказал председатель, оглядываясь на настоящего Удалова.— А то мы прикажем вывести вас. Не мешайте нам готовиться к перелету на планету Кэ.

— Ничего подобного,— сказал нахальный дикарь, и подняв меч, направил его конец на председателя съезда.— Этот меч обагрен кровью дракона, этот меч поднимается только на правое дело. А я, кстати, и есть Удалов.

— Долой! — кричали делегаты.— Это издевательство!

Одетый Удалов поднялся со своего места и развел руками, как бы говоря: «Ну что ты будешь делать!»

— Кто ты, я еще не знаю! — воскликнул дикарь в трусах.— Но сильно подозреваю, что ты подослан паразитами, чтобы заманить делегатов на свою планету и там поголовно заразить их.

— Какая наглая клевета! — закричал одетый Удалов.

Ругаясь, Удалов и дикарь приблизились друг к другу, и тут некоторые из наиболее наблюдательных делегатов обратили внимание на явное сходство дикаря и одетого Удалова.

Председатель встал на пути голого дикаря и, жертвуя собой, перекрыл дорогу к отступившему перед нападением одетому Удалову.

— Он прав! — закричала вдруг непричесанная девушка в серебряном купальном костюме.— Он настоящий Удалов! Он прошел сквозь страдания и битвы, чтобы предупредить вас об опасности, он лишился всего, даже одежды, а вы верите самозванцу!

Председатель сделал знак, и в зал вошли служители. Они умело подхватили голого дикаря под локти, чтобы вывести его. Меч звякнул о пол.

С точки зрения возмущенных и законопослушных средних делегатов, уже собравшихся было на планету Кэ с благородной миссией, все было ясно. Справедливость восторжествовала, хулиган укрощен. Но оказалось, что не все еще кончено.

Высокий стройный человек в темном костюме и со вкусом подобранном галстуке решительно прошел к сцене, легко вскочил на нее и обратился к залу.

— Главное,— сказал он,— не сделать роковой ошибки.

— Да что там думать! — откликнулся кто-то из зала.— Все ясно.

— А вдруг этот жалкий дикарь и есть настоящий Удалов? Каких только не бывает случайностей.

— Правильно говоришь, друг моего детства Николай Белосельский! — воскликнул дикарь, которого крепко держали охранники.— Надо разобраться.

Одетый Удалов повторил, как эхо:

— Да, друг моего детства Николай Белосельский, надо разобраться. Только меня удивляет, что ты еще сомневаешься в моей личности.

— Скажу тебе честно,— ответил Белосельский,— тот человек тоже похож на Удалова. Поэтому я предлагаю спросить мнение присутствующей здесь жены Удалова Ксении. И таким образом мы себя гарантируем от случайностей.

— Правильно! — закричал голый дикарь.— Где ты, Ксюша?

— Я здесь,— откликнулась массивная супруга Удалова.

— Вот это лишнее,— сказал одетый Удалов.— Зачем впутывать в плохой детектив мою уважаемую жену? Зачем нашей семье такая гласность?

Слова одетого Удалова вызвали сочувствие и понимание большинства делегатов, но любопытство все-таки пересилило, а так как это был съезд средних существ, которым, как известно, свойственна склонность к сенсациям, Ксении разрешили выйти на сцену.

Два Удаловых стояли перед женщиной.

Один был неплохо одет (Ксения сама покупала ему этот костюм), причесан и положителен. Другой вызывал сомнение и даже раздражение. В глазах его сверкала дикость, как в далекие годы юности, он был гол, изранен и жалок. Но и он будил в ней какие-то родственные чувства.

— Ксения,— солидно сказал одетый Удалов.— Скажи свое положительное мнение, и вскоре мы вернемся с тобой обратно, к нашему семейному очагу.

— Хочется домой? — спросила Ксения.

— Мечтаю воссоединиться.

— Тогда ты и есть мой,— сказала Ксения, но палец ее, направленный было на одетого Удалова, замер, не поднявшись. Потому что она заметила на боку голого Удалова знакомую и любимую родинку.

— Нет,— сказала она.— Раздетый тоже мой.

В зале поднялся гул.

— Да что же это получается! — не выдержал раздетый.— Мы теряем время, а микробы его не теряют. Тулия, скажи им, что я настоящий. Скажи, милая!

Девушка, поднявшаяся на сцену, несмотря на растерзанность внешнего вида, была прекрасна и молода. Она сказала уверенно:

— Со всей ответственностью повторяю, что раздетый Удалов настоящий.

— Ты сама ненастоящая! — крикнул одетый Удалов.— Ты микробная шпионка.

— Погоди, Корнюша,— остановила его Ксения.— А ты, голубушка, кем приходишься Корнелию Удалову?

— Я его друг,— ответила девушка.

— Друг, значит? — в голосе Ксении трепетал мороз.— А сама откуда родом?

— Я отсюда,— ответила девушка.— Моя мама работает в гостинице...

— Дочурка! — раздался женский голос. По проходу к Тулии бежала, обливаясь слезами, ее несчастная мать.

— Мама! — ответила девушка и кинулась матери навстречу.

Ксения остро взглянула на голого Удалова и уловила в его глазах томление. Томление относилось к девушке Тулии.

— Такой мне не нужен,— сказала Ксения.— Даже если настоящий. Мне отдайте положительного.

И, сделав выбор в пользу одетого Удалова, Ксения села на свободный стул, рядом со своим мужем.

— В дорогу, в дорогу! — призвал одетый Удалов делегатов.— Теперь-то все сомнения разрешены.

— Нет, не все,— сказал тогда Николай Белосельский. Он-то знал Удалова с детства, и потому голый и буйный Удалов вызывал в нем куда бо́льшие симпатии, чем положительный.— Разрешите, я тоже кое о чем спрошу?

— Разрешим? — спросил председатель.

— Только чтобы это был последний вопрос,— ответили делегаты.

— Скажи мне, Корнелий-одетый,— обернулся к нему Белосельский.— Как звали нашего учителя физики?

— Ах, какие мелочи,— быстро ответил одетый Удалов.— Я даже не помню.

— Карабасом мы его звали! — закричал голый Удалов.— А химичку Кислотой, а историка Иваном Александровичем...

— Хватит,— сказал Белосельский.— Еще один вопрос. Теперь к голому Удалову. Где я познакомился с твоей женой?

— Всю жизнь мучаюсь,— ответил Удалов.— Вернее всего, в пионерском лагере. Или в кружке юных натуралистов, где ты резал лягушек, а Ксюша разводила гладиолусы.

— Я ненавидел резать лягушек,— сказал Белосельский и пожал израненную руку голому Удалову.— Мы познакомились в кино.

— Безобразие! — заявил одетый Удалов.— Я протестую.

Но в этот момент Ксения, которая сидела, ласково положив руку на плечо одетому Удалову, совершила резкое движение, рванула пиджак на себя и тот со-

скочил с Корнелия. И под пиджаком обнаружился золотой смокинг кузнечика Тори, синхронного переводчика. Вторым движением Ксения стащила с кузнечика маску и парик.

Кузнечик совершил громадный прыжок, стараясь скрыться от преследования, но голый Удалов был начеку. Еще мгновение — и Тори, затрепетав в руках Удалова, запричитал:

— Я ни в чем не виноват! Я жертва обстоятельств.

— Вызывайте врачей,— сказал Удалов,— пусть они вынут из Тори паразита и исследуют его. Тогда нам легче будет найти способ бороться с этой опасностью.

— Не смейте! — закричал микроорганизм голосом кузнечика.— Я представитель суверенного народа!

Но к нему уже спешили врачи в масках и защитных халатах.

Удалов вернулся к Ксении. Ксения плакала.

— Ты когда догадалась, кисочка, что я настоящий? — спросил Корнелий у жены.

— А тогда догадалась,— ответила Ксения,— когда тебя эта тварь с длинными ногами стала всенародно защищать. Дон Жуан немытый!

И на глазах всего съезда Ксения отвесила любимому мужу оглушительную пощечину.

Разумеется, эта пощечина не помешала делегатам СОС избрать на последнем заседании Удалова почетным председателем Союза обыкновенных существ. Удалов был признан единогласно самым достойным и самым средним из всех средних существ Галактики. С тех пор его даже на самых дальних звездных системах официально именуют Председателем Космоса и Сокрушителем дракона, а любовно — Победителем паразитов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, заключительная.

Вечером, перед отъездом домой, когда закончились ликования по поводу избрания Удалова на ответственный пост, а манифестация, карнавальные шествия и концерты самодеятельности уже догорали на улицах, Удаловы уединились у себя в номере.

Ксения зашивала мужу пиджак, порванный во время разоблачения кузнечика, Удалов разбирал бумаги: те, что пригодятся на Земле, откладывал направо, а те, что без надобности,— налево.

— Теперь мне с тобой сладу не будет,— сказала Ксения, откусывая нитку.— Что ни день — в космос, то на заседание, то на совещание.

— Нет,— сказал Удалов.— Пускай сами ко мне приезжают. У меня в стройконторе дел много.

— Будешь, будешь в космос гонять. К своей возлюбленной.

— Она мне не возлюбленная, Ксюша,— возразил Удалов.— Она только выполняла задание.

— А ты и распустил перья.

— Извини.

— Никогда. А то женись на ней, я не возражаю. Поселяйся здесь, занимайся общественной работой, воюй с драконами. Из-за меня, небось, ни разу с драконами не воевал.

— У нас, кисочка, драконов нет,— сказал Удалов. Но голос его был невесел. Какие-то рецидивы страстного увлечения Тулией сохранились. И хотя еще по дороге домой Тулия объяснила Удалову, что испытывает к нему чувство благодарности, чувство дружбы и чувство почтения, но не больше, что теперь она полностью отдастся учебе, чтобы забыть об ужасных и позорных месяцах плена, Удалову трудно было забыть, как Тулия расширяла прекрасные глаза при виде Корнелия и повторяла: «С первого взгляда... и на всю жизнь!»

Неужели, мысленно вздыхал он, некоторые женщины могут так легко и убедительно притворяться? Как трудно поверить... и как не хочется верить.

Удалов искоса взглянул на Ксению и принялся шустрее раскладывать бумаги, опасаясь, как бы по своему обыкновению Ксения не прочла его мыслей. Но Ксения прочесть их не успела, потому что в дверь постучали и вошли Белосельский с Тулией. При виде Тулии Ксения поморщилась, Удалов тоже. По разным причинам. Ксении вообще Тулия внешне не нравилась, а Удалову не понравилось, что Тулия шла, положив золотую головку на плечо Николаю, как будто это была для нее самая привычная поза.

— Мы с печальной новостью,— сказала Тулия.

— Говорите,— Удалов пытался преодолеть в себе

остаточную ревность к другу детства. Пора было привыкать. Тулия уже третий день ходила, положив голову на плечо Николаю.

— Пришла телеграмма с дикой планеты. Вождь и дедушка передают привет, желают счастья в личной жизни. Они глядят Прибор, но, если это не обеспечит высоких урожаев, собираются убить жреца.

— Считай, что он уже убит,— сказал Удалов.— А что печального?

— Предсказатель умер. Умер наш Остродам.

— Не может быть! — Удалов отошел к окну и прижался лбом к прохладному стеклу.— Значит, он был прав в последнем своем предсказании!

— Да. Он проснулся утром в день своей смерти, бодрый и совершенно здоровый, и сказал, что, видно, ему не удастся умереть от естественных причин. Потом написал записку Удалову, ушел в поле, отыскал дракона и обозвал его жалкой лягушкой.

— Где письмо? — спросил Удалов.

— Вот.

Тулия протянула Удалову небольшую записку. Удалов прочел:

«Дорогой Корнелий!

Я вспомнил еще одну деталь из твоего будущего, которую я от тебя скрыл, потому что она указывала на то, что ты останешься жив. А это нарушило бы естественность твоего поведения. Когда я находился во временном водовороте, я видел, что ты не выполнишь годовой план и по инициативе Белосельского тебе будет вынесен выговор в приказе.

Прощай, Корнелий, ты мне полюбился. Если сам не умру, попробую довершить твой бой с драконом. Что-то мне этот дракон неприятен.

Не забудь выслать вождю микроскоп».

Записка была без подписи.

— Все ясно, Остродама погубило тщеславие... И чувство ответственности,— сказал Удалов и передал записку Белосельскому, чтобы тот ознакомился. Белосельский прочел и сказал:

— Все может быть. В конце года посмотрим.

В комнату заглянула уборщица из Атлантиды.

— Ты здесь, Туличка? — сказала она.— А то я уже беспокоюсь. Боюсь тебя отпускать даже на полчаса.

— Не беспокойтесь,— сказал Белосельский.—

Я возьму на себя заботу о вашей дочери. Она будет в надежных руках.

— Ах, да, мамочка,— тем самым ласковым голосом, посылавшим когда-то Удалова на бой, произнесла Тулия.— Мы с Колей решили пожениться.

Ксения сказала:

— Слава богу, что от моего отвязалась.

Уборщица из Атлантиды пошатнулась, собираясь упасть в обморок, и Удалову пришлось броситься за водой. А сам Удалов ничего не сказал, все и так было понятно. Зря он побеждал дракона. Он мог бы победить десятерых чудовищ — все равно красавицы достаются отличникам. Но кто бы догадался, какие они красивые, если бы не было обыкновенных женщин, наших жен, с которыми мы и сравниваем красавиц? К тому же у наших жен есть свои преимущества. И Удалов нежно посмотрел на Ксению.

Дверь открылась снова. В комнату въехала машина, за которой шел, толкая ее, кузнечик. Рядом, помогая ему, шествовал председатель оргкомитета Г-Г.

— Дорогой Корнелий,— сказал он, пока кузнечик вешал на стену небольшой экран.— Из уважения к твоим заслугам перед галактическим населением СОС выкупил у киномагнатов мнемофильм, снятый без твоего ведома синхронным переводчиком Тори на основе твоих воспоминаний.

— Виноват,— сказал кузнечик.— Я уже раскаялся.

— Так как мы полагаем, что даже забытые воспоминания важны для полноты личности, особенно для такой ценной в масштабах Галактики, как личность Корнелия, этот фильм будет продемонстрирован таким образом, что по мере показа его события будут возвращаться в память Удалова, исчезая с пленки.

После этого присутствующие расставили кресла и стали смотреть фильм. Удалов старался на экран не смотреть. Он достал коробочку со скорпиончиком, чудом сохраненную в странствиях и приключениях, и начал кормить насекомое крошками.

Через несколько минут фильм закончился и кузнечик зажег свет.

— Все,— сказал он.— Пленка пуста, а воспоминание вернулось к владельцу.

— Я вспомнил,— сказал Удалов.— Даже стран-

но, что мог забыть. Это про то, как мы с Ксенией познакомились и как чуть было не расстались.

— Из-за меня,— улыбнулся Белосельский.— Это я был тем верзилой, который тебе угрожал. Но я бы никогда тебя не побил.

— Помню,— сказал Удалов.— К тому времени мы с тобой уже не так дружили, как в детстве.

— Нас с тобой всегда разлучали женщины,— сказал Белосельский, поглаживая плечо прижавшейся к нему Тулии.

— Коля, как тебе не стыдно,— сказала Ксения.— Подождал бы до загса.

— Эх, Тори, Тори,— сказал Удалов.— Не принесло тебе богатства предательство. Злые дела никогда не окупаются.

— Знаю,— улыбнулся в ответ кузнечик.— Жизнь меня многому научила. Теперь я зарабатываю на нее честным путем.

— Каким же? — спросил Удалов, который не очень доверял кузнечику.

— Я купил у торговых работников документальный фильм о бое Удалова с драконом. С завтрашнего дня начинается демонстрация во всех кинотеатрах. Билеты раскуплены на год вперед. Рассчитываю без лишней скромности стать миллионером.

— А это не повредит моей репутации? — спросил Удалов, который в последние дни относился к себе куда серьезней, чем прежде.

— Твоей репутации все на пользу,— честно сказал кузнечик,— достать тебе билет на премьеру?

— Даже не знаю...— Удалов колебался. Он взглянул на Тулию, но Тулия смотрела на Колю. Он посмотрел на жену, и Ксения сказала:

— Иди, иди, только домой после этого не возвращайся.

— Прости, Тори,— сказал Удалов.— Не придется мне побывать на премьере. Дела.

И еще раз открылась дверь. Вошел могильщик в новой шляпе и новом балахоне.

— Поздравьте меня,— сказал он.— Я возвращаюсь. Забастовка на моей планете кончилась.

Рассказы

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Зоомагазин в городе Великий Гусляр делит скромное помещение с магазином канцпринадлежностей. На двух прилавках под стеклом лежат шариковые авторучки, ученические тетради в клетку, альбом с белой чайкой на синей обложке, кисти щетинковые, охра темная в тюбиках, точилки для карандашей и контурные карты. Третий прилавок, слева от двери, деревянный. На нем пакеты с расфасованным по полкило кормом для канареек, клетка с колесом для белки и небольшие сооружения из камней и цемента с вкрапленными ракушками. Эти сооружения имеют отдаленное сходство с развалинами средневековых замков и ставятся в аквариум, чтобы рыбки чувствовали себя в своей стихии.

Магазин канцпринадлежностей всегда выполняет план. Особенно во время учебного года. Зоомагазину хуже. Зоомагазин живет надеждой на инкубаторных цыплят, которых привозят раз в квартал, и тогда очередь за ними выстраивается до самого рынка. В остальные дни у прилавка пусто. И если приходят мальчишки поглазеть на гуппи и мечехвостов в освещенном лампочкой аквариуме в углу, то они этих мечехвостов здесь не покупают. Они покупают их у Кольки-длинного, который по субботам дежурит у входа и раскачивает на длинной веревке литровую банку с мальками. В другой руке у него кулек с мотылем.

— Опять он здесь,— говорит Зиночка Вере Яковлевне, продавщице в канцелярском магазине, и пишет требование в область, чтобы прислали мотыля и породистых голубей.

Нельзя сказать, что у Зиночки совсем нет покупателей. Есть несколько человек. Провизор Савич дер-

жит канарейку и приходит раз в неделю в конце дня, по пути домой из аптеки. Покупает полкило корма. Забегает иногда Грубин, изобретатель и неудавшийся человек. Он интересуется всякой живностью и лелеет надежду, что рано или поздно в магазин поступит амазонский попугай ара, которого нетрудно научить человеческой речи.

Есть еще один человек, не покупатель, совсем особый случай. Бывший пожарник, инвалид Эрик. Он приходит тихо, встает в углу за аквариумом, пустой рукав заткнут за пояс, обожженная сторона лица отвернута к стенке. Эрика все в городе знают. В позапрошлом году одна бабушка забыла выключить утюг и легла спать. Эрик первым успел в дом, тащил бабушку на свежий воздух, но опоздал — сверху рухнула балка. Вот и стал инвалидом. В двадцать три года. Много было сочувствия со стороны граждан, Эрику дали пенсию по инвалидности, но старую работу пришлось бросить. Он, правда, остался в пожарной команде, сторожем при гараже.

Эрик приходит в магазин после работы, чаще, если плохая погода, прихрамывает (нога у него тоже повреждена), забивается в уголок за аквариум и глядит на Зиночку, в которую он влюблен без взаимности. Да и какая может быть взаимность, если Зиночка хороша собой, пользуется вниманием многих ребят в речном техникуме и сама вздыхает по учителю биологии в первой средней школе. Но Зиночка никогда не скажет Эрику плохого слова.

Третий квартал кончался. Осень на дворе. Зиночка очень надеялась получить хороший товар, потому что в области тоже должны понимать — план сорвется, по головке не погладят.

Зина угадала. 26 сентября день выдался ровный, безветренный. От магазина виден спуск к реке, даже лес на том берегу. По реке, лазурной, в цвет неба, тянутся баржи, плоты, катера. Облака медленно плывут по небу, чтобы каждым в отдельности можно полюбоваться. Зиночка получила товар, самолетом прислали, пришла на работу пораньше, полюбовалась облаками и вывесила объявление у двери:

«Поступили в продажу золотые рыбки».

Вернулась в магазин. Рыбки за ночь в большом аквариуме ожили, плавали важно, чуть шевелили хвостами. Было их много, десятка два и они собой яв-

ляли исключительное зрелище. Ростом невелики, сантиметров десять—пятнадцать, спинки ярко-золотые, а к брюшку розовеют, словно начищенные самоварчики. Глаза крупные, черного цвета, плавники ярко-красные.

И еще прислали из области бидон с мотылем. Зиночка выложила его в ванночку для фотопечати. Мотыль кишел темно-красной массой и все норовил выползти наверх по скользкой белой эмали.

— Ах,— сказала Вера Яковлевна, придя на работу и увидев рыбок.— Такое чудо, даже жалко продавать. Я бы оставила их как инвентарь.

— Все двадцать?

— Ну не все, а половину. Сегодня у тебя большой день намечается.

И тут хлопнула дверь и вошел старик Ложкин, любящий всех поучать. Он прошел прямо к прилавку, постоял, пошевелил губами, взял двумя пальцами щепоть мотыля и сказал:

— Мотыль столичный. Достойный мотыль.

— А как рыбки? — спросила Зиночка.

— Обыкновенный товар,— ответил Ложкин, сохраняя гордую позу.— Китайского происхождения. В Китае эти рыбки в любом бассейне содержатся из декоративных соображений. Миллионами.

— Ну уж не говорите,— обиделась Вера Яковлевна.— Миллионами!

— Литературу специальную надо читать,— сказал старик Ложкин.— Погляди в накладную. Там все сказано.

Зиночка достала накладную.

— Смотрите сами,— сказала она.— Я уж проверяла. Не сказано там ничего про китайское их происхождение. Наши рыбки. Два сорок штука.

— Дороговато,— сказал Ложкин, надевая старинное пенсне.— Дай самому убедиться.

Вошел Грубин. Был он высок ростом, растрепан, стремителен и быстр в суждениях.

— Доброе утро, Зиночка,— сказал он.— Доброе утро, Вера Яковлевна. У вас новости?

— Да,— сказала Зиночка.

— А как насчет попугая? Не выполнили моего заказа?

— Нет еще — ищут, наверное.

По правде говоря, Зиночка бразильского попугая

ара и не заказывала. Подозревала, что в области с таким заказом засмеют.

— Любопытные рыбки,— сказал Грубин.— Характерный золотистый оттенок.

— Для чего характерный? — строго спросил старик Ложкин.

— Для этих,— сказал Грубин.— Ну, я пошел.

— Пустяковый человек,— сказал ему вслед Ложкин.— Нет в накладной их латинского названия.

В магазин заглянул Колька-длинный. Длинным его прозвали, наверное, в насмешку. Был он маленького роста, волосы на лице, несмотря на сорокалетний возраст, у него не росли, и был он похож на большого грудного младенца. В обычные дни Зиночка его в магазин не допускала, выгоняла криком и угрозами. Но сегодня, как увидела в дверях, восторжествовала и сказала громко:

— Заходи, частный сектор.

Коля подходил к прилавку осторожно, чувствуя подвох. Пакет с мотылем он зажал под мышкой, а банку с мальками спрятал за спину.

— Я на золотых рыбок только посмотреть,— сказал он тихо.

— Смотри, жалко, что ли?

Но Коля смотрел не на рыбок. Он смотрел на ванну с мотылем. Ложкин заметил этот взгляд и сказал громко:

— Вчетверо меньше государственная цена, чем у кровососов. И мотыль качественнее.

— Ну насчет качественнее — это мы посмотрим,— ответил Коля. И стал пятиться к двери, где налетел спиной на депутацию школьников, сбежавших с урока, лишь слух о золотых рыбках разнесся по городу.

Старик Ложкин покинул магазин через пять минут, сходил домой за банкой и тремя рублями, купил золотую рыбку, а на остальные деньги мотыля. К этому времени приковылял и Эрик. Принес букетик астр и подложил под аквариум — боялся, что Зиночка заметит дар и засмеет. Школьники глазели на рыбок, переговаривались и планировали купить одну рыбку на всех — для живого уголка. Зиночка закинула в аквариум сачок, и Ложкин, пригнувшись, прижав пенсне к стеклу, управлял ее действиями, выбирая лучшую из рыбок.

— Не ту,— говорил он.— Мне такой товар не подсовывайте. Я в рыбах крайне начитан. Левее заноси, левее... Дай-ка я сам.

— Нет уж,— сказала Зиночка. Сегодня она была полной хозяйкой положения.— Вы мне говорите, а я найду, выловлю.

— Нет уж, я сам,— отвечал на это старик Ложкин и тянул к себе сачок за проволочную ручку.

— Перестаньте, гражданин,— вмешался Эрик.— Для вас же стараются.

— Молчать! — обиделся Ложкин.— От больно умного слышу. Кому бы учить, да не тебе.

Старик был несправедлив и говорил обидно. Эрик хотел было возразить, но раздумал и отвернулся к стене.

— Такому человеку я бы вообще рыбок не давала,— возмутилась с другого конца помещения Вера Яковлевна.

Вера Яковлевна держала в руке рейсшину, занеся ее словно для удара наотмашь.

Старик сник, больше не спорил, подставил банку, рыбка осторожно соскользнула в нее с сачка и уткнулась золотым рылом в стекло. Зиночка отвешивала Ложкину мотыля в молчании, в молчании же приняла деньги и выдала две копейки сдачи, которые старик попытался было оставить на прилавке, но был возвращен от двери громким голосом, подобрал сдачу и еще более сник.

Когда Ложкин вышел на улицу и солнечный луч попал в банку с рыбкой, из банки вылетел встречный луч, еще более яркий, заиграл зайчиками по стеклам домов, и окна стали открываться, и люди стали выглядывать наружу, спрашивая, что случилось. Рыбка плеснула хвостом, водяные брызги полетели на тротуар, и каждая капля тоже сверкала.

Резко затормозил рядом автобус, водитель высунулся наружу и крикнул:

— Что дают, дед?

Ложкин ответил с достоинством:

— Только для любителей, для тех, кто понимает.

Ложкин шел домой, его смущала неловкость от грубости, учиненной им в магазине, и неловкость понемногу исчезала, потому что за Ложкиным шли взволнованные люди, перебрасывались удивленными словами и восхищались золотой красавицей в банке.

— Принес что? — спросила супруга Ложкина из кухни, не замечая, как светло стало в комнате у нее за спиной.— Небось пол-литра принес?

— Пол-литра чистой воды,— согласился старик.— Пол-литра в банке и вам того же желаю.

— Нет,— сказала старуха не оборачиваясь.— Там, на улице, и принял.

— Почему это?

— Чушь несешь.

Старик спорить не стал, раздвинул кактусы на подоконнике, подмигнул канарейкам, которые защебетали ошеломленно, увидев банку, достал запасной аквариум и понес его к крану, на кухню.

— Подвинься,— сказал он старухе.— Дай воды набрать.

Тут супруга поняла, что муж ее не пьяный, и, вытерев руки передником, заглянула в комнату.

— Батюшка,— сказала она.— Нам еще золотой рыбки не хватало!

Супруга нагнулась над банкой, и рыбка высунула ей навстречу острое рыльце, приоткрыла рот, будто задыхалась, и сказала негромко:

— Отпустили бы вы меня, товарищи, в речку.

— Чего? — спросила супруга.

— Воздействуйте на мужа,— сказала рыбка почти шепотом.— Он меня без вашего влияния никогда не отпустит.

— Чего-чего? — спросила супруга.

— Ты с кем это? — удивился старик, возвращаясь в комнату с полным аквариумом.

— И не знаю,— сказала жена.— Не знаю.

— Красивая? — спросил Ложкин.

— Даже и не знаю,— повторила жена. Подумала чуть-чуть и добавила: — Отпустил бы ты ее в речку. Беды не оберешься.

— Ты чего, с ума сошла? Ей же цена два рубля сорок копеек в государственном магазине.

— В государственном? — спросила жена.— Уже дают?

— Дают, да никто не берет. Не понимают. Цена велика. Да разве два сорок для такого сказочного чуда большая цена?

— Миша,— сказала супруга,— я тебе три рубля дам. Четыре и закуски куплю. Ты только отпусти ее. Боюсь я.

— Сумасшедшая баба,— уверился старик.— Сейчас мы ее в аквариум пересадим.

— Отпусти.

— И не подумаю. Я, может быть, ее всю жизнь жду. С Москвой переписывался. Два сорок уплатил.

— Ну как хочешь,— сказала старуха и заплакала. И пошла на кухню.

В этот момент нервы у рыбки не выдержали.

— Не уходи! — крикнула она пронзительно.— Еще не все аргументы исчерпаны. Если отпустите, три желания выполню.

Старик был человек крепкий, сухой, но аквариум при этих словах уронил, разбил и стоял по щиколотку в воде.

— Не надо нам ничего! — ответила старуха из кухни.— Ничего не надо. Убирайся в свою реку! От тебя одни неприятности.

— Не-ет,— сказал старик медленно.— Не-е-ет. Это что же получается, разговоры?

— Это я говорю,— ответила рыбка.— И мое слово твердое.

— А как же это может быть? — спросил старик, поджимая промокшую ногу.— Рыбы не говорят.

— Я гибридная,— ответила рыбка.— Долго рассказывать.

— Изотопы? — спросил старик.

— И изотопы тоже.

— Выкинь ее,— настаивала старуха.

— Погоди. Мы сейчас испытаем. Ну-ка, восстанови аквариум в прежнем виде, и чтобы на окне стоял, а в комнате сухо.

— А отпустишь, не обманешь?

— Честное слово, отпущу,— сказал старик.— Тебя на три желания хватает?

— На три.

— Тогда ты мне аквариум восстанови; если получится, сбегаю в магазин, еще десяток таких куплю. Или, может, ты одна говорящая?

— Нет, все,— призналась рыбка.

— Тогда ставь аквариум.

В комнате произошло мгновенное помутнение воздуха, шум, будто от пролетевшей мимо большой птицы, и тут же на окне возник целый, небитый, полный воды аквариум.

— Идет,— сказал старик.— Нормально.

— Два желания осталось,— сказала рыбка.

— Тогда мне этот аквариум мал. Приказать, что ли, новый изобразить? Столитровый, с водорослями, а?

Старуха подошла между тем к старику, все еще находясь в состоянии смятения. Теперь же к смятению прибавился новый страх — старик легкомысленный, истратит все желания рыбки, а что, если врет она? Если она такая единственная?

— Стой! — сказала она старику.— Ты сначала других испытай. Других рыбок. Они и в малом аквариуме проживут. Ей же аквариумы строить плевое дело. Нам новый дом с палисадником куда нужнее.

— Ага,— сказал старик.— Это дело, доставай деньги из шкафа, ведро неси. Пока я буду в отлучке, глаз с нее не спускай.

— Так большой аквариум делать или как? — спросила рыбка без особой надежды.

— И не мечтай! — озлился старик.— Хитра больно. В коллективе работать будешь. У меня желаний много — не смотри, что пожилой человек.

Ксения Удалова, соседка сверху, зашла за пять минут до этих слов к Ложкиным за солью. Соль вышла вся. Дверь открыта, соседи — свои люди, чего ж не зайти. И, незамеченная, весь этот разговор услышала. Старики к ней стояли спиной, а рыбка если ее и заметила, то виду не подала. Ксения Удалова, жена начальника ремстройконторы, отличалась живым умом и ничему не удивлялась. Как тихо вошла, так тихо и ушла, подсчитала, что Ложкиным время понадобится, чтобы ведро с водой взять, деньги достать, выбежала на двор, где Корнелий Удалов, ее муж, по случаю субботы играл в домино под желтеющей липой, и крикнула ему командирским голосом:

— Корнелий, ко мне!

— Прости,— сказал Корнелий напарнику.— Отзывают.

— Это конечно,— сказал напарник.— Ты побыстрей только.

— Я сейчас!

Ксения Удалова протянула мужу плохо отмытую банку с наклейкой «Баклажаны», пятерку денег и сказала громким шепотом:

— Беги со всех ног в зоомагазин, покупай двух золотых рыбок!

— Кого покупать? — переспросил Корнелий, послушно беря банку.

— Золотых рыбок. И бери покрупнее.

— Зачем?

— Не спрашивать! Бегом — одна нога здесь, другая там, никому ни слова. Воду не расплескай! Ну! А я их задержу.

— Кого?

— Ложкиных.

— Ксаночка, я ровным счетом ничего не понимаю,— сказал Корнелий, и его носик-пуговка сразу вспотел.

— Потом поймешь!

Ксения услышала шаги внутри дома и метнулась туда.

— Куда это тебя? — спросил Саша Грубин, сосед.— Проводить, дружище?

— Проводи,— ответил Удалов все еще в смятении.— Проводи до зоомагазина. Золотых рыбок пойду покупать.

— Быть того не может,— сказал Погосян, партнер по домино.— Твоя Ксения в жизни ничего подобного не совершала. Если только пожарить.

— А ведь и вправду, может, пожарить,— несколько успокоился Удалов.— Пошли.

Они покинули с Грубиным двор, а игроки весело рассмеялись, потому что хорошо знали и Ксению, и мужа ее Корнелия.

Не успели шаги друзей затихнуть в переулке, как в дверях дома вновь показалась Ксения Удалова. Выходила она из них спиной вперед, объемистая спина колыхалась, выдерживала большой напор. И уже видно было, что напор этот производят супруги Ложкины. Ложкин тащил ведро с водой, а старуха помогала ему толкать Ксению.

— И куда это вы так спешите, соседи дорогие? — распевала, ворковала Ксения.

— Пусти,— настаивал старик.— По воду иду.

— По какую же по воду, когда дома водопровод есть?

— Пусти,— кричал старик.— За квасом иду.

— С полным-то ведром? А я хотела у вас соли одолжить.

— И одалживай, меня только пропусти.

— А уж не в зоомагазин ли спешите? — спросила ехидно Ксения.

— Хоть и в зоомагазин,— ответила старуха.— Только нет у тебя права нас задерживать.

— Откуда знаешь? — возмутился старик.— Откуда знаешь? Подслушивала?

— А что подслушивала? Чего подслушивать?

Старик извернулся, чуть не сшиб Ксению и бросился к воротам. Старуха повисла на Удаловой, чтобы остановить ее, метнувшуюся было вслед.

— Ой-ой,— сказал Погосян.— Он тоже за золотой рыбкой побежал. Зачем побежал?

— Жили без золотых рыбок,— ответил ему Кац,— и проживем, мешай кости.

— Ой-ой,— сказал Погосян.— Ксения Удалова настолько хитрая баба, что ужас иногда берет. Смотри-ка, тоже побежала. И старуха Ложкина за ней. Играйте без меня. Я, пожалуй, понимаешь, пойду по городу погуляю.

— Валентин,— сказала Кацу жена со второго этажа. Она все слышала.— Валентин, у тебя есть деньги? Дойди до зоомагазина и посмотри, что дают.

Через полторы минуты соседи бежали по Пушкинской улице к зоомагазину, кто с банками, кто с бутылками, кто с пластиковыми пакетами, кто просто так, полюбопытствовать.

Когда первые из них подбежали к магазину, перед дверью с надписью «Поступили в продажу золотые рыбки» стояла толпа.

Город Великий Гусляр невелик, и жизнь в нем движется по привычным и установившимся путям. Люди ходят в кино, на работу, в техникум, в библиотеку, и в том нет ничего удивительного. Но стоит случиться чему-то необычайному, как по городу прокатывается волна тревоги и возбуждения. Совсем как в муравейнике, где вести проносятся по всем ходам за долю секунды, потому что у муравьев есть на этот счет шестое чувство. Великий Гусляр тоже пронизан шестым чувством. Шестое чувство привело многочисленных любопытных поглядеть на золотых рыбок. Шестое же чувство разрешило их сомнения — покупать или не покупать. Покупать — поняли граждане Гусляра в тот момент, когда в магазин влетели, не совсем еще понимая, зачем они это делают, Удалов с Грубиным, и Удалов, запыхавшись, сунул Зиночке пять рублей и сказал:

— Две рыбки, золотые, заверните, пожалуйста. На уху.

— Это вы, Корнелий Иванович? — удивилась Зиночка, которая жила на той же улице, что и Удалов.— Их есть нельзя.

— Зиночка, не продавай им рыбок,— сказал из-за аквариума инвалид Эрик, который никак не мог собраться с силами, чтобы покинуть магазин.

— Молодой человек,— прервал его Грубин.— Только из уважения к вашему героическому прошлому я воздерживаюсь от ответа. Зиночка, вот банка, кладите товар.

У Зиночки на глазах были слезы. Она взяла сачок и сунула его в аквариум. Рыбки бросились от него врассыпную.

— Тоже понимают,— сказал кто-то.

В дверях возникло шевеление — старик Ложкин пытался с ведром пробиться поближе к прилавку.

— Вы не церемоньтесь с ними,— сказал Удалов.— Все равно поджарим.

— Мне дайте, мне,— кричал от двери Ложкин.— Я любитель. Я их жарить не буду!

В общем шуме потонули отдельные возгласы. К Зиночке тянулись руки с зажатыми рублями, и, желая оградить ее от мятежа, Эрик приподнял костыль, стукнул им о пол и крикнул:

— Тишина! Соблюдайте порядок!

И наступила тишина.

И в этой тишине все услышали, что рыбка, высунувшая голову из аквариума, сказала:

— Это совершенное безумие нас жарить. Все равно что уничтожить куриц, несущих золотые яйца. Мы будем жаловаться.

Тишина завладела магазином.

Вторая рыбка подплыла к первой и сказала:

— Мы должны получить гарантии.

— Какие? — спросил Грубин тонким голосом.

— Три желания на каждую. И ни слова больше. Потом — на свободу.— Наступила пауза.

Возникло медленное движение к прилавку, ибо любопытство — сильное чувство, и желание посмотреть на говорящих рыбок влекло людей как магнит.

Через пять минут все было окончено. В пустом магазине на пустом прилавке стоял пустой аквариум. Вода в нем еще покачивалась. Зиночка тихо плакала,

пересчитывая выручку. Эрик все так же стоял в углу и потирал здоровой рукой помятый бок. Потом нагнулся, поднял с пола почти не пострадавший букетик цветов и вновь положил на прилавок.

— Не расстраивайтесь, Зиночка,— сказал Эрик.— Может, в следующем квартале снова пришлют. Я только жалею, что мне не досталось. Я бы вам свою отдал.

— Я не об этом,— сказала Зиночка.— Какая-то жадность в людях проснулась. Даже стыдно. И старик Ложкин кричит — мне десять штук, и вообще.

— Я очень жалею, что не смог для вас взять,— сказал Эрик.— До свиданья.

Он ушел. Вера Яковлевна, дожидавшаяся, пока никого в магазине не останется, подошла к Зиночке, держа в руке вазу с цветами. Там плавали две рыбки.

— Я все-таки купила,— сказала она.— Ты ведь и не заметила. Я поняла, что, если стоять и ждать, пока это столпотворение продолжается, ничего не достанется. Ведь ты не догадалась хотя бы две-три штуки отложить.

— Куда там,— сказала Зиночка.— Я очень рада, что вы успели. А я и не заметила. Такая свалка — я только деньги принимала и рыбок вылавливала.

— Одна твоя,— сказала Вера Яковлевна.— Деньги мне с получки отдашь.

— Не надо мне,— сказала Зиночка.— Я и права не имею взять.

— Тогда я тебе дарю. На день рождения. И не сходи с ума. Кто от счастья отказывается? У тебя даже шубки нет, а зима на носу.

— Нет, нет, ни за что! — сказала Зиночка и заплакала еще горше.

— Чего уж там,— сказала из вазы рыбка.— Все равно одному человеку больше трех желаний нельзя загадать. Хоть бы у него сто рыбок было. А шубу тебе надо — я сделаю. Ты какую хочешь, норковую или каракуль?

— Вот и отлично,— сказала Вера Яковлевна.— Где сачок? Мы ее тебе пересадим. Я очень рада.

— Ну как же можно,— сопротивлялась Зиночка.

В дверь заглянула незнакомая женщина и спросила:

— Рыбки еще остались?

— Кончились,— сказала Вера Яковлевна, при-

крывая рукой вазу.— Теперь все будут приходить. Закроем магазин? Все равно, какая сегодня торговля?

— Я должна в область, в управление торговли отчет написать,— сказала Зиночка.— Я очень боюсь, что нам товар по ошибке отгрузили.

— Вот и напишешь дома. Пошли.

Зиночка послушалась. Сняла объявление с двери, заперла ее, спрятала выручку. Вера Яковлевна отсадила рыбку для Зиночки. Продавщицы вышли из магазина через заднюю дверь.

— А ты хоть помнишь кого-нибудь, кто рыбок покупал? — спросила Вера Яковлевна.

— Мало кого помню. Ну, сначала, еще до всей этой истории, Ложкин был. И кружок юннатов из средней школы. Потом снова Ложкин. И Савич. И этот длинный из горздрава, и Удалов с Грубиным по штуке. А остальных разве припомнишь?

— Боюсь,— сказала на это Вера Яковлевна.— Боюсь, что поздно гадать — результаты скоро будут налицо.

— То есть как так?

— Ты думаешь, желания какие будут?

— Не знаю. Разные. Ну, может, денег попросят...

— Денег нельзя. Только ограниченные суммы,— сказала рыбка.

— Ой! — вскрикнула Зиночка.

Они вышли в переулок, утром еще пыльный и неровный. Переулок был покрыт сверкающим ровным бетоном. Бетон расстилался во всю его ширину, лишь по обочинам на месте бывших канав тянулись аккуратные полосы тротуара. Заборы вдоль переулка были выкрашены в приятный глазу зеленый цвет, а в палисадниках благоухали герани.

— Ничего особенного,— сказала Вера Яковлевна, морально готовая к чудесам.— Наверно, кто-то из горсовета рыбку купил.

— Что же будет...— сказала Зиночка, осторожно вступая на тротуар.

— Я так полагаю,— ответила Вера Яковлевна, по-солдатски печатая шаг по асфальту.— Я так полагаю, что надо получить отдельную квартиру. Впрочем, ты, рыбка, не спеши, я еще подумаю...

Дома Зиночка достала большую банку. Выплеснула туда рыбку из шкатулки и понесла на кухню, чтобы долить водой.

— Сейчас будет тебе чистая вода,— сказала она.— Потерпи минутку.

Зиночка открыла кран, и прозрачная жидкость хлынула в банку.

— Стой! — крикнула рыбка.— Стой, ты с ума сошла! Ты меня погубить хочешь? Закрой кран! Вынь меня сейчас же! Ой-ой-ой!

Зиночка испугалась, выхватила рыбку, сжала в кулаке...

По кухне распространялся волнами едкий запах водки.

— Что такое? — удивилась Зиночка.— Что случилось?

— Воды! — прошептала рыбка.— Воды... умираю...

Зиночка метнулась по кухне, нашла чайник. На счастье, в нем была вода. Рыбка ожила. Струйка водки все текла из крана, дурманом заполняя кухню.

— Откуда же водка? — поразилась Зиночка.

— Понимать надо,— сказала рыбка.— Какой-то идиот проверить захотел — приказал, чтобы вместо воды в водопроводах водка текла. Видно, на молодую рыбку попал, на неопытную. Я бы на ее месте отказалась. Категорически. Водка попадает в трубы канализации. Оттуда, возможно, в водоемы,— так всю живность перевести можно. Вот что, Зиночка, у меня к тебе личная просьба. Преврати водку в воду. Используй желание. Мы тебе за это уникальную шубу придумаем.

— Мне уникальной не нужно,— сказала Зиночка.— На что мне уникальная. Я бы очень хотела дубленку. Болгарскую. У моей тетки в Вологде такая есть.

— Значит, тратим сразу два желания, да?

— Тратим,— сказала Зиночка и немного пожалела, что останется лишь одно.

Шуба материализовалась на спинке стула. Шуба была светло-коричневого, нежного теплого цвета. Ее украшал меховой белый воротник.

— Прости, но я ее подбила норкой,— сказала рыбка.— Приятно услужить хорошему человеку. Третье желание будем сейчас делать или подождем?

— Можно подождать немного? — попросила Зиночка.— Я подумаю.

— Думай, думай. Пообедай пока. И мне крошек насыпь. Ведь я как-никак живое существо.

— Простите, ради бога,— сказала Зиночка.— Я совсем забыла.

...Удалов с Ложкиным вместе вошли в дом. Грубин во дворе задержался, чтобы поделиться впечатлениями с соседями.

Удалов с Ложкиным по лестнице подымались вместе, были недовольны друг другом. Удалов укорял Ложкина:

— Хотели по секрету все сделать? Все себе?

Ложкин не отвечал.

— Чтобы, значит, весь город, как раньше, один вы будете жить, как миллионер Рокфеллер? Стыдно.

— А твоя жена шпионила,— сказал Ложкин резко и юркнул в дверь, за которой уже стояла, приложив к ней ухо, его супруга.

Удалов хотел было ответить нечто обидное, но и его жена выбежала из комнаты, выхватила из рук банку и огорчилась:

— Почему только одна? Я же на две деньги давала.

— Вторую Грубин взял,— ответил Удалов.— Мы с ним вместе ходили.

— Сам бы покупал себе,— обиделась Ксения.— У тебя же дети. А он холостой.

— Ну ладно уж,— сказал Удалов.— Тебе что, трех желаний не хватит?

— Было бы шесть. У Ложкиных-то шесть.

— Не огорчайтесь, гражданка,— сказала золотая рыбка.— Больше трех все равно нельзя, сколько бы рыбок ни было.

— На человека?

— На человека, или на семью, или на коллектив — все равно.

— Так, значит, Ложкин зря за второй рыбкой бегал? Зря хотел десяток купить?

— Зря,— сказала рыбка.— Вы не могли бы поспешить с желаниями? И отпустили бы меня подобру-поздорову.

— Потерпишь,— решительно сказала Ксения.— А ты, Корнелий, иди, руки мой и обедать садись. Все остыло.

Корнелий подчинился, хотя и опасался, что жена в его отсутствие загадает всякую чепуху.

У умывальника Удалова ждал приятный сюрприз. Кто-то догадался заменить воду в водопроводе водкой. Удалов не стал подымать шума. Умылся водкой, хоть и щипало глаза, потом напился из ладошек, без закуски, и еще налил полную кастрюлю.

— Ты куда пропал? — нетерпеливо крикнула жена из комнаты.

— Сейчас,— сказал Удалов, язык которого уже чуть заплетался.

На кухню, полотенце через плечо, пришел Ложкин. Смотрел волком. Потянул носом и зыркнул глазом на кастрюлю с водкой. Удалов прижал кастрюлю к животу и быстро ушел в комнату.

— Вот,— сказал он жене.— Готовь закуску. Не мое желание, чужое.

Ксения сразу поняла, разлила по пустым бутылям и закупорила.

— Какой человек! Какая государственная голова! — хвалил неизвестного доброжелателя Удалов.— Нет, чтобы себе только заказать. Всему городу. То-то Ложкин удивится, на меня подумает!

— А вдруг он сам!

— Никогда. Он эгоист.

— А если он на тебя подумает и сообщит кому следует, что отравляешь воду в городе,— по головке не погладят.

— А ты думаешь, что те, кому следует, не употребляют?

Со двора грянула песня.

— Вот,— сказал Удалов.— Слышишь? Народ уже отдыхает.

А Ложкин тем временем принялся умываться водкой, удивился, отплевался, потом сообразил, в чем дело, побежал с женой советоваться, а когда та пришла с посудой, вместо водки текла уже вода — результат Зиночкиного пожелания. Старуха изругала Ложкина за неповоротливость, и они стали думать, как им использовать пять желаний — два от первой рыбки да три от второй.

Грубин основное желание выполнил тут же, во дворе.

— Мне,— сказал он в присутствии многочисленных свидетелей,— желательно от тебя, золотая рыбка, получить бразильского попугая ара, который может научиться человеческой речи.

— Это несложно,— сказала рыбка.— Я сама обладаю человеческой речью.

— Согласен,— сказал Грубин, поставил банку с рыбкой на скамейку, вынул гребешок и пригладил в ожидании торжественного момента густые, непослушные вихры.— Чего же ты мешкаешь?

— Одну минутку,— сказала золотая рыбка.— Из Бразилии путь долог... Три, четыре, пять.

Роскошный, громадный, многоцветный, гордый попугай ара сидел на ветке дерева над головой Грубина и, чуть склонив набок голову, смотрел на собравшихся внизу обитателей двора.

Грубин задрал голову и сказал:

— Цып-цып, иди сюда, дорогая птица.

Попугай раздумывал, спуститься или нет к протянутой руке Грубина, и в этот момент во двор вышли, обнявшись и распевая громкую песню, Погосян с Кацем, также обладатели золотых рыбок. Как потом выяснилось, именно они независимо друг от друга превратили всю питьевую воду в городе в водку и, довольные результатами опыта и сходством желаний, шли теперь к людям возвестить о начале новой эры.

— Каррамба! — сказал попугай, тяжело снялся с ветки дерева и взлетел выше крыш. Там он сделал круг, распугивая ворон, и крылья его переливались радугой.

— Каррамба! — крикнул он снова и взял курс на запад, в родную Бразилию.

— Верни его! — крикнул Грубин.— Верни его немедленно!

— Это второе желание? — спросила ехидно рыбка.

— Первое! Ты же его не выполнила!

— Ты заказывал попугая, товарищ Грубин?

— Заказывал. Так где же он, золотая рыбка?

— Улетел.

— Вот я и говорю.

— Но он был.

— И улетел. Почему не в клетке?

— Потому что ты товарищ Грубин, клетку не заказывал.

Грубин задумался. Он был человеком в принципе справедливым. Рыбка была права. Клетки он не заказывал.

— Хорошо,— сказал он. Попугая ему очень хотелось.— Пусть будет попугай ара в клетке.

Так Грубин истратил второе желание и потому, взяв клетку в одну руку, банку с рыбкой в другую, пошел к дому. И тут-то во двор вошел инвалид Эрик.

Эрик обошел уже полгорода. Он искал рыбку для Зиночки, не подозревая, что та получила ее в подарок от Веры Яковлевны.

— Здравствуйте,— сказал он.— Нет ли у кого-нибудь лишней золотой рыбки?

Грубин сгорбился и тихо пошел к двери со своей ношей. У него оставалось всего одно желание и множество потребностей. Погосян помог Кацу повернуть обратно к двери. У них рыбки были также частично использованы. Окна в комнатах Удалова и Ложкина захлопнулись.

— Я не для себя! — крикнул в пустоту Эрик.

Никто не ответил.

Эрик поправил пустой рукав и поплелся, хромая, со двора.

— Нам необходимо тщательно продумать, что будем просить,— говорила в это время Ксения Удалова мужу.

— Мне велосипед надо,— сказал их сын Максимка.

— Молчать! — повторила Ксения.— Иди погуляй. Без тебя найдем, чего пожелать.

— Вы бы там поскорее,— сказала золотая рыбка.— К вечеру нам бы хотелось в реке уже быть. До холодов нужно попасть в Саргассово море.

— Смотри-ка,— сказал Удалов.— Тоже ведь на родину тянутся.

— Икру метать,— объяснила рыбка.

— Хочу велосипед,— крикнул со двора Максимка.

— Ну, угодили бы парнишке, в самом деле хочет велосипед,— сказала рыбка.

— А может, и в самом деле? — сказал Удалов.

— Я больше не могу,— возмутилась Ксения.— Все подсказывают, все мешают, все чего-то требуют...

Грубин поставил клетку с попугаем на стол и залюбовался птицей.

— Ты чудо,— сказал он ей.

Попугай не ответил.

— Так он что, не умеет, что ли? — спросил Грубин.

— Не умеет,— ответила рыбка.

— Так чего же? Ведь вроде только что «карамба» говорил.

— Это другой был, ручной, из бразильской состоятельной семьи. А второго пришлось дикого брать.

— И чего же делать?

— Хочешь — третье желание загадай. Я его мигом обучу.

— Да? — Грубин подумал немного.— Нет уж. Сам обучу.

— Может, ты прав,— согласилась рыбка.— И что же дальше делать будем? Хочешь электронный микроскоп?

...Первым своим желанием члены биологического кружка первой средней школы — коллективный владелец одной из рыбок — создали на заднем дворе школы зоопарк с тигрятами, моржом и множеством кроликов. Вторым желанием сделали так, чтобы им целую неделю не задавали ничего на дом. С третьим желанием вышла заминка, споры и сильный шум. Споры затянулись почти до вечера.

Провизор Савич дошел до самого своего дома, перебирая в мыслях множество вариантов. У самых ворот его догнал незнакомый человек в большой плоской кепке.

— Послушай,— сказал ему человек.— Ты десять тысяч хочешь?

— Почему? — спросил Савич.

— Десять тысяч даю — рыбка моя, деньги твои. Мне, понимаешь, не досталось. На базаре стоял, фруктами торговал, опоздал.

— А зачем вам рыбка? — спросил провизор.

— Не твое дело. Хочешь деньги? Сегодня же телеграфом.

— Так вы объясните, в конце концов,— повторил Савич,— зачем вам рыбка? Ведь я тоже, наверно, могу с ее помощью получить много денег.

— Нет,— сказал человек в кепке.— Рыбка много денег не может.

— Он прав,— сказала рыбка.— Много денег я не могу сделать.

— Пятнадцать тысяч,— сказал человек в кепке и протянул руку к банке с рыбкой.— Больше никто не даст.

— Нет,— сказал Савич твердо.

Человек шел за ним, тянул руку и набавлял по тысяче. Когда он добрался до двадцати, Савич совсем озлился.

— Это безобразие! — сказал он.— Я иду домой, никому не мешаю. Ко мне пристают, предлагают какую-то сомнительную сделку. Рыбка-то стоит два рубля сорок копеек.

— Я тебе и два рубля тоже дам,— обрадовался человек в кепке.— И еще двадцать тысяч дам. Двадцать одну!

— Так скажите, зачем вам?

Человек в кепке приблизил губы к уху Савича и сказал:

— Машину «Волга» покупать буду.

— Так и покупайте, если у вас столько денег.

— Нетрудовые доходы,— признался человек в кепке.— А так фининспектор придет, я ему рыбку покажу — вот, пожалуйста. Вы только мне квитанцию дайте, расписку, что два сорок уплатил.

— Уходите немедленно! — возмутился Савич.— Вы жулик!

— Зачем так грубо? Двадцать три тысячи даю. Хорошие деньги. Голый по миру пойду.

— Гони его,— сказала рыбка.— Он мне тоже неприятен.

— Вот видите,— сказал Савич.

— Двадцать четыре тысячи!

— Вот что,— сказал Савич.— Чтобы этот человек немедленно улетел отсюда к себе домой. Чтобы и следа его не было. Я больше не могу.

— Исполнять? — спросила рыбка.

— Немедленно!

И человек закрутился в смерчике и пропал. Лишь кепка осталась на мостовой.

— Спасибо,— сказал Савич рыбке.— Вы не представляете, как он мне надоел. Теперь пойдемте ко мне домой, и мы с честью используем оставшиеся желания.

В тот день в городе произошло еще много чудес. Некоторые из них остались достоянием частных лиц и их семей, некоторые стали известны всему Велико-

му Гусляру. Тут и детский зоопарк, который поныне одна из достопримечательностей города, и история с водкой в водопроводе, и замощенный переулок, и появление в универмаге большого количества французских духов, загадочное и необъясненное, и грузовик, полный белых грибов, виденный многими у дома Сенькиных, и даже типун на языке одной скандальной особы, три свадьбы, неожиданные для окружающих, и еще, и еще, и еще...

К вечеру, к сроку, когда рыбок надо было нести к реке, большинство желаний было исчерпано.

По Пушкинской, по направлению к набережной, двигался народ. Это были и владельцы рыбок, и просто любопытные.

Шли Удаловы всем семейством. Впереди Максим на велосипеде. За ним остальная семья. Ксения сжимала в руке тряпочку, которой незадолго перед тем стирала пыль с нового рояля фирмы «Беккер».

Шел Грубин. Нес не только банку с рыбкой, но и клетку с попугаем. Хотел, чтобы все видели — мечта его сбылась.

Шли Ложкины. Был старик в новом костюме из шевиота, и еще восемь неплохих костюмов осталось в шкафу.

Шли, обнявшись, Погосян с Кацем. Несли вдвоем бутыль. Чтобы не оставлять на завтра.

Шла Зиночка в шубке.

Ехал Савич, с женой, в новых «Жигулях»...

Остановились на берегу.

— Минутку,— сказала одна из золотых рыбок.— Мы благодарны вам, обитатели этого чудесного города. Желания ваши, хоть и были зачастую скороспелы, порадовали нас разнообразием.

— Не все,— возразили ей рыбки из банки Погосяна — Каца.

— Не все,— согласилась рыбка.— Завтра многие из вас начнут мучиться. Корить себя за то, что не потребовали золотых чертогов. Не надо. Мы говорим вам: завтра никто не почувствует разочарования. Так мы хотим, и это наше коллективное рыбье желание. Понятно?

— Понятно,— ответили жители города.

— Дурраки,— сказал попугай ара, который оказался способным к обучению и уже знал несколько слов.

— Теперь нас можно отпускать в воду,— сказала рыбка.

— Стойте! — раздался крик сверху.

Все обернулись в сторону города и оцепенели от ужаса. Ибо зрелище, представшее глазам, было необычайно и трагично.

К берегу бежал человек о десяти ногах, о множестве рук, и он махал всеми этими руками одновременно.

И когда человек подбежал ближе, его узнали.

— Эрик! — сказал кто-то.

— Эрик,— повторяли люди, расступаясь.

— Что со мной случилось? — кричал Эрик.— Что со мной случилось? Кто виноват? Зачем это?

Лицо его было чистым, без следов ожога, волосы встрепаны.

— Я по городу бегал, рыбку просил,— продолжал страшный Эрик, жестикулируя двадцатью руками, из которых одна была слева, а остальные справа.— Я отдохнуть прилег, а проснулся — и вот что со мной случилось!

— Ой,— сказала Зиночка.— Я во всем виновата. Что я наделала. Но я хотела как лучше, а загадала, чтобы у Эрика новая рука была, чтобы новая нога стала и лицо вылечилось. Я думала, как лучше — ведь у меня желание оставалось.

— Я виноват,— сказал Ложкин.— Я подумал — зря человека обижаем. Я ему тоже руку пожелал.

— И я,— сказал Грубин.

— И я,— сказал Савич.

И всего в этом созналось восемнадцать человек.

В наступившей тишине кто-то нервно хихикнул. И Савич спросил свою рыбку:

— Вы нам помочь не можете?

— Нет, к сожалению,— ответила рыбка.— Все желания исчерпаны. Придется его в Москву везти, ампутировать лишние конечности.

— Да, история,— сказал Грубин.— В общем, если нужно, то берите обратно моего чертова попугая.

— Дуррак,— сказал попугай.

— Не поможет,— сказала рыбка.— Обратной силы желания не имеют.

И тут на сцене появились юннаты из первой средней школы.

— Кому нужно лишнее желание? — спросил

один из них.— Мы два использовали, а на одном не сговорились.

Тут дети увидели Эрика и испугались.

— Не бойтесь, дети,— сказала им золотая рыбка.— Если вы не возражаете, мы приведем в человеческий вид пожарника Эрика.

— Мы не возражаем,— сказали юннаты.

— А вы, жители города?

— Нет,— ответили люди рыбкам.

В тот же момент произошло помутнение воздуха, и Эрик вернулся в свое естественное, здоровое состояние. И оказался, кстати, вполне красивым и привлекательным парнем.

— Оп-ля! — сказали хором рыбки, выпрыгнули из банок, аквариумов и прочей посуды и золотыми молниями сиганули в реку.

И исчезли.

Они очень спешили в Саргассово море метать икру.

ЛЕНЕЧКА-ЛЕОНАРДО

— Ты чего так поздно? Опять у Щеглов была?

Всем своим видом Ложкин изображал покинутого, голодного, неухоженного мужа.

— Что ж поделаешь,— вздохнула его жена, спеша на кухню поставить чайник.— Надо помочь. Больше у них родственников нету. А сегодня — профсоюзное собрание. Боря — член месткома, а Клара в кассе взаимопомощи. Кому с Ленечкой сидеть?

— И все, конечно, тебе. В конце концов родили ребенка, должны были осознавать ответственность.

— Ты чего пирожки не ел? Я тебе на буфете оставила.

— Не хотелось.

Жена Ложкина быстро собирала на стол, разговаривала оживленно, чувствовала вину перед мужем, которого бросила ради чужого ребенка.

— А Ленечка такой веселенький. Такой милый, улыбается. Садись за стол, все готово. Сегодня увидел меня и лепечет: «Баба, баба!»

— Сколько ему?

— Третий месяц пошел.

— Преувеличиваешь. В три месяца они еще не разговаривают.

— Я и сама удивилась. Говорю Кларе: «Слышишь?», а Клара не слышала.

— Ну вот, не слышала...

— Возьми пирожок, ты любишь с капустой. А он вообще мальчик очень продвинутый. Мать сегодня в спешке кофту наизнанку надела, а он мне подмигнул — разве не смешно, тетя Даша?

— Воображение,— сказал Ложкин.— Пустое женское воображение.

— Не веришь? Пойди погляди. Всего два квартала до этого чуда природы.

— И пойду,— сказал Ложкин.— Завтра же пойду. Чтобы изгнать дурь из твоей головы.

В четверг Ложкин, сдержав слово, пошел к Щеглам. Щеглы, дальние родственники по материнской линии, как раз собирались в кино.

— Мы уж решили, что вы обманете,— с укором сказала Клара. Она умела и любила принимать одолжения.

— Сегодня Николай Иванович с Ленечкой посидит,— сказала баба Даша.— Мне по дому дел много.

— Не с Ленечкой, а с Леонардо,— поправил Борис Щегол, завязывая галстук.— А у вас, Николай Иванович, есть опыт общения с грудными детьми?

— Троим высшее образование дал,— сказал Ложкин.— Разлетелись мои птенцы.

— Высшее образование — не аргумент,— сказал Щегол.— Клара, помоги узел завязать. Высшее образование дает государство. Грудной ребенок — иная проблема. Почитайте книгу «Ваш ребенок», вон на полке стоит. Вы, наверно, ничего не слыхали о научном обращении с детьми.

Ложкин не слушал. Он смотрел на ребенка, лежавшего в кроватке. Ребенок осмысленно разглядывал погремушку, крутил в руках, думал.

— Агу,— сказал Ложкин,— агусеньки.

— Агу,— откликнулся ребенок, как бы отвечая на приветствие.

— Боря, осталось десять минут,— сказала Клара.— Где сахарная водичка, найдете? Пеленки в комоде на верхней полке.

Николай Иванович остался с ребенком один на один. Он постоял у постельки, любуясь мальчиком, потом, неожиданно для самого себя, спросил:

— Тебе почитать чего-нибудь?

— Да,— сказал младенец.

— А что почитать-то?

— Селебряные коньки,— ответил Ленечка.— Баба читала.

Язык еще не полностью повиновался мальчику.

Ленечка-Леонардо протянул ручонку к шкафу, показывая, где стоит книжка.

— Может, про репку почитаем? — спросил Ложкин, но ребенок отрицательно подвигал головкой и отложил погремушку в сторону.

Ложкин читал книжку более часа, утомился, сам выпил всю сахарную водичку, а ребенок ни разу не намочил пеленок, не ныл, не спал, увлеченно слушал, лишь иногда прерывал чтение конкретными вопросами: «А что такое коньки? А что такое Амстелдам? А что такое опухоль головного мозга?»

Ложкин как мог удовлетворял любопытство младенца, все более попадая под очарование его открытой яркой личности.

К тому времени, когда родители вернулись из кино, дед с мальчиком подружились, на прощанье Леонардик махал деду ручкой и лепетал:

— Сколей плиходи, завтла плиходи, деда.

Родители не прислушивались к щебетанию крошки.

С этого дня Ложкин старался почаще подменять жену. Фактически превратился в сиделку у мальчика. Щеглы не возражали. Они были молодыми активными людьми, любили кататься на коньках и лыжах, ходить в туристские походы, посещать кино и общаться с друзьями.

Месяца через два Ленечка научился садиться в постельке, язык его слушался, запас слов значительно вырос. Ленечка не раз выражал деду сожаление, что неокрепшие ножки не позволяют ему выйти на улицу и побывать в интересующих его местах.

Порой Ложкин вывозил Ленечку в коляске, тот жадно крутил головкой по сторонам и непрестанно задавал вопросы: почему идет снег, что делает собачка у столба, почему у женщины усы не растут и так далее. Ложкин, как мог, удовлетворял его любопытство. Дома они вновь принимались за чтение или Ложкин рассказывал младенцу о своей долгой жизни, об

интересных людях, с которыми встречался, о редких местах и необычных профессиях.

Как-то Ленечка сказал деду:

— Попроси маму Клару, пусть резрешит мне учиться читать. Ведь шестой месяц уже пошел. Я полагаю, что в моем возрасте Лев Толстой не только читал, но и начал замышлять сюжет «Войны и мира».

— Сомневаюсь,— сказал Ложкин, имея в виду и Льва Толстого, и маму Клару.— Но попробую.

Он прошел на кухню, где Клара, только что вернувшись из гостей, готовила на утро сырники.

— Клара,— сказал он.— Что будем с Ленечкой делать?

— А что? Плохо себя чувствует? Лобик горячий?

Клара была неплохой матерью. Сына она любила, переживала за него, сама укачивала перед сном, что, правда, ребенку не нравилось, потому что отвлекало от серьезных мыслей.

— Лобик у него хороший,— сказал Ложкин.— Только мы с ним думали, не пора ли научиться читать. В его возрасте Лев Толстой, возможно, уже и писал.

— Что старый, что малый,— усмехнулась Клара.— Шли бы вы домой, дядя Коля. Завтра не придете? А то я должна на службе задержаться. Да, и зайдите с утра на питательный пункт, за молоком и кефиром.

Ребенка Клара не кормила, да Ленечка и не настаивал на этом. Ему было бы неловко кормиться таким первобытным образом.

Как-то Ленечку отнесли к врачу, сделать анализы и проверить здоровье. Все оказалось в порядке, Ленечка по совету Ложкина держал язык за зубами, но заинтересовался медициной — не него произвела впечатление обстановка в больнице и медицинская аппаратура.

— Знаешь, дедушка,— сказал он Ложкину по возвращении,— мне захотелось стать врачом. Это — благородная профессия. Я понимаю, что придется упорно учиться, но я к этому готов.

В последующие недели Ленечка все-таки научился читать, и Ложкин подарил ему электрический фонарик, чтобы читать под одеялом, когда родители уснут.

Возникает естественный вопрос: А как же родители? Неужели они были так слепы, что проглядели

то, что было очевидно приходящему старику, который повторял своей жене: «Я углядываю знак судьбы в том, что ребенка назвали Леонардо Борисовичем. Полтысячи лет Земля ждала своего следующего универсального гения. И вот дождалась». Нет, родители оставались в слепом убеждении, что произвели на свет обычного ребенка.

За примерами недалеко ходить. В день Ленечкиного девятимесячного юбилея Борис Щегол пришел к нему в комнату с новой погремушкой. Ленечка в этот момент сидел в кроватке и слушал, как Ложкин читает ему вслух «Опыты» Монтеня.

— Гляди, какая игрушечка,— сказал Борис. Он, как всегда, спешил и поэтому собирался тут же покинуть сына, но Леонардик сказал вслух:

— Любопытно, что эта игрушка напоминает мне пространственную модель Солнечной системы.

Борис возмутился:

— Дядя Коля, что за чепуху вы ребенку читаете? Как будто нет хороших детских книг. Про курочку и яичко, например, я сам покупал. Куда вы ее задевали?

Ложкин не ответил, потому что Ленечка из книжки про курочку делал бумажных голубей, чтобы выяснить принципы планирующего полета.

Борис Щегол отобрал «Опыты» Монтеня и унес книжку из комнаты.

Еще через несколько дней произошла сцена с участием Клары Щегол. Она принесла Ленечке тарелочку с протертым супом, и для того чтобы поставить ее, ей пришлось смахнуть со столика несколько свежих медицинских журналов и словарей.

— Вы о чем здесь бормочете? — спросила она миролюбиво у Ложкина.

— Шведским языком занимаемся,— откровенно ответил Николай Иванович.

— Ну ладно, бормочите,— сказала Клара.

Ленечка положил ручку на ладонь старику: не обращай, мол, внимания.

Тут же они услышали, как в соседней комнате Клара рассказывает приятельнице:

— Мой-то кроха, сейчас захожу в комнату, а он бормочет на птичьем языке.

— Он у тебя уже разговаривает?

— Скоро начнет. Он развитой. И что удивительно,

к нам один старичок ходит, по хозяйству помогает, так он этот птичий язык понимает.

— Старики часто впадают в детство.

Леонардик вздохнул и прошептал Ложкину:

— Не обижайся. В сущности, мои родители добрые, милые люди. Но как я порой от них устаю!

В комнату вошла Клара с приятельницей. Приятельница принялась ахать и повторять, какой крохотулечка и тютютенька этот ребенок и умоляла:

— Скажи — ма-ма.

— Мам-ма,— послушно ответил Ленечка.

— Пре-лестный младенец. И как на тебя похож!

Тут младенцу надоело и он обернулся к Ложкину:

— Продолжим наши занятия?

Женщины этих слов не слышали. Они уже говорили о своем.

Когда Ленечка научился ходить, они с Ложкиным устроили тайник под половицей, куда старик складывал новые книги. Леонардик как раз принялся за свою первую статью о причинах детского диатеза. Чтобы не смущать родителей,он продиктовал ее Ложкину, и тот послал статью в химический журнал.

Где-то к полутора годам Леня, неожиданно для Ложкина, начал охладевать к естественным наукам и принялся поглощать литературу на морально-этические темы. Его детское воображение поразил Фрейд.

— Что с тобой творится? — допытывался Ложкин.— Ты забываешь о своем предназначении,— стать новым Леонардо и обогатить человечество великими открытиями. Ты забыл, что ты — гомофутурис, человек будущего?

— Допускаю такую возможность,— печально согласился ребенок.— Но должен сказать, что я стою перед неразрешимой дилеммой. Помимо долга перед человечеством, у меня долг перед родителями. Я не хочу пугать их тем, что я — моральный урод. Их инстинкт самосохранения протестует против моей исключительности. Они хотят, чтобы все было как положено или немного лучше. Они хотели бы гордиться мною, но только в тех рамках, в которых это понятно их друзьям. И я, жалея их, вынужден таиться. С каждым днем все более.

— Поговорим с ними в открытую. Еще раз.

— Ничего не выйдет.

Когда на следующий день Ложкин пришел к Щеглам, держа под мышкой с трудом добытый томик Спинозы, он увидел, что мальчик сидит за столом рядом с отцом и учится читать по слогам.

— Ма-ма, Ма-ша, ка-шу...— покорно повторяет он.

— Какие успехи! — торжествовал Борис.— В два года начинает читать! Мне никто на работе не поверит!

И тут Ложкин не выдержал.

— Это не так! — воскликнул он.— Ваш ребенок тратит половину своей творческой энергии на то, чтобы показаться вам таким, каким вы хотели бы его увидеть. Он постепенно превращается из универсального гения в гения лицемерия.

— Дедушка, не надо! — в голосе Ленечки булькали слезы.

— Чтобы угодить вам, он забросил научную работу.

— Издеваешься, дядя Коля? — спросил Щегол.

— Неужели вы не замечаете, что дома лежат книги, в которых вы, Боря, не понимаете ни слова? Я напишу в Академию наук!

— Ах, напишешь? — Борис поднялся со стула.— Писать вы все умеете. А как позаботиться о ребенке — вас не дозовешься. Так вот, обойдемся мы без советчиков. Не дам тебе калечить ребенка!

— Он вундеркинд!

Ложкин схватился за сердце, и тогда Борис понял, что наговорил лишнего и сказал:

— И вообще не вмешивайтесь в нашу семейную жизнь. Леонардик обыкновенный ребенок, и я этим горжусь.

— Не вмешивайся, деда,— сказал Ленечка.— Ничего хорошего из этого не выйдет. Мы бессильны преодолеть инерцию родительских стереотипов.

— Но ведь вас тоже ждет слава,— прибегнул к последнему аргументу Ложкин.— Как родителей гения. Ну представьте, что вы родили чемпиона мира по фигурному катанию...

— Это другое дело,— сказал Борис.— Это всем ясно. Это бывает.

И тогда Ложкин догадался, что Щегол давно обо всем подозревает, но отметает подозрения.

— Мы сегодня выучили пять букв алфавита,—

вмешался в беседу Ленечка.— И у папы хорошее настроение. С точки зрения морали, мне это важнее, чем все возможные открытия в области прикладной химии или свободного полета.

— Боря, неужели вы не слышите, как он говорит? — спросил Ложкин.— Ну откуда младенцу знать о прикладной химии?

— От вас набрался,— отрезал Боря.— И забудет.

— Забуду, папочка,— пообещал Леонардик.

С тех пор прошло три года.

Скоро Леонардик пойдет в школу. Он научился сносно читать и пишет почти без ошибок. Ложкин к Щеглам не ходит. Один раз он встретил Ленечку на улице, ринулся было к нему, но мальчик остановил его движением руки.

— Не надо, дедушка,— сказал он.— Подождем до института.

— Ты в это веришь?

Ленечка пожал плечами.

Сзади, в десяти шагах, шла Клара, катила коляску, в которой лежала девочка месяцев трех от роду и тихо напевала: «Под крылом самолета...» Клара остановилась, улыбнулась, с умилением глядя на своего второго ребенка, вынула из-под подушечки соску и дала ее девочке.

РЕТРОГЕНЕТИКА

Славный майский день завершился небольшой образцово-показательной грозой с несколькими яркими молниями, жестяным нестрашным громом, пятиминутным ливнем и приятной свежестью в воздухе, напоенном запахом сирени. Районный центр Великий Гусляр нежился в этой свежести и запахах.

Пенсионер Николай Ложкин вышел на курчавый от молодой зелени, чистый и даже кокетливый по весне двор с большой книгой в руках. По двору гулял плотный лысый мужчина — профессор Лев Христофорович Минц, который приехал в тихий Гусляр для поправки здоровья, подорванного напряженной научной деятельностью.

Николай Ложкин любил побеседовать с профессором на умственные темы, даже порой поспорить, так как сам считал себя знатоком природы.

— Чем увлекаетесь? — спросил профессор.— Что за книгу вы так любовно прижимаете к груди?

— Увлекся антропологией,— сказал Ложкин.— Интересуюсь проблемой происхождения человека от обезьян.

— Ну и как, что-нибудь новенькое?

— Боюсь, что наука в тупике,— пожаловался Ложкин.— Сколько всего откопали, а до главного не докопались: как, где и когда обезьяна превратилась в человека.

— Да, момент этот уловить трудно,— согласился Лев Христофорович.— Может быть, его и не было?

— Должен быть,— убежденно сказал Ложкин.— Не могло не быть такого момента. Ведь что получается? Выкопают где-нибудь в Индонезии или в Африке отдельный доисторический зуб и гадают: человек его обронил или обезьяна. Один скажет — «человек». И назовет этого человека, скажем, древнеантропом. А другой поглядит на тот же зуб и отвечает: «Нет, это зуб обезьяний, и принадлежал он, конечно, древнепитеку». Казалось бы, какая разница,— никто не знает! А разница — в принципе!

Минц наклонил умную лысую голову, скрестил руки на тугом, обтянутом пиджаком животе и спросил строго:

— И что же вы предлагаете?

— Ума не приложу,— сознался Ложкин.— Надо бы туда заглянуть. Но как? Ведь путешествие во времени вроде бы невозможно.

— Совершенная чепуха,— ответил Минц.— Я пытался сконструировать машину времени, забрался во вчерашний день и там остался.

— Не может быть! — воскликнул Ложкин.— Так и не вернулись?

— Так и не вернулся,— сказал Минц.

— А как же я вас наблюдаю?

— Ошибка зрения. Что для вас сегодня, для меня вчерашний день,— загадочно ответил Минц.

— Значит, никакой надежды?

Профессор глубоко задумался и ничего не ответил.

Дня через три Минц встретил Ложкина на улице.

— Послушайте, Ложкин,— сказал он.— Я вам очень благодарен.

— За что? — удивился Ложкин.

— За грандиозную идею.

— Что же,— ответил Ложкин, который не страдал излишней скромностью.— Пользуйтесь, мне не жалко.

— Вы открыли новое направление в биологии!

— Какое же? — поинтересовался Ложкин.

— Вы открыли генетику наоборот.

— Поясните,— сказал Ложкин ученым голосом.

— Помните нашу беседу о недостающем звене, о происхождении человека?

— Как же не помнить?

— И ваше желание заглянуть во мглу веков, чтобы отыскать момент превращения обезьяны в человека?

— Помню.

— Тогда я задумался: что такое жизнь на Земле? И сам себе ответил: непрерывная цепь генетических изменений. Вот среди амеб появился счастливый мутант, он быстрее других плавал в первобытном океане или глотка у него была шире... От него пошло прожорливое и шустрое потомство. Встретился внук этой амебы с жуткой хищной амебихой — вот и еще шаг в эволюции. И так далее, вплоть до человека. Улавливаете связь времен?

— Улавливаю,— ответил Ложкин и добавил: — В беседе со мной нет нужды прибегать к упрощениям.

— Хорошо. Мы, люди, активно вмешиваемся в этот процесс. Мы подглядели, как это делает природа, и продолжаем за нее скрещивание, отбор, создаем новые сорта пшеницы и крупного рогатого скота. Иными словами, продолжаем эволюцию собственными руками.

— Продолжаем,— согласился Ложкин.— Хочу на досуге вывести быстрорастущий забор.

— Молодец. Всегда у вас свежая идея. Так вот, после беседы с вами я задумался, а всегда ли правильно мы следуем за природой? Природа слепа. Она знает лишь один путь — вперед, независимо от того, хорош он или плох.

— Путь вперед всегда прогрессивен,— заметил Ложкин.

— Тонкое наблюдение. А если нарушить порядок? Если все перевернуть? Вы сказали: как бы увидеть недостающее звено? Отвечаю — распутать цепь наследственности. Прокрутить эволюцию наоборот.

Углубляясь в историю, добраться до ее истоков.

— Нам и без этого дел хватает,— возразил Ложкин.

— А перспективы? — спросил профессор, наклонив голову и прищурившись.

— Это не перспективы, а ретроспективы,— сказал Ложкин.

— Великолепно! — воскликнул Минц.— Чем пользуется генетика? Скрещиванием и отбором. Нашу с вами новую науку мы назовем ретрогенетикой. Ретрогенетика будет пользоваться раскрещиванием, открещиванием и разбором. Генетика будет выводить новую породу овец, которой еще нет, а ретрогенетика — ту породу, которой уже нет. И ученым не надо будет копаться в земле. Заказал палеонтолог в лаборатории: выведите мне первого неандертальца, хочу поглядеть, как он выглядел. Ему отвечают: будет сделано.

— Слабое место,— заявил Ложкин.

— Слабое место? У меня?

— Ваш неандерталец жил миллион лет назад. Вы что же, собираетесь миллион лет ждать, пока его снова выведете?

— Слушайте, Ложкин. Если бы мы отдавались на милость природы, то сорта пшеницы, которые колосятся на колхозных полях, вывелись бы сами по себе через миллион лет. А может, и не вывелись бы, потому что природе они не нужны.

— Ну, не миллион лет, так тысячу,— не сдавался Ложкин.— Пока ваш неандерталец родится, да еще своих предков народит...

— Нет, нет и еще раз нет,— сказал профессор.— Зачем же нам реализовать все поколения? В каждой клетке закодирована ее история. Все будет, дорогой друг, на молекулярном уровне, как учит академик Энгельгардт.

— Ну ладно, выведете вы, что было раньше. А что дальше? Какая польза от этого народному хозяйству?

Ответ на свой вопрос Ложкин получил через три месяца, когда пожелтели липы в городском саду и дети вернулись из пионерских лагерей.

Лев Христофорович стоял у ворот и чего-то ждал, когда Ложкин, возвращаясь из магазина с кефиром, увидел его.

— Как успехи? — поинтересовался он.— Когда увидим живого неандертальца?

— Мы его не увидим,— отрезал профессор. Он осунулся за последние недели: видно, много было умственной работы.— Есть более важные проблемы.

— Какие же?

— Вы знакомы с Иваном Сидоровичем Хатой?

— Не приходилось,— сказал Ложкин.

— Достойный человек, заведующий фермой нашего пригородного хозяйства «Гуслярец». Зоотехник, смелый, рискованный. Большой души человек.

Тут в ворота въехал газик, из которого выскочил шустрый очкастый человечек большой души.

— Поехали? — спросил он, поздоровавшись.

— С нами Ложкин,— сказал Минц.— Представитель общественности. Пора общественность знакомить.

— Не рано ли? — спросил Хата.— Спугнут...

— Нам ли опасаться гласности? — спросил Минц.

После короткого путешествия «газик» достиг животноводческой фермы. Рядом с коровником стоял новый высокий сарай.

— Ну что же, заходите, только халат наденьте.

Хата выдал Ложкину и Минцу халаты и сам тоже облачился. Ложкин ощутил покалывание в желудке и приготовился увидеть что-нибудь необычное. Может, даже страшное. Но ничего страшного не увидел.

Под потолком горело несколько ярких ламп, освещая кучку мохнатых животных, жевавших сено в дальнем углу. Ложкин присмотрелся. Животные были странными, таких раньше ему видеть не приходилось. Они были покрыты длинной рыжей шерстью, носы у них были длинные, ноги толстые, как столбы. При виде вошедших людей животные перестали жевать и уставились на них маленькими черными глазками. И вдруг захрюкали, заревели и со всех ног бросились навстречу Хате и Минцу, чуть не сшибли их, ластились, неуклюже прыгали, а профессор начал доставать из карманов халата куски сахара и угощать животных.

— Что за звери? — спросил Ложкин, отошедший к стенке, подальше от суматохи.— Почему не знаю.

— Не догадались? — удивился Хата.— Мамонтята. Каждому ясно.

— Мне неясно,— сказал Ложкин, отступая перед мамонтенком, который тянул к нему недоразвитый хоботок, требуя угощения.— Где бивни, где хоботы? Почему мелкий размер?

— Все будет,— успокоил Ложкина Линц, оттаскивая мамонтенка за короткий хвостик, чтобы не приставал к гостю.— Все с возрастом отрастет. Ваше удивление мне понятно, потому что вам не приходилось еще сталкиваться с юными представителями этого славного рода.

— Я и со старыми не сталкивался,— сказал Ложкин.— И прожил, не жалуюсь. Откуда вы их откопали?

— Неужели не догадались? Они же выведены методом ретрогенетики — раскрещиванием и разбором. Из слона мы получили общего предка слонов и мамонтов — близкого к мастодонтам. Потом пошли обратно и вывели мамонта.

— Так быстро?

— На молекулярном уровне, Ложкин, на молекулярном уровне. Под электронным микроскопом. Методом раскрещивания, открещивания и разбора. И вы понимаете теперь, почему я отказался от соблазнительной идеи отыскать недостающее звено, а занялся мамонтами?

— Не понимаю,— сказал Ложкин.

— Вы, товарищ, видно, далеки от проблем животноводства,— вмешался Иван Хата.— Ни черта не понимаете, а критикуете. Нам мамонт совершенно необходим. Для нашей природной зоны.

— Жили без мамонта и прожили бы еще,— упорствовал Ложкин.

— Эх, товарищ Ложкин,— в голосе Хаты звучало сострадание.— Вы когда-нибудь думали, что мы имеем с мамонта?

— Не думал. Не было у меня мамонта.

— С мамонта мы имеем шерсть. С мамонта мы имеем питательное мясо, калорийное молоко и даже мамонтовую кость...

— Но главное,— воскликнул Минц,— бесстойловое содержание! Круглый год на открытом воздухе, ни тебе утепленных коровников, ни специальной пищи. А подумайте о труднодоступных районах Крайнего Севера — мамонт там незаменимое транспортное средство для геологов и изыскателей.

Прошло еще три месяца.

Однажды к дому № 16 по Пушкинской, где проживал Лев Христофорович, подъехала сизая «Волга», из которой вышел скромный на вид человек средних лет в дубленке. Он вынул изо рта трубку, поправил массивные очки, снисходительно оглядел непритязательный двор, и его взгляд остановился на Ксении Удаловой, которая развешивала белье:

— Скажите, гражданка, если меня не ввели в заблуждение...

— Вы корреспондент будете? — спросила Ксения.

— Вот именно. Из Москвы. А как вы догадались?

— А чего не догадаться,— ответила Ксения.— Восемнадцатый за неделю. Поднимитесь на второй этаж, дверь открыта. Лев Христофорович отдыхает.

Поднимаясь по скрипучей лестнице в скромную обитель великого профессора, журналист бормотал: «Шарлатанство. Ясно, шарлатанство. Вводят в заблуждение общественность...»

— Заходите,— откликнулся на стук профессор Минц. Он в тот момент отдыхал, а именно: читал «Химию и жизнь», слушал последние известия по радио, смотрел хоккей по телевизору, гладил брюки и думал.

— Из Москвы. Журналист,— сказал гость, протягивая удостоверение.— Это вы тут мамонтов разводите?

Журналист сказал это таким тоном, словно подразумевал: «Это вы водите за нос общественность?»

— И мамонтов,— скромно ответил профессор, прислушиваясь к сообщениям из Канберры и радуясь мастерству лучшего в сезоне хоккеиста.

— С помощью...— журналист извлек из замшевого кармана записную книжку,— ретро, простите, генетики?

Доверчивый Минц не уловил иронии в голосе журналиста.

— Именно так,— сказал он и набрал из стакана в рот воды, чтобы обрызгать брюки.

— И есть результаты?

Минц провел раскаленным утюгом по складке, поднялось облако пара.

— С этим надо что-то делать,— сказал Минц. Он имел в виду брюки и ситуацию в Австралии.

— И все-таки,— настаивал журналист.— Можно взглянуть на ваших мамонтов?

— А почему бы нет? Они в поле пасутся. Добывают корм из-под снега.

— Ясно. А еще каких-нибудь животных вы можете вывести?

— Будете проходить мимо речки,— сказал Минц,— поглядите в полынью. Там бронтозавры. Думаем потом отправить их в Среднюю Азию для расчистки ирригационных сооружений.

В этот момент в окно постучала длинным, усеянным острыми зубами клювом образина. Крылья у образины были перепончатые, как у летучей мыши. Образина гаркнула так, что зазвенели стекла и форточка сама собой открылась.

— Не может быть! — сказал журналист, отступая к стене.— Это что такое? Мамонт?

— Мамонт? Нет, это Фомка. Фомка-птеродактиль. Когда вырастет, размахнет свои крылья на восемь метров.

Минц отыскал под столом пакет с тресковым филе, подошел к форточке и бросил пакет в разинутый клюв образине. Птеродактиль подхватил пакет и заглотнул, не разворачивая.

— Зачем вам птеродактиль? — спросил журналист.— Только людей пугать.

Он был уже не так скептически настроен, как в первый момент.

— Как зачем? Птеродактили нам позарез нужны. Из их крыльев мы будем делать плащи-болоньи, парашюты, зонтики, наконец. К тому же научим их пасти овец и охранять стада от волков.

— От волков? Ну да, конечно...— Журналист прекратил расспросы и вскоре удалился.

«Возможно, это, до определенной степени, и не шарлатанство,— думал он, спускаясь по лестнице к своей машине,— но, по большому счету, это все-таки шарлатанство».

Весь день до обеда корреспондент ездил по городу, издали наблюдал за играми молодых мамонтов, недовольно морщился, когда на него падала тень пролетающего птеродактиля, и вздрагивал, заслышав рев пещерного медвежонка.

— Нет, не шарлатанство,— повторял он упрямо.— Но кое в чем хуже, чем шарлатанство.

Весной в журнале, где состоял тот корреспондент, появилась статья под суровым заглавием:

«ПЛОДЫ ЛЕГКОМЫСЛИЯ»

Нет смысла передавать опасения и измышления гостя. Он предупреждал, что новые звери нарушат и без того неустойчивый экологический баланс, что пещерные медведи и мамонты представляют опасность для детей и взрослых. А в заключение журналист развернул страшную картину перспектив ретрогенетики:

«Безответственность периферийного ученого и пошедших у него на поводу практических работников гуслярского животноводства заставляет меня бить тревогу. Эксперимент, не проверенный на мелких и безобидных тварях (жуках, кроликах и т. д.), наверняка приведет к плачевным результатам. Где гарантия тому, что мамонты не взбесятся и не потопчут зеленые насаждения? Что они не убегут в леса? Где гарантии тому, что бронтозавры не выползут на берег и не отправятся на поиски новых водоемов? Представьте себе этих рептилий, ползущих по улицам, сносящих столбы и киоски. Я убежден, что птеродактили, вместо того чтобы пасти овец и жертвовать крылья на изготовление зонтиков, начнут охотиться на домашнюю птицу, а может быть, на тех же овец. И все кончится тем, что на ликвидацию последствий непродуманного эксперимента придется мобилизовать трудящихся и тратить народные средства...»

Статья попалась на глаза профессору Минцу лишь летом. Читая ее, профессор лукаво улыбался, а потом захватил журнал с собой на открытие межрайонной выставки.

Центром выставки, как и следовало предполагать, был павильон «Ретрогенетика». Именно сюда спешили люди со всех сторон, из других городов, областей и государств.

Пробившись сквозь интернациональную толпу к павильону, Лев Христофорович оказался у вольеры, где гуляли мамонты.

Было жарко, поэтому мамонты были коротко

острижены и казались поджарыми, словно собаки породы эрдель-терьер. У некоторых уже прорезались бивни. Птеродактили сидели у них на спинах и выклевывали паразитов. В круглом бассейне посреди павильона плавали два бронтозавра. Время от времени они тяжело поднимались на задние лапы и, прижимая передние к блестящей груди, выпрашивали у зрителей плюшки. У кого из зрителей не было плюшки, кидали пятаки.

Здесь, между вольерой и бассейном, Минц увидел Ложкина и Хату и прочел друзьям скептическую статью.

Смеялись не только люди. Булькали от хохота бронтозавры, трубили мамонты, а один птеродактиль так расхохотался, что не мог закрыть пасть, пока не прибежал служитель и не стукнул весельчаку как следует деревянным молотком по нижней челюсти.

— Неужели,— сказал профессор, когда все отсмеялись,— этот наивный человек полагает, что мы стали бы выводить вымерших чудовищ, если бы не привили им генетически любви и уважения к человеку?

— Никогда,— отрезал старик Ложкин.— Ни в коем случае.

Птеродактиль, все еще вздрагивая от смеха, стуча когтями по полу, подошел к профессору, и тот угостил его конфетой. Маленькие дети по очереди катались верхом на мамонтах, подложив под попки подушечки, чтобы не колола остриженная жесткая шерсть, бронтозавры собирали со дна бассейна монетки и честно передавали их служителям. В стороне скулил пещерный медведь, потому что его с утра никто не приласкал.

...В тот день столичного журналиста, неудачливого пророка, до полусмерти искусала его домашняя сиамская кошка.

РОДИМЫЕ ПЯТНА

Беда случилась часов в шесть вечера, но сначала никто не сообразил, что же произошло.

Инопланетный корабль в лучах вечернего солнца казался облаком, лишенным четких форм, переливчатым и совершенно безопасным.

Он отделился от облачной гряды и медленно поплыл над лесом, снижаясь к окраине городка, где вдоль пыльных улиц выстроились за палисадниками одноэтажные домики.

Над последним, еще новым домом корабль-облако завис надолго, но это не вызвало ни в ком тревоги. Даже собака Тренога, существо на редкость злобное и сварливое, тявкнула раза два на облако, потом забралась в будку и задремала.

В тот момент в доме находились Марья Степановна, ее дочь Леокадия и внучка Сашенька, которая была больна ангиной и капризничала. Семенский, муж Леокадии, еще не вернулся с работы.

Очевидцы рассказывали: облако, повисев несколько минут над домом Семенских, вдруг обрушилось на него, окутало дом, как туманом, затем поднялось вновь, набирая скорость, пока не смешалось с прочими облаками и тучами.

Дом исчез. Исчезли также палисадник, заросший сорняками, будка с Треногой и хозяйственные постройки. Осталось пустынное место, где не росло ни травинки, а также квадратная яма от фундамента.

Примерно через пять минут пустоту на месте соседского дома увидела Прасковья Ильинична. Она не поверила собственным глазам, выбежала из дому, потом дошла до границы своего участка, заглянула через забор, но дальше двигаться не посмела, а вернулась в дом и разбудила мужа. Муж сперва отказался идти смотреть на соседский дом, но, видя, что Прасковья рыдает, выглянул в окно и послал жену за милицией.

Старшина Пилипенко прибыл на место происшествия через десять минут. После исследования пустой площадки, вокруг которой уже собрался народ, старшина задал вопрос:

— Кто последним видел здесь дом?

Никто не смог в этом признаться, хотя многие подтвердили, что обычно здесь стоит дом Семенского, еще не вернувшегося со службы.

Затем приехала «скорая помощь», водитель которой подтвердил общее мнение, что дом Семенского должен стоять на этом месте. Старшина Пилипенко пребывал в растерянности, так как должен был принять меры, прежде чем докладывать начальству, но характера мер он не знал. Кто-то предложил оцепить

пустую площадку веревкой, но площадка и без того была отгорожена забором. Тогда Пилипенко послал в райисполком за планом квартала.

Семенский, который шел домой, не подозревая дурного, издали увидел густую толпу, но своего дома не увидел. Он сразу понял, что дом сгорел, что было наиболее вероятным объяснением. Это его так поразило, что он остановился посреди дороги. Тут его увидели, и толпа расступилась, открывая Семенскому проход к старшине Пилипенко, стоявшему посреди пустого участка.

— Люди живы? — крикнул Семенский издали, не в силах сделать ни шагу.

— Вы хозяин? — спросил Пилипенко.

— А где дом? — крикнул Семенский.

— Не бойтесь! — крикнул Пилипенко.— Пожара не было.

Кто-то из присутствующих всхлипнул.

Семенский вышел на пустое место, огляделся, не узнавая своего участка, и куда бы он ни бросил взгляд, наталкивался на внимательные и печальные взгляды.

— Люди где? — спросил он у старшины Пилипенко.

— Какие люди?

— Моя семья. Дочь, жена, теща Марья Степановна?

Старшина Пилипенко обратил глаза к зрителям, и в толпе закивали.

— Еще утром были,— сказал кто-то.

— Может, уехали? — спросил старшина.

— Его теща от дома никуда,— объяснили из толпы.— Страшного нрава и дикости женщина.

— У меня и жена была,— сказал Семенский, присел на корточки и поковырял ногтем землю.

— Там ничего нет,— сказал водитель «скорой помощи».— Материк. Провалиться не могли.

— А где дом? — спросил тогда Семенский у старшины.

— По этому поводу меня и вызвали,— сказал старшина.— Но вы не волнуйтесь, разберемся.

— Может, вам укол сделать? — спросил врач «скорой помощи».

— Зачем? — спросил Семенский.— Это уже не поможет.

— Держись,— сказал водитель «скорой помощи».

— Утром я уходил, они здесь были,— сказал Семенский.

— Леокадия ко мне днем забегала,— подтвердила одна из соседок.— За солью. Если бы что, она бы рассказала.

— Тут облако странное висело,— вспомнила другая соседка.— Я в небо смотрю, а оно висит. Вот, думаю, странное облако.

— Почему не сообщили? — спросил строго старшина.

— Куда сообщать? — удивилась соседка.— Об чем сообщать?

Старшина не ответил.

— Нет,— сказал Семенский.— Надо что-то делать. Что же вы стоите?

Прибежал посланный из райисполкома. Принес план квартала.

Стали смотреть, сверять план с действительностью. Оказалось, что дом Семенского на плане значился. Тогда старшина Пилипенко ушел в отделение доложить и испросить указаний. Семенский остался на участке, сказал, подождет, хотя соседи звали его к себе. Кто-то принес стул. Семенский сел на стул посреди пустого места. Соседи разошлись по домам, но часто подходили к окнам, выглядывали и говорили:

— Сидит.

Семенский думал. Он прожил на свете сорок один год, работал сантехником, зарабатывал прилично, почти не пил, значительных событий до того с ним не происходило, он их и не ждал.

Пустота участка, даже какая-то подметенность, говорила за то, что дом убран надолго, может, навсегда. Соседи или недоброжелатели сделать это с корыстными целями не могли, теща при всей своей вредности и нелюбви к Семенскому не решилась бы на такой шаг. Да и Леокадия бы не позволила — новый дом, второй год как построен, в нем жить да жить... А вдруг они уже не вернутся? Эта мысль смутила и расстроила Семенского, и вот по какой причине: дело в том, что еще час назад он мечтал как раз об этом. Он подумал тогда, как хорошо бы прийти домой, а на дверях бумажка: «Мы уехали к тете Анастасии в Мелитополь. Вернемся через два месяца». Или еще лучше: «Мы уехали в Бразилию. Жди через...». Вот было бы

блаженство. Приходишь домой. Тренога не норовит тяпнуть тебя за пятку, теща не кричит на тебя за то, что ты ноги не вытер, жена не пилит, что премию маленькую дали, дочка не упрекает, что у нее нет велосипеда. Тишина, благодать... А вдруг есть какая-то высшая сила? И эта сила услышала его желание. И приняла меры. Как бы вняла его молитвам.

«Постой-ка,— сказал себе Семенский.— Получается, что я ликвидировал своих ближайших родственников посредством глупого желания. А им каково? Где они теперь? Может быть, пойти в милицию, все объяснить и потребовать себе наказания? Нет, сначала попробуем сами исправить».

Соседи, глядевшие из окон, увидели, как Семенский сполз со стула, встал на колени и, обратив к небу лицо, начал шевелить губами: «Господи или какая там есть высшая сила! Я же не всерьез просил. Это была минутная слабость. Верни их, пожалуйста, и тещу, и жену, и дочку, и собаку Треногу!» Соседи не слышали, конечно, шепота, но понимали, что в поисках утешения Семенский обратился к небу, и некоторые сочувствовали ему. Они понимали, что нет ничего хуже, как вернуться с работы домой, в ожидании борща и телевизора, а вместо этого найти голый участок.

Когда Семенский убедился, что ответа с неба ему не будет, он снова сел на стул и так просидел до самой ночи, раскаиваясь и вспоминая редкие добрые моменты своей жизни, а иногда принимался беззвучно плакать, раскачиваясь на стуле. Соседи по очереди приходили к нему, приглашали к себе, но он мотал головой.

Без четверти двенадцать ночи на участок пришел старшина Пилипенко. Поняв, что добром Семенского не уговоришь, старшина препроводил его в отделение милиции, поместил в пустовавшую камеру предварительного заключения и дал две таблетки элениума. Потом накрыл Семенского поверх казенного одеяла своей шинелью и запер до утра, чтобы в расстройстве Семенский чего не натворил.

Утром на голый участок начали ходить люди с других улиц. Посетило его городское начальство. Всем старшина Пилипенко показывал план квартала. Семенский снова сидел на стуле. «Вот теща Марья Степановна,— думал он,— она кажется злобной и

сварливой. Но ведь она думает, как сделать лучше, в ней есть доброта, только скрывается она под грубой и неприятной оболочкой. И вообще, в людях надо искать доброе. Даже в животных. Что из того, что Тренога бросается на своих? Она и на чужих лает, значит, и от нее есть польза. А что жена жадная и не очень умная женщина, что ж, другой он не заслужил, тоже мне красавец! Она по-своему его жалеет. Когда третьего дня теща бойкот затеяла, Леокадия ему тарелку супу налила, добровольно...»

Тут на двух «Волгах» приехала комиссия из области. В комиссию входили два профессора, полковник и люди в темных костюмах, которым положено разгадывать тайны. Они долго рассматривали, брали пробы земли и воздуха, сомневались, расспрашивали Семенского, правда ли он вчера еще здесь жил? Семенский подтверждал, стоял на своем твердо, хотя в глубине души уже начал сомневаться, даже показывал им паспорт, в котором были штамп о браке, прописка и запись о дочери.

Отойдя в сторону и совещаясь, гости из области несколько раз повторили слова «космический вариант», «неопознанные объекты», потом заспорили, а уезжая, вежливо попрощались с Семенским за руку и выразили сочувствие.

Пилипенко остался на участке. С Семенским они уже сблизились, Пилипенко принес Семенскому бутылку пива, потом стал рассказывать историю своей неудачной женитьбы. Семенский тоже рассказал о своей семье, но мягко, вспоминая только хорошее. Они так разговорились, что не заметили, как над участком повисло сизое облако, а потом начало медленно снижаться. Не исключено, что их пришибло бы, но сосед разглядел в облаке космический корабль и закричал из своего окна, чтобы они бежали в сторону.

Они отбежали. Из корабля спустились дом, собачья конура, огород и хозяйственные постройки. Семенский и Пилипенко смогли вблизи разглядеть космический корабль, который поблескивал сквозь облако, и увидели, как осторожно разжимаются огромные металлические клешни, освобождая пленный дом.

Дом чуть покачнулся и встал точно на положенное место.

— Повезло,— сказал Пилипенко.— Могло и придавить.

В мгновение ока улица заполнилась народом, хотя никто не осмелился подойти близко. Все наблюдали и ждали появления людей или хотя бы действий со стороны Семенского.

Семенский не сразу сдвинулся с места. А вдруг он откроет дверь, а там обнаружатся бездыханные тела.

Семенский посмотрел на Пилипенко. Пилипенко ответил выразительным взглядом. Пилипенко, конечно, понимал, что ему как представителю власти следовало бы сделать первый шаг. Но ведь и милиционер остается в глубине души просто человеком и страшится неизвестности. Пилипенке легче было бы знать, что в доме скрывается особо опасный и вооруженный преступник, чем погибшие в небе невинные женщины и дети.

И в этот страшный момент неизвестности из конуры выглянула собака Тренога, увидела хозяина и со всех ног бросилась к нему. Семенский отступил было, опасаясь злобного нападения, но собака ни о чем подобном и не помышляла. Мотая хвостом, она принялась ласкаться к Семенскому, прыгать на задних лапах, радуясь после разлуки. Семенский растрогался, осторожно погладил ее по курчавой макушке, а Пилипенко сказал:

— Возможен благополучный исход.

И он был прав.

В тот же миг растворилось окошко, и оттуда выглянула Марья Степановна, полная женщина с выразительным, но обычно суровым лицом.

— Коля, милый! Чего стоишь, заходи! Товарища милиционера приглашай.

Семенский открыл рот, чтобы ответить, но ответить не смог, потому что никогда еще не слышал от тещи подобного приглашения.

— Пошли,— сказал Пилипенко.— Зовут.

Из двери выбежали Леокадия и дочка Сашенька. Они со всех ног подбежали к отцу, обхватили его руками, принялись целовать и ласкаться.

— Как ты тут без нас! — воскликнула Леокадия.

— Он ничего не ел! — крикнула теща из окна.— Я разжигаю плиту!

А дочка Сашенька безмолвно прижалась к папиной ноге.

Старшина Пилипенко сказал, что вообще-то ему надо снять с семьи Семенских показания по части таинственного отсутствия, но делать это он будет не сейчас, а завтра, чтобы не мешать семейной встрече. И ушел.

Семенский, сопровождаемый подобревшей Треногой, вошел в дом и с первого взгляда поразился происшедшим в нем переменам. В доме было чисто. Хрустально, окончательно, невероятно. Куда исчезли жуткие следы деятельности тещи, которая имела обыкновение собирать по улицам барахло (а вдруг пригодится)? Где пыль, которую полгода не могла собраться вытереть ленивая Леокадия? Где ломаные игрушки Сашеньки, почему они не валяются под ногами?

Но как следует разобраться Семенский не успел — теща расторопно накрывала на стол, поглядывая на него ласковыми глазами, которые так украшали ее прежде недоброе лицо. Сашенька добровольно и безропотно побежала мыть ручки, а Леокадия достала из буфета графинчик, сама поставила на стол, чтобы выпить за благополучное возвращение.

— Как вы? — обрел, наконец, дар речи Семенский, усаживаясь за стол.

— У нас все в порядке,— первой отозвалась Сашенька.— Мы очень по тебе скучали. А ты?

— Я тоже,— сказал Семенский.— Я думал, что вас совсем унесло.

— И почувствовал некоторое облегчение,— сказала теща с улыбкой.— Что греха таить, нелегко с нами приходилось.

Семенский открыл рот, услышав такое странное признание от несгибаемой Марьи Степановны, и тут взгляд его упал на шею жены Леокадии. Что-то было не так. Потом понял: отсутствовало родимое пятно под ухом.

— Леокадия,— сказал он тихо, потрясенный страшным подозрением.— Где пятно?

Он показал пальцем на шею жены, и тревожные мысли побежали в его мозгу: это не его семья! Его семья не такая. Его дом не такой... Он машинально поднес ко рту ложку с борщом и понял, что и борщ не тот — такого вкусного борща ему в жизни не приходилось есть. Его семью подменили!

— А-а-а! — закричал Семенский, в ужасе вска-

кивая из-за стола.— Пустите меня! Это не вы!

Никто не поднялся вслед за ним. Печальными взглядами семейство проводило его до дверей. В дверях Семенский остановился.

— Возражайте! — закричал он.— Вы мои родственники или космические пришельцы, засланные, чтобы уничтожить нас изнутри?

— Если ты о родимом пятне,— спокойно сказала Леокадия,— то мне его удалили, потому что со временем оно могло превратиться в злокачественное образование.

— А мне аппендицит вырезали,— сообщила Сашенька.— И гланды. Хочешь посмотреть, папочка?

Семенский вернулся в комнату и посмотрел в широко открытый ротик дочери. Ничего там не увидел, но это действие и теплая доверчивость ребенка немного развеяли тревогу.

— А зачем? — спросил он.— Кто им позволил?

— Ты садись, Коля, остынет,— сказала Марья Степановна.— Мы от тебя ничего не скроем.

Семенский послушно ел борщ и наслаждался его вкусом после столь долгой и нервной голодовки. А Марья Степановна с помощью Леокадии рассказывала:

— Мы сначала очень испугались. Даже плакали. Живем на Земле, ждем тебя с работы, а вдруг нас уносят в небо. Мы сначала даже не сообразили, что к чему.

— Но нам объяснили,— сказала Леокадия.— С нами лично имел беседу Поколвух.

— Кто?

— Поколвух, их начальник, очень культурный человек,— сказала Марья Степановна.— Он искренне полюбил Леокадию.

— И я его полюбила,— сказала Леокадия.

— Еще чего! — воскликнул Семенский.— Еще этого не хватало.

— Папочка, не ревнуй,— сказала Сашенька.— Он зеленый, мне по плечо и на трех ножках.

Это немного успокоило Семенского. Если его дочка — его дочка, а не обман, она врать не будет.

— Они к нам прилетели,— сказала Марья Степановна,— для изучения нашей жизни.

— Кто их звал? — сопротивлялся Семенский.— Что это за манеры?

— Ученые они, понимаешь, папочка. Им очень интересно, как мы живем, к чему стремимся.

— Сашенька права,— сказала Марья Степановна, снимая с плиты восхитительные котлеты.— Мы сначала сопротивлялись, а потом они с нами побеседовали, все объяснили.

— И мы поняли,— сказала Сашенька.

Собака Тренога вежливо тявкнула из-под стола.

— Вопрос был принципиальный,— продолжала Марья Степановна.— Доросли ли люди до контактов с межзвездной цивилизацией? Или еще нет? Тогда они выбрали самый обычный дом в самом обычном городе и взяли нас на время, поглядеть...

— Мы очень сначала расстроились,— сказала Леокадия.— Ох, как много оказалось в нас всякой требухи, всяких родимых пятен, мещанства, суеверий, злобы и сварливости.

— Особенно во мне,— улыбнулась Марья Степановна.

— И во мне тоже,— призналась Леокадия.

— Нам показали возможности, которые открываются перед человечеством в галактическом содружестве, показали счастливый мир общемировой дружбы и потом спросили, не возражаем ли мы, если они попробуют избавить нас от недостатков как физических, так и моральных,— сказала теща.

— Мы их сначала не поняли,— добавила Леокадия.— Мы думали, что в нас нет недостатков, что все недостатки в окружающих.

Ох, подумал Семенский, как она гладко говорит. Может, это все-таки подставная жена?

Но тут Леокадия кинула на него ласковый взгляд, какого не кидала со времен свадьбы, этот взгляд Семенский ни с чем бы не спутал.

— Их интересовало,— сказала Марья Степановна,— можно ли нас от недостатков избавить? Наносные ли они? Или неисправимые? Если неисправимые, придется объявить на Земле карантин на тысячу лет. А если в основе своей люди не так уж злы и плохи, то еще, как бы сказать, не все потеряно.

— И вы согласились?

— Мы несли ответственность за всю планету,— серьезно сказала Марья Степановна.

— Зато когда нас отпускали обратно, то жали нам руки и очень радовались, что теперь не надо каран-

тина. Все исправимо. Ты кушай, кушай. Я там краткий курс всемирной кухни прошла, буду тебя баловать разносолами...

Ночью, нежась в сладких объятиях жены, Семенский испытал большое чувство благодарности к зеленым исследователям. Правда, это чувство несколько уменьшилось, когда Леокадия шепнула ему:

— С завтрашнего дня будем с тобой, мой драгоценный, готовиться к институту. За нашей семьей налажено деликатное космическое наблюдение. Нам бы не хотелось тебя стыдиться...

— Надеюсь, ты не обидишься за нашу прямоту,— сказала утром Марья Степановна.— Но человеку свойственно стремиться к прогрессу, к свершениям.

— По большому счету,— закончила Сашенька, подняв пальчик.

Давно не плакал Семенский. Даже потеряв семью, он не проронил ни слезинки. Но сейчас что-то горячее заструилось по его щекам. Семенский зарыдал. Семенский с душевным трепетом и глубокой радостью вступал в новую жизнь...

Соседи и знакомые завидуют Семенским. Загляните к ним домой, пусть даже невзначай, не ко времени. Даже если в этот момент Семенский повторяет неправильные глаголы, Леокадия погружена в тайны интегрального исчисления, Марья Степановна пишет очередное эссе об охране животного мира, а Сашенька, закончив уроки, дышит по системе йогов. Даже в такой момент вам будут рады. Любой гость — награда для этой скромной семьи. Марья Степановна, с помощью родных, быстро приготовит скромное, но вкусное угощение, остальные будут развлекать вас интересным разговором об Эрмитаже, о новых археологических открытиях и моральном совершенствовании. И если вы не укоренившийся в отсталости человек, вы уйдете от Семенских душевно обогащенным, удовлетворенным и чуть подросшим.

Сам Семенский за прошедшие полгода сильно изменился в лучшую сторону. Он пополнел, но не чересчур, от хорошей калорийной пищи и обязательных утренних пробежек рысцой. Во взгляде его присутствует светлая задумчивость, даже увлеченность. Семейное счастье, буквально обрушившееся на него с неба, требует ответных действий. Он отличный работник, передовик, после работы всегда успевает забе-

жать в магазин, купить картофель или стиральный порошок, уделить час, а то и больше общественной деятельности — и торопится домой, где его ждут занятия и добрые улыбки ненаглядных родственников.

Вот именно в такой момент его и встретил недавно старшина Пилипенко. Семенский тяжело ступал по мостовой, потому что нес на голове телевизор «Горизонт» из починки, в правой руке — сумку с бананами, в левой — портфель, набитый научными монографиями.

— Здравствуй, Коля,— сказал ему старшина.— Не трудно тебе? Может, помочь?

— А кто будет бороться с трудностями? Кто будет закаляться? — спросил Семенский.

— Ты прав,— вздохнул старшина.— Тебе сказочно повезло. Ведь могли другой дом захватить. И оставался бы ты со злой тещей и отрицательной женой, как другие несчастливцы.

— Могли,— сказал Коля и осторожно опустил на землю тяжелые сумки.— И все было бы как у людей.

— Тебе, наверное, теперь на нас смотреть противно,— сказал старшина.

— А я не смотрю,— сказал Семенский.— Некогда.

— Может, пива выпьем? — спросил старшина.

— Пиво вредно,— ответил Семенский.

— Ты прав,— согласился старшина.— Вредно. Но я уж сменился. Приму кружку.

И вдруг, к своему удивлению, старшина увидел, как глаза Семенского наполняются слезами.

— Ты чего?

— Ничего, все в норме... пройдет. Нервы... Ну хоть бы она разок тявкнула!

— Ты о ком?

— О собаке своей, о Треноге. Знаешь, Пилипенко, она со всей улицы бездомных котят собирает, к себе в конуру. И облизывает.

— Смотри-ка...

— А теща их шампунем импортным моет. А у жены ни одного родимого пятна не осталось!

— Да, приходится соответствовать,— сказал Пилипенко. И не знал уже, радоваться за Семенского или...

Вдруг телевизор на голове Семенского покачнул-

ся, рухнул со всего размаха в пыль — Пилипенко его подхватить не успел — и вдребезги. Семенский обратил тоскующий взор к небу, где висело одинокое вечернее облако, и спросил:

— Наблюдаешь?

— Ты чего? — удивился Пилипенко, который стоял в пыли на коленях, сгребая в кучу остатки телевизора.— Это же просто облако.

— А вдруг не просто?

Стояла вечерняя тишина, даже собаки молчали. И в этой тишине к небу несся усталый голос Семенского:

— Может, возьмете их обратно, а? Хоть временно...

КЛАДЕЗЬ МУДРОСТИ

Явился Корнелию Удалову во сне пришелец.

— Корнелий, послушай,— сказал пришелец.— Мы, в Галактике, знаем, что ты очень расположен к космической дружбе.

— Да,— согласился Корнелий.— Верю в возможность контактов и по мере сил...

— Погоди,— перебил его пришелец.— Времени у меня в обрез.

Пришелец был окружен чем-то голубым, и за сиянием трудно было различить его формы. Корнелий понимал, что встреча происходит во сне, но просыпаться не торопился, любил поговорить с новым человеком.

— Мы в Галактике посоветовались,— продолжал пришелец, подлетая ближе и заключая Удалова в пределы своего сияния,— и решили, что ты нам подходишь. Сам понимаешь.

— Понимаю,— сказал Удалов.

— И вот в благодарность за твои прошлые и будущие заслуги мы тебе даем дар. Космического масштаба. Одновременно должен тебя предупредить, дар этот — испытание всей планете, всему человечеству. Сможешь подарком распорядиться — значит, человечество доросло. Нет — придется подождать.

— А почему ваш выбор пал на меня? — спросил Удалов из скромности.

— Я же сказал — за заслуги. И к тому же ты самый что ни на есть средний и обычный человек в Гусляре.

— Я-то? — спросил Удалов с некоторой обидой.

— Неважно,— ответил пришелец.— Спешу я. Энергия на исходе. За то время, пока я с тобой нахожусь в телепатической связи, пришлось выключить свет на двадцати трех планетах. Так что принимай дар — и до свидания. В случае если не справишься, только скажи вслух: «Игра закончена». И все вернется на свои места.

Не успел Удалов ничего ответить, не успел даже руки протянуть за даром, как сверкнула молния и Удалов проснулся.

Было раннее утро. За окном шел дождь. Рядом спала Ксения и вздыхала во сне. «Интересно,— подумал Удалов,— она наш разговор слышала?» Где-то за тремя стенами зазвонил будильник. Пять тридцать, старик Ложкин встает делать зарядку и кормить птичек. А может, сон как сон? Может, и не было пришельца?

Удалов выпростал из-под одеяла руки. Руки были пусты. Никакого дара.

— Чепуха,— сказал Удалов и снова заснул.

Вторично он раскрыл глаза в половине восьмого. Сын Максим собирался в школу. Ксения хлопотала на кухне.

— Уроки выучил? — спросила она сына.— Опять вчера с Сашкой мяч гонял до темноты?

— А нам ничего не задали,— ответил Максим Удалов, очень похожий на своего отца курносым носом, цветом пшеничных волос и склонностью к излишнему фантазированию.

— Как так не задали? — сердилась Ксения.— Я в дневник смотрела. По истории про бунт стрельцов кому задавали?

— Я про бунт знаю,— сказал Максим.

— Господи, если бы я проверить могла,— говорила Ксения.— Я бы тебя по урокам гоняла как сидорову козу. Все дела, хозяйство.

— Ксения, разбудила ты меня,— сказал Удалов.— Мне сегодня только к одиннадцати в контору. Вчера говорил.

— Все равно вставай,— ответила Ксения, которая легко переносила свое раздражение с одного члена семейства на другого.— Сколько раз просила — почини замок в прихожей. В один прекрасный день всех нас унесут, ты даже не заметишь. Сын опять уро-

ков не выучил. Опять двойку принесет. Про стрелецкий бунт ничего не знает.

— Ничего не знаю, да больше вас,— ответил грубо Максимка.— Если вам сказать, что Суворов его подавлял, даже не удивитесь.

— Историю я крепко подзабыл,— сознался Удалов.

И тут что-то щелкнуло у него в мозгу. Будто открытая страница учебника возникла перед глазами. Удалов просмотрел страницу и сказал совершенно спокойно:

— Плохо вас учат, сынок, если Суворов стрелецкое восстание подавлял. Особенно если учесть, что за спинами стрельцов стояла царица Софья, старшая сестра Петра Первого, и князь Голицын, ее основной полководец. Суворов, кстати, родившийся лишь в 1730 году, никакого участия в этом принимать не мог.

Сказав так, Удалов спустил ноги с постели, нащупал шлепанцы и поднялся во весь рост. Сын Максимка как стоял у двери, так и замер. Ксения выглянула из кухни с крышкой от кастрюли в руке и спросила:

— Ты это сам или заглянул куда?

— Сам,— сказал Удалов.— Спеши, Максимка, в школу, и в будущем не обманывай папу. Скажет тоже, Суворов...

— Иди к столу,— сказала Ксения, подобрев.— Каша остынет.

— Сон я удивительный видел,— сказал Удалов, заливая кашу молоком.— Будто явился ко мне космический пришелец и говорит: «Получай, товарищ Корнелий Удалов, за твои передовые дела необыкновенный подарок».

— Рехнешься ты со своими пришельцами, Корнюша,— пожалела его Ксения.— А подарок какой?

— Вот в том и беда, что не знаю. Проснулся я, а подарка нет.

— То-то и оно. Мне вчера, например, танк приснился. А на нем соседское белье висит. Тоже, наверное, чего-нибудь значит.

— Наверно,— сказал Удалов разочарованно. Ему было жалко такого редкого сна.

— Между прочим,— продолжала Ксения,— вчера нам счета принесли. Опять за электричество два сорок два. Это надо только подумать, сколько энергии холодильник жрет!

— Два сорок три,— автоматически поправил ее Удалов.— А пришельцу, для того чтобы к моему разуму проникнуть, пришлось без света несколько планет оставить.

— Два сорок два,— сказала Ксения.— Я смотрела.

— Ну да, два сорок три.

— Ты что, шутить со мной вздумал? Ведь я, как счет получила, сразу его в шкатулку спрятала. Когда залезть успел?

— Не видел я твоего счета,— искренне обиделся Удалов.— Просто так показалось мне, что два сорок три.

— Ну уж погоди.

Ксения вынула из комода под зеркалом расписную шкатулку федоскинской работы с изображением тачанки, подаренную к свадьбе удаловскими соучениками по школе, раскрыла ее и сверху достала голубой листок — счет за электроэнергию.

— Вот,— сказала она.— Полюбуйся.

Но листок мужу не отдала, потому что увидела, что на нем написано:

«Два рубля сорок три копейки».

— Лазил,— сказала она убежденно.

— Не лазил, а догадался,— ответил Удалов.

— Лазил. Ревнуешь. Проверяешь, где письма храню.

— Нужна ты кому-то,— ответил Удалов.

— Вот-вот, была нужна, Семенский мне какие предложения делал!

— Так этот Семенский тебя двадцать лет как забыл.

— А почему забыл? Потому что я лучшие годы на тебя потратила. Все тебе отдала, что было во мне свежего, нераспустившегося. Как березка в весеннем наряде...

Ксения провела руками по широким бедрам и заплакала.

— Ну-ну,— сказал Удалов, собираясь на службу.— Ну не надо, чего уж там...

Удалов шел на работу не спеша. Пришлось покинуть дом раньше, чем рассчитывал, и он выбрал дальний путь — по набережной, мимо собора, мимо дома купцов Анучиных восемнадцатого века, через рынок, сентябрьский, разнообразный, веселый.

По пути Удалов думал о событиях, приведших к власти Петра Первого. Раньше ему об этом думать не приходилось, все недосуг. А сейчас он понял, что, к сожалению, знает мало, крайне мало, в объеме школьного учебника. И очень хотелось разобраться в роли боярина Шакловитого, но учебник об этой роли сообщал крайне мало.

Впереди Удалова спешили в школу дети. Корнелий догнал одну девочку, поглядел на ее тонкий блестящий портфельчик из искусственной кожи и произнес вслух:

— Афта морнинг ти ай гоу ту скул.

Причем произнес с более-менее правильным произношением.

— Что? — спросила девочка, обернувшись.— Вы тоже этот урок проходите?

— Прохожу,— признался Удалов. И покраснел от нечаянной лжи. В школе он учил немецкий, а потом языками не занимался. И странно было не то, что он сказал английскую фразу и знал притом, что она английская. Фразу можно было случайно подслушать и запомнить. Беда заключалась в другом: Удалов знал весь учебник английского языка для пятого класса средней школы. Весь, целиком и мог по первому требованию процитировать любую страницу, включая выходные данные книги, помещенные на последней странице,— тираж, имя корректора и дату сдачи учебника в печать.

Потом, думая о событиях, Удалов даже удивлялся, как он не догадался к тому времени, что это и есть космический дар. Но он не догадался. Удивился и пошел дальше.

На скамейке у техникума сидели будущие речники и зубрили тригонометрию. В голову Удалова хлынули тангенсы и прочие функции и тут же перемешались с исчерпывающими сведениями о приготовлении мучных блюд, потому что из соседнего дома вышла крайне толстая женщина с поваренной книгой в руке.

«Дела,— подумал Удалов.— Чего только не взбредет на ум».

У входа на рынок на шатком столике лежала стопка белых книжек. Рядом — мелочь в розовой мыльнице. На белой книжке была изображена древняя царица и имелась надпись: «Тайна золотого гроба».

Многие люди, выходя с рынка, останавливались у столика и приобретали книжку, надеясь, что она про шпионов. Знакомый Удалову работник местной газеты Миша Стендаль тоже купил книжку про золотой гроб и, поздоровавшись с Корнелием, спросил:

— А вы чего же?

— Я археологией не интересуюсь,— громко ответил Удалов.— Скучновато изложено.

— Граждане! — перебила Удалова продавщица.— Покупайте новый роман о тайнах Египта! Кто убил Нефертити? Загадка старого дома на берегу африканской реки Нил!

— Вот,— сказал поучительно Стендаль.— Мало читаете, Корнелий Иваныч.

— Читаю, сколько могу,— ответил Удалов с достоинством.— Не меньше других. А этот труд имеет специальный характер. Для специалистов.

— Он знать не может,— сказала продавщица.— Мы эту книгу сегодня в ночь получили. Да и стою я здесь всего минут пятнадцать. Бывают же люди, придумывают что угодно, только чтобы настроение испортить.

— Ах так! — возмутился Удалов, теряя контроль над собой.— Откройте вашу тайну на странице... допустим, на странице сто тридцать. Открыли? Начинаю с одиннадцатой строчки сверху.

Стендаль шелестел страницами. Вокруг останавливались любопытные.

«Тут же, на севере столицы,— полуприкрыв глаза, барабанил Удалов,— были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Амен-хотпе IV, в большом количестве Семнох-кере, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йо-та, его жены Анес-эм-ийот. Однако вместе с щитками Нефрэт...»

— Стой! — вскричал Стендаль.— Вы фокусник?

— Миша,— ответил Удалов укоризненно.— Вы же меня знаете. Меня каждая собака в городе знает.

Удалов обернулся за поддержкой к населению. Многочисленные люди стояли вокруг, держа в руках раскрытые на сто тридцатой странице белые книжки, и шевелили губами, проверяя Удалова.

— А ну-ка,— сказал лысый дядя в гимнастерке.— Ты зачитай нам со страницы сто двадцатой.

И с самого верха. Может, ты сто тридцатую специально заучил.

— Сколько угодно,— сказал Удалов.— Только дело не в том...

— Читай-читай.— Люди принялись искать сто двадцатую страницу.

— Вы бы за книжки платили, а то обложка белая, хватают все, кто потом купит? — говорила продавщица, но ее не слушали.

— «Го»,— сказал Удалов.— Это перенос со страницы сто девятнадцать. «Го для Рэ. Кийа» с добавлением многолетия «жива она!».

— Правильно, так тебя перетак! — пришел в восторг человек в гимнастерке, достал из кармана галифе большое красное яблоко джонатан и протянул Удалову.— Ешь, не стесняйся. С твоими талантами учиться надо.

— Спасибо,— сказал Удалов, застеснявшись. Ему вдруг представился собственный вид со стороны. Стоит начальник ремстройконторы у входа на рынок и бормочет про древний Египет. Стало стыдно.

— Корнелий Иванович,— сказал Стендаль, догоняя кинувшегося наутек Удалова.— Мне с вами надо поговорить.

Вслед несся голос опомнившейся продавщицы:

— Покупайте новый детектив о тайнах саркофагов! Кто убил Нефертити и ее мужа? Сегодня получено из Москвы!

Стендаль не успел схватить Удалова за локоть, как новые события отвлекли его внимание. По улице, задрав единодушно головы к маковкам церкви Параскевы-Пятницы, шла группа иностранных туристов, довольно редких в Великом Гусляре. Группа состояла по большей части из пожилых дам с хорошо завитыми седыми буклями, в шляпках, украшенных бумажными и нейлоновыми цветами. Мужья этих женщин, заокеанские пенсионеры, были увешаны фотоаппаратами «Поляроид» и «Кэнон» и имели бодрый вид.

Туристы оживленно переговаривались друг с другом. Удалов ел красное яблоко и не мог сдвинуться с места, потому что все понимал. До последнего слова. И даже знал слово в слово содержание англо-русских разговорников в руках интуристов. Туристы говорили между собой с восклицательными знаками:

— Это же черт знает что за порядки!

— Великолепная варварская архитектура!

— Боже мой, какая сырость в этом городишке!

— Это похоже на Тадж Махал!

— Миссис Генри, вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту. Как он уморителен! Какая славянская непосредственность!

— Черт знает что за порядки! Пора завтракать, а переводчица куда-то делась!

— Эта церковь изумительно бы гляделась на фоне Нотр-Дам де Пари!

— Что за безобразие! Мы платим полнокровную валюту, а переводчица куда-то делась!

— Вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту!

Тут Удалов понял, что туземец — это он. Тогда его охватило негодование, смешанное с жалостью к этим так далеко оторвавшимся от родины людям, потерявшим переводчицу и завтрак. Он сделал шаг вперед и сказал с приятным бруклинским акцентом:

— Извините необразованного туземца, но, очевидно, вам следует сейчас повернуть налево, и вы выйдете непосредственно к гостинице «Великий Гусляр».

— Ах! — сказала миссис Генри.— Простите, что вы сказали?

— Джентельмен выразился ясно,— сказал ее муж.— Послушаемся его и пойдем налево. Простите, сэр.

Вся группа туристов послушно повернулась за мужем миссис Генри, и лишь небольшого роста турист с напомаженными курчавыми волосами остался на месте.

— А вы чего стоите? — спросил его по-английски Удалов.— Ах да, конечно, вы пуэрториканец и не все поняли.

Удалов небрежно перешел на испанский язык и повторил инструкции на родном языке пуэрториканца.

— О спасибо, сеньор! — воскликнул турист.— Я не всегда понимаю, когда говорят по-английски так быстро, как вы.

И, взмахнув фалдами длинного песочного пиджачка, турист бросился догонять спутников.

Миссис Генри, сворачивая за угол, сказала мужу, в надежде, что Удалов не услышит:

— Здесь прохода нет от агентов ГПУ. По-моему, я видела его около «Националя» в форме генерал-лейтенанта.

Удалов услышал и улыбнулся горькой, снисходительной улыбкой.

Наконец Стендаль пришел в себя настолько, что смог открыть рот и спросить:

— Корнелий Иванович, почему вы никогда не говорили...

— А что тут говорить,— сказал Удалов. Он махнул рукой и быстро зашагал к конторе, чтобы в пути обдумать события и принять решение. Быстрое воображение уже представило его, Корнелия, главным интуристским переводчиком. Вот он встречает самолет на Шереметьевском аэродроме, и оттуда выходят высокие негры.

«Здравствуйте»,— говорит им Удалов на языке суахили.

За неграми следуют жители республики Мальдивских островов.

«Добро пожаловать»,— говорит им Удалов на родном языке островов.

Сбегают по трапу японские дети с белыми журавликами в ручках.

«С прибытием вас»,— говорит им Удалов на языке Страны Восходящего Солнца.

А сзади уже бежит большой начальник из международного отдела.

«Товарищ Удалов! — кричит он не своим голосом.— Товарищ Удалов. Вот ваш дипломатический паспорт. Срочно садитесь на самолет. Вы нужны в Аддис-Абебе. Там найдена надпись на не понятном науке языке. Организация Объединенных Наций настаивает на вашей кандидатуре».

Летит Удалов к Аддис-Абебе. Черная Африка разворачивается под крылом. Слоны, носороги поднимают любопытные взоры и провожают самолет мычанием и дружественными криками. А на аэродроме ждут эфиопские академики.

«Как долетели?» — спрашивают они Корнелия.

«Спасибо»,— отвечает он на безукоризненном эфиопском языке.

А там назначение послом или даже советником в одну африканскую страну, национального языка которой не знает никто, кроме Удалова...

«Диметилфталат — восемь граммов,— появилась мысль в мозгу Удалова,— водный раствор аммиака...» Нет, при чем здесь водный раствор аммиака?

Удалов поднял глаза и увидел в открытом окне аптеки провизора Савича, писавшего что-то в толстом провизорском блокноте.

— Лекарства изобретаете? — спросил Удалов.

— Да, вспоминаю кое-что.

— А водный раствор аммиака,— пошутил Удалов.— Это как по-нашему?

— Нашатырный спирт,— сказал Савич, и глаза его стали круглыми от удивления.— Я что, вслух разговаривал?

— Как сказать,— ответил Удалов и поспешил дальше.

К тому времени голова его была полна знаниями, приобретенными походя, за два часа. И Корнелий уже начал понимать, что его личная память здесь совершенно ни при чем. Ситуация складывалась куда более сложная. По какой-то причине он обрел способность моментально впитывать как губка любую письменную информацию, возле которой он оказывался. И для этого ему совсем не надо было раскрывать книгу или заглядывать в чужие блокноты. Просто следовало оказаться поблизости. Можно было, к примеру, положить возле себя несколько учебников или справочников, и через секунду Удалов знал, что в них было написано, до последней запятой.

— Любопытная чертовщина,— сказал Удалов.— А если голова лопнет?

К счастью, в этот момент Удалов прошел мимо киоска «Союзпечать».

Он вобрал в себя содержание всех газет и журналов, даже старых, что лежали на прилавке и были развешаны по бокам. В том числе и того самого номера журнала «Здоровье», где говорилось, что нормальный человек использует свой мозг, дай бог, на один процент. Остальные клетки лежат без движения и дармоедствуют, зря потребляют пищу и витамины.

— Ага,— сказал Удалов и остановился посреди улицы.— Все понятно. Это и есть дар. Значит, был не сон, а фантастическая очевидность. Как же я с моими новыми способностями до такой очевидной штуки не догадался? Это стыд и позор.

А если сияющий пришелец сказал правду, то подарком надо уметь распорядиться. Его надо направить на пользу человечеству и способствовать таким образом межзвездной дружбе и взаимопониманию.

Какой следующий шаг должен предпринять разумный человек, который, если захочет, завтра станет академиком или по крайней мере член-корреспондентом Академии наук? Пойти в библиотеку? Нет, не стоит. Там нечаянно впитаешь столько всякой чепухи, что даже девяносто девять процентов мозга не справятся. Отдать себя в руки медицины? Жалко свободы.

А ноги между тем независимо от мыслей несли и несли Удалова вперед и привели к дверям стройконторы. Руки сами собой открыли дверь, а язык сам по себе поздоровался с присутствующими сотрудниками. А так как голова Удалова была занята посторонними мыслями, то в ответ на вопрос бухгалтера, закрывать ли ведомости третьему участку, Удалов ответил туманно: «Академии наук виднее»,— и проследовал за перегородку, в кабинет.

Там он опустился на стул, погрузил локти в кипу сводок и, все еще не сознавая, где находится, продолжал размышлять.

Прельщала дипломатическая карьера. Черная машина «Волга» у подъезда резиденции, уважительные иностранцы с коктейлями из виски в холеных пальцах и их секретарши в платьях декольте. Хотелось также попробовать себя в космической программе. «Только вы, профессор Удалов, можете подсказать нам, стоит ли подключить к этой ракете третью ступень». А вокруг стоят герои-космонавты и ждут ответа. Ведь от решения Удалова зависит, лететь им на Марс или погодить. Или еще можно разгадать тайны древних цивилизаций и знать, была ли Атлантида или только померещилось. Такой путь вел к тихому академическому кабинету и бесплатным путевкам в дом отдыха для ведущих мыслителей. Ну и, конечно, к международным конгрессам...

«Нет,— решил наконец Удалов.— Спешить с опубликованием не будем. Не исключено, что завтра все пройдет и окажешься в дураках. В обеденный перерыв зайду в техникум и впитаю в себя высшую математику. Никогда не помешает. Потом в музей, узнаю, что там есть про Петра Первого. Вот так-то».

— Вы ко мне? — спросил он, поднимая голову.

— Мы уж пятнадцать минут стараемся добиться вашего внимания, Корнелий Иванович,— сказал мужчина с шоколадными глазами, боксерским носом и желтым импортным портфелем.

— Даже больше,— поддержал его маленький старичок. Старичок был в очках, и линзы очков были такими толстыми и сильными, что в них помещался лишь вдесятеро увеличенный зрачок голубого цвета, с прожилками. Старичок тоже держал в руках желтый импортный портфель.

— Ага, явились,— сказал Удалов. И в тот же момент он знал до последней строчки содержимое толстых портфелей. Там лежали в основном ведомости, справки, накладные и чистые бланки артели, поставлявшей стройконторе скобянку, замки, ключи и всякую мелочь.

Гости уселись напротив Удалова, и мужчина с боксерским носом сказал:

— День сегодня хороший, Корнелий Иванович.

День был плохой, ветренный, сумрачный, пасмурный. Слава богу, что хоть дождь перестал. Удалов молча согласился с гостем и изучил между тем все бумаги, лежавшие у того в карманах. И понял, что может стать величайшим ревизором современности, исключительным ревизором, которого ввиду знания языков будут приглашать в командировки в союзные республики, страны социалистического содружества, может, даже на Запад. И на двери его кабинета будет скромная табличка: «Комиссар милиции первого ранга, заведующий специальным отделом по особо важным ревизиям К. И. Удалов».

— Да, день неплохой,— сказал старичок, и увеличенные жилки под очками заметно покраснели.— А вы на нас, говорят, в претензии. Незаслуженно и обидно.

— Так,— сказал Удалов загадочно и постучал пальцами по столу.

— Нет, Корнелий Иванович, так дальше не пойдет,— сказал мужчина с боксерским носом и повел широкими плечами.— Артель старается, выполняет и перевыполняет план, бесперебойно снабжает вашу контору высококачественным товаром, а в ответ никакой благодарности. Я дойду до горсовета.

— А хоть до Вологды,— сказал Удалов. Содер-

жание одной из бумажек в правом верхнем кармане пиджака Порфирьича его очень заинтересовало. Подчистка на накладной была сделана грубо, невооруженным глазом видно.

— Зачем так, товарищ Удалов,— сказал старичок.— У нас все документы с собой. Лучший металл мы пустили на те задвижки. Опытных мастеров привлекли. Дней и ночей не спали. И все, получается, впустую?

— Погоди,— прервал его спутник.— Если чем недоволен — зачем по официальным каналам? Скажи мне, я скажу Порфирьичу, Порфирьич сделает.

— Сделаю,— сказал старичок.— Всегда полюбовно.

— А задвижки от ветра гнутся,— сказал Удалов.— Замки вилкой вскрыть нетрудно. Строительство дома отдыха сорвано. А товар вы налево пустили. Разве не так?

— Не так,— убежденно сказал Порфирьич.

— А три тысячи восемьсот нечестных рублей поделили между собой?

— Какие деньги? — возмутился старичок. А у спутника неожиданно выступил пот на лбу.

— Сколько? — спросил он.

— Три тысячи восемьсот как одна копеечка. Ведь до сих пор все ваши преступные расчеты в кармане лежат. Карандашом написано. «Порфирьичу выделить семьсот двадцать. Шурову — триста. Удалову, если будет артачиться, сто в зубы». Разве неправда?

Человек с шоколадными глазами потерял присутствие духа. Он вскочил со стула, схватился толстыми дрожащими пальцами за карман.

— Продали! — сказал он.

Порфирьич со стула не встал. Порфирьич побледнел. Даже глаза побледнели.

— Три тысячи восемьсот? А мне семьсот двадцать? Так... Не будет тебе, бесчестный жулик, никакой пощады от народа ни на этом, ни на том свете,— сказал он тонким суровым голоском.

— И заявление в милицию напишем сейчас же,— сказал Удалов, куя железо, пока горячо.

— Я ничего не знаю,— сказал человек с боксерским носом, пытаясь сжевать вытащенную из кармана записку. Записка была на хорошей, толстой бумаге и не жевалась.

— Не поможет,— сказал Удалов.— В правом верхнем кармане пиджака Порфирьича лежит подчищенная накладная на листовую сталь.

— Лежит,— сказал Порфирьич.— Лучше я сам сяду как невинный сообщник, но эту змею на много лет укатаю.

— Правильно,— сказал Удалов.— Он вас и раньше за нос водил.

— Фи не шмеете! — прокричал с набитым ртом директор артели.— Я путу шалофаться!

— Жалуйся, жалуйся,— сказал мстительно Порфирьич.

— Некуда ему деваться,— согласился Удалов.— У вас же в портфеле неотразимая бухгалтерия.

И видя, что надо нанести последний удар и повергнуть противника в нокаут, Удалов постарался вспомнить, что говорят в таких случаях следователи в кино. Недавно слышанные слова крутились в голове... «Ваша ставка бита...» Нет, не то... «Руки вверх»... Нет. Близко, совсем близко. Ага! И Удалов произнес страшным голосом, так что у самого встали дыбом на затылке редкие золотистые волосы:

— Игра закончена! Садитесь и пишите заявление. Чистосердечное покаяние — вот единственное, что может облегчить вашу участь!

Сверкнула молния, запахло озоном, бледный как полотно директор артели опустился на стул, достал шариковую ручку и с помощью Порфирьича стал писать признания.

А Удалов вдруг ощутил страшную пустоту в голове. Первозданную, нелепую пустоту. Он не помнил содержания ни единой из бумажек, лежавших в портфелях у артельщиков. Он забыл английский и испанский языки, он не мог вспомнить ни одной тригонометрической функции. Он даже запамятовал чеканные рифмы поэмы, напечатанной в последнем номере журнала «Огонек».

— Но почему? — воскликнул он.— За что?

Артельщики метнули на него перепуганные взоры и еще быстрее стали писать признание.

— Сами отнесете в милицию,— приказал им Удалов и, более не сознавая ничего, бросился к выходу.

Снова крапал дождик по пожелтевшим листьям. Было тихо и обыкновенно. И с ясностью отдаленного ночного грома прозвучали в ушах Удалова слова

пришельца: «В случае, если не справишься, скажи вслух: «Игра закончена», и все вернется на свои места».

— Я же не хотел! — взмолился, простирая к небу руки, Корнелий Удалов.— Это ошибка. Я могу воспользоваться! Это случайная ошибка!

...Удалов вернулся домой и до вечера не промолвил ни слова. Он отказался говорить с Мишей Стендалем, который поджидал его у ворот, он не стал есть любимого супа с клецками. Он лежал на диване в брюках и переживал свою оплошность, не только закрывшую перед ним путь к дипломатическому будущему, но и лишившую все человечество немедленной дружбы с развитой Галактикой.

И лишь вечером, выпив для успокоения сто граммов перцовки и сказав не понятные домашним слова: «Может, разберутся, отменят решение»,— Удалов подошел к столику сына и спросил его:

— Где у тебя учебник истории?

— А что, папа? У нас завтра истории нет. Не задавали.

— Глупый,— ответил отец.— Я просто хочу почитать про Петра Первого. И тригонометрию не прячь... Век живи, век учись... В Галактике с нашей серостью появляться просто стыдно.

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Было это в августе, в субботу, в жаркий ветреный день.

Николай Ложкин, пенсионер, уговорил своих соседей профессора Минца Льва Христофоровича и Корнелия Удалова провести этот день на озере Копенгаген, отдохнуть от городской суеты, от семьи и работы.

Озеро Копенгаген лежит в двадцати километрах от города, туда надо добираться автобусом, потом пешком по тропинке, через смешанный лес.

Название озера объясняется просто. Когда-то там стояла усадьба помещика Гуля (Гулькина), большого англомана, который полагал, что Копенгаген — английский адмирал. Название прижилось из-за странного для окрестных жителей звучания.

Корнелий Удалов притащил с собой удочки, чтобы порыбачить, профессор Минц — чемоданчик со

складной лабораторией, хотел взять воду на пробу, задумал разводить в озере мидий для народного хозяйства. Николай Ложкин желал загорать по системе йогов. Для начала они выбрали место в тени, под коренастой сосной, устроили там лагерь — расстелили одеяло, положили на него припасы, перекусили и завели разговор о разных проблемах. На озере был и еще кое-какой народ, но из-за жары никто рыбу не ловил, отдыхали.

— Давно не было событий,— сказал Удалов. Он разделся, был в синих плавках с цветочком сбоку и в газетной треуголке, чтобы не обжечь солнцем лысину.

— Обязательно будут события,— сказал старик Ложкин.— Погода стоит хорошая. Такого в наших местах не наблюдалось с 1878 года.— Для наглядности он нарисовал дату на песке, протянул стрелочку и написал рядом другую — 1978.— Столетие.

В этот момент над ними показался космический корабль. Он беззвучно завис над озером, словно облетел всю Галактику в поисках столь красивого озера, а теперь не мог налюбоваться.

— Глядите,— сказал Удалов.— Космические пришельцы.

— Я же говорил,— сказал Ложкин.

— Такие к нам еще не прилетали,— сказал Удалов, поднимаясь и сдвигая назад газетную треуголку. Вид у него был серьезный.

Профессор Минц, который еще не раздевался, лишь ослабил галстук, также встал на ноги и расставил пальцы на определенном расстоянии от глаз, чтобы определить размеры корабля.

— Таких еще не видели,— подтвердил Ложкин.— Это что-то новенькое.

— Издалека летел,— сказал профессор Минц, закончив измерения.— Пю-мезонные ускорители совсем износились.

Удалов с Ложкиным пригляделись и согласились с Минцем. Пю-мезонные ускорители требовали ремонта.

Корабль медленно снижался, продвигаясь к берегу, и наконец завис над самой кромкой воды, бросив тень на песок.

— Скоро высадку начнут,— сказал Удалов.

«Да,— подумал Ложкин.— Сейчас откроется люк

и на песок сойдет неизвестная цивилизация. Вернее всего, она дружественная, но не исключено, что могла пожаловать злобная и чуждая нам космическая сила с целью покорения Земли. А ведь никаких действий не предпримешь. До города двадцать километров, к тому же автобус ходит редко».

Из корабля выдвинулись многочисленные щупы и анализаторы.

— Измеряют условия,— сказал Удалов.

Минц только кивнул. Это было ясно без слов.

Анализаторы спрятались.

И тут случилось неожиданное.

Открылся другой люк снизу. Вместо космонавтов на берег, словно из силосной башни, вывалился ком зеленой массы, похожий на консервированный шпинат, такие консервы были недавно в гастрономе и шли на приготовление супа. Люк тут же захлопнулся. Зеленая масса расползлась по песку густым киселем и приближалась к воде. Корабль взвился вверх и исчез.

— Похоже,— сказал Минц,— на водную цивилизацию.

Ложкин, который уже про себя отрепетировал приветственное слово, так как обладал жизненным опытом и опытом общественной работы, молчал. Зеленая масса не имела никаких органов, к которым можно обратиться с речью. Поэтому Ложкин сказал шепотом, чтобы кисельный пришелец не подслушал.

— Хулиганство в некотором роде. Все озеро загадит, а люди купаются.

— Купаться пока не придется,— сказал Корнелий Удалов.— Возможно, у пришельца нежные части и можно их повредить.

— Плесень он, а не пришелец,— пришел к окончательному выводу Ложкин.

— Может, он радиоактивный? — спросил Удалов.

— Сейчас проверим,— Минц раскрыл чемоданчик, в котором находились складной микроскоп, спектрограф, счетчик Гейгера, пробирки, химикалии и другие приборы.

Старик Ложкин, проникшись недоверием к зеленому пришельцу, который уже частично вполз в воду и расплывался по ее поверхности зеленой пленкой, достал химический карандаш и на листе фанеры написал печатными буквами:

КУПАТЬСЯ, ЛОВИТЬ РЫБУ,
СТИРАТЬ БЕЛЬЕ
ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
ОПАСНО!

Потом он прикрепил фанеру к сосновому стволу, и люди, сходившиеся к месту происшествия с других участков берега, останавливались перед объявлением и читали.

Минц спустился к воде и нагнулся над зеленой жижей. Счетчик радиации молчал, что было утешительно.

— А не исключено,— сказал он Удалову, который стоял над ним, страховал сзади,— что это — космический десант.

— Жалко,— сказал Удалов.— Я всегда стою за дружбу между космическими цивилизациями.

— Если эта зеленая плесень начнет быстро размножаться, покроет слоем всю нашу планету, то инопланетным агрессорам нетрудно будет взять нас голыми руками.

— Можно попроще способ придумать,— сказал Удалов.

— Что мы знаем об их психологии? — спросил Минц.— А если они всегда так покоряют чужие планеты?

Один из посторонних посетителей сказал:

— Поеду домой. Мне с огорода надо помидоры снять. А то эти пришельцы все потравят.

За ним последовали некоторые другие из купальщиков и рыбаков. Но основная масса осталась, потому что для среднего горожанина нет большего удовольствия, чем встреча с неведомым, прикосновение к тайнам космоса.

— Теперь,— заявил профессор Минц,— надо исследовать поведение плесени в водной среде.

Он начал брать пробы и смотреть на пришельца в микроскоп.

Удалов тоже не терял времени даром. Он сначала нарисовал в воздухе круг и треугольник, взывая к общему для всех разумных существ знанию геометрии, а затем достал из-под сосны свои брюки, чтобы наглядно объяснить пришельцу теорему Пифагора о штанах. Плесень не обратила внимания на усилия Удалова, но тут были опубликованы выводы Минца.

— Совершенно безопасная субстанция,— сказал профессор.— Микроскопические водоросли, примитивные организмы, встречаются на Земле. Разумом не отличаются.

— Это еще не факт,— возразил Удалов, но штанами махать перестал, а надел их на место.— Может, если сложить их вместе, получится коллективный разум.

— Если даже целое поле капусты сложить вместе, получится большая куча капусты, но никакого разума,— сказал Минц.

— А если она размножится и покорит Землю? — спросил Ложкин.— Вы же сами предупреждали, Лев Христофорович.

— У нее было много времени, чтобы это сделать в далеком прошлом,— сказал Минц.— Миллиарды лет эта водоросль обитает на Земле.

— Она рыбу всю поморит,— высказал предположение молодой человек в тельняшке.

— Рыба ее уже кушает,— сказал Минц.

Так рухнула теория о космическом десанте, пропала втуне заготовленная Ложкиным речь и провалились усилия Удалова по поводу теоремы Пифагора. Минц свое дело знал. Если он сказал, что космический корабль вывалил на берег озера Копенгаген просто кучу мелких водорослей, так оно и есть.

Разочарованные, зрители разошлись по берегу, а Минц с соседями сел под сосну у запретительной надписи и стал думать, что бы все это значило. Не может быть, чтобы из космоса прислали корабль только для того, чтобы привезти кучу водорослей.

Водоросли, оставшиеся на берегу, быстро сохли под солнцем, чернели, впитывались в песок.

— Нам поставили логическую загадку,— сказал Удалов.— Нас испытывают. Испугаемся или нет.

— А сами наблюдают? — спросил Ложкин.

— Сами наблюдают.

Минц поднялся и пошел по берегу, чтобы определить границы выпадения водорослей. Озеро жило своей мирной, тихой субботней жизнью, и ничто не напоминало о недавнем визите космического корабля. Минц споткнулся обо что-то твердое. Полагая, что это камень, он ударил носком по препятствию, но препятствие не поддалось, зато Минц, который был в легких сандалиях, ссадил большой палец ноги.

— Ой! — сказал он.

Удалов уже спешил к нему на помощь.

— Что такое?

— Камень,— сказал Минц.— Он водорослями покрыт.

Интуиция подсказала Удалову, что это не камень. Он быстро опустился на корточки, разгреб водоросли, еще влажные и липкие. И его старания были вознаграждены. Небольшой золотистый цилиндр, верхняя часть которого выступала из песка, медленно ввинчиваясь, уползал вглубь.

— А вот и пришелец,— сказал Удалов, по-собачьи разгребая обеими руками песок, чтобы извлечь цилиндр.

Цилиндр был невелик, но тяжел. Минц живо достал из чемоданчика ультракоротковолновый приемник, который оказался там только потому, что в чемоданчике было все, что могло пригодиться, настроил его и сказал:

— Так я и думал. Цилиндр издает сигнал на постоянной волне.

— И на нем что-то написано,— сказал Удалов.

И вправду на нем было что-то написано.

— А он развинчивается,— сказал Удалов.

Цилиндр развинтили. Внутри обнаружили свернутый в трубочку свиток металлической фольги с такими же буквами, как и на его оболочке.

— Похоже на эсперанто,— сказал Минц, разглядывая текст.— Только другой язык. И не известная мне графика. Но ничего, окончания и префиксы просматриваются, знаки препинания угадываются, структура проста. Дайте мне десять минут, и я, как и любой на моем месте лингвистический гений, прочту этот текст.

— Вот и хорошо,— сказал Удалов.— А я побегу колбасу порежу и пиво открою.

Удалов приготовил пищу, Минцу тоже дали бутерброд, и через десять минут расшифровка была закончена, ибо Минц использовал в своей работе опыт Шампольона-Кнорозова и других великолепных мастеров, специалистов по клинописи и письменности майя.

— Внимание,— сказал Минц.— Если вы заинтересованы, я прочту перевод космического послания. Оно не лишено интереса.— Минц тихо хихикнул.

— Сначала надпись на цилиндре: «Вскрыть через четыре миллиарда лет».

— Чего? — спросил Ложкин.

— За точность перевода ручаюсь.

— Тогда зря мы это сделали,— сказал Удалов.— Они надеялись, а мы нарушили.

— Мне столько не прожить,— сказал Ложкин.— Поэтому раскаиваться нечего. Кроме того, мы сначала вскрыли, а потом уж прочли запрещение.

— А теперь текст,— продолжал Минц: — «Дорогие жители планеты, названия которой еще не придумано...»

— Как так? — удивился Ложкин.— Наша планета уже называется.

— И это в космосе многим известно,— поддержал его Удалов.

Минц переждал возражения и продолжал:

— «Сегодня минуло четыре миллиарда лет с того дня, как автоматический корабль-сеялка с нашей родной планеты Прекрупицан совершил не заметный, но принципиальный шаг в вашей эволюции. Будучи адептами теории и практики панспермии, мы рассылаем во все концы Галактики корабли, груженные примитивной формой жизни — водорослями. Попадая на ненаселенную планету, они развиваются, так как являются простейшими и неприхотливыми живыми существами. Через много миллионов лет они дадут начало более сложным существам, затем появятся динозавры и мастодонты, и наконец наступит тот счастливый в жизни любой планеты день, когда обезьяно-человек возьмет в лапы палку и начнет произносить отдельные слова. Затем он построит себе дом и изобретет радио. Знайте же, что вы, наши отдаленные во времени-пространстве родственники по эволюции, изобрели радио и поймали сигнал нашей капсулы, захороненной четыре миллиарда лет назад на берегу необитаемого и пустынного озера, потому что мы засеяли его воду примитивными водорослями.

Мы не оставляем нашего обратного адреса — срок слишком велик. Мы подарили вашей планете жизнь и создали вас совершенно бескорыстно. Если вы нашли капсулу и прочли послание — значит, наша цель достигнута. Скажите нам спасибо. Счастливой эволюции, друзья!»

— Вот и все,— сказал Минц, не скрывая некоторой грусти.— Они немного опоздали.

— Я же говорил, что они разумные,— сказал Удалов.— И никакой враждебности.

Удалов верил в космическую дружбу, и записка в цилиндре лишь укрепила его в этой уверенности.

Микроскопические водоросли плавали по озеру, и их ели караси. Но Ложкин вдруг закручинился.

— Ты чего? — спросил Удалов.— Чем недоволен? Адреса нету? Адрес мы узнаем. Слетаем к ним, вместе посмеемся.

— Я не об адресе,— сказал Ложкин.— Я думаю, может, поискать еще одну капсулу.

— Какую еще?

— Ну, ту самую, которую кто-то оставил на Земле четыре миллиарда лет назад.

ПАРОВОЗ ДЛЯ ЦАРЯ

Небольшой космический корабль упал во дворе дома № 16 по Пушкинской улице. Шел дождь со снегом, осень заканчивала свое дело. Упал он бесшумно, так что Корнелий Удалов, который шел на работу, сначала даже не сообразил, какие гости пожаловали прямо к дому.

Корабль повредил край сарая, шмякнулся в лужу, подняв грязь и брызги. И замер.

Удалов вернулся от ворот, обошел корабль вокруг, прикрываясь от дождя цветным пляжным зонтиком, позаимствованным у жены, постучал кораблю по боку, надеясь на ответный сигнал, и, не дождавшись, отправился будить соседа Александра Грубина.

— Саша,— сказал Удалов, толкнув пальцем форточку на первом этаже. Форточка отворилась.— Саша, вставай, к нам космический корабль на двор упал.

— Рано еще,— послышался сонный голос Грубина.— Восьми нету.

— Молчит, не откликается,— сказал Удалов.— Может, авария случилась?

— А большой корабль? — спросил Грубин.

— Нет, метра три... Системы «летающее блюдце»...

— А опознавательные знаки есть?

— Опознавательных знаков не видно.

— Ты посторожи, я сейчас оденусь. Дождь на дворе?

— Мерзкая погода. И надо же было ему именно сегодня упасть! У меня в девять совещание.

Удалов вернулся к кораблю, отыскал люк, постучал в него.

— Стемивурам зас? — спросили изнутри.

— Это я, Удалов,— сказал Корнелий Иванович.— Вы нарочно к нам приземлились или как?

— Послити, маратакра,— сказал голос изнутри.

— Открывай, открывай, я подожду,— ответил Удалов.

Люк щелкнул, отворился.

Внутри стоял, протирая заспанные глаза, не известный Удалову встрепанный космонавт в пижаме.

Внешне он напоминал человека, если не считать чрезвычайно маленького, по пояс Удалову, роста, зеленоватой кожи и жестких волос, которые пучками росли на лбу и на кончике носа.

— Прекрани вслука!— воскликнул космонавт, поглядев на небо, потом на Удалова и на строения, окружающие двор.

— Погода как погода, для этого времени года в наших широтах мы лучшего и не ждем.

Космонавт поежился на ветру и сказал:

— Струку, крапатака.

— Оденься,— сказал Удалов.— Я подожду.

Он заботливо прикрыл за ушедшим космонавтом люк, а сам зашел за бок корабля, там меньше хлестало дождем. Розовая краска с корабля облезла — видно, не первый день его носило по космическим далям.

Пришел Грубин, накрытый армейской плащ-палаткой.

— Этот? — спросил он, показывая на корабль.

— Вот именно,— сказал Удалов.

— Некрупный. А ты как, достучался?

— Сейчас оденется, выйдет.

— Он к нам с визитом или как?

— Еще не выяснили. Погода ему наша не понравилась.

— Кому такая понравится! Не Сочи.

— Всегда я жду чего-нибудь интересного от прилета межзвездных гостей. Развития технологии, науки, искусств,— сказал Удалов.— Даже сердце замирает от перспектив.

— Погоди, может, у него враждебные цели,— сказал Грубин.

— Не похоже,— сказал Удалов.— Он в пижаме был, видно, проспал посадку.

— А на каком языке говорит?

— Язык пока непонятен. Ну ничего, расшифруем.

Расшифровывать язык не пришлось. Люк заскрипел, отворился, на землю соскочил космонавт, на этот раз в прозрачном плаще и такой же шляпе.

— Ну что ж,— сказал Удалов,— давайте знакомиться.

— Стрпехюрка тик,— сказал космонавт.

— Погодим, нам не к спеху,— согласился Удалов.— Только учтите, что у меня в девять начинается совещание.

Космонавт вытащил из кармана черную коробочку с дырками, затянутыми сеточкой. Включил нажатием кнопки.

— Переводчик у тебя такой, что ли? — спросил Грубин.

Черная коробочка сразу произнесла:

— Вокрочитук па ла-там-пракава?

— Воста,— сказал космонавт, и коробочка повторила:

— Правильно.

С этого момента общение между космонавтом и людьми упростилось. Да и догадка Удалова оказалась правильной: космонавт принадлежал к развитой и продвинутой цивилизации. Общаться с таким представляло большой интерес.

— Что за планета? — спросил космонавт.

Ему было холодно, переступал с ножки на ножку, и потому Грубин предложил:

— Зайдемте ко мне, поговорим в тепле. Ну что за беседа на такой погоде?

— Если, конечно, не спешите,— добавил Удалов.

Космонавт махнул ручкой, что означало: куда уж спешить, и они пошли через двор к Грубину.

Космонавт вел себя прилично, вытер ноги, правда, по причине малых размеров на стул его пришлось подсадить.

— Планета наша называется Землей,— сказал, когда все устроились, Удалов.— Завтракать будете?

— Нет, спасибо,— сказал космонавт.— Это в каком секторе?

— Сами понимаете,— сказал Удалов.— У вас свой счет на сектора, у нас — свой.

Тем временем Грубин принес бутылку кефира, налил себе и космонавту. Удалов отказался, потому что завтракал. Космонавт принюхался к кефиру и сказал, что слишком кисло, а у него желудок слабый.

— А вы откуда будете? — спросил Удалов.

— С Вапраксилы,— ответил космонавт. Но это тоже ничего не сказало Удалову. Потому что Вапраксила свободно могла именоваться Альфой Птолемея или Бетой Центавра.

— И чего пожаловали? — спросил Удалов.— Экспедиция?

— Нет,— сказал космонавт, которого звали Вусцом,— нечаянно я к вам попал. Сломалось у меня что-то. Или в приборах, или в двигателе. Вообще-то я летел к моей тетке на Крупису, а вылезаю,— оказывается, не Круписа.

— Нет, у нас не Круписа...— сказал Удалов.

— Хотя погоди,— перебил его Грубин.— А не исключено, что они Землю Круписой называют.

— Нет,— возразил Вусц,— на Круписе я бывал неоднократно. Там ничего похожего и совершенно иное население. Не говоря уж о климате.

— Да, неприятная история,— сказал Удалов.

Тут в дверь постучали.

— Кто там? — спросил Грубин.

— Это я, Ложкин,— ответили за дверью.— Выходи скорей, у нас на дворе пустой космический корабль стоит. Может, его обитатели уже разбежались по квартирам с целью грабежа.

— Заходи, Ложкин,— сказал Грубин.— И будь спокоен.

Ложкин зашел, увидел космонавта и смутился. По суетности своего характера он нечаянно оклеветал гостя.

— Мне очень обидно,— заметил Вусц.— Неужели подобные подозрения свойственны населению Земли? Должен отметить, что это говорит о низкой цивилизованности местного населения.

— Да я же не хотел,— сказал Ложкин.— Но поймите, выхожу на двор, стоит корабль, незапертый, может, кто из мальчишек заберется.

— Да,— вздохнул космонавт.— Грустно попасть в отсталое общество и подвергнуться подозрениям.

Было бы время, многому бы вас научил и просветил.

— Мы никогда не отказываемся от уроков,— сказал Удалов.

— Так что же теперь делать?

— Делать? — Вусц поглядел в окно. Дождь перестал, выглянуло блеклое осеннее солнце.— Есть ли среди вас кто-нибудь, кто разбирается в гравитационных моторах?

— Вообще-то я техникой интересуюсь,— сказал Грубин.— Но с гравитационными двигателями дела не имел.

— Жаль,— сказал Вусц.— У нас на каждом углу — станции обслуживания. И миллионы, может быть, даже десятки миллионов механиков отлично разбираются в гравитационных двигателях.

— Ну, это понятно.— Ложкин хотел загладить свою вину.— При вашей цивилизации это неудивительно.

— Что ж,— сказал Вусц,— пойдем поглядим, что там...

Они с Грубиным пошли к кораблю. Грубин захватил с собой отвертку и плоскогубцы. Ложкин с Удаловым последовали за ними.

— Больших успехов вы добились в науке? — спросил Удалов по пути.

— Громадных,— ответил космонавт.— По сравнению с вами — даже поразительных.

— Рассказали бы,— попросил Удалов.— Мы соберем общественность, многие придут. А вы расскажете.

— Ну что ж, может быть, и выберу минутку,— сказал Вусц.

Космонавт жестом пригласил Грубина в корабль. Грубин с трудом прополз в люк. Подошвы его ботинок скрылись внутри, потом вновь показалось лицо.

— Тут мне, простите, без вас не разобраться,— сказал он.— Где, к примеру, свет зажигается?

Вусц глубоко вздохнул и развел ручонками, словно хотел сказать присутствующим: «Какая темнота! Разве можно доверяться вашим механикам, если они даже не умеют зажигать свет!» Присутствующим стало неловко, и Удалов сказал укоризненно:

— Ну, Саша, чего же ты!

— Выключатель справа в каюте,— сказал космонавт.

Когда Грубин снова исчез внутри, космонавт сказал:

— Кстати, у нас механики производят починку в отсутствие заказчика. Они пользуются телепатией. Заглянет механик в душу, узнает, на что вы жалуетесь, и тут же принимается за дело. Пять минут, и любая неисправность ликвидирована.

— Да,— согласился Удалов.— У нас до этого еще далеко.

— Этот метод,— сказал Вусц,— распространяется и на медицину.

— В отсутствие? — спросил Ложкин.

— Нет, с помощью телепатии,— сказал космонавт и сокрушенно покачал головой.

«Да,— подумал Удалов,— трудно ему у нас, когда такой удручающий разрыв в уровне цивилизаций».

В люке снова показалась голова Грубина.

— Послушайте,— начал он.— А в чем у вас поломка? Может, покажете? Я, честно говоря, так и не разобрался, где тут двигатель, а где — кухня.

— На меня не рассчитывайте,— отрезал космонавт.— Я вам, простите, не механик. Если бы у нас каждый занимался не своим делом, мы никогда бы не достигли таких великих успехов.

— Ну и я тогда не буду чинить,— сказал Грубин.

Он уже наполовину вылез из люка, и Ложкин с Удаловым начали запихивать его обратно, чтобы занимался делом.

— Но что я могу поделать! — возражал Грубин.— Они на сто лет нас обогнали, а у меня нет специального образования. К тому же там на всех приборах пломбы висят.

— Вы чего же нам про пломбы не сказали? — обернулся Удалов к Вусцу.

— Откуда я знаю, есть там пломбы или нет? — возмутился тот.— Я лечу на Крупису, случается поломка не по моей вине, и я оказываюсь на дикой, отсталой планете, в окружении грубых аборигенов, меня никто не понимает, мне никто не хочет помочь.

— Не волнуйтесь,— успокаивал его Удалов.— Мы понимаем ваше состояние. Я сейчас схожу на автобазу, там есть мастер Мишутин, золотые руки.

— Так зовите его! — сказал космонавт.— Меня ждут дома!

Удалов, понимая вину человечества перед случайным гостем, поспешил за два квартала за Фролом Мишутиным и вскоре возвратился с ним. К тому времени уже все обитатели дома № 16 вышли во двор, познакомились с новым пришельцем, а Коля Гаврилов даже угостил его яблоком.

Фрол Мишутин был человек серьезный, он посмотрел на космический корабль и спросил:

— Какой принцип полета?

— Вроде бы на легких гравитонах,— сказал Вусц.— Хотя я не уверен. Но в школе мы проходили, что на легких гравитонах. Если бы на тяжелых, то другая форма корпуса.

— Ага,— сказал Мишутин.— А тип двигателя вы в школе не проходили?

— Ни в коем случае,— сказал Вусц.— Я специализировался в географии и счетоводстве.

— Мало от тебя проку,— сказал Фрол Мишутин.

— Вы не имеете права так говорить,— сказал космонавт.— Вы еще не доросли до критики вышестоящей цивилизации.

— Это точно,— согласился Фрол Мишутин и полез в люк. Он долго не возвращался, так что все вернулись в комнату к Грубину, чтобы послушать пришельца. Правда, тот сначала отнекивался, говорил, что времени у него в обрез, но потом согласился.

— Расскажи нам, дорогой гость,— обратился к нему Удалов,— о своем просвещенном мире. Приобщи нас, так сказать, к тайнам будущего.

Гость вытащил носовой платочек, высморкался и сказал:

— Наш мир далеко обогнал вас в своем развитии.

Об этом все уже знали. Стали ждать, что еще им скажут.

— Мы достигли полного изобилия и развития техники. Например, я работаю в отдельном кабинете и только нажимаю на кнопки, а порой передаю результаты своих трудов мысленно на специальную машину, которая потом все сводит воедино и кладет на стол к руководителю нашего учреждения.

— Вот это здорово,— сказал Удалов, чтобы подбодрить Вусца.

— Это обыкновенно,— поправил его Вусц.— Я удивляюсь, что может быть иначе. На работу и с ра-

боты я приезжаю мгновенно. Вхожу в будку около моего дома, нажимаю на кнопку и тут же оказываюсь в такой же будке, только у дверей учреждения.

— А как же эта будка работает? — спросил Грубин.

— Не интересовался,— ответил Вусц.— Дома у нас строят за одну ночь. Вечером очищают площадку, а утром уже дом готов, вплоть до тридцатого этажа.

— Замечательно! — воскликнул Ложкин.— Как же это делается?

— Об этом вы лучше спросите у строителей,— сказал Вусц.— Обеденный перерыв я использую для просмотра новых кинофильмов, которыя я выбираю по списку, когда сижу за обеденным столом. А обед я выбираю, нажимая кнопки на столе.

— Как же это делается? — спросил Удалов, который ненавидел очереди в столовой.

— Не знаю,— сказал Вусц.— Это неважно. Важен результат. Когда мне нужно отправиться на соседнюю планету, я вызываю космический корабль, и его присылают к моему дому. Я нажимаю кнопку с названием планеты и потом смотрю кино.

— Эх,— сказал от двери Фрол Мишутин, который незаметно вошел и стоял, вытирая руки ветошью.— Если бы ты еще интересовался, что там внутри двигателя, цены бы тебе не было.

— А что случилось? — вскинулся пришелец.

— Течь в гравитонном баке. Горючее кончилось. И вот эта деталь, видишь, треснула. Для чего она — не усек.

Фрол вытащил из кармана треснувший посредине шарик размером с грецкий орех.

— Для чего это? В школе не проходили?

— Не издевайтесь надо мной,— возмутился Вусц.— У нас высокоразвитое общество и каждый занимается своим делом. Я — чиновник. Другой кто-нибудь — техник, еще кто-то — строитель. Это же естественно. То, что произвожу я, потребляют другие. То, что производят другие, потребляю я.

Фрол сунул шарик обратно в карман и сказал:

— Пойду еще погляжу.

Помолчали. Удалов испытывал жалость к пришельцу, оторвавшемуся от привычной обстановки.

Но старик Ложкин, который затаил некоторую обиду, заметил не без ехидства:

— Не повезло нам с гостем. Надо же, попался такой, который ничего не знает.

— Это не так! — ответил Вусц.— Я отлично знаю, какие кнопки когда нажимать.

— Вот именно,— сказал Ложкин и ухмыльнулся.

— А ведь зря к человеку пристал,— сказал Удалов.— Представь себя на его месте.

— Даже и не буду пытаться,— ответил Ложкин.— До такого контраста между развитой цивилизацией и темным ее представителем я бы никогда не упал. Мы-то, чудаки, сбежались: космонавт прилетел, с отдаленной планеты, сейчас нас просветит...

— Это только в фантастических рассказах бывает,— сказал Грубин.— Там всегда пришельцы прилетают и сразу нас учат.

— Пришелец пришельцу рознь! — сказал Ложкин.

— А ведь проще простого,— сказал Удалов, глядя на опечаленного Вусца, который скорчился на стуле, поджал ножки и являл собой прискорбное зрелище ребенка, потерявшего маму в центральном универмаге города Москвы.— Я тебе, Ложкин, сейчас в два счета докажу твою неправоту. Хочешь?

— Докажи.

— Тогда представь себе, что я — царь Иван Грозный.

— Еще чего не хватало!

— А ты представь, не сопротивляйся. А Грубин, допустим, его друг — Малюта Скуратов.

— И что?

— А ты — Николай Ложкин, который сел в машину «Жигули» и по непристойному стечению обстоятельств сбился с пути и вместо Вологды попал к Ивану Грозному, в его загородный дворец.

— Так нет у меня «Жигулей», ты же знаешь! — сопротивлялся Ложкин.— Зачем такие передержки?

— Это мысленный эксперимент,— настаивал Удалов.— Неужели у тебя вовсе нет воображения?

— Ну ладно,— сдался Ложкин.— А дальше что?

— А дальше я тебя попрошу рассказать, какие у вас в двадцатом веке технические достижения. А нука, расскажи.

— О чем?

— Ну, хотя бы о том, как мне, Ивану Грозному, построить такую же карету, как у тебя.

— «Жигули», что ли?

— Ну, хотя бы что-нибудь попроще. Мотоцикл.

— Это просто,— сказал Ложкин.— Вот, перед тобой машина, скопируй и поезжай.

— А что копировать-то? Я принципа не понимаю.

— Сперва нужен бензин,— сказал Ложкин. Он хотел доказать друзьям, что пришелец Вусц — недоразумение, и потому старался все объяснить доступно.— Ты заливаешь бензин в бак.

— Погоди,— сказал Корнелий Иванович «Грозный», поглаживая несуществующую бороду.— А что такое бензин?

— Бензин?.. Нефть, знаешь?

— Знаю.

— Очисти ее...

— От чего?

— Как от чего? От мазута.

— Не понимаю! Щеткой мне ее, что ли, чистить?

— Для этого специальная промышленность есть...— тут Ложкин осекся.

— А ты продолжай,— улыбнулся «царь». Расскажи мне об этой промышленности. И заодно шинную индустрию опиши.

— Ну ладно,— сказал тогда Ложкин, который не любил сдаваться на милость царей.— Я тебе лучше паровоз объясню.

— Ну как? — спросил Удалов у «Малюты Скуратова».— Послушаем про паровоз?

— Давай,— согласился придворный фаворит.— Только, если не объяснит, придется его казнить.

— Паровоз движется по принципу сжимания пара,— сказал Ложкин.— Там поршень ходит, и оттого крутятся колеса.

— Ах, как интересно,— сказал «царь».— И где же поршень ходит?

— Как где? В котле, разумеется.

— Слушай,— сказал «Малюта Скуратов»,— может, его сразу казнить? А то время задаром тратим.

Ложкин молчал. Вошел Мишутин.

— Не пойдет,— сказал он.— Точно тебе говорю, не пойдет твоя машина. Вызывай аварийку.

— Не может быть! — воскликнул космический гость.— Не губите меня! Может быть, вы пригласите специалистов из вашей столицы?

— Нет,— сказал Мишутин уверенно.— У нас гравитонов не производят. Это точно.

Ложкин сказал:

— В паровозе два поршня. Пар на них по очереди давит.

— Мы тебя уже казнили,— объяснил ему Грубин.— Так что не беспокойся, не будет у Ивана Грозного своего паровоза.

Пришелец заплакал, не мог смириться с тем, что превратился в Робинзона Крузо, окруженного Пятницами.

Пошел мокрый снег и быстро покрыл густым слоем розовый космический корабль.

С тех пор прошло уже четыре месяца.

Пришелец Вусц, пока суд да дело, устроился счетоводом к Удалову в контору, освоил русский язык, с обязанностями справляется сносно, правда звезд с неба не хватает. Хотел было он, по наущению Грубина, уехать в Вологду, поступить там в цирк лилипутом, но потом передумал: боязно отрываться от корабля — вдруг его найдут, прилетят за ним.

А корабль схож с громадным сугробом, даже со снежной горой. Дети катаются с него на санках.

Весной, если ничего до тех пор не случится, должен приехать из Архангельска Камаринский, большой друг Фрола Мишутина, знаменитый механик. Если уж он не поможет, никто не поможет.

СВОБОДНЫЕ МЕСТА ЕСТЬ

Молодой человек в строгом синем костюме и темном галстуке остановился в дверях и нерешительно спросил:

— Кто здесь будет, простите, Лев Христофорович?

В кабинете стояли, обернувшись к нему, два человека. Один был не то чтобы толст, но объемен. Обнаженная голова удивляла завершенностью линий. Маленькие яркие голубые глаза уставились на молодого человека настойчиво и внимательно. Второй человек был моложе лысого, лохмат, худ и постоянно взволнован.

— Вы Лев Христофорович? — обратился молодой

человек к лохматому, который был более похож на гения.

Но лохматый с улыбкой указал глазами на лысого, а лысый сказал строго, словно Шерлок Холмс:

— Я — профессор Минц. А вы недавно назначены на руководящий пост и столкнулись на нем с непредвиденными трудностями, правильно?

Молодой человек покорно кивнул.

— И трудности оказались столь велики, что справиться с ними вы не в состоянии. Тогда кто-то из знакомых, вернее всего руководитель нашей стройконторы Корнелий Удалов, дал вам совет пойти к доброму старику Минцу и попросить, чтобы он изобрел бетон без цемента, потому что цемент вам забыли подвезти, а сроки поджимают. Так или не так?

Молодой человек ответил:

— Почти так.

— Почему почти? — удивился Минц.— Я всегда угадываю правильно.

— Прийти к вам мне посоветовал Миша Стендаль из городской газеты, и руковожу я не строительством, а гостиницей «Гусь».

— Неужели! — воскликнул Минц.— Ивана Прокофьевича сняли!

— Давно пора,— подхватил лохматый Грубин.— Садитесь, чего стоите?

Грубин подвинул молодому человеку стул, но тот отказался.

— Насиделся,— сказал он.— Третий день отчетность принимаю.

— Ничем не могу быть полезен,— сказал Минц.— Гостиниц строить не умею, в отчетности — полный профан.

— Выслушайте сначала! — взмолился молодой директор.— Зовут меня Федор Ласточкин, работал я в кинопрокате, а теперь кинули меня в сферу обслуживания. Надо, говорят. Согласился. Гостиница небольшая, желающих остановиться много, обслуживание хромает. Да что вам говорить, без меня знаете.

— Знаем,— сказал Грубин.— У вас вывеска «Свободных мест нет» к двери приварена.

— В принципе вы правы. Но мне от этого не легче. Два дня я объяснял отсутствие номеров ошибками предыдущего директора, а сегодня меня вызвал

Белосельский и говорит, что послезавтра в нашем городе открывается симпозиум по разведению раков, и значение его выходит за пределы области. А нужно для симпозиума двадцать восемь комфортабельных мест. А у меня в гостинице их всего тридцать три. И все с командировками, и все ругаются. Да еще в вестибюле человек пятнадцать сидят на чемоданах. Рассказал я обо всем моему другу Мише Стендалю, а он ответил: единственный, кто может тебе помочь, это профессор Минц. Он буквально гений. Я и пришел.

Федор поглядел на Минца страдающими глазами. И у Минца кольнуло в сердце. Еще мгновение назад он не сомневался, что укажет очередному просителю на дверь. Но молодой человек находился в критической ситуации. Побуждения его были благородны. И всего-то нужно — отыскать жилье...

И еще: замечательный мозг профессора Минца, столкнувшись с неразрешимой проблемой, начинал активно функционировать помимо воли его владельца. Он искал и отбрасывал множество вариантов, он стремился решить задачу, не давая Льву Христофоровичу нормально принимать пищу и спокойно спать.

— Нет,— услышал Лев Христофорович голос Саши Грубина.— Тут вам, Федя, даже профессор Минц не поможет. Никому еще не удавалось устроиться в нашу гостиницу просто так. Проблема эта не научная, а социальная.

— Проблем, в решении которых наука не может принять участия, не существует,— резко ответил профессор Минц.— Все на свете взаимосвязано.

— Ого,— сказал Саша Грубин.— Видно, все мои предупреждения впустую. Чует мое сердце, вы возьметесь за гостиницу.

— И немедленно,— сказал Минц.— Все свободны. Я начинаю думать.

— А когда приходить за ответом? — спросил с надеждой в голосе директор гостиницы.

— Симпозиум послезавтра? Значит, завтра после обеда.

Назавтра в три часа Федор Ласточкин уже стоял под окнами профессора Минца. Он нервно потирал руки, взглядывал наверх, покашливал и сохранял деликатность. Наконец голова профессора появилась

в окне, солнце отразилось от лысины и ярким лучом ударилось в облако.

— Чего же вы не поднимаетесь? — крикнул профессор.

— Я боялся вам помешать,— ответил директор гостиницы.

— Можно,— сказал Минц,— заходите. Яблоко уже упало.

Они просидели в кабинете Минца с трех до девяти. Из комнаты доносились голоса, иногда они поднимались в споре, иногда стихали в раздумье. Через шесть часов гостиничный кризис в городе Великий Гусляр был разрешен. И Федор отправился к себе, прижимая к животу тяжелый металлический ящик с установкой, которую Лев Христофорович разрабатывал для других целей, но мудро приспособил для расселения постояльцев.

Уже совсем стемнело, когда Федор вошел в желтое здание, некогда отеля «Променад» для заезжих купцов, а теперь, когда достроили третий этаж и заменили бархатные портьеры на нейлоновые шторы,— гостиницу «Гусь» горкоммунхоза.

В холле под громадной, в натуральную величину, копией картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына» томились, как погорельцы, неустроенные клиенты. Директора с ящиком никто за директора не посчитал, и тот без помех прошел к себе в кабинет. Лишь пышная Дуся, дежурный администратор, взглядом остановила черноусого человека, который протягивал ей заполненный бланк, чтобы получить номер. Администратор Дуся была уверена, что чем меньше жизненных благ, тем лучше ей — их распределительнице, ибо всегда найдется мудрый человек, готовый оценить услуги.

На следующий день директор гостиницы пришел на работу рано. Дуся еще дремала за барьером, в холле на стульях и чемоданах спали неустроенные клиенты. У себя в кабинете директор раскрыл сейф, где ночевала установка, изобретенная профессором Минцем, и поставил ее на стол. Потом включил в сеть. И тут раздался телефонный звонок: звонил сам Белосельский.

— Что будем делать, Ласточкин? — спросил он.

— Разместим,— ответил спокойно Федор.

Белосельский вздохнул и предупредил:

— Учти, без безобразий. Чтобы прежних постояльцев силой не выселять. Имей в виду, что лозунг «цель оправдывает средства» придумали иезуиты, средневековые мракобесы. Нам с ними не по дороге.

— Никаких иезуитов,— ответил Ласточкин.— Я даже думаю, что свободные номера останутся.

— Ну-ну,— сказал Белосельский. Его задача заключалась в том, чтобы подчиненные делали свое скромное дело, не нарушая принципов гуманизма. А детали — это их забота.

Установка работала. Мигала лампочками и тихо гудела, как положено фантастической машине. Повесив трубку, Ласточкин принялся нажимать кнопки...

Через полчаса он вышел в холл. Погорельцы ютились под картиной. Дуся красила в голубой цвет накладные ресницы. Ее золотые перстни нагло поблескивали под утренним солнцем. Она была тяжелым наследством, доставшимся от старого директора.

— Вы свободны на сегодня,— сказал Ласточкин.— Места буду распределять я сам.

— Чего там распределять,— ответила Дуся.— Нету мест.

Федор спорить не стал. Он дождался, пока Дуся покинет гостиницу, и открыл книгу регистрации. Вытащил из кармана записку с таинственными значками и быстро перенес их на страницу книги, вышел на улицу, сорвал никелированную вывеску «Свободных мест нет», прикрепил на ее место листок бумаги с надписью «Свободные места есть», вернулся в холл, от двери обратил свой взор к просыпающимся погорельцам и сказал им:

— Товарищи, прошу подходить по очереди. Постараемся обеспечить вас жилым пространством.

Последующие три дня были праздником в жизни города. Участники симпозиума с большими значками на груди, изображающими красного рака на голубом фоне, гуляли по улицам, интересовались памятниками архитектуры и плодотворно спорили на пленарных заседаниях. Когда они разъехались, недоверчивый Белосельский инкогнито посетил гостиницу «Гусь» и заглянул в книгу регистрации, в которой не нашел ничего неправильного, а потом и в книгу жалоб и предложений, содержавшую шестнадцать благодарностей директору. После этого на заседании в горисполкоме Белосельский выступил с небольшой

яркой речью о пользе выдвижения молодежи на ответственные посты. В качестве примера привел положительные изменения в работе гостиницы, которой ныне руководит товарищ Ласточкин Ф. Ф.

С тех пор так и повелось. В дни затишья Федор уступал бразды правления администраторам, а когда надвигался большой заезд, отправлял всех по домам и, посидев полчасика в обществе установки профессора Минца, умудрялся разместить и утешить приезжих.

Недовольна была только Дуся. Директор казался ей не более как низким обманщиком и даже грабителем. Она имела достаточный опыт работы в коммунальном хозяйстве, чтобы сообразить, что штучки Ласточкина отдают колдовством и мошенничеством. Она-то знала, что гостиница время от времени вмещает вдвое больше, чем имеет лежачих мест. Поступления в виде личной признательности резко сократились, Дуся разорялась. Но разоблачить директора оказалось не таким уж легким делом. Он правильно вел книги, а в моменты наплыва гостей избавлялся от Дуси. Один раз ей удалось было поймать его за руку, но директор ушел от разговора.

Дело было так. Приехал автобус с туристами из Владивостока, приехал неожиданно, гостиница была полна. Когда Федор вышел, чтобы их разместить, Дуся только сделала вид, будто уходит, а в самом деле сознательно забыла свою сумку и через пятнадцать минут тихонько, на цыпочках, вернулась обратно. Федор был так поглощен работой, что не сразу заметил ее появление. Дуся смогла подойти совсем близко и заглянуть ему через плечо. И увидела, что он выписывает туристу квиток на номер четырнадцатый. На тот самый, куда она только вчера поместила знатную доярку из Вологды. Дусе бы промолчать и продолжить наблюдение, собрать побольше фактов да ударить ими как из тяжелой артиллерии, а она не сдержалась и сразу стала разоблачать:

— Что же вы делаете, Федор Федорович? Там женщина живет, а вы туда мужчину суете! За такое моральное разложение вам не поздоровится!

— Какая женщина? — удивился турист.— Этого я не хочу. Я женат.

— Евдокия Семеновна,— директор гостиницы захлопнул книгу, поднялся и вперил в администра-

торшу недобрый взгляд,— потрудитесь уйти. Знатную доярку я временно перевел в другой номер. Не распространяйте слухов.

Дуся, конечно, взяла сумку и ушла. Но не сдалась. На следующий день, когда директора поблизости не было, она поднялась в четырнадцатый номер, увидела там знатную доярку и без обиняков задала ей вопрос:

— Вас вчера в другой номер переселяли?

— Нет.

— У вас чужой мужчина в номере ночевал?

— Как можно,— ответила доярка, заливаясь румянцем. Она была молода и красива, ее жених остался в Вологде.

— Значит, в двадцать три часа покинул? — спросила Дуся.

— Не было никого,— глаза доярки наполнились слезами.— Как можно!

Дуся поверила и удвоила наблюдение за директором. Тот попался через два дня.

Вот как это случилось.

В гостиницу сообщили, что утром прибудут двад-

цать аквалангистов-любителей, а туристский сезон уже начался, гостиница полна, и Дуся почувствовала, что обычный оптимизм директору изменяет. Она даже подслушала, как он звонил Белосельскому и просил избавить его от аквалангистов, а Белосельский, уверовавший во всемогущество директора, сказал коротко:

— Надо, Федя.

Другому он, может быть, уступил, освободил бы для такого экстренного случая общежитие речного техникума, но Федор начальника избаловал. Начальникам ведь тоже хочется иногда легкой жизни.

Так или иначе, Федор в тот день домой не пошел, а заперся в кабинете. В десять вечера Дуся подкралась к двери и услышала мужские голоса: директор был не один. Дуся приложила к замочной скважине ухо, но слов разобрать не смогла. Тогда она вылезла наружу и подошла к окну. Штора не доставала до подоконника, и Дуся смогла одним глазом заглянуть внутрь. Потом она упала в обморок. А когда пришла в себя от ночной свежести и звона комаров, то сразу же села писать жалобу на директора с требованием немедленно прислать ревизию и достойно наказать мерзавца.

Подводников кое-как разместили на раскладушках, а ревизия явилась в тот же день после обеда, потому что письмо Дуси было очень тревожным.

Ревизия сразу уселась проверять бухгалтерские книги, а директор выскользнул из гостиницы и бросился к профессору Минцу.

— Спасайте,— сказал он.— Не уберегся я от этой кобры по имени Дуся. Навела на меня стихийное бедствие. Как только они пойдут с книгой по номерам, все и откроется.

— Эх,— вздохнул Минц.— Не хотелось мне отрываться от очередного изобретения, но придется. Пошли к Белосельскому. Он человек широкий, печется о нуждах города, будем с ним искренними. Если поверит, тогда, считайте, обошлось. А о ревизии не беспокойтесь. Ничего она не найдет.

Белосельский принял посетителей сразу. Минца он уважал, даже гордился тем, что знаменитый изобретатель предпочел город Великий Гусляр другим городам. К Федору у него тоже было хорошее отношение.

— В гостинице «Гусь» работает ревизия,— сказал Минц, когда они уселись.— Ревизия ничего не найдет.

— Уже написали! — понял Белосельский.— Это, Федор, надо искать внутри коллектива. Внутри коллектива всегда найдется кто-то недовольный реформами и даже стоящий на пути нового.

Федор покорно опустил голову. Он был согласен.

— Ревизия ничего не найдет,— продолжал Минц.— Нарушений финансовой дисциплины нет. Все номера оплачены. Можете мне поверить.

— Тогда чего волнуетесь? — спросил Белосельский с некоторым облегчением.

— А волнуемся потому, что ревизия эта не последняя,— сказал Минц.— И рано или поздно попадется дотошный человек, который обнаружит неладное.

— Но вы же сказали, что ничего такого нет.

— Нарушений нет,— ответил Минц.— А неладное есть. Нам, людям, свойственно гнать от себя тревожные мысли. Вот вы, наверное, давно подозреваете, что в гостинице не все как положено: много лет нельзя было попасть, а теперь попасть можно всегда. Но пока дела шли тихо, вы предпочитали об этом не думать.

— Вы правы,— сказал Белосельский.— Это моя недоработка. Так расскажите мне, в чем дело, будем думать вместе.

— Я расскажу вам все без утайки,— согласился Минц.— Ко мне пришел товарищ Ласточкин и попросил помощи. Я стал думать, как разрешить гостиничный кризис с помощью науки. Сначала я было остановился на методе минимизации.

— Поясните,— попросил Белосельский.

— Поясняю. При методе минимизации мы уменьшаем расстояния между атомами, и любое существо становится в несколько раз меньше. Подобный эксперимент был проведен мною с начальником стройконторы Корнелием Удаловым и прошел нормально, если не считать осложнений в его семейной жизни.

— Погодите, погодите,— возразил Белосельский.— Как так? Вчера я видел Корнелия на заседании. Он же нормального вида.

— Минимизация действует ограниченный период времени, допустим, сутки. Она не вредна для организма. Подвергнутый минимизации индивидуум становится размером с мышь, а потом возвращается в

нормальное состояние. Я полагал, что мы закупим в детском магазине наборы кукольной мебели, сделаем пеленочки, пижамки...

Белосельский недоверчиво покачал головой.

— Вот-вот,— уловил это движение профессор Минц.— Я тоже подумал о трудностях организационного порядка. Каждому придется объяснять, в чем дело, создать кладовые для личных вещей. А что, если командировочный захочет сходить в город за сувенирами? А если у него незапланированное совещание?

— Нет,— резко сказал Белосельский.— Простите, Лев Христофорович, но добра я на это не дам. Не позволю.

— И правильно сделаете,— согласился Минц.— Я себе этого тоже не позволил. Но сейчас делюсь с вами воспоминаниями о том, как смело движется моя мысль.

— Это правда,— согласился Белосельский.— Очень смело.

— Отвергнув первую идею, а затем и восемь других, о которых я распространяться не буду, я остановился на самой чистой, элементарной и в то же время сумасшедшей идее. На идее параллельных миров.

— Но разве это не антинаучно? — спросил Белосельский.

— Это научно,— возразил Минц.— И доказательством тому наша гостиница.

— Попрошу подробнее,— сказал строго Белосельский.— Раз уж ревизия работает, я должен быть в курсе всех деталей.

— Деталей немного. Вы должны мне поверить, что наша Земля далеко не единственна во Вселенной. Существует множество миров, которые движутся ей параллельно в иных измерениях. Так вот, я изобрел прибор, который позволяет выходить на связь с теми из параллельных миров, которые нам особенно близки. Там тоже есть город Великий Гусляр, гостиница «Гусь» и прочие наши реалии.

— И я есть? — спросил Белосельский.

— Разумеется. Хотя и не в точности. Может быть, в одном мире вы уже женаты, в другом у вас есть усы, в третьем еще что-нибудь.

— Любопытно,— прошептал Белосельский задумчиво и коснулся пальцем верхней губы.

— Различия между мирами все-таки существуют. На этом мы и построили наш эксперимент. Допустим, если сегодня у нас симпозиум по разведению раков, то на Земле-два он начнется только завтра, а на Земле-три вместо него вчера завершилась уже встреча экспертов подледного лова крокодилов.

— Ясно! — сказал Белосельский.— И сегодня у них там гостиница пустует.

— Я поражен вашей догадливостью,— сказал Минц.— Вы настоящий мыслитель.

— Ну что вы,— возразил Белосельский.— Но как же клиентов перевозить?

— В этом и заключается мое изобретение. Надо найти точки соприкосновения между мирами, а они существуют во множестве. И найдя, использовать. Приходит клиент в номер, где уже, допустим, живет знатная доярка, открывает дверь, но в тот номер не попадает, а оказывается в таком же номере, только на другой Земле. А уж администрация той гостиницы должна позаботиться, чтобы, выходя из комнаты, он вернулся на нашу Землю.

— Великолепно,— признался Белосельский.— Но рискованно.

— Как и все новое, наш эксперимент может вызвать толки и недоброжелательство. Вы думаете, только на нашей Земле ревизия? Наивно. Сейчас работают по меньшей мере три ревизии.

— И три Дуси? — вдруг спросил Федор Ласточкин.

— Может, и больше. Да что там разговаривать. Сейчас вы убедитесь.

Минц извлек из кармана миниатюрный пульт и нажал на кнопку. В глазах Белосельского возникло странное дрожание, стены заколебались, и он на мгновенье потерял сознание. Когда же пришел в себя, то увидел, что кабинет как бы расслоился, не изменившись, правда, в размерах. И в кабинете находятся три профессора Минца, три Федора Ласточкина и еще два Белосельских (один при усах). Белосельские внимательно посмотрели друг на друга. Федоры улыбнулись друг другу приветливо, потому что давно уже были знакомы и не раз совещались вместе, как разместить клиентов,— не зря же Дуся упала в обморок, увидев в кабинете Ласточкина сразу трех директоров. А профессоры Минцы вежливо наклонили го-

ловы, с уважением глядя друг на друга. Ведь это они изобрели способ преодоления гостиничного кризиса.

— Что будем делать с ревизиями? — спросил один из Федоров. Белосельский не знал, какой из них, уж очень похожи.

— Не в этом дело,— услышал он собственный голос.— Есть проблемы и поважнее. Кто одолжит мне на неделю асфальтовый каток?

— Если у тебя найдется полтонны кровельного железа,— ответил ему второй Белосельский,— то катком я тебя обеспечу.

— Остался пустяк,— сказал третий Белосельский.— Что будем делать с Дусями?

О ЛЮБВИ К БЕССЛОВЕСНЫМ ТВАРЯМ

В то июньское утро Корнелий Удалов проснулся рано. Настроение было хорошее, в теле бодрость. Он потянулся и подошел к окну, чтобы посмотреть, какая погода.

Погода была солнечная, безоблачная, располагающая к действиям. И окинув взглядом небо, Удалов поглядел вниз, во двор.

Посреди двора стоял небольшой бегемот. Он мерно распахивал розовую пасть, обхрупывая цветущий куст сирени.

— Эй,— сказал Удалов негромко, чтобы не разбудить домашних.— Так не годится.

Сирень выдалась пышная, а бегемоту куст — на один зуб.

Бегемот Удалова не слышал, и поэтому Корнелий Иванович, в одной пижаме, выскочил из комнаты, побежал вниз по лестнице и только перед дверью спохватился: что же это я делаю? Бегу на улицу в одной пижаме, словно у нас на дворе бегемот. Если кому расскажешь, смеяться будут. Ведь у нас во дворе отродясь не было бегемотов.

Удалов стоял перед дверью и не решался на следующий шаг. Следовало либо приоткрыть дверь и убедиться, что глаза тебя не обманули, либо отправиться обратно, чистить зубы и умываться.

Вот в этой нерешительной позе Удалова застал Александр Грубин, сосед с первого этажа, который услышал топот и заинтересовался, кому топот принадлежит.

— Ты что? — спросил он.

— Стою,— сказал Удалов.

— Так ты же бежал.

— Куда?

— На улицу бежал. Там что-нибудь есть?

Удалов чуть было не ответил, что там бегемот, но сдержался.

— Ничего там нет,— сказал он.— Не веришь, посмотри.

— И посмотрю,— сказал Грубин, отводя рукой Удалова от двери. Он приоткрыл дверь, а Удалов отступил на шаг. Пышная, лохматая шевелюра Грубина, подсвеченная утренним солнцем, покачивалась в дверном проеме. Сейчас, сказал себе Удалов, он обернется и скажет: «И в самом деле ничего».

— Бегемот,— сказал, обернувшись Грубин.— Так он у нас всю сирень объест. И как назло ни палки, ничего.

— Ты его рукой отгони, он смирный,— у Корнелия от сердца отлегло: лучше бегемот, чем сойти с ума.

Грубин вышел на солнце, Удалов следом. Грубин широкими шагами пошел через двор к бегемоту, Удалов остался у стены.

— Эй! — сказал Грубин.— Тебе что, травы не хватает?

Бегемот медленно повернул морду — из пасти торчала лиловая гроздь.

Грубин остановился в трех шагах от бегемота.

— Ну иди, иди,— сказал он.

Растворилось окно на втором этаже.

— Это чье животное? — спросил старик Ложкин.

— Сам пришел,— сказал Удалов.— Вот и прогоняем.

— Разве так бегемотов прогоняют? — спросил старик Ложкин.

— А как?

— Сейчас я в Бреме погляжу,— сказал старик Ложкин и исчез.

— Мама! — закричал сын Удалова Максимка, так же высунувшийся из окна.— Мама, погляди, у нас бегемот.

— Иди мойся,— послышался изнутри дома голос Ксении Удаловой.— Куда это Корнелий ни свет ни заря навострился?

Голос Ксении приблизился к окну. Удалов вжался в стену: в пижаме он чувствовал себя неловко.

— Ой! — сказала Ксения пронзительным голосом.

Бегемот испугался, отворил пасть и уронил сирень на землю.

— Он папу съел? — спросил Максимка.

— Корнелий! — закричала Ксения, высовываясь по пояс из окна и заглядывая в бегемотову пасть, словно надеялась увидеть там ноги Удалова.

— Ксюша,— сказал Удалов, отделяясь от стены,— бегемоты, как известно, травоядные.

— Балбес! — откликнулась Ксения.— Я тебя в бегемоте гляжу, а ты, оказывается, по улице в голом виде выступаешь? Где на нем написано, что он травоядный? Может, он тебя за траву считает? Вон будку какую нагулял... Грубин, гони его со двора! Детям скоро в школу.

— Погодите,— вмешался старик Ложкин, появляясь в окне с коричневым томом Брема в руках.— Бегемоты совершенно безопасны, если их не дразнить. Кроме того, перед нами молодая особь, подросток. Грубин, измерь его в длину.

— Чем я его измерю?

— Руками,— сказал Ложкин.

— Я его трогать не стану. Дикое же животное.

— Откуда у нас на дворе дикое животное? — спросил Ложкин.— Ты соображаешь, Грубин, что говоришь? Он что, своим ходом из Африки пришел?

— Не знаю.

— Тот-то. Цирковой он. Я по телевизору смотрел, как в цирке бегемоты выступают.

— Правильно,— добавила старуха Ложкина.— Выполняют функцию слона, только размером экономнее. А ты бы, Грубин, пошел штаны надел. В одних трусах по общественной площадке бегаешь. К тебе, Корнелий Иванович, это тоже относится.

— Ну! — поддержала старуху Ложкину Ксения.— Докатился!

— Так бегемот же на дворе,— сказал Удалов, послушно отправляясь к дому.

Когда минут через десять Удалов вернулся на двор, возле бегемота стояли Ложкин и Василь Васильич, а также гражданка Гаврилова. Думали, что делать. В руке у Ложкина был Брем. В руке у Василь

Васильича — длинная палка, которой он постукивал бегемота по морде, чтобы сохранить сирень.

— Стоит? — спросил Удалов.

— Куда же ему деться?

— Так, говоришь, в цирке выступает? — спросил Василь Васильич Ложкина.— Значит, ему приказать можно?

— Попробуй.

— Сидеть! — приказал бегемоту Василь Васильич.

Бегемот потянулся к сирени, и снова пришлось легонько стукнуть его палкой по ноздрям.

— Где же его цирк выступает? — спросил Удалов.

— Где угодно, только не в нашем Гусляре,— сказал вернувшийся Грубин.— Я точно знаю. Цирк уж месяц как закрыт.

— Мужчины, скоро его со двора прогоните? — крикнула сверху Ксения Удалова.— Что,мне за милицией бежать прикажете?

— Из зоопарка,— сказала Гаврилова.— Я точно знаю.

— Ближайший зоопарк в трехстах километрах. И все больше лесом,— возразил Грубин.— Вернее всего это животное синтетическое, теперь химия достигла громадных успехов. Может быть, где-то здесь уже целая фабрика работает. Смешивают белки и аминокислоты.

Бегемот с тоской и укором взглянул на Грубина. Тот замолчал.

Удалов взял у Василь Васильича палку и стал подталкивать бегемота в бок. Делал это он не очень энергично и с опаской. Раньше ему не приходилось гнать со двора бегемотов.

— Мое терпение лопнуло! — пригрозила из окна Ксения.

Бегемот глядел на Удалова. Из маленьких глаз текли крупные густые слезы.

— Погоди, Корнелий,— сказал Василь Васильич.— Ты же его палкой по морде, как корову. Нехорошо получается.

— Вдали от дома, от семьи,— сказала старуха Ложкина.— Одинокий подросток, а что он будет в лесу делать?

— Пропустите,— сказал детский голос.

Сквозь тесную группу жильцов прошел сын Уда-

лова Максимка. Он прижимал к груди батон. Поравнявшись с отцом, Максимка остановился и поглядел Корнелию в глаза. Удалов безмолвно кивнул.

Двумя руками Максимка протянул бегемоту батон, и животное, после некоторого колебания, словно не сразу поверив в человеческую доброту, приоткрыло пасть и приняло дар.

Затем Максимка достал из кармана школьной курточки чистый носовой платок и утер бегемоту слезы. Удалов громко кашлянул и сообщил соседям:

— Мой сын.

...К вечеру освободили от рухляди сарай в углу двора. Когда-то там стоял мотоцикл Петросяна, да потом Петросян уехал из Гусляра и в сарай складывали, что не нужно, но жалко выкинуть.

В старое корыто налили воды, а в детскую ванночку собирали пищу — у кого остался недоеденный суп или овощи. Дверь в сарай закрывать не стали, чтобы бегемот не скучал.

К вечеру полгорода знало, что в доме шестнадцать по Пушкинской живет приблудный бегемот, неизвестно чей, не кусается, питается пищевыми отходами. Люди с других улиц приходили посмотреть. Экскурсиями ведал Ложкин: как пенсионер он был свободнее других.

На следующее утро в городской газете появилось такое объявление:

«Найден молодой бегемот.

Масть серая, на клички не отзывается.
Владельца просят обращаться по адресу:
г. Великий Гусляр, Пушкинская ул., 16, вход со двора».

Никто на объявление не откликнулся. Дали телеграмму в областной зоопарк, запрашивали, не потеряли ли там бегемота. Если потеряли, то можно взять обратно в целости.

А тем временем проходили дни. Бегемот много ел, спал, гулял, узнавал Максимку; ходил с ним гулять к колонке, где Максимка обливал его водой и тер щеткой. Как-то через неделю Грубин с Василь Васильичем взяли с собой бегемота на пляж. Была сенсация. Бегемоту на пляже нравилось, он опускался

в реку Гусь по самые ноздри, ребятишки забирались на широкую спину и ныряли. Спасатель Савелий, играя мышцами, сказал Грубину:

— Может, уступишь нам его заместо дельфина, вытаскивать утопших?

— Нет,— ответил Грубин.— Спасибо за предложение.

— Почему же? — удивился Савелий.— Мы ему зарплату определим, пойдет на благоустройство вашего двора.

— Во-первых,— сказал Грубин,— бегемот не наш. Во-вторых, он по сравнению с дельфином — круглый дурак. Еще потопит кого. Ты где-нибудь читал, чтобы бегемоты людей спасали?

— Ничего я не читал,— признался Савелий.— Некогда. Дела.

В последующие дни были другие события: ночью бегемот убежал, и его поймали с фонарями у самой реки, еще через день он наступил на кошку, и пришлось кошку везти к ветеринару, в четверг он догнал Гаврилову, схватил сумку с продуктами и проглотил целиком, включая пачку стирального порошка «Лотос», отчего целый день из бегемота шла пена. В пятницу он забрался на кухню к Василь Васильичу и выпил горячий суп из кастрюли на плите — потом ему мазали язык сливочным маслом. В субботу жильцы дома № 16, охваченные грустью, сошлись на совещание.

— Разумеется,— сказал Ложкин,— мы ставим эксперимент для науки и делаем благородное дело...

— Принюхайся, сосед,— перебил его Удалов. Во дворе сильно пахло хлевом. Бегемот, как и всякое живое существо, не только ел.— Жаль, что он не синтетический, как Грубин предполагал.

— Я от своей теории не отказываюсь,— сказал Грубин.— Вы даже представить не можете могущества современной химии.

— И кормить его не очень просто,— сказала жена Ложкина.— Мы теперь себя даже ограничиваем.

— А куда его денешь? — сказал Удалов.— Куда, спрашивается? Что ответил на нашу телеграмму областной зоопарк?

Все помолчали. Ответ на бланке читали и обижались, но работников зоопарка тоже можно понять. Как бы вы на их месте ответили людям из северного

городка, которые запрашивают, что им делать с бегемотом? Ясно, как бы вы ответили? Вот они и ответили.

— А я сегодня на животноводческую ферму ходил,— сказал Василь Васильич.

Бегемот высунул из сарая тупую морду и тихонько замычал. Требовал, чтобы его вели к колонке. Удалов отмахнулся.

— Ну и что на ферме?

— Отказались. Наотрез. Бегемот, говорят, молока не дает, а вкусовые качества его мяса под большим сомнением.

— То есть как под сомнением? — удивился Грубин.— Они что, резать его хотели?

— Я бы не дал,— сказал Василь Васильич.— Вы не думайте. Но вообще-то говоря, они скот держат либо за молоко, либо за мясо, либо за шерсть. Четвертого им не дано.

Бегемот выбрался из сарая, подошел поближе.

— Ну вот, опять жрать захотел,— сказал Ложкин.

На двор вышла Гаврилова с миской щей. Бегемот увидел ее и поспешил за кормежкой, раскачивая толстым задом.

— Вот что,— сказал наконец Удалов.— Я завтра перед работой зайду в домоуправление за справкой, что у нас обитает бегемот. С этой справкой ты, Ложкин, съездишь в область, пригласишь сотрудника из зоопарка. Ведь должны они документу поверить.

На том и порешили. Бегемот в тот вечер обошелся без купания. А Удалов лег спать в смятении чувств, долго ворочался и вздыхал...

...Он встал в сиреневой мгле разбитый и злой. Вспомнил, что его очередь убирать за скотиной. Взял в коридоре поганое ведро и метлу и отправился через двор к сараю.

— Небось дрыхнешь,— сказал он, заглядывая в теплый, пропахший бегемотовым навозом сарай. Он ожидал услышать знакомый храп, но в сарае было совсем пусто.

Удалов сразу же выглянул во двор — не открыты ли ворота? Не хватало, чтобы бегемот выскочил на улицу и пошел сам купаться. Еще с машиной столкнется.

Но ворота были закрыты.

— Эй, толстый,— сказал Удалов.— Ты где прячешься?

Никакого ответа.

Тревожное чувство подкатилось к груди Удалова.

На полу, на перевернутом корыте, лежала записка:

«Дорогие друзья!

Простите за то, что, по незнанию языка, я не мог с вами объясниться и сразу поблагодарить за заботу обо мне, бессловесной твари, за человеческое тепло, которым вы окружили меня в этом скромном доме. Как приятно сознавать, что, несмотря на значительную разницу в форме тела и габаритах, вы не пожалели разделить со мной кров и великолепную пищу. Вот воистину замечательный пример галактического содружества! Я не понял ни слова из того, о чем вы говорили в моем присутствии, но дружеские интонации убедили меня в вашей отзывчивости. Благодарю судьбу за то, что она заставила мой космический корабль потерпеть крушение именно над вашим домом! Теперь за мной прилетели друзья, они перевели мою скромную благодарность на ваш язык, и я спешу присоединиться к ним. Но ненадолго. Как только я объясню им ситуацию, они прибудут к вам в гости, потому что я хочу доказать им, что самые добрые и щедрые существа в Галактике обитают именно в доме № 16 по Пушкинской улице.

Искренне ваш Тримбукаунл-пру».

— Ну и дела,— сказал Удалов, дочитав записку.— Может, даже лучше, что бегемот ничего не понял. Мы же его за дурака принимали. А это любому неприятно.

Надо было будить соседей, рассказать им, что произошло, и вместе с ними порадоваться. Но тут ворота затрещали и упали внутрь.

Во двор входило целое стадо бегемотов. Разного роста и толщины бегемоты толпились, чтобы скорей добраться до Удалова и подивиться на самых добрых людей в Галактике.

— Погодите! — воскликнул Удалов, вздымая руки.— Вы же меня растопчете.

Два бегемотика уже бросились к сирени и принялись доедать куст, громадный бегемот в синих очках

походя сломал березку и хрупал ее, как былинку, остальные запрудили двор и вежливо ждали, когда их начнут угощать завтраком.

Удалов почувствовал, что теряет сознание...

Светило солнце. Было утро. За окном тихо.

Сон. Всего-навсего. Ну и ладушки. Что-то надо сделать? Ага, сегодня его очередь убирать за бегемотом.

Удалов спустился вниз, взял поганое ведро и метлу и пошел через двор к сараю.

Бегемот еще спал. Он лежал на боку и громко храпел.

Удалов стал убирать навоз и думал, что сегодня придется остаться без завтрака, надо успеть до работы получить справку в домоуправлении, что во дворе живет бегемот, а не плод коллективной галлюцинации. И пора Ложкину собираться в зоопарк. Скучает животное в одиночестве, да и дом долго не выдержит такого гостя.

Бегемот всхлипнул во сне и медленно перевернулся на другой бок. Удалов замер, опершись о метлу. Печальная мысль пришла ему в голову:

...Вот свезем мы его в зоопарк, а прилетят его товарищи? Что мы им скажем? Что отдали астронавта в зверинец, поместили в клетку на потеху толпе?

А что они нам на это ответят?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Марсианское зелье ——————————————— 6
Нужна свободная планета ——————————— 163
Глубокоуважаемый микроб ——————————— 223

РАССКАЗЫ

Поступили в продажу золотые рыбки ———— 363
Ленечка-Леонардо ——————————————— 385
Ретрогенетика ——————————————————— 392
Родимые пятна ——————————————————— 401
Кладезь мудрости ————————————————— 413
Космический десант ——————————————— 427
Паровоз для царя ————————————————— 434
Свободные места есть ————————————— 444
О любви к бессловесным тварям ———————— 455

Литературно-художественное издание

Кир БУЛЫЧЕВ
(Игорь Всеволодович МОЖЕЙКО)

ВЕЛИКИЙ
ГУСЛЯР

Повести
Рассказы

Для среднего
и старшего школьного возраста

Редактор *М. А. Зеленкова*
Художественный редактор *К. С. Ракицкий*
Технический редактор *Г. Ф. Дубровская*
Корректоры *Д. Р. Лосик, Л. К. Поплавская*

Сдано в набор 26.02.93. Подписано к печати 28.07.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Школьная. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,78. Уч.-изд. л. 24,50. Тираж 15 000 экз. Зак. 101.

Издательство «Юнацтва» Министерства культуры и печати Республики Беларусь. Лицензия ЛВ № 7. 220600, Минск, Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

Кир Булычев **Великий Гусляр**